

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО

НГАНАСАНСКИЙ ЯЗЫК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО

НГАНАСАНСКИЙ ЯЗЫК

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979

Ответственный редактор

В.А.Аврорин

Численность и расселение нганасанов. Нганасанский язык относится к самодийской семье языков, куда помимо него входят ненецкий, энецкий и селькупский языки. Нганасаны - народность, издавна населяющая северную часть Таймырского полуострова. По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1970 г., нганасанов насчитывалось тысяча человек; родным языком считает нганасанский 75,4%, свыше 50% говорит только по-нганасански.¹

Основная часть нганасанов живет на территории Дудинского (бывшего Авамского) района (авамские нганасаны), меньшая (примерно одна четверть) - на территории Хатангского района (хатангские или вадеевские нганасаны), небольшая группа нганасанов - в Моронцовском сельсовете Усть-Енисейского района Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Красноярского края.

О названиях и самоназваниях нганасанов. Название "нганасаны" образовано в советское время от слова нэнэ"санэ" 'люди' (единственное число нэнэ"са 'человек') и является официальным наименованием народности. В дореволюционное время нганасаны были известны под именем «самоеды-тавгийцы» или просто «тавгийцы»; данный термин и до сих пор употребляется зарубежными языковедами. Слово «тавгийцы» восходит к ненецкому тавы" (множественное число тавыс") - так ненецки именуют нганасанов. Находящиеся в наиболее тесном общении с нганасанами энцы называют их таубу". Последнее слово, по мнению И.И.Прокофьева, увязывается с саяно-самодийским туба 'люди'.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, областей и национальных округов. М., 1973, с. 10.

Нганасаны объединяются единым самоназванием ня" (единственное число ня). Высказывавшееся в литературе мнение о том, что авамские нганасаны называют вадеевских ася (множественное число ая") по якобы их самоназванию, следует признать ошибочным. Слово ася (множественное число у авамских нганасанов - адя", у вадеевских - ая") употребляется обеими группами нганасанов по отношению к долганам. Что касается термина 'младший брат', то по-нганасански он звучит надя и с самоназванием народности не связан. В действительности авамские нганасаны называют вадеевских бадіаде" (единственное число бадіаде).

Авамские и хатангские нганасаны свободно понимают друг друга. Различия в их языке сводятся в основном к регулярным звуковым соответствиям, например, среднеязычному д' в языке авамских нганасанов в хатангском соответствует звук j, звуку э - звук э и др. Лексические различия в языке обеих групп весьма незначительны и сводятся к отдельным словам и их формам. Так, в качестве примера отличительных особенностей своего языка хатангские нганасаны обычно приводят слово тороудя 'работать' с его производными формами в противовес авамскому нойбуудя в том же значении (хотя авамские нганасаны знают и слово тороудя); послеложное местоимение 'к ним-многим' в языке авамских нганасанов звучит как дязетуң, а в языке хатангских как язетуң и т.д. Характерно, что значительное единообразие языка основных групп нганасанской народности не оспаривается и самими нганасанами.

Население полуострова Таймыр является весьма пестрым по своему этническому составу. На территории Таймырского автономного округа живет около 60 различных народов и народностей. Из них нганасаны наиболее тесно связаны с энцами, долганами, ненцами. В послереволюционное время развились и укрепились связи с русскими, благодаря чему усиливается влияние русского языка на язык нганасанов, преимущественно в области лексики. Значительное большинство нганасанов прочно сохраняет владение нганасанским языком, но многие сейчас говорят и по-русски, а некоторые также по-долгански.

Нганасанский язык является языком устного общения, он применяется в быту, в производственной и общественно-политической сферах, на нем ведутся передачи по радио.

О происхождении нганасанов и других самодийских народов. Нганасанский язык, как на это уже указывалось, вместе с ненецким, энецким и селькупским языками принадлежит к группе самодийских язы-

ков. В прошлом сюда же входили языки ряда самодийских племен Саянского нагорья: маторов, тайги, карагасов, койбал, котовцев, камасинцев, о чем наглядно свидетельствуют небольшие глоссарии, собранные в XVII-XIX вв. путешественниками по Сибири Ф.И.Страленбергом, П.С.Палласом, Г.Ю.Клапротом. Впоследствии все эти племена подверглись ассимиляции со стороны тюркоязычных соседей. Дольше других сохранялся камасинский язык, который поэтому и описан довольно полно.

По установившемуся в науке мнению, самодийские языки вместе с финно-угорскими образуют уральскую языковую семью. Некоторыми исследователями сюда же относится и язык икагиров. Существуют различные гипотезы о местонахождении уральской прародины и времени распада уральского праязыка, высказывавшиеся языковедами, историками, этнографами, археологами, географами, антропологами: Ф.И.Страленбергом, И.Э.Фишером, М.А.Кастреном, К.Доннером, Ф.И.Видеманом, Д.В.Бубрихом, А.П.Дульзоном, Э.Итконеном, А.Й.Йоки, Д.Ласко, Э.Мольнаром, П.Хайду и другими.²

Что касается вопроса о происхождении современных самодийских народностей, то здесь также имеется ряд мнений, ни одно из которых не встречает общей поддержки. Большое количество приверженцев находит южная (или саянская) гипотеза. Ее придерживался, в частности, Г.Н.Прокофьев, который писал: "... в согласии с мнением Кастрена мы считаем, что современные нам самодийские народности (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы) являются потомками самоедских племен Саянского нагорья. В связи с историческими событиями, известными под названием Великого переселения народов, значительная часть этих племен, говоривших на близких друг другу диалектах единого языка, была вытеснена (очевидно, во II столетии нашей эры) под напором восточных кочевников с прежних мест своего обитания и ринулась на север - в междуречье Оби и Енисея".³

При этом теория Фишера-Кастрена получила в работах Г.Н.Прокофьева необходимые уточнения. В соответствии с указанной точкой зрения существующие в настоящее время самодийские народ-

² Подробнее см. в кн.: Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, с. 20-42.

³ Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Ч. 1. Л., 1935, с. 14.

ности образовались в результате смешения потомков обитавших на Саянах самодийских племен с аборигенами Крайнего Севера, заселявшими территорию Обь-Енисейского бассейна. В своем вынужденном продвижении со склонов Саянского нагорья на север и северо-запад самодийские племена постепенно разобшались, сталкивались и смешивались с населением занимаемых ими местностей. В этом процессе складывались современные самодийские народности, каждая из которых прошла свой особый путь исторического развития.⁴

Сторонниками указанной теории являются также видный этнограф Б.О.Долгих, обследовавший северные народности Сибири,⁵ некоторые антропологи и ряд других ученых.

В противовес саянской теории происхождения самодийцев в последние десятилетия выдвинута гипотеза, согласно которой прародина этих народностей лежит к западу от Уральского хребта. Строится она на основании лингвистических, этнографических, археологических и антропологических данных. Привлекаются также материалы из области топонимики. Обоснование этой гипотезы отчетливо мотивируется в трудах академика А.П.Окладникова.⁶ В пользу ее высказался также этнограф В.Н.Чернецов.⁷ В основном анало-

---

⁴ См.: Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов). - В кн.: Советская этнография. М. -Л., 1940. - В состав аборигенных племен, ассимилированных самодийцами, входили, по его мнению, предки палеоазиатских народностей (чукчей, коряков, вкагиров) и эскимосов. Эту особенность теории Г.Н.Прокофьева подчеркивает и Л.В.Хомич в монографии "Ненцы" (М.-Л., 1966, с. 30).

⁵ Долгих Б.О. Происхождение нганасанов. - В кн.: Сибирский этнографический сборник. № 1. Труды Института этнографии. нов. сер. 1952, т. XVIII, М., с. 5-87.

⁶ Окладников А.П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея. (К вопросу о происхождении самодийских племен). - "Советская археология", 1957, № 1.

⁷ Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности. - В кн.: *Congressus internationalis finno-ugristarum budapestini habitus*, 20-24 IX 1960. Budapest, 1963, с. 405-411.

гичного взгляда на данную проблему придерживается и известный венгерский языковед П.Хайду.⁸ Имеющиеся в литературе точки зрения на прародину самодийцев обстоятельно изложены в работе А.И. Кузьминой.⁹ Таким образом, вопрос о происхождении самодийских народностей представляется спорным, и для окончательного разрешения его требуются дальнейшие всесторонние исследования. Следует, однако, указать, что в отношении продвижения самодийских племен с Саянского нагорья на северо-запад как определенном этапе их формирования разногласий среди ученых, по существу, не возникает.

В этой весьма сложной проблеме, пожалуй, наименее ясным является вопрос об этногенезе нганасанов.

Нганасаны состоят из двух племенных групп: авамских и вадеевских (или хатангских) нганасанов и отдельного рода Окко. Каждое из племен подразделялось на ряд родов: в состав авамских нганасанов входило пять родов, в состав вадеевских — шесть. При этом роды у авамских нганасанов были более многочисленны, чем у вадеевских.

Нганасаны считают себя аборигенами Таймырского полуострова. Этому же мнения придерживаются и исследователи. Так, по словам И.С.Гурвича, "... Таймыр задолго до прихода русских был областью, где преобладало влияние самодийской культуры и самодийского языка".¹⁰

В формировании нганасанов помимо потомков самодийских племен приняли участие и другие народности. Например, А.Миддендорф указывает на предание, в соответствии с которым предками вадеевских самоедов (т.е. нганасанов) явились осамоедившиеся тунгусы, ранее обитавшие в верховьях рек Хеты и Хатанги.¹¹

---

⁸ Hajdú P. The samojed Peoples and Languages. - Indiana University. Uralic and Altaic Series, 1963, vol. 14, p.42-52.

⁹ Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Ч. I. Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974, с. 39-53.

¹⁰ Гурвич И.С. К вопросу об этнической принадлежности древнего населения между Енисеем и Леной. - В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов несоюзной конференции. Новосибирск, 1973, с. 106.

¹¹ Dr.A.v.Middendorff's Sibirische Reise. Band IV.Übersicht der Natur Nord und Ost-Sibiriens. Teil 2. SPb., 1875, S. 1448.

Из материалов Б.О.Долгих, полученных им на основании архивных источников, явствует, что предками вадеевских нганасанов были тунгусские племена, в частности "тунгусы князца Келюнды". При этом, как показывает разный характер личных имен представителей более старшего и более молодого поколения последней группы, "... в 1768 г. процесс их перехода с тунгусского языка на самоедский (нганасанский) был еще в самом разгаре".¹² По весьма существенному уточнению Б.О.Долгих, это было "... отунгусшенное, но аборигенное палеоазиатское по происхождению племя".¹³

Явно долганским по своему происхождению является отдельный род Окко, тяготевший к вадеевским нганасанам, но не входивший ни в одну из нганасанских племенных групп.¹⁴

Что касается авамских нганасанов, то они сложились из двух групп, которых русские в XVII в. называли самоедами, но которые, вероятнее, представляли ассимилированных самоедами аборигенов палеоазиатов, и трех групп, тунгусских по происхождению, - их русские в первое время не считали самоедами. Из этих групп одна (тидирисы) вышла, вероятно, на Таймыр с юга, а две другие (обе части тавгов) - с востока или юго-востока. Есть целый ряд оснований видеть, по крайней мере в тавгах, не просто тунгусов, но также палеоазиатские аборигенные группы, лишь ассимилированные тунгусами".¹⁵

Характерно, что, по передающемуся у нганасанов из поколения в поколение мнению, один из родов авамских нганасанов "эмту"суо родствен по своему происхождению тундровым энцам маду. Особенно велика близость с энцами маду у самых западных нганасанов.

В целом происхождение нганасанской народности вырисовывается в следующем виде: нганасаны являются потомками ассимилированного самодийскими племенами древнего палеоазиатского населения северной Азии, бывшего ко времени продвижения самодийцев на Таймыр уже частично тунгусоязычными, и пришедших с юга тунгусов, также подвергшихся сильнейшему самодийскому влиянию.¹⁶

---

¹² Долгих Б.О. Происхождение нганасанов, с. 23.

¹³ Там же, с. 87.

¹⁴ Там же, с. 19-20.

¹⁵ Там же, с. 57.

¹⁶ Там же, с. 86-87.

Близкой точки зрения придерживается И.С.Гурвич: „Область между Леной и Енисеем, — пишет он, — ... до вторжения в арктическую тундру восточных тунгусов, видимо, была зоной непосредственного соприкосновения западно-якагирских племен, осваивавших территорию от Лены до Таймыра, и самодийских и ассимилированных ими групп, занимавших Таймыр и прилегающие районы к западу от него. Напомним, что в бассейне р. Пясыды мы встречаемся уже с самодийской топонимикой".¹⁷

О наличии значительного несамодийского компонента в составе нганасанской народности отчетливо свидетельствуют особенности в ее материальной, отчасти духовной культуре, в выполнении культовых обрядов. Основное место в хозяйственной деятельности нганасанов до недавнего прошлого занимали охота и рыболовство. Особенно широко была распространена у них коллективная охота на диких оленей, проводившаяся нередко совместно с энцами. Несмотря на довольно значительное количество домашних оленей (в конце XIX в. нганасаны были наиболее богатой в этом отношении народностью Таймыра), они прочно сохраняли традиции пеших охотников. В отличие от ненцев, классических представителей санного оленеводства, у нганасанов было и верховое оленеводство, столь типичное для эвенков и эвенов. Имелись отличительные черты в одежде, орудиях промысла, сезонных занятиях нганасанов, нашедшие отражение в нганасанском календаре.

По мнению этнографов, в хозяйстве и культуре нганасанской народности отчетливо просматриваются якагирские элементы. Этнографами неоднократно подчеркивалось также сходство в материальной культуре нганасанов и эскимосов, например, в отношении верхней одежды, некоторых украшений. Лингвистические данные также, на наш взгляд, указывают на определенное структурно-типологическое сходство между языками этих народностей в ряде существенных моментов грамматического строя (агглютинативное построение слова; генетическая общность лично-притяжательных формантов и личных суффиксов субъектно-объектного спряжения, типичные для обоих этих языков; многообразие групп отыменных глаголов в ряде случаев с близкой семантикой; словообразовательное значение парадигмы при определении именных или глагольных основ; близкое употребление отдельных словообразовательных форм,

---

¹⁷ Г у р в и ч И.С. К вопросу об этнической принадлежности, с. 106.

например формы, указывающей на то, кем или чем был ранее данный предмет: 'бывший нож' - теперь ставший негодным для употребления, 'бывший дом' - уже развалившийся и т.п.). Однако для определения характера связей между данными языками необходимо дополнительное изучение. По ряду этнографических особенностей нганасаны и сейчас во многом отличаются от ненцев. Отличия наблюдаются, например, в некоторых особенностях устройства чума, в типах нарт, в покрое одежды, видах обуви. Традиции санного оленеводства у нганасанов не столь прочны, как у ненцев, в силу чего особое значение в их хозяйственной жизни, как сказано, имеет охота на диких оленей. В отдаленных районах тундры сохраняются некоторые старинные обычаи, в частности, например, пережиточно остается существовавший некогда запрет на собственные имена людей.¹⁸ Запрещается не только называть по имени, но и вообще разговаривать с родителями мужа или жены. Все необходимые переговоры ведутся через их детей. Если требуется что-либо сказать старшему брату жены, к нему обращаются во множественном числе: 'вы знаете', 'вы поедете' и т.д.

Интересен старинный наряд девушки-нганасанки. На шею надевалось серебряное кольцо, к нему привешивалась металлическая пластинка с росписями или рисунками, а к пластинке - бусы, металлические безделушки. Лоб украшало кольцо шириной в 2-3 сантиметра. В уши вдевались серьги, которые вплетались в волосы. Одежда шилась из шкур лучшего качества, ниже пояса верхней одежды спереди прикреплялись дугообразные пластинки из меди или железа (от 4 до 6), тоже с рисунками.

Если парню нравилась девушка, он приходил в чум, садился около нее и просил табаку. При взаимности потихоньку от взрослых обменивались безделушками. Через определенное время после этого парень присылал сватов.

Браки с представителями других народностей (за исключением тундровых энцев), как правило, не допускались: в последние годы эта традиция стала нарушаться и появились отдельные смешанные семьи, в первую очередь нганасанско-долганские.¹⁹

---

¹⁸ Подробнее см.: Терещенко Н.М. Личные имена у нганасанов. - В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 43-44.

¹⁹ Подробнее см.: Долгих Б.О. Родовая экзогамия у нганасан и энцев. - В кн.: Сибирский этнографический сборник. Ю. ш., 1962, с. 200 и сл.

Захоронение производилось на земле. Покойника сажали на нарты; рядом оставляли грузовые нарты со всеми вещами. В каждую нарты впрягали, а потом убивали по два оленя. Женщине, кроме того, оставался чум, мужчине чум не полагался.²⁰

По словам самих нганасанов, одежда и обычаи у них те же, что и у самату (эпцев племени маду), но языки разные: „Ня не понимают самату“.

Из перечисленных этнографических особенностей нетрудно заключить, что, будучи родственными ненцам (как и другим самодийским народностям) по языку, нганасаны отличаются от них по ряду элементов своей материальной и духовной культуры. Это обстоятельство дало основание Б.О. Долгих говорить о том, что самодиичи „... состоят из разных народов“.²¹

И з и с т о р и и и з у ч е н и я н г а н а с а н - о к о г о я з ы к а. Первая научная грамматика языка нганасанов (как и языков других самодийских народностей) составлена одним из зачинателей финно-угорского языкознания М.А. Кастреном.²² Состоит она из двух разделов: фонетики и морфологии. В „Словниках самоедских языков“ приведено около 800 нганасанских слов.²³

Дальнейшее изучение нганасанского языка в послереволюционные годы связано с именем крупного советского этнографа и языковеда Г.Н. Прокофьева. Его грамматический очерк „нганасанский (тавгийский) диалект“,²⁴ несмотря на конспективный характер изложения, диктовавшийся требованиями издания, представляет собой

---

²⁰ О погребальных обрядах у нганасанов см.: Грачева Г.Н. Ранние представления нганасан о человеке (по материалам погребального обряда XIX-начала XX века). АУД, Л., 1974, с. 15-16.

²¹ Долгих Б.О. Проблемы этнографии и антропологии Арктики. - „Советская этнография“, 1964, № 4, с. 77.

²² Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen, SPb., 1854.

²³ Castrén M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb., 1855, S. 43-97.

²⁴ Прокофьев Г.Н. нганасанский (тавгийский) диалект. - В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.-Л., 1937, и. 33-74.

большую научную ценность. На трудах Г.Н.Прокофьева выросли и воспитались последующие поколения советских специалистов по самодийским языкам.

Невозможно переоценить заслуги указанных исследователей, давших первое описание фонетики и грамматического строя совершенно не изученного до этого нганасанского языка. Им пришлось преодолеть немалые трудности: районы северного Таймыра были в те годы малодоступны, нганасанское население полностью неграмотно, по-русски говорили лишь единицы, причем и их знания русского языка ограничивались очень скудным запасом наиболее употребительных в быту слов. Достигнуть при данных условиях взаимного понимания было нелегко. Понадобилось немало настойчивости, упорного труда, энтузиазма, таланта для того, чтобы впервые ввести в научный обиход систематически изложенные сведения об основных особенностях ранее неизвестного науке языка, чрезвычайно своеобразного во многих отношениях. Последующие поколения должны быть глубоко признательны своим предшественникам и приложить все усилия для дальнейшего более детального и всестороннего изучения на имеющейся уже научной основе. Настоящая работа и ставит своей целью в возможной для ее автора мере выполнить эту задачу.

Существенные отличия нганасанского языка от ненецкого как в области фонетики и грамматики, так и в области лексики дают основание судить, что термин „диалект“ в свое время был принят условно. Причисление нганасанского языка к диалектным разновидностям ненецкого в первые годы языкового строительства, по-видимому, имело своей целью приобщить нганасанов к письменности на ненецком языке. Впоследствии на практике такая попытка никогда не осуществлялась, да и не могла быть осуществлена.

Настоящая работа написана на основании полевых наблюдений автора в районах расселения авамских и хатангских нганасанов. Несколько ранее по этим же материалам нами был составлен и опубликован краткий грамматический очерк.²⁵ Таким образом, в очерке и настоящей книге впервые приводятся сведения, характеризующие язык преобладающей части нганасанской народности в области фонетики и морфологии.

---

²⁵ Терещенко Н.М. Нганасанский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. III. М., 1966, с. 416-437.

Как можно судить на основании сопоставления собранных нами языковых данных с опубликованными в литературе материалами, в работах как М.А. Кастрена, так и Г.Н. Прокофьева описан язык немногочисленной группы нганасанов Усть-Енисейского района. Этим объясняются отчасти имеющиеся расхождения между полученными в последнее время сведениями и публикациями предшествующих исследователей. Немалую роль играет и иная в наши дни ступень развития культуры нганасанской народности, сознательное отношение ее передовых представителей к изучению родного языка, к выявлению его специфических особенностей.

Синтаксическая структура нганасанского языка получила освещение в изданной работе.²⁶ Однако при рассмотрении морфологических категорий нельзя было обойти молчанием ряд связанных с ними наиболее существенных синтаксических особенностей. Изучению лексики предполагалось посвятить особую книгу, поэтому некоторые специфические явления нганасанского языка в этой области затрагиваются в настоящей работе лишь вскользь.

Полевые материалы, положенные в основу данного исследования, представляют собой записи фольклорных и бытовых текстов, образцов разговорной речи, результаты различных лингвистических экспериментов, довольно значительные словарные разработки. При подготовке рукописи к изданию всемерно принималась во внимание специальная литература о нганасанском языке и о нганасанской народности.*

Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю признательность Неруме, Симбе, Павлу Костеркиным, Курсуми Порбину, Лилике Чунанчар, Дяси Купчик, Кюмүпти"э Окко, в особенности безотказному помощнику в проводившихся изысканиях Хунду"маку Нуамда (Александру Челеевичу Момде - представителю основного, по мнению нганасанов, нганасанского рода) за неоценимую помощь в сборе полевых материалов и истолковании фактов их родного языка.

Вызывается благодарность окружным и районным организациям Таймырского автономного округа Красноярского края за доброжелательное и внимательное отношение к выполнявшейся работе.

---

²⁶ Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков (простое предложение). Л., 1973.

* Публикуемое исследование было закончено в 1973 г. В силу данного обстоятельства не все из вышедших в свет после этого времени работ по отдельным вопросам фонетики и морфологии нганасанского языка могли быть учтены автором.

место нганасанского среди других самодийских языков. Особенности сложения разных самодийских народностей определили порой довольно существенные различия между отдельными самодийскими языками во всех их аспектах: в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике. Тем не менее исконная близость этих языков вполне очевидна.

Родство самодийских языков с самого начала их изучения не подвергалось сомнению. напротив, вполне самостоятельные, как теперь ясно, во всех отношениях нганасанский и энецкий языки рассматривались как диалектные разновидности ненецкого языка. Однако генетическая общность этих языков и место каждого из них в единой языковой системе не обосновывалась соответствующими материалами.

Известно, что самодийские языки не имеют древних письменных памятников. Что касается нганасанского языка, то он до самого последнего времени относился к числу малоизученных. В этих условиях исключительную роль приобретают изучение и публикация полевых материалов, собранных в различных районах расселения нганасанской народности.

Как можно судить на основании полученных языковых данных, довольно значительный процент лексического состава языка нганасанов составляют слова, относящиеся к общесамодийскому, а частично и к общеуральскому пластам лексики. Общность лексики нганасанского с другими самодийскими языками особенно ясно сказывается в разделах словаря, обозначающих части тела человека и животного, природные и атмосферные явления, основные орудия труда, материалы, полученные от оленеводства, охоты, рыбной ловли или из окружающего растительного и животного мира. Как и в других самодийских языках, система счета у нганасанов является семиричной в своей основе. Имеется ряд общих по корневым морфемам местоимений, наречий, служебных слов (точнее, послелогов). Характерно наличие соответствующих по звучанию и тождественных по значению глаголов, обозначающих понятия типа: 'жить', 'есть', 'спать', 'сидеть', 'прийти', 'уйти', 'положить', 'искать', 'отдать', 'привезти', 'увезти', 'знать', 'быть' и др.

Особенно много общих слов у нганасанского языка с энецким и ненецким. При этом сходство не ограничивается отдельными словами, но сказывается во всем семантическом своеобразии: пути расширения значений слов, образование фразеологических выражений, наличие идиомов. Характерно, что нганасанская терминология

родства в ряде существенных отношений сближается с ненецкой родственной терминологией, что дает основание заключить о происхождении ее от общих предков.

Вместе с тем в лексике нашли свое отражение особенности природных условий, быта, материальной культуры, хозяйства нганасанов. Сохраняя в этом отношении ряд общих черт с энецким языком (в особенности с языком племени маду), нганасанский язык довольно существенно отличается от ненецкого и селькупского. Так, например, в нганасанском языке представлены словарные разделы, относящиеся к охоте на дикого оленя. В отличие от ненецкого и селькупского языков в нганасанском имеются специальные обозначения, связанные с верховым оленеводством. Довольно значительные различия наблюдаются в области растительного и животного мира, отражающие разные условия природной среды. Характерно, например, что в нганасанском языке нет слова 'лес', в этом значении употребляется множественное число от слова муңку 'растущее дерево'²⁷ (в отличие от срубленного хба - обозначает также 'дрова').

Одна из особенностей лексики языка нганасанов заключается в наличии в нем ряда слов, общих с самодийскими языками Саянского нагорья, отчасти с селькупским языком. Наблюдается это в таких разделах, как личные местоимения, названия животных, некоторых групп людей и др. Например:

нганас. *təmuŋku* (*təmuŋku*) 'мышь' (букв.: мышка), сельк. *təma*, камас. *tumo* 'мышь', ср. ненецк. *riša*, энецк. *tóvik*;

нганас. *mənu*, энецк. *mona*, камас. *muni* 'яйцо', ср. ненецк. *əar"nu*, сельк. *eŋ*;

нганас. *korŋua*, *korŋuo*, *korŋo*, камас. *korŋo* 'двушка', ср. немцк. *riřibŋa*, энецк. *kati*, сельк. *nŋtak*;

нганас. *tone*, сельк. *tat* ~ *tan*, камас. *tan* 'ты', ср. ненецк. *ruďar*, энецк. *ū*;

нганас. *basa*, камас. *baza*, энецк. *beŋ*, ненецк. *ješa*, 'же-
лезо', ср. сельк. таз. *kəzu*;

---

²⁷ То же использование формы множественного числа от слова *ba* 'дерево' отмечается и в камасинском, см.: [D o n n e r K.] *Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Bearbeitet und herausgegeben von A.J. Juki. Helsinki, 1944, S. 195.

нганас. kou, камас. kuia 'солнце', ср. ненец. hajer", энецк. кажа, сельк. čely;

нганас. imi (или imidi), сельк. imu(l'a), ненецк. hađa, энецк. каза 'бабушка';

нганас. isi 'любой родственник отца или матери, старше их', множественное число id'i" ~ камас. ad'a и др.²⁸

Лексика является наиболее подвижной и легко проницаемой частью языка. Поэтому лексические данные сами по себе не могут служить веским доказательством языкового родства. Вместе с тем они могут в определенных случаях иметь существенное значение для его подтверждения.

Несравненно более значимой для установления исконных генетических связей признается общность в области грамматического строя, и в особенности в области морфологии, основные черты которой как норма сохраняются на протяжении значительного времени. По морфологической структуре все самодийские языки очень близки между собой. Всем им свойствен общий тип грамматического строя. Построение производных форм осуществляется главным образом посредством суффиксальной агглютинации. Агглютинативное построение слов и их форм поддерживается характерным для этих языков порядком слов в предложении и широко распространенными сочетаниями связанных между собой по смыслу подчиненных и подчиняющих слов путем простого примыкания.

В основном при помощи суффиксальной агглютинации происходит и преобразование слов в другие части речи и изменяются лексические значения в пределах одной и той же грамматической категории. За некоторыми исключениями, однотипен порядок следования морфем.

Рядом общих черт характеризуется падежная система, хотя каждому языку свойственны здесь свои особенности. Для именного словообразования типичны различные формы субъективной оценки. Во всех самодийских языках (в известных случаях за исключением селькупского) прочно сохраняется наличие трех чисел как в склонении, так и в спряжении.

Разветвленным является отглагольное и отыменное словообразование глаголов. Характер протекания действия передается при

---

²⁸ См.: Терещенко Н.М. К сравнительному изучению лексики самодийских языков. - "Советское финно-угроведение", 1971, № 4, с. 290-292.

помощи различных форм видовой направленности. Довольно широко представлена категория морфологической модальности.

Развиты послелогои как одна из групп служебных слов, используемых для уточнения пространственных и временных отношений. Имеются самостоятельные и суффиксальные частицы.

Прослеживается былая связь между различными частями речи, происхождение из одного источника и пути постепенного обособления друг от друга. Наблюдается это не только в отношении наречий, но и других частей речи, в том числе в соотношении имени и глагола.

Суффиксальные морфемы в значительном числе случаев утратили свой самостоятельный характер и значимость. Однако для некоторых из них удастся выяснить происхождение от знаменательных слов. Еще отчетливее связь с полнозначными словами наблюдается у служебных слов.

Много общих черт отмечается в области функционирования слов в предложении. Типичны, в частности, единообразие видов синтаксической связи в разных самодийских языках, единые основания для выделения членов предложения, принципы построения субстантивных словосочетаний, однотипные приемы соединения однородных членов, многообразие типов простого предложения при недостаточном развитии сложного (сложносочиненное предложение представляет собой сочетание двух или нескольких простых предложений, а сложноподчиненное — явление, несомненно, новое и отмечается редко).²⁹

Как и в области лексики, в области грамматики наибольшее число общих черт наблюдается у нганасанского языка с ненецким и энецким. Так, например, в этих языках объединяются в одной грамматической форме значения местного и творительного (инструментального) падежей, в то время как в селькупском указанные функции получили особые формы выражения (и в этом отношении селькупский язык близок с камасинским). В отличие от селькупского (и камасинского) во всех северносамодийских языках, помимо лично-притяжательных (посессивных), имеются и лично-предназначительные (дезидеративные) форманты. При этом происхождение показателя дезидеративного типа склонения легко выясняется на

---

²⁹ Подробнее см.: Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков, а также рецензию на эту книгу А.Моннапа: — "Советское финно-угроведение", 1974, № 4, с. 271.

нганасанском материале. В субъектно-объектном сприжении у этих языков различаются формы единственного, двойственного и множественного чисел объекта. Выделяется особый тип субъектно-без-объектного сприжения и т.д.

Змесе с тем у каждого из указанных языков имеются и свои отличительные особенности. Так, например, у нганасанского языка отмечается тенденция к разделению дательного-направительного падежа на две формы: падеж внутренне-местного и падеж внешне-местного направления движения. Юлее отчетливо, чем в ненецком и энцком языках, проводится разграничение имени существительного и имени прилагательного, в силу чего для выражения признака предмета реже употребляется существительное, расположенное перед другим существительным. В этом отношении нганасанский язык проявляет большую близость к селькупскому, в котором сложилась морфологически выраженная категория относительного прилагательного. Иным, чем в ненецком языке, способом обозначается несовершенство действия в неопределенном („настоящем“) времени, отмечается иной порядок следования морфем в прошедшем времени (такой же, как в селькупском), выделяется особое желательное наклонение, повелительное наклонение имеет две формы: для ближайшего и для последующего действий. Еще меньше, чем в ненецком, развита категория таких служебных слов, как союзы. Ряд словоизменительных формантов отличается материально от формантов тех же категорий других самодийских языков. Некоторые грамматические значения передаются при помощи аналитических конструкций, в то время как в других самодийских языках (за исключением в некоторых случаях селькупского) они выражаются суффиксально. В нганасанском языке сохранилась та же система счета количественных числительных второго десятка, которая была свойственна языкам самодийских племен Саянского нагорья. В других современных самодийских языках (за исключением отчасти энцкого) эта система смещена, вероятно, под влиянием языков тех аборигенных племен, с которыми столкнулись самодийцы в своем продвижении на северо-восток и северо-запад.

В области синтаксиса нганасанскому языку свойствен относительно свободный порядок слов, несколько более развернутое согласование качественного определения со своим определяемым, известное ограничение в употреблении именных предикативных форм и др.

Для нганасанского языка устанавливаются регулярные звуковые соответствия в корневых и суффиксальных морфемах с другими

самодийскими языками, имеющие, как известно, решающее значение для установления генетических отношений.

Ниже приводятся примеры таких соответствий. ³⁰

Соответствия в области согласных

1) начальному звуку *k* нганасанского языка в энецком соответствует также звук *k*, в ненецком – *h*, в селькупском – *k* (или *q*): нганас. *kou*, энецк. *ko*, ненецк. *ha*, сельк. *qo*, *ko*, камас. *ku* 'ухо'; нганас. *kúju* (2-я основа *kúbu*), энецк. *kōba*, ненецк. *ho-ǂa*, сельк. *qōru*, камас. *kuba* 'шкура'; нганас. *koly*, энецк. *ka-ge*, ненецк. *ha'la*, сельк. *qāly*, камас. *kōla* 'рыба';

2) начальному заднеязычному *ŋ* нганасанского языка в ненецком соответствует тот же звук или переднеязычный *n* (часто смягченный), в энецком – переднеязычный *n* или ноль звука, в селькупском – отсутствие начального согласного: нганас. *ŋarte*, ненецк. *ŋebt*, сельк. *optu* (*optyt tar*), энецк. *itu*, камас. *ewti* 'волос'; нганас. *ŋomtū-śa*, ненецк. *ŋam' o-ś*, энецк. *adi-ś*, сельк. *šmtu-qo* 'сидеть'; нганас. *ŋamte*, ненецк. *ŋamd*, энецк. *nadǂ*, сельк. *šmtu*, камас. *amno* 'рог';

3) начальному *x* нганасанского языка в других самодийских языках регулярно соответствует звук *r*:* нганас. *motuo*, ненецк. *raǂdu*, *radu*, энецк. *raǂǂe*, сельк. *puty* (1') 'щека'; нганас. *xōa*, ненецк. *ra*, сельк. *po*, энецк. *pe*, камас. *pa* 'дерево'; нганас. *xūō*, энецк. *roa*, ненецк. *ro*, сельк. *pō*, камас. *piē* 'год';

4) вместо начального среднеязычного *d'* языка авамских нганасанов и энецкого языка в ненецком наблюдается звук *j*, в селькупском – ноль звука или звук *ǂ*: нганас. *d'ir*, энецк. *d'ū'* (2-я

---

³⁰ Энецкие формы даются преимущественно по материалам наречия бай, ненецкие – по материалам опорного говора тундрового наречия, селькупские сопоставления приводятся по материалам тазовского наречия и почерпнуты в большей части из работ Г.Н. Прокофьева и Е.Д. Прокофьевой, камасинские соответствия даны в основном по словарю бай Доннера в несколько упрощенном написании. По соображениям единообразия весь материал в данном разделе приводится в латинской графике.

* Об этом см. также ниже, с. 35–36.

основа d'ür-), ненецк. jur", сельк. ür 'жир'; нганас. d'aiu, энецк. d'erg, ненецк. jaí'a, сельк. čely 'день', 'свет'; нганас. d'erte, энецк. d'ota, ненецк. jǎbta, сельк. čarty 'роса';

5) начальный звонкий смычный в нганасанского и энецкого языков в ненецком заменяется звуком j или β, в селькупском начальный согласный таких слов обычно отпадает: нганас. бу" (2-я основа буǎ-), энецк. b'i" (2-я основа b'iǎ-), ненецк. ji" (2-я основа jid-) - тундровое наречие, βit - лесное наречие, сельк. üt, камас. viu 'вода'; нганас. бере, энецк. bar, barǎ, ненецк. βar 'берег';³¹

6) твердым согласным нганасанского, энецкого, селькупского языков в ненецком нередко соответствуют мягкие: нганас. пу, энецк. пе, сельк. пе, ненецк. п̄е 'женщина'; нганас. ма" (2-я основа маǎ-), энецк. м̄е" (2-я основа м̄eǎ-), сельк. mǎt, ненецк. m̄a" (2-я основа m̄ad-), камас. m̄a" 'чум'; нганас. х̄ба, энецк. ре, сельк. ро, камас. p̄a, ненецк. p̄a 'дерево';

7) звукам t' (или č) нганасанского языка в ненецком соответствует t', в энецком - t или č, в селькупском - č: нганас. čeny-d'i, ненецк. t'eńeǎa-s, энецк. tenc-s, сельк. tenyču-čo 'знать'; нганас. tírimí, ненецк. tíreǎa, энецк. čirǎ, čiri, сельк. турум, турем 'икра рыба';

8) глухие согласные в середине слова нганасанского и селькупского языков в ненецком (иногда и в энецком) переходят в соответствующие звонкие: нганас. kǎju (2-я основа kǎbu), сельк. qǎru, ненецк. hovǎ, энецк. kǎba, камас. kuba, кура 'шкура'; нганас. mite (2-я основа miǎe), сельк. шуту, ненецк. шуд, энецк. шифо 'печень'; нганас. хоту, сельк. рату, ненецк. pǎdǎ, энецк. роѐ 'желчь';

---

³¹ Судя по материалам К. Доннера, чередование начального w (β) со звуком b имело место в камасинском языке: pǎzǎ ~ bǎzǎ 'железо', pǎltu ~ bǎltu 'топор', pǎr ~ bǎr 'весь' и др., см.: Kai Donners *kamassisches Wörterbuch*, S. 8. В другой его работе приведены примеры чередований w ~ b ~ w (β) в самодийских языках Саянского нагорья еще до их тюркизации: койбальское mian ~ maɛɲg ~ bǎn, маторское bun, сойотское wun, тайги bun, камасинское men ~ byu' 'собака', см.: D o n n e r K. Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen. - „Mémoires de la Société Finno-ougrienne", 1930, XLIX, Helsinki, S. 26.

9) звуку *ʃ* в середине слова или в конечной позиции нганасанского и энецкого языков в ненецком обычно соответствует звук *d*, в селькупском - частично звонкий *D* или глухой *t*: нганас. *koʃu*, энецк. *kaʃu*, ненецк. *had*, сельк. *kōʃe*, *kōʃi* 'пурга'; нганас. *koʃe* 'дуб', энецк. *kaʃu*, ненецк. *hadu* - в тундровом наречии, *kāt* - в лесном наречии; сельк. *kāDe*, *kūt*, *kūn* 'ель';

10) звук *m* в середине слова нганасанского языка в энецком заменяется звуками *ɲ* или *b*, в селькупском - *ʃ* или *β*, в ненецком - *β*: нганас. *ɲeʃur-za*, энецк. *oʃa-t'*, сельк. *amur-ʃo*, ненецк. *ɲarot* 'есть', 'кушать'; нганас. *ɲioʃu*, энецк. *paβa*, сельк. *ɲoma*, кетск.-тымс. *ɲeva*, ненецк. *ɲava* 'заяц';

11) сочетанию звуков *ɲx*, переходящему в ряде форм в звукосочетание *mβ*, нганасанского языка в ненецком регулярно соответствует сочетание звуков *mβ*, в энецком - утрата сонорного и переход звука *x* в звонкий взрывной *b*, в селькупском - звукосочетание *mɲ*: нганас. *ɲurxu* (2-я основа *ɲumbu*), ненецк. *ɲimβa*, энецк. *ɲimβe*, сельк. *ɲimɲu* 'орел'; нганас. *koɲxu* (2-я основа *komβu*), ненецк. *hamβa*, энецк. *kabā*, сельк. *komɲu* 'волна'; нганас. *deɲɲa* (2-я основа *deɲmβa*) 'одежда', ненецк. *ɲimβut* 'рубашка' от глагола *ɲemβās* 'одеть';

12) звукосочетаниям *ɲg* и *ɲk* нганасанского языка в ненецком соответствует звукосочетание *ɲg*, в селькупском - звукосочетание *ɲk*, в энецком в таких словах наблюдается утрата заднеязычного *ɲ* с сохранением последующего *g* или переход его в звук *k*: нганас. *ɲaɲki*, ненецк. *ɲaɲgo*, сельк. *ʃaɲka*, энецк. *ɲago* 'нет'; нганас. *deɲɲuɲ*, ненецк. *ɲaɲgo*, энецк. *ɲago*, сельк. *ʃaɲki* 'ловушка'; нганас. *ʃeɲkoda*, ненецк. *ʃeɲka(ś)* 'переночевать';

13) взамен заднеязычного *ɲ* в конце слова или в начале конечного слога нганасанского языка в ненецком выступает конечный назализированный гортанный смычный ' (в лесном наречии *ɲ*); в середине слова - мягкий переднеязычный *ɲ*, в энецком - назализированный гортанный смычный или переднеязычный *n*, в селькупском - заднеязычный *ɲ*, переднеязычный *n* или ноль звука: нганас. *taɲ*, ненецк. *té*' (2-я основа *tɛn-*), энецк. *tu*' (2-я основа *tyn-*), сельк. *ʃen* 'сухожилие'; нганас. *təɲe*, ненецк. *ta*' (2-я основа *tan-*), энецк. *to*' (2-я основа *ton-*), сельк. *taɲ*, *taɲu* 'лето'; нганас. *ɲaɲ*, ненецк. *ɲa*' (2-я основа *ɲan-*), энецк. *na*' (2-я основа *nān-*), сельк. *āɲ* 'рот'; нганас. *baɲ*, энецк. *bu*' (2-я основа *byn-*, полная форма *bynək*), ненецк. *βé*' (2-я основа *βɛn-*, полная форма *βéneko*) 'собака'. Заднеязычный *ɲ* или среднеязычный *ɲ* наблюдается в конце таких слов и в камасинском языке: *teɲ*

'сухожилие', tãŋ (ɾ) 'лето', äŋ 'рот', meń 'собака' и др.:³²

[4) конечный неназализированный гортанный смычный " нганасанского языка, чередующийся со звуком ʃ, наличествует с тем же чередованием и в энецком языке, в ненецком он чередуется со звуком d, а в селькупском заменяется согласным t: нганас. meŋü" (2-я основа meŋüʃ-), энецк. mottu" (2-я основа mottuʃ-), ненецк. mäŋ" (2-я основа mäŋd-), сельк. muktyt, камас. muktu" 'шесть'; нганас. tü" или čü" (2-я основа tüʃ- или čüʃ-), энецк. tu" (2-я основа tuʃ-), ненецк. tu" (2-я основа tud-) 'сало';

[5) конечному r нганасанского языка в определенных случаях в селькупском соответствует тот же звук, в энецком - назализированный гортанный смычный, чередующийся со звуком r, в ненецком - r с последующим неназализированным гортанным смычным: нганас. tar, сельк. tar, энецк. to' (2-я основа tor-), ненецк. tar", камас. tãr 'шерсть'; нганас. хибãr (2-я основа хutar-), энецк. роѳе' (2-я основа роѳer-), ненецк. роd'er" 'лямка'; нганас. хоbür 'бумага (написанная)', энецк. раѳи' (2-я основа раѳur-), ненецк. паdãr" 'бумага'.

Соответствия в области гласных

Значительно менее устойчивыми являются соответствия в области гласных. На данной ступени изучения этого вопроса представляется возможным отметить только некоторые из закономерностей в пределах первого слога, которые представляются более или менее регулярными:

---

³² Соответствие конечного заднеязычного ŋ нганасанского, частично камасинского языков назализированному гортанному смычному ' тундрового наречия ненецкого, а также энецкого языков возникло в результате развития первоначального n, о чем указывалось еще в работах М...Кастрена и Г.Н.Прокофьева, т.е. *n > ŋ > '. О том же, по существу, пишет и А.П.Дульзон, см.: Du l - s o n A. Über die urwamojedischen Suffixe zur Bezeichnung der verbalen Person. - "Советское финно-угроведение", 1972, № 2, с. 140. Характерно, что в определенных фонетических условиях заднеязычный ŋ нганасанского языка переходит в переднеязычный n или утрачивается.

1) звук *i* после смягченного или среднелазычного согласного сохраняется, как правило, во всех самодийских языках: нганас. *ńim*, сельк. *ńim*, ненецк. *ńim'*, энецк. *ńi'*, камас. *ńem* 'имя'; нганас. *tími*, ненецк. *tíba*, сельк. *tím*, камас. *time* 'зуб'; нганас. *śiti*, сельк. *sitty*, ненецк. *śida*, энецк. *śide*, камас. *śide* 'два'; ср., однако: нганас. *i-śa*, энецк. *e-ś*, сельк. *e-ǰo*; ненецк. *ǰe-ś* 'быть';

2) звуку *e* нганасанского языка в ненецком и энецком может соответствовать тот же звук или звук *a* - в ненецком языке, *o* - в энецком, в селькупском звуки *e*, *a*, *i*: нганас. *tějo* (2-я основа *těba*), ненецк. *těb*, энецк. *těb*, сельк. *tipy* 'шпенек'; нганас. *těre* (или *čere*), ненецк. *těra*, энецк. *terā* 'игла для починки невода'; нганас. *deptu*, ненецк. *ǰabto*, энецк. *ǰotu* 'гусь';

3) звуку *a* нганасанского языка в ненецком соответствуют звуки *y*, *ě*, в энецком - *a*, *u*, дифтонг *ea*, в селькупском - *ǰ*, *o*, *o*: нганас. *tā*, ненецк. *ty*, энецк. *tea*, сельк. *ātǰ* 'домашний олень'; нганас. *kām*, ненецк. *hēm*, сельк. *ǰem* 'кровь'; нганас. *tānwā*, ненецк. *tynž*, энецк. *čede* 'аркан';

4) звук *o* нганасанского языка заменяется в энецком звуком *o*, в ненецком - кратким *ǰ*, в селькупском - звуком *a*: нганас. *kote*, энецк. *koddo*, ненецк. *hǰn* 'нарта', сельк. *kanty* 'ручная нарточка'; нганас. *ketu* (2-я основа *kětu*), энецк. *коѳа*, ненецк. *hǰda*, сельк. *ǰaty* 'ноготь', 'коготь';

5) вместо звука *u* нганасанского языка в ненецком выступает звук *o* (хотя в определенных случаях сохраняется и звук *u*), в селькупском - звуки *o*, *ü*, в энецком сохраняется звук *u* или заменяется звуком *o*: нганас. *buǰur*, ненецк. *poǰa*, энецк. *poǰa*, сельк. *poǰu*, камас. *paǰā* 'сеть для ловли рыбы'; нганас. *tugy*, ненецк. *toho*, энецк. *tube* 'материя'; нганас. *ǰuxi* (2-я основа *ǰuxi*), ненецк. *ǰova*, сельк. *ǰору*, энецк. *obe* 'рукавица'; ср. однако: нганас. *kula* ('a), ненецк. *huly*, энецк. *kuly*, сельк. *külǰ*, камас. *küli* 'ворон';

6) звук *ü* нганасанского языка во всех самодийских языках может заменяться звуками *u* или *y*: нганас. *dütü* (2-я основа *dütü*), энецк. *uǰa*, ненецк. *ǰuda*, сельк. *uty* 'рука'; нганас. *šügü*, энецк. *зуга*, ненецк. *зуга*, сельк. *зугу* 'снег';

7) звуку *o* нганасанского языка в ненецком и энецком обычно соответствует звук *a*, в селькупском - звуки *a*, *o*, *o*, *ü*: нганас. *koče*, энецк. *каče*, ненецк. *hавса*, сельк. *ǰütü* 'болезнь'; нганас. *ного* или *ногоu*, энецк. *нага*, ненецк. *нага*, сельк. *ага* 'весна';

8) звук у нганасанского языка сохраняется в энецком языке, в ненецком он заменяется звуком ё, в селькупском - звуком е: нганас. *sur*, энецк. *sy'* (2-я основа *sur-*), ненецк. *sér''*, сельк. *seгу*, камас. *sirə* 'белый'.

Регулярные звуковые соответствия наиболее отчетливо проявляются в независимой начальной позиции или в абсолютном конце слова. В середине слова, а тем более на стыке морфем гласные и согласные звуки в соответствии с фонетическими нормами, свойственными тому или другому из самодийских языков, подвергаются различным видоизменениям.

Подводя краткий итог сказанному, следует указать как на значительную близость нганасанского языка к энецкому и ненецкому языкам, с одной стороны, так и на ряд отличающих его особенностей, - с другой. Характерно, в частности, что во всех аспектах (как в области фонетики, так грамматики и лексики) нганасанский язык представляет собой как бы переходную ступень от ненецкого языка (точнее, его тундрового наречия) к селькупскому. На основании имеющихся данных кажется очевидным вывод, что энецкий язык не представляет собой сколько-нибудь полного единообразия: в настоящее время в нем отчетливо различаются два значительно разнящихся друг от друга наречия бай и маду. Первое из этих наречий тесно сближается с ненецким языком, второе - с нганасанским. Важно при этом отметить, что сходство наречия бай с ненецким языком является результатом вторичного сближения и может рассматриваться как следствие тесного контакта между указанной племенной группировкой энецов с таймырскими ненцами уже в не столь отдаленные времена. Вместе с тем можно полагать, что ненецкий язык отделился от энецкого и нганасанского ранее, чем последние обособились друг от друга.

Говоря о ненецком языке, следует указать на постепенный переход от восточных говоров тундрового наречия к лесному наречию. Налицо следующая закономерность: чем восточнее говор, тем ближе он к лесному наречию и, следовательно, тем более отличается от опорного говора тундрового наречия. В целом лесное наречие по ряду существенных черт тесно сближается с нганасанским языком. По мнению А.Ш.Кастрена, лесные ненцы "...представляют собой переходное звено, связующее самоедов, кочующих на севере у Ледовитого океана с южными алтайцами (т.е. саянскими самодийцами. - Н.Т.)".³³

³³ C a s t r é n M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849. SPb., 1856, S. 67.

Наиболее существенными, по нашим наблюдениям, отличиями нганасанского языка от главным образом ненецкого и отчасти энецкого являются следующие его черты:

- 1) более сложный состав вокализма;
- 2) наличие гласных звуков в начальной позиции в слове;
- 3) отсутствие назализованного (носового) гортанного смычного, которому в ряде случаев соответствует заднеязычный η , при наличии неназализованного (ротового);
- 4) употребление заднеязычного η не только в начале и в середине, но и в абсолютном конце слова (отчасти в позиции соответствия назализованному гортанному смычному);
- 5) широко проводимое противопоставление двух основ одного и того же слова, используемое как при словообразовании, так и при словоизменении;
- 6) несколько более четкая дифференциация частей речи (прежде всего большее обособление от имени существительного имени прилагательного);
- 7) отдельные намечающиеся сдвиги в системе падежных форм (например, выделение дательно-направительного падежа с внешне-местным значением);
- 8) более ограниченное употребление именных предикативных форм;
- 9) не столь частая субстантивация причастных по своему происхождению образований;
- 10) иной порядок следования морфем в некоторых формах (например, в прошедшем времени);
- 11) сохранение некоторых слов старого общесамодийского фонда, отсутствующих, например, в ненецком.

Звуковой состав нганасанского, как и других самодийских языков, был в основном установлен М.А.Кастреном.¹ Им выделены следующие звуки:

гласные - а, е, о, і, u (ү);

согласные - к, г, њ, ј, л, љ, r, n, њ, t, ʈ, d, ɖ, s, ʂ, b, f, ш.

Этот звуковой состав был полностью подтвержден Г.Н.Прокофьевым:²

гласные - а, е, о, і(і́), u(ү́);

согласные - к, г, њ, ј, л, љ́, r, n, њ́, t, ʈ́, d, ɖ́, s, ʂ́, b, ш, f, њ́.

В области согласных к данному М.А.Кастреном перечню Г.Н.Прокофьевым прибавлен гортанный смычный њ́. В отношении звука ј́ дается пояснение, что «в начале слова он приобретает характер более переднего звука, приближаясь к ɖ́».³ Указывается также, что гласные (і́) и (ү́) не являются фонемами.

Дальнейшие уточнения фонемного состава проводились автором настоящей книги в условиях полевой работы (во время экспедиций на Таймырский полуостров в 1961 и 1962 гг.) на основании анализа разговорной речи как авамских, так и хатангских (вадеевских) нганасанов. Приводимая ниже характеристика фонем нганасанского языка проверена посредством экспериментального слухового определения, проведенного под руководством В.М.Наделяева на основе

¹ C a s t r é n М.А. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854, S. 2.

² П р о к о ф ъ е в Г.Н. нганасанский (тавгийский) диалект. - В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.-Л., 1937, с. 55.

³ Там же, с. 55-56.

произношения Хунду"маку Цуамда (Александра Челеевича Момде), уроженца авамского района Таймырского национального округа Красноярского края.

В результате проведенных исследований звуковой состав нганасанского языка пополнился и в ряде случаев уточнился. В составе гласных дополнительно выделены фонемы *ə*, *ɨ*, *ʉ*, в составе согласных – фонемы *x*, *ʒ*. Исключен из состава фонем согласный *f*, отсутствующий в современном нганасанском языке, уточнена природа звуков *d'*, *t'* (*ʈ*), *n'*, *ɟ*. В итоге система звуков нганасанского языка предстает в следующем виде.

С о с т а в   г л а с н ы х   ф о н е м

Монофтонги

Гласные в нганасанском языке: *a*, *æ*, *o*, *i*, *y*, *ʉ*, *ɨ*, *ɛ*, *ə*.

Указанные гласные подразделяются по следующим признакам: 1) по степени подъема спинки языка; 2) по ряду (в связи со степенью продвижения языка); 3) по огубленности.

По степени подъема спинки языка выделяются гласные верхнего подъема – *i*, *ɨ*, *y*, *ʉ*; среднего подъема – *o*, *ɛ*, *ə*; нижнего подъема – *a*, *æ*.

По степени продвижения языка различаются гласные переднего ряда – *a*, *æ*, *i*, *ɛ*, *ʉ*; смешанного ряда – *ɨ*, *ə*; заднего ряда – *y*, *o*.

Огубленными являются гласные *o*, *y*, *ʉ*. Все остальные гласные не огублены.

Перечисленные фонемы – краткие. О различиях по долготе см. ниже, с. 30.

Фонема *i* – нелабиализованный гласный переднего ряда, верхнего подъема. Встречается в любой позиции, в том числе и в абсолютном начале слова не только после мягких, но и после не смягченных согласных. Примеры: имиди 'бабушка', иси 'родственник (любой) отца или матери, старше их', хириди 'сварить'. В положениях после переднеязычных согласных *t*, *d*, *n* приобретает характер более заднего звука (обозначаемого нами знаком *i*), занимая некоторое срединное положение между гласными *i* и *ɨ*: сыті 'они-двое', ситі 'два', ср.: сыты 'он', 'она'; чиситіə 'холодный', ср.: хекутыə 'жаркий'; коні 'отверстие, порез, через ко-

торые, по представлениям нганасанов, уходит жизнь человека', ср.: конь-ди 'уехать, поехать, отбыть'; кәңдi"э 'сова', ср.: кәңды"э 'замерз-он'.

Фонема ы - нелабиализованный гласный смешанного ряда, верхнего подъема. Близок по своему произношению к соответствующему звуку русского языка. Не сочетается со среднеязычными согласными. Ограниченно наблюдается в начальной позиции. Примеры: нилы-тым 'живу', мынсы 'идти', ны"ы 'да'. Противостоит фонеме и, в том числе и ее более заднему варианту: немь 'мать' - ними 'вымя'; быны 'веревка' - биңи 'зять'; дүрүмь 'известие' - дүрүми 'глубина'; нияны 'старший брат' - нинi 'на ком-, чем-либо'.

Фонема у - лабиализованный гласный заднего ряда (несколько продвинутый вперед), верхнего подъема, лабиализация круглая. Встречается в середине и в конце слова, в начальной позиции не отмечается. Примеры: бугур 'сеть', һәңдуй 'лодка', мәку 'спина', һәму 'табак', куху 'шкура', һуруку 'чашка'.

Фонема ү - лабиализованный гласный переднего ряда, продвинутый вперед с сильным выдвиганием губ, верхнего подъема. Употребляется в любой позиции в слове, в том числе и в абсолютном начале, после любых согласных, в том числе заднеязычных: үнсү-зүся 'ехать на легковой нарте', куодүму 'мужчина', күмә 'нож', һүүңкә 'нос', лаңү 'крик', мүйтүтү 'полный', тәйчү 'есть', 'имеется', хүсяхү" 'хвалить'.

Фонема о - лабиализованный гласный заднего ряда, среднего подъема, выдвинутый вперед, слабо огубленный со слабым выдвиганием губ вперед и слабым округлением. Встречается в середине и конце, но не в абсолютном начале слова. Примеры: соны 'чайка', конә 'птенец', колы 'рыба', ләңхоры 'желудок'. В конце слова произносится несколько более открыто: лахо 'маскировочный щит для охоты на дикого оленя', чехо 'шпенек', бадя"мо 'металлическая пластинка в форме полумесяца (украшение женской одежды)'. После среднеязычных согласных звук о приобретает более передний характер - ö. Примеры: дөдека"а 'мутный', нөрүму 'красная медь'. Аналогичное положение наблюдается в дифтонге, первым элементом которого является ү: хойкүтүб 'бегущий', ср. сырайкуо 'белый'.

В отдельных случаях образовались минимальные пары слов, в которых звук о фонематически противопоставляется звуку у: мәрә 'узел с бантиком' - мәрү 'берег';⁴ кухо 'кожа (человека, рыбы)'

---

⁴ Ср.: недя мәрү 'пряжка пояса'.

- куху 'шкура животного (с шерстью)'. Вместе с тем отмечается у-образное произношение этого звука, особенно в дифтонгах: хõде 'кривой', дямõ 'голос', хõа 'дерево (срубленное), дрова'. В первом слоге звук õ факультативно заменяется дифтонгом уо: сорõ - соруо 'дождь', коитõ - коптуо 'девушка'.

Фонема ə - нелабиализованный гласный смешанного ряда, среднего подъема. Употребляется во всех положениях в слове, в том числе в абсолютном начале и в абсолютном конце. Примеры: эмты 'вот', баради 'открыть', эракера 'красивый'. В минимальных парах слов противопоставляется фонемам а, э, о, у, ы: җәптә 'запах' - һәптә 'волос', бәту 'крючок для вынимания мяса из котла' - бәту 'кишка', мәру 'берег' - мәру 'болеячка', кәнтә 'нарта' - кәнтә 'жертва', дәптә 'сок' - дәпту 'гусь', оә" 'загон для оленей' - бы" 'вода' и др.

Фонема э - нелабиализованный гласный переднего ряда, среднего подъема: муодэ 'ветвь', бытэ 'водный'. После большинства согласных реализуется преимущественно в виде е, например, в словах: бәту 'кишка', теря (или черя) 'игла для починки невода', немн 'мать', херы 'винт'. В начальной позиции не встречается. В своем основном варианте наблюдается преимущественно в абсолютном конце слова после гортанного смычного: бы"э 'суп', сы"э 'утонул-он', җәтумы"э 'показался-он' и др.

Фонема а - нелабиализованный гласный переднего ряда, обычно отодвинутый назад, нижнего подъема. Встречается во всех положениях в слове. В конечной безударной позиции редуцируется. Примеры: аба 'старшая сестра' (при обращении), кайбу 'лопата', татә 'шило', камба 'ранняя весна (до вскрытия водоемов)', тари 'ручей'.

Фонема ә - нелабиализованный гласный переднего ряда, слегка отодвинутый назад, нижнего подъема, сильно открытый. Встречается в середине и конце слова после согласных, которые слегка палатализируются (не палатализируются һ, т, н, ") например: һәнту 'парень', миһтәәгәвы 'может быть', ниһнәәндыты 'он жить хочет', иһ"ә 'старуха', би"ә 'ушел-он'.

Остальные согласные перед ә смягчаются, например: ася 'саха (долганин)', мйә 'сноха', һәдә 'младший брат' или 'младшая сестра', ися 'быть', һягә 'хороший', дйә 'день', дйәди 'петля аркана', хяһ 'ладонь', бахә 'плохой', дәһхә 'одежда' и др.

Смешанно= и заднерядные гласные ə, а, ы, у не сочетаются со среднеязычными согласными; вместо них в этом случае выступают переднерядные гласные э, ә, и, ү. Фонема о нейтральна в

данном отношении, поскольку у нее нет соответствующей пары, хотя, как сказано, после среднеязычных у нее появляется особый позиционный вариант ö.

Гласные нганасанского языка различаются по долготе. В этом отношении могут быть высказаны только некоторые предварительные замечания. Насколько можно судить на основе слухового восприятия, гласные, находящиеся под ударением, обычно длиннее безударных, гласные открытого слога длительнее тех же гласных в закрытом слоге.

Можно привести в качестве примера ряд минимальных пар, в которых краткие и долгие гласные одного качества противопоставляются друг другу как фонемы. Например: чими 'зуб' - ч̄ими 'сажень', с̄үрү 'снег' - с̄үрү 'ползет', тала 'везучесть', 'удачливость' - т̄ала 'богатый оленями', касадя 'чуть не быть' - кас̄адя 'задеть слегка', б̄аб̄эт̄эт̄ 'на твое спальное место' - б̄аб̄эт̄эт̄ 'вместо тебя', м̄ан̄э н̄им̄ән̄н̄н̄э 'надо мной' - м̄ан̄э н̄им̄ән̄н̄н̄э 'обо мне' и др.

Чередование кратких и долгих гласных может использоваться в морфологических целях. Например: сат̄өр̄э 'песец' - сат̄өр̄э̄ 'песцовый', хуал̄э 'камень' - хуал̄э̄ 'каменный', һүляз̄э 'волк' - һүляз̄э̄ 'волчий' и др.

Дифтонги

Все рассмотренные выше гласные являются монофтонгами. Помимо них, выделяется ряд дифтонгов: иа, иэ, ау, ўа, ўо, ўö, әу, ыа, ыэ, уа, уо, оу, еу. Например: сӣаде 'язык', дӣа 'головной мозг', бӣэ 'ветер', ауку 'авка (олений теленок, выращенный около чума)', с̄үар 'друг', н̄үо 'ребенок', х̄үö 'год', м̄әу 'земля', т̄әуди 'полететь (о птице)', м̄ыэ 'молоток', хуаза̄й 'мешок', һүо 'небо', коур̄ү 'ясное небо'.

Дифтонги подразделяются на нисходящие и восходящие, в зависимости от того, какой элемент дифтонга (начальный или конечный) является основным в слогеобразовании. В нисходящем дифтонге роль слогеобразующего элемента выполняет первый компонент, в восходящем - второй. Например: с̄еун̄де 'меньший', к̄үö 'береза', к̄уаза̄н̄ку 'жаркий денечек', но: куöд̄үму 'мужчина', суа̄ләм̄э 'смо-

листый', ма́ула̄м̄э 'покрытый землей'; тем самым это качество дифтонга служит для различения смысла слова.

При выделении дифтонгов учитывалась их принадлежность к одной морфеме. Отнесение компонентов двугласного сочетания к разным морфемам признавалось за свидетельство стечения гласных.

Установление фонетической сущности дифтонгов нуждается в дополнительном исследовании. В быстром произношении некоторые из дифтонгов, например дифтонги уо, ўо, ыэ и др., звучат как монофтонги (соответственно о, ъ, э), хотя при полном произношении довольно отчетливо различаются составляющие их элементы.

Помимо этого, наблюдается качественная нестойкость дифтонгов. В произношении разных лиц, а иногда одного и того же лица дифтонг может заменяться монофтонгом или один дифтонг - другим, например: ба́зуаса - ба́заса 'вырасти', һойбуо - һойбó 'голова', тасу́түө - тасу́тү 'горький', соруо - сорэа - соруа - сорó 'дождь', коптуа - коптуо - коптó 'девушка' и др.

Вместе с тем слова с монофтонгом, с одной стороны, и дифтонгом - с другой, различаются по своему значению. Например: со́ңку 'сырой (о рыбе, мясе)' - со́ңкуó 'сухожилле', ху́тэ 'сердцевина дерева' - ху́бтэ 'всегда', 'постоянно', хонса 'сплести' - ху́анса 'положить', са́де 'дорога' - си́аде 'язык', ма́ну 'тогда', 'после' - ма́нуо 'тот', хонтэ 'подол' - хонты́э 'имеющий' и др.

Переход монофтонга в дифтонг в определенных случаях используется в словообразовательных целях. Например: дя́лы 'день' - дя́лыэ 'дневной', тунты́ 'лисица' - тунты́э 'лисий', ну́ому 'заяц' - ну́омуо 'заячий', но́руму 'медь' - но́румуо 'медный' и др.

Образование некоторых словоизменительных форм также сопровождается переходом монофтонга в дифтонг: кү́мá 'нож' - кү́мáучү 'его ножи' - кү́мáу" 'ножей', бика́ 'реки' - бика́уне 'мои реки', нитэ́ 'котел' - нитэ́йне 'мои котлы' - нитэ́йчи 'его котлы' - нитэ́йни́ кэми" 'наших котлов ручки' и др. Явление это характерно для слов с конечным долгим гласным.

В образованиях данного типа выступает морфолого-фонетическая дифтонгизация - употребление дифтонгов на службе морфологии. С другой стороны, в тех же целях используется и переход дифтонгов в монофтонги. Например: ну́о 'ребенок' - ну́ку 'ребенок' (при обращении), ну́руо 'весна' - ну́румса 'стать весной', сү́рүо 'зима' - сү́рүдя́ 'зимой', соруа 'дождь' - сорулэса́ 'дождить' и др.

В одном и том же слове могут быть два дифтонга: хуантуо́ 'покрышка для нарты', ну́оныэ́ 'гагарий', дүйхуакуо́ 'круглый', суо́дүтуо́ 'кочующий', биэры́э 'ветер-только', кэу́кыа́ 'лось'.

В единичных случаях встречаются трифтонги. Например: хыэ-де 'большой палец руки', һүхүоу 'указательный палец'. Однако в речи трифтонги обычно заменяются дитонгами, соответственно хыэде, һүхюу.

С о с т а в с о г л а с н ы х ф о н е м

Т а б л и ц а 1

			Губно- губные	Передне- язычные	Средне- язычные	Задне- язычные	Гортан- ные	
Шумные	Смычные	Глухие	п(р)	т(т)	ть(һ)	к(к)	"(һ)	
		Звонкие	б(в)	д(д)	дь(һ)	г(г)		
	Аффрикаты	Плоско- щелевые	Глухие			ч(һс)		
			Звонкие		дж(дә)			
	Щелевые	Плоско- щелевые	Глухие			х(х)		
			Звонкие		з(ә)			
	Кругло- щелевые	Глухие			с(в)			
	Сонанты	Носовые		м(ш)	н(п)	нь(п)	һ(һ)	
		Срединные	Щелевые			й(ј)		
Дрожащие				р(р)				
Боко- вые		Щелевые		л(л)	ль(л')			

В нганасанском языке выделяется двадцать согласных фонем. По активному артикулирующему органу согласные подразделяются на 5 групп: губно-губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и гортанные.

Вторым дифференциальным признаком согласных является признак глухости - звонкости; звонкие фонемы: б, м, д, ʒ (ʒ), н, р, л, л', д', н', й, г, ɲ; глухие: п, т, т' (ч), с, к, х, ʔ.

Глухость - звонкость представляет собой морфологически нагруженный признак: с ее помощью в ряде случаев различаются формы одного и того же слова, в том числе объектно-атрибутивные отношения. Например: кэнтэ 'нарта' - кэндэ ɲой 'копыл (букв.: нарты нога)', бахи 'дикий олень' - баби сеймы 'глаз дикого оленя', бигай 'река' - бикā бэре 'берег реки' бикā ɲэзүтүм 'вижу реку' и др.

Третьим дифференциальным признаком согласных является признак шумности - сонантности. Согласные м, н, н', ɲ, й, р, л, л' являются сонантами, остальные согласные - шумные.

шумные согласные

б - губно-губной ртовый смычный звонкий, смычка слабая. Встречается в начале слова, в середине - в интервокальном положении и между сонантом и гласным. Перед гласными переднего ряда палатализуется. Примеры: бāрбэ 'хозяин', 'начальник', бэбэ 'постель', нимбэ 'взрослый (букв.: с именем)', байбубү" 'если কিনуть', сыйбүхү" 'если раздаться', бая 'мишень'.

п - звук, аналогичный б по артикуляции, но глухой. Употребляется ограниченно - только в середине слова перед глухим согласным. Примеры: лэуптэса 'загораться', туапса 'весло', миптi 'вещь', тэпкелэптыби" 'если сдавить', дептузуту 'охотиться на гусей'. Является начальным звуком ряда формантов: переходности действия, орудия действия, выделительности и др. Примеры: нилы-ди 'жить' - нилы-пты-сы 'оживить'; ɲэм-са 'съесть' - ɲэмэ-пту-са 'накормить'; нилы-ди 'жить' - нилы-пся 'жилище'; бүй-дя 'уехать' - бүй-пся 'отъезд'; ɲаху 'старшая сестра' - ɲабу-птэ 'самая старшая сестра', 'старшая из старших сестер'. Что касается начальной позиции, то в словах исконно самодийской лексики звук п в нганасанском заменился фонемой х.

д - переднеязычный ртовый смычный звонкий, смычка слабая. Наблюдается чаще внутри слова после сонорного перед гласным, но

может употребляться и между двумя гласными. Является начальным звуком некоторых формантов. Примеры: тундэр 'передок и спинка легкой нарти', кундуаса 'спать', төңдэ 'тот', кендыптысы 'заморозить', сүрүдядеде 'зимний', норудядеде 'весенний'. Звонкость, как указывалось выше, в ряде случаев морфологически обусловленная (кентэ 'нарта' - кенде няндү"мү" 'полозья нарти'; кинтэ 'дым' - кинде дякаге 'запах дыма'; кунтудя 'заснуть' - кунда"а 'он заснул').

т - переднеязычный ртовый смычный глухой. Употребляется во всех положениях в слове, за исключением конечной позиции: в абсолютном начале перед гласным, внутри слова между гласными и после согласных. Примеры: тутэ 'лыжа', төтэ 'тот, та, то'; сятъби" 'если кончить', кунтубү" 'если уснуть', копта"а 'кастрированный олень', тамтарса 'торговать'. Морфологически чередуется со звуком з (з): хоүр 'письмо' (именительный падеж ед. числа), но: хоүрэм 'письмо' (винительный падеж ед. числа).

с - переднеязычный глухой круглощелевой с небольшим уплощением, что дает небольшой шепелявый оттенок. Встречается во всех положениях, кроме конечной позиции: в начале слова перед гласным, в середине слова между гласными, после согласных п, р, н, н', м, й. В зависимости от степени подъема гласных в большей или меньшей степени палатализуется. Примеры: сату 'глина', сөңүрся 'смотреть', синсе 'грудь', хонсүрүтүб 'граненный', нүмсү 'еда', нилыпса 'жилье', сятъди 'окончить', сүчарса 'свистеть'.

з (з) - переднеязычный ртовый, в подавляющем числе случаев плоскощелевой, звонкий, факультативно аффрикативно-щелевой. Употребляется в середине слова в интервокальной позиции, иногда после звука й (j). Обладает способностью палатализоваться. Примеры: сызэңкэ 'изображение', мызэ 'аргип', боузу 'слово', сйзүмэ 'обожженный', 'обгорелый', нүзи"сиби" 'если защищать', кеүзүй 'бабочка', хорзүй 'лист дерева'. В ряде случаев морфологически чередуется с т. Примеры: хотадя 'написать' - хозетаса 'писать'; дүтү 'рука' - дүзү төрә" 'волосы на руке'.

д - среднеязычный смычный ртовый звонкий. Встречается в начале слова, в интервокальном положении и после согласных н, н'. Примеры: дил'ситиси 'слушать', дөтудя 'встретить', дян'детуо 'сверкающий', чиде 'рукав', суодүса 'кочевать', мен'дяде 'новый'. В языке хатангских нганасанов среднеязычному д' авамских в ряде случаев соответствует звук й.

т' - среднеязычный смычно-щелинный (аффриката) или смычный ртовый глухой. Проявляется преимущественно как аффриката ч, но факультативно в тех же словах может быть смычным. В начале сло-

ва наблюдается чаще всего как аффриката. В интервокальном положении и после согласного может проявляться и как смичный. Примеры: чепте (тепте) 'сок', чёору (тёору) 'кормовое весло', чими (timi) 'зуб', тулаптү" 'растопка' (мн.ч. тулаптүзе"), дүтү 'рука', дүркаптү" 'бахрома' (мн.ч. дүркаптүзе"), мүйтүптүся 'наполнить'. В ряде слов реализуется только как мягкая аффриката ч: чаптүди 'разобрать (чум)', кичако 'серый', чалитиси 'бежать (о животном)' и др. В записях Ш.А.Кастрена везде отмечен как ч' (*): *tasiti* 'холодно' и др.

г - заднеязычный смичный (смычка у передней части мягкого нёба), звонкий, артикуляция слабая. Отмечается в середине слова между гласными и после звука *ң*. Примеры: багуте 'море (букв.: незамерзающая вода)', хиреге 'высокий', нага 'младшая сестра матери', туга" 'материя', мурыңга 'морозка', деңгуй 'ловушка'. В позиции перед гласными переднего ряда воспринимается на слух как палатализованный: нагүр 'три', магүб 'что-нибудь', ниптүгүйся 'отдыхать', логя"сы 'лаять'. Нередко является морфологической заменой согласного к. Примеры: магу - род.п. ед. ч. от мөку 'спина', үңүге - род.п. ед.ч. от үңүке 'нос'; дүгусуо 'заблудился-он' - ни" дүку" 'не заблудись'.

к - заднеязычный смичный глухой, смычка либо с передней частью мягкого нёба, либо при соприкосновении с задней частью твердого нёба. Встречается в начале слов, в середине слова - в интервокальном положении и после согласных перед гласными. Примеры: качемаса 'увидеть', колызе 'рыбный', кәми 'ручка (котла)', бакуну 'осетр', кәйзе 'ребро', турку 'озеро', луйкатәса 'разрушаться', сиркәтәби" 'если раскопать', ненңкә 'комар'. В позиции перед гласными переднего ряда так же, как и согласный г, воспринимается на слух как палатализованный: китәди 'будить', кир 'муха', күбде 'свинца'.

х - заднеязычный плоскощелевой глухой. Наблюдается в начале слова, в середине - между двумя гласными и после звука *ң*. В интервокальном положении преимущественно, хотя и факультативно, имеет озвонченный верхнефарингальный оттенок, а в позиции после *ң* - обычно назализованный. Примеры: хоты 'желчь', хыты 'гнездо', хоңкә 'рукоятка', хотәдие (хотәде) 'звезда', хула 'мост', хй 'ночь', хепты 'губа', үзуу 'рукавица', үзуу 'старшая сестра', коңуу 'волна', наңуо 'плохой'. В зависимости от сопровождающего гласного проявляется в различной степени смягченных оттенках: бауи 'дикий олень', хекәге 'жара', хүтезе 'туловище', хуб 'год', хяң 'ладонь', бауя 'плохой', деңуя 'одежда'. (Как уже указывалось выше, с. 19, 33, начальному х нганасанского языка в других са-

модийских языках регулярно соответствует звук п). Исторически переход п в х произошел через звук ф. Свидетельства этого перехода имеются в письменных источниках. Еще М.А. Кастрен в своей „Грамматике самоедских языков“, последовательно фиксируя звук f, отметил, что он колеблется между f (губно-губным) и звуком h.⁶ С том же со ссылкой на М.А. Кастрена писал и Г.Н. Прокофьев.⁷ В настоящее время включение в число согласных фонем нганасанского языка фонемы f не оправдано, так как этот звук везде заменился звуком х.

— гортанный смычный ртовый глухой. Отмечается в середине слова преимущественно в интервокальном положении, хотя возможен и перед согласным, а также после некоторых согласных, и в абсолютном конце, в единичных случаях — в начале слова. Примеры: бы" 'вода', кору" 'дом', кона"а" 'они ушли', ту"ому" 'мы пришли', коза"аме" 'я добыл', тары"ка" 'белка', бинти"си" 'росомаха', басу"си" 'охотник', накүрү"мену" 'по три', нйгәй" 'хорошо', "ә"ә" 'старший брат', 'младший брат отца' (при обращении).

Доказательством фонематичности гортанного смычного в нганасанском языке является наличие минимальных пар слов, например: ма? 'что?' — ма" 'чум', тө" 'ладно' (частица, выражающая согласие) — тө" 'дай' (от глагола тәтүдә 'дать'), серу" 'веревка для увязывания нарты' — серу" 'привяжи' (от глагола серүдә 'привязать').

Имеются аффиксальные морфемы, состоящие из одного гортанного смычного (как в ненецком и энецком языках), например, формант множественного числа, показатель 2-го лица ед. числа повелительного наклонения субъектного спряжения, ср.: тә" 'домашний олень' — тә" 'домашние олени', колы" 'рыба', колы" 'рыбы', сүрү" 'снег' — сүрү" 'снега', кондуату" 'спит-он' — кондуату" 'спят-они-многие', нилы- основа глагола нилыдә 'жить' — нилы" 'живи' и др.

В отличие от ненецкого и энецкого языков в нганасанском имеется только один гортанный смычный — неназализованный (или ртовый). Взамен назализованного (или носового) гортанного

---

⁶ C a s t r é n М.А. Grammatik der samojedischen Sprachen, S. 17.

⁷ П р о к о ф њ е в Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект, с. 55.

смычного в ряде слов, общих со словами этих языков, в нганасанском выступает заднеязычный η , см. выше, с. 25. В других словах назализированному гортанному смычному в нганасанском соответствует ноль звука. Однако в парадигме склонения такие слова отличаются от других с основой на гласный. Например: η анэ"са 'человек' - имен.п. мн.числа η анэ"са-нэ" 'люди', туса 'очаг', 'печь' - туса-нэ" 'очаги', 'печи', тйпси 'гребень' - тйпси-нэ" 'гребни', дбугупса 'пешня' - дбугупса-нэ" 'пешни' и др. Ср.: турку 'озеро' - турку-" 'озера', сатэра 'песец' - сатэра-" 'песцы'. Изменение таких слов в основном однотипно изменению слов с конечным η : бау 'собака' - ба-нэ" 'собаки'.

Сонанты

м - губно-губной смычный носовой сонант. Отмечается во всех фонетических позициях: в абсолютном начале слова, в середине - в интервокальном положении, после гласного перед согласным, в исходе слова. В последнем случае чаще выступает в качестве показателя 1-го лица единственного числа субъектного спряжения и винительного падежа единственного числа. Примеры: маге 'крепкий', 'твердый', мене 'я', мыу 'мы-многие', неме 'мать', хомега 'острый', 'зоркий', нагэмтуо 'третий', тарумса 'разлука', хймхи" 'если испугаться', ним 'имя', ту"ом 'пришел-я'.

В определенных звукосочетаниях подвергается палатализации: миhi" 'если отдать', мендяде 'новый', мунтуптубу" 'если наполнить', имиди 'бабушка', мантумудя 'направо'.

н - переднеязычный смычный носовой сонант. Наблюдается в начале слова, в середине - в интервокальном положении, перед согласными д, т, с, после согласного т. Примеры: ны 'женщина', нокэптуса 'отогнать', танэ"ликүмену 'помалу', бэнде" 'все', тансе 'семья', лэунтэбу" 'если разгораться'.

н' - среднеязычный смычный носовой сонант. Употребляется в начальной позиции и в середине слова, преимущественно между гласными, но отмечается также и перед согласными. Примеры: немьянку 'важенка', нитэ 'ведро', 'котел', тэне 'мои олени', нюому 'заяц', лумнянка"а 'лохматый', хуан'деху 'густой (напр., о лесе)'.

В позиции перед среднеязычными согласными в некоторых случаях **н** и **н'** свободно чередуются, например, наряду с хйндя 'ночь' говорят хйндя, наряду с мен'дяде 'новый' - мендяде и т.д.

ң - заднеязычный смычный носовой сонант. Встречается во всех положениях в слове: в абсолютном начале, в середине - между гласными, перед согласными г, к, х, после звуков й, л, в абсолютном исходе. Примеры: ңамтэ 'рот', ңойбуо 'голова', тэңэ 'лето', дяңур 'безлесная тундра', хеңгяңку 'черненский', дяңхы-лэби" 'если заблестит', кэйңися 'петь', сэлңыза 'локоть', тың 'вы-многие', таң 'сухожилие', сең 'ножны'. Звук ң наблюдается и перед гласными переднего ряда: ңилепте 'нижний', ңүляэ 'волк', ңүй 'шест чума', ңгнту 'парень', приобретая в таких сочетаниях более продвинутую артикуляцию.

В определенных фонетических условиях конечный заднеязычный ң переходит в переднеязычный. Например: баң 'собака' - бантуң 'их собака', банэ 'собачий'; ңаң 'рот' - ңантэту 'в его рот'. Перед сонантами конечный заднеязычный ң отпадает. Например: баң 'собака' - бамэ 'моя собака', баму" 'наша собака', балэ 'твоя собака', балу" 'ваша собака'; ңаң 'рот' - ңамэ 'мой рот'; хяң 'ладонь' - хямэ 'моя ладонь'.

й (j) - среднеязычный щелевой сонант. Встречается в конце слога как конечного, так и срединного, замыкая его. Примеры: кэй 'грань', таэй 'ключица', кайбу 'лопата', сеймы 'глаз', ңойби 'сват', 'сваха', туйся 'прийти', хойтэсы 'рубить (дрова)'. Будучи в конечной позиции, при словоизменении и словообразовании ряда форм отпадает. Например: бигай 'река' - род.п. ед.ч. бикā 'реки', уменьшительная форма - бикā"кү 'речка'; туй 'огонь' - ту сэ 'треск огня', ср. туй сэчиты 'огонь трещит'; ңүй 'шест чума' - ңүй найбэзү" 'длина шеста'. В ряде других форм конечный й не отпадает, при этом ведет себя как остальные согласные (суффиксы, которые присоединяются в этом случае, такие же, что и у других слов на согласный), например: бигай 'река' - бигай-чену 'в реке', но турку-тэну 'в озере' (турку 'озеро'), бигай-кэте 'из реки', но турку-гэте 'из озера', бигай-кэй 'реки-две', но турку-гэй 'озера-два'; туй-хү" 'если прийти' (глагол туй-ся 'прийти'), но басу-бу" 'если охотиться' (глагол басу-дя 'охотиться'); ср. ңэм-хү" 'если съесть' (глагол ңэм-са 'съесть'). В качестве отдельной морфемы является формантом винительного падежа множественного числа.

В языке хатангских нганасанов употребляется и в начале слога, в том числе первого, оказываясь тем самым в абсолютном начале слова: коптуатуйа (коптуатуја) 'своей дочери', вместо авамского коптуатудя; язэте (јазэте) 'тебе', вместо авамского дязэте и др.

р - переднеязычный ротовый дрожащий (мгновеннопреградный) сонант. В абсолютном исходе оглушается. Отмечен в середине слова - в интервокальном положении, после й перед звуками с, х, к и в абсолютном исходе слова после гласного. В определенной позиции смягчается, эта смягченность не является фонологической и в ряде случаев носит факультативный характер. Примеры: мерэгэ 'быстрый', 'скорый', тере 'игла для починки невода', хорбу"бале 'пенистый', ляндырсыи 'баркаты', хӯрсы 'искать', хейро 'танец', сыр 'соль', серир 'ременное крепление у нарты', нагӯр 'три' (числительное), сӯрӯ 'снег', дир'хя 'тенок (до следующего отела)', толархӯ " 'если воровать', ӯармӯ 'восток', согӯр 'вышивка'.

д - переднеязычный ротовый целевой боковой сонант. Произношение очень ненапряженное. Встречается в начале слова перед гласным, в середине слова - между гласными, перед согласными т, к, ң, х, после согласного м. Примеры: лӯ 'одежда', лаңӯ 'крик', хылагэ 'испуг', талуо 'вчера', буогәлхӯ " 'если разговориться', салку 'висок', әмледи 'вот такой'.

д' - среднеязычный ротовый целевой боковой сонант. Примеры: лиле" 'ил', лӯб"са 'русский', лянсе 'кустарник', биля"ке 'седло', маталир 'сооружение над покойником', хил'чи 'овод', хуа-лӯра"а 'каменистый'.

Ф о н е т и ч е с к а я   с т р у к т у р а   с л о в а и   с л о г а

Слова нганасанского языка односложны, двусложны и многосложны. Количественно преобладают двухсложные и трехсложные слова. Слова с большим числом слогов являются в основном производными. Из произвольно взятого отрывка в 500 слов односложными оказалось 33 слова, двухсложными - 175, трехсложными - 172, четырехсложными - 85, пятисложными - 23, с большим количеством слогов - 12.

Структурным центром слога является гласный звук. Слоги, состоящие из одних согласных, в этом языке отсутствуют. Нетипично также стечение гласных монофтонгов и дифтонгов. В связи с этим количество слогов в слове определяется количеством гласных звуков.

В составе слога гласный звук может быть либо простым (монофтонгом - нормальным по своей длительности, кратким или долгим), либо сложным (дифтонгом).

Слоги могут быть открытыми (преимущественно), закрытыми и замкнутыми. Различаются следующие типы слогов: гласный (в абсолютном начале слова), согласный + гласный, гласный + согласный, согласный + гласный + согласный и ограниченно - согласный + гласный + согласный (последним согласным является гортанный смычный). Таким образом, в абсолютном начале слова может быть только один гласный или один согласный, в конце слова - гласный, согласный и редко два согласных. Примеры: и-ри 'дедушка', и-ми-ди 'бабушка', эм-ны 'здесь', де-бы 'каблук', лүб"-са 'русский', ним 'имя', нәү-хум-са 'стать плохим, испортиться', үой" 'ноги'.⁸

Относительное многообразие структуры характерно только для первого слога. Конечные и срединные слоги еще более ограничены: они не могут состоять из одного гласного, по своей структуре они преимущественно открытые или замкнутые.

Стечение согласных, как правило, возникает на границе разных слогов: муң-ку 'растущее дерево', кәп-ту-бү" 'если погасить', бе-тір-хи" 'плясать', нә-тум-дян-де 'новорожденный' (букв.: только что появившийся).

Вообще стечение согласных в середине слова (как в пределах одной морфемы, так и на стыке морфем) ограничено и в основном исчерпывается следующими сочетаниями: сонант + шумный (мб, мт, мс, мк, нд, нт, нс, нд', н'д', н'с, н'т', ро, рт, рс, рк, рд', рм, рч, рх, лт, лк, лх, л'т, йб, йт, йс, йз, йд', йч, йх, йк, үг, үк, үх), значительно реже сонант + сонант (мн, мл, рм, лң, йм, йн', йң) и шумный + шумный (пт, пс, пк, тк).

Начало и конец слова различаются по звуковому построению. В абсолютном начале слова употребляются гласные а, и, ө, ү, в единичных случаях ы и согласные б, м, т, с, н, л, д', ч, н', л', к, х, ң, в виде исключения гортанный смычный ". Не употребляются в этой позиции гласные э, у, о, все дифтонги (кроме дифтонга ау) и согласные г, д, й, з, п, р.

В конце слова возможны все гласные (кроме дифтонга ау) и согласные м, р, й, ң, гортанный смычный ".

---

⁸ Приблизительно сходный фонетический строй слов восстанавливается для прауральского языка, см.: N a j d ú P. Bevezetés az uráli nyelv tudományba (A magyar nyelv finnugor alapjai) Budapest, 1966, ек. 43-52.

В ряде случаев наблюдается несовпадение слогораздела с границами между морфемами. Например, в слове нўлязянку (нў-ля-зянку) - уменьшительная форма от слова нўляза 'волк' - при слогаделении согласный н уменьшительного суффикса -нку переходит в предшествующий слог.

Соответствие между морфемой и слогом имеет место в тех случаях, когда характер составляющих их звуков соответствует закономерностям слогаделения нганасанского языка.

Вопрос о строении слога имеет немаловажное значение при изучении любого языка. Особенности его структуры, характерные сочетания звуков в различных комбинаторных условиях теснейшим образом связаны с фонетическим обликом слова.

У д а р е н и е

Проблема ударения в нганасанском языке остается почти совершенно не изученной. Имеющиеся сведения основаны исключительно на наблюдениях, проводимых в полевых условиях за речью нганасанов. При этом определение на слух места ударения в слове нередко вызывает большие затруднения.

В предварительном порядке имеющиеся в этом отношении материалы могут быть обобщены следующим образом. Ударение в нганасанском языке определяется как динамическое и количественное - гласный в ударном слоге является более напряженным и длительным, чем в неударном.

В двусложных словах ударение приходится преимущественно на первый слог. Например: кита 'чашка', сэму 'шапка', тому 'салыник', 'жировая пленка', мули 'орнамент'. При наличии в составе слова долгого гласного или дифтонга ударение тяготеет к ним. Например: дудэ 'сновидение', нитэ 'котел', хуайму ' меховая обувь'.

В трехсложных и многосложных словах ударение может быть на любом слоге. Например: хэкуты 'жарко', сблату 'стекло', черэ'си 'верховой олень', маталир 'сооружение над покойником', хорезай 'лист дерева'.

Кроме главного ударения, может быть и второстепенное, которое в словах, имеющих главное ударение на первом слоге, обычно приходится на третий слог: суалемэ 'смолистый', мунсалёса 'вскипеть', манурый 'давно'. В многосложных словах дополнительное ударение может падать и на пятый слог: хуатэмэндетуме 'брошу', сятымьбятине 'кончай-обычно'.

В отдельных случаях гласные в слове могут быть равномерно напряженными, и, несмотря на их четкое произношение, ударение в таких словах нельзя выделить. То же явление наблюдается у слов, имеющих во всех слогах долгие гласные или дифтонги.

При словоизменении или словообразовании ударение как норма сохраняется на корневой морфеме. Например: хя́-птэны 'в ладони', күб-тэну 'березой', дү́-тэны 'одеждой', бикá-дя 'к реке', кáхжэ 'шаманская одежда' - кáхжэ 'моя шаманская одежда'.

Изменение звукового состава основы само по себе также не влечет за собой перемещения ударения: сáхы 'сырое мясо' - сáбн" букв. 'сырые мяса', лянсэ 'куст' - лянде" 'кусты', тугы" 'материя' - тукыде" 'материя'.

Ударение остается на корневой морфеме и в тех случаях, когда оно переходит с одного слога на другой. Например: бэре 'край' - бэрáйку 'краешек', бэтэңэ 'чир' - бэтэңэ́ или бэтэңэ́те 'чировый', колы 'рыба' - коля́ку 'рыбка'.

Дополнительное ударение может стоять на вторичной основе слова или на форманте, например: тáнса 'аркан' - тáнсанэ" 'арканы', мэу 'земля' - мэуэмэ́ 'покрытый землей', тэңэ 'лето' - тэңэдэ́ 'бывшее лето'.

Лишь в определенных случаях ударение, чаще в связи с долготой, может переходить на формант, особенно при наличии в последнем дифтонга. Например: үзүсуя 'быть видным' - үзүтү́э 'видный', хонсы 'иметь' - хонтү́э 'имеющий', мынсы 'двигаться' - мынтү́э 'двигающийся', хоре 'лицо' - хорезүй́ 'лист дерева'.

Нередко ударение играет смыслоразличительную роль, при этом, как правило, гласные отличаются и по долготой, например: нитэ́ 'котел' - нитэ́ 'с поверхности чего-либо', касáдя 'чуть не' - касáдя 'задеть', ку́баса 'бисер' - ку́басá 'бисерный', хоá 'дерево' - хоáде 'деревянный'.

Ч е р е д о в а н и я з в у к о в

Наиболее часто встречающиеся чередования гласных

э/и:	бáрбэ 'хозяин, началь- ник'	-	бáрби" 'хозяев, начальни- ков'
	немэгэ 'прямой'	-	немэгимси 'стать прямым'
	кэмэдя 'поймать'	-	кэми"эту 'поймал-его-он'
э/ы:	середи 'надеть'	-	серычесн 'надевать'
	эмэ 'этот'	-	эмы" 'этих'

э/у:	динте 'лук'	-	динду" 'луков'
	тәңе 'лето'	-	тәңутум 'провожу лето'
	һуомтәса 'соединяться'	-	һуомтуғуһса 'соединять'
ә/ү:	һамте 'рог'	-	һамту" 'рогов'
	кәмеда 'поймать'	-	кәмүзүһса 'ловить'
	контә 'жертва крова- вая'	-	контүһса 'приносить кровавую жертву'
а/у:	кундаса 'лечь спать'	-	кунду"сүзһиң 'ляжешь спать'
	тамтарса 'покупать'	-	тамту"кәса 'начать торговать'
а/ү:	лүб"са 'русский'	-	лүб"сүтүдя 'ездить к русским (торговать)'
	хуана"са 'везти го- стинец'	-	хуанү"ся 'в качестве гостин- ца'
у/а:	метудя 'отрезать, раз- резать'	-	метә"амә 'разрезал-я'
	тәйбу 'хвост'	-	тәйба"ку 'хвостик'
	кәту 'ноготь, коготь'	-	кәзә"кү 'ноготок, коготок'
у/и:	мәку 'спина'	-	мәкизә 'сзади (букв. со спи- ны)'
	серу 'веревка для уя- звания нарты'	-	серирси 'увязывать нарту'
у/ә:	һирку 'тальник'	-	һиркә"бала"а 'очень богатый тальником'
	сәңкуса 'быть тяжелым'	-	сәңкәгә 'тяжелый'
ү/а:	тамтү"ся 'купить'	-	тамтарса 'покупать'
	сумү 'тихо (о пого- де)'	-	сумараңку 'тихонький (о пого- де)'
	һандү"мү 'полоз'	-	һандү"мамуо 'след полоза'
ү/и:	бүһса 'уйти'	-	би"ә 'ушел-он'
	сүрү 'снег'	-	сирамса 'стать снегом'
ү/х:	сүлүдя 'ожить'	-	сүля"аң 'ожил-ты'
	сүһсүдя 'кончиться'	-	сүдя"а 'кончился'
б/ү:	куобб 'мертвый'	-	куобү" мәу 'земля мертвых'
	дямб 'голос'	-	дымү" дели 'голосов звук'
	һелхөзүһса 'отпустить'	-	һел"хү"күһса 'отпускать'
һ/а:	дьялы 'день'	-	дьяламса 'рассвести'
	колы 'рыба'	-	дьяла"кү 'денек'
	толыди 'украсть'	-	коламса 'стать рыбой'
и/ү:	кәйһһисә 'петь'	-	толарса 'воровать'
	хойкирса 'бегать'	-	кәйһүтү 'поет'
	һонһһиди 'выйти'	-	хойкүтү 'бежит'
һ/ә:	тәһһһһһһ 'пододвигать- ся'	-	һонһһзүһса 'вывести'
		-	тәһһһһһһ 'подвинуться'

о/у: нәүхо 'плохой'	-	нәүхумса 'стать плохим'
нәтө 'обработанный сейчас'	-	нәтуру 'обрабатывает'
у/ә: лаңүрся 'кричать'	-	лаңә"кәса 'начать кричать'
сарүся 'быть привязанным'	-	сарәдя 'привязать'
а/и: байка"а 'старик'	-	байка"имү"ө 'стал стариком-он'
кула"а 'ворон'	-	кула"имү"ө 'стал вороном-он'

Монофтонги могут чередоваться не только с монофтонгами, но и с дифтонгами. Например:

ы/яэ: дялы 'день, свет'	-	дялыә 'дневной'
тунты 'лисица'	-	тунтыә 'лисий'
у/уо: һамбу 'сон'	-	һамбуо 'сонливый'
нүому 'заяц'	-	нүомуо 'заячий'
а/ау: күмә 'нож'	-	күмәуне 'мои ножи'
бика (2-я основа от бига 'река')	-	бикауне 'мои реки'
ү/үө: сүрү 'зима'	-	сүрүөде 'зимний'

Некоторые дифтонги в свою очередь чередуются с монофтонгами. Например:

иа/и: диа 'головной мозг'	-	ди"иа (увеличительная форма)
сиа 'толень'	-	си"иа (увеличительная форма)
иә/и: чиәди 'залезть'	-	чи"әм 'залез-я'
сиә 'дыра'	-	си"иә 'дырища'
оу/о: коудя 'умереть'	-	котудя 'убить'
коу 'ухо'	-	ко"уо (увеличительная форма)
уо/у: норуо 'весна'	-	норудя 'весной'
		норумса 'стать весной'
уа/у: кундуаса 'спать'	-	кундуптуса 'уложить спать'
соруа 'дождь'	-	соруләса 'дождить'
үо/ү: нүо 'ребенок'	-	нүкү 'ребенок (при обращении)'
сүрүо 'зимний'	-	сүрүдя 'зимой'
уа/ә: тануа 'мало'	-	танә"ликү 'поменьше'

Наиболее часто встречающиеся чередования согласных

г/к:	нагүр 'три'	-	накүрә 'трех'
	бугур 'сеть'	-	букурә" 'сети'
	дүгуса 'заблудиться'	-	дүку"о 'заолудился-он'
к/г:	маку 'спина'	-	магу" 'спины'
	лаку 'меч'	-	лагу һаче 'лезвие меча'
	дикә 'гора'	-	дигә һойбуо 'вершина горы'
з/т:	һәзусы 'быть видным'	-	һәтумсы 'стать видным'
	хозүр 'бумага'	-	хотүраку 'бумажечка'
	бызә" 'воды'	-	быталәсы 'развести водой'
т/з:	ситі 'два'	-	ситимси 'стать вдвоем'
	дүтү 'рука'	-	дүтү" 'руки'
	хутурәса 'запрячь'	-	хузуртәса 'запрягать'
з/с:	хитізиси 'прокоптить (рыбу, мясо)'	-	хити"сиси 'коптить (рыбу, мясо)'
	дерызысы 'попасть'	-	деры"сысы 'попадать'
х/б:	бахи 'дикий олень'	-	бабимса 'одичать (об олене)'
	һаху 'старшая сестра'	-	һабу сәму 'шапка старшей сестры'
	сяхы 'сырое мясо'	-	сябы дүкә 'кусок сырого мяса'
н/ң:	кумунса? 'что сказать?'	-	кумуңху? 'что сказал-он?'
	мынсы 'идти'	-	мыңкаң 'иди'
	хонсы 'иметь'	-	хоңхи" 'если иметь'
һ/н:	баң 'собака'	-	банә" 'собаки'
	таң 'сухожилие'	-	тану" 'сухожилий'
	һаң 'рот'	-	һанті" 'во рту'
с/д:	десы 'отец'	-	деди" 'отцы'
	баса 'железо'	-	бадя" 'деньги'
	касу 'кора (дерева)'	-	кадү хельә 'кусок коры'
	дясы 'петля'	-	дяди һаңка 'круг петли'
д'/с:	хиди 'смех'	-	хисилесы 'засмеяться'
	сүдүтәса 'кончатся'	-	сүсүмүмба 'кончатся-обычно'
	хидиси 'смеяться'	-	хисилесы 'засмеяться'
с'/д':	иси 'родственник отца или матери старше их'	-	иди" (форма имен.п. мн.ч.)
	ася 'долганин'	-	адя кору" 'дом долганина'
	сүсүдя 'кончиться, израсходо- ваться'	-	сүдүтәса 'кончатся, расхо- дуются'
"/з:	ма" 'чум'	-	маза" 'чумы'

	бы" 'вода'	-	бызе" 'воды'
	кору" 'дом'	-	корузэй 'дома' (вин.п.мн.ч.)
нд/нт:	ңэндуй 'лодка'	-	ңенту"кү 'лодочка'
	бөндүа 'вверх'	-	бөнтузе 'сверху'
	ңонда" 'ум'	-	ңонтене хонтне 'умный'
нт/нд:	контудя 'увезти'	-	контутеса 'увозить'
	тунты 'лисица'	-	тунды тейбу 'хвост лисицы'
	кните 'дым'	-	кните даякага 'запах дыма'
нс/нд':	ңонсыди 'выйти'	-	ңонди"э 'вышел-он'
	хонсу 'матрац'	-	хондү" нини 'на матрацах'
	лянсе 'кустарник'	-	лянди", лянде" 'кустарники'
	ңунсы 'дымоход чума'	-	ңунди сме 'отверстие дымохо- да'
нд'/нс:	кунди 'вовнутрь'	-	кунсыны 'внутри'
	хунде 'отдельно'	-	хунсетены 'у отдельного'
нс'/нд':	денси 'цена'	-	дендиптигүйхи" 'ценить'
	синсе 'грудь'	-	черэ"ликү синдитие 'узкогру- дний'
ңг/ңк:	⁹ деңгуй 'ловушка'	-	деңкуй 'ловушки' (вин. п, мн.ч.)
	дяңгуйся 'отсутствовать'	-	дяңку 'отсутствует'
	ңаңгутуса 'кричать'	-	ңаңкереса 'закричать'
ңк/ңг:	хеңке 'черный'	-	хеңге" 'черные'
	сеңкеда 'переночевать'	-	сеңкепса 'ночлег'
	дөңку 'прорубь'	-	дөңгу када 'около проруби'
ңх/мб:	деңха 'одежда'	-	демба чиде 'рукав одежды'
	лыңхы 'орел'	-	лыбы" 'орлы'
	коңху 'волна'	-	комбу" 'волны'

Чередование звуков корневой морфемы весьма широко распространено в иганасанском языке. Целый ряд основ в нем имеет два варианта, один из которых является основообразующим для одних форм, другой – для других (подробнее см. ниже, с. 60). При этом при образовании некоторых форм от ряда слов наблюдаются и более

⁹ Противопоставление звукосочетаний ңг/ңк выступает иногда средством различения значений сходно звучащих слов: каңге? 'когда?' – каңке 'ужé'; дөңгу- (корневая морфема существительного дөңгупса 'пешня') – дөңку 'прорубь' и др.

сложные чередования звуков, чем те, которые приведены выше. Например:

бига́й 'река'	-	бика́за"а 'большие реки'
җәте́дә 'найти'	-	җәзи"әме 'нашел-его-я'
чехо́ди 'прибыть'	-	чеби"әме 'прибил-что-то-одно-я'
би́зи" 'стрела, ружейный патрон'	-	биті́зә ләпсы 'закрытый конец патрона' и др.

Нередко производные слова от одной и той же производящей основы имеют отличия в звуковом составе. Например: җәнүй-хү" 'удивиться' - җәне-ру-бү" 'удивить' - җәнүн-ся 'удивление' - җәнен-сәкә-мәны 'удивленно'.

И з м е н е н и я   з в у к о в   в   с о с т а в е с л о в а

Чередования звуков характерны не только для основы слова, но и для словоизменятельных и словообразовательных формантов. В основном чередования звуков в суффиксальных морфемах те же, что и в основе, и обуславливаются нередко особенностями строения последней. Так, например, формант первого лица множественного числа спрягаемых форм реализуется в следующих фонетических вариантах: -мн"/-му"/-мү"/-ми". Неопределенно-деепричастная форма характеризуется суффиксом -са/-сы/-ся/-си/-се/-дя/-ди, будущее время - показателем -суза/-сүза/-сыза/-сизә/-сизи/-сутә/-сүтә/сүти/-ситә/-сити, а прошедшее - формантом -сүо/-дүо/-зүо/-дие. Суффикс местно-творительного падежа -тәну/-тәны, присоединяясь к именам с определенным строением основы, принимает форму -нтәну/нтәны. Ср.: хейбн-тәны 'в жару' - мәу-нтәну 'на земле', дейтини 'ножками' - мнә-итини 'при перекочевках' и т.д. В уменьшительном суффиксе -ңку наблюдается чередование звуков -ңк со звуками -ңг: тәры"ка-ңку 'белочка' - тәры"ка-ңгу 'белочку', бару"ся-ңку 'чертенок' - бару"ся-ңгу-мту 'своего чертенка'.

Особенно показателен в этом отношении формант неочевидного (или заочного) действия, имеющий следующие фонетические варианты: -баңху/-бяхн/-хуаңху/-хуамбу.

Действие регрессивной ассимиляции наблюдается в иганасанском языке не часто и может быть показано на следующих примерах: мнн-сн 'идти' (основа мнн-), но: мнңкаң

'иди', миңхи" 'если идти'; кумун-са? 'что сказать?', но: кумун-ху? 'что он сказал?' (ср.: кумунсузән? 'что ты скажешь?'); хуан-са 'положить', но: хуанхү" 'если положить', хуанхуре? 'ты положил?'

С л и я н и е з в у к о в происходит обычно на границе корневой и суффиксальной морфем в случае, если основа слова оканчивается на гортанный смычный " , а суффикс начинается со звонкого согласного. Например: макәй 'чумы-два' (<ма" 'чум' + суффикс двойственного числа -гәй), макәтә 'из чума' (ма" 'чум' + суффикс отложительного падежа единственного числа -гәтә), корукитә 'из домов' (<кору" 'дом' + суффикс отложительного падежа множественного числа -гитә).¹⁰

В иганасанском языке нет сингармонизма, хотя в отдельных случаях отмечается как сингармоническое выравнивание гласных внутри корневой морфемы, так и выравнивание по гласным корневой морфемы гласных суффиксальных морфем. Организация соответствующих пар гласных в нем не проводится последовательно и отнюдь не носит закономерного характера. Например: кәхызысы 'охотиться на куропаток', чендырсысы 'готовиться'; ср. чүрүзүбү" 'вялить (мясо, рыбу)', лјө"сүтүдя 'ездить к русским (торговать)', дежү"түр-ся 'стрелять' и др. Ср. также мынты 'идет' и минтиті 'ведущий в аргише'.

---

¹⁰ Та же фонетическая закономерность, но в большей части именной парадигмы наблюдается в энецком и особенно в ненецком языках. например, в ненецком: мяк' 'чумы-два' (<мя" 'чум' + суффикс двойственного числа -г(а)'), мякана 'в чуме' (<мя" 'чум' + суффикс местно-творительного падежа единственного числа -гана), мякад 'из чума' (<мя" 'чум' + суффикс отложительного падежа единственного числа -гад), мяка"на 'в чумах" (<мя" 'чум' + суффикс местно-творительного падежа множественного числа -га"на), мякат 'из чумов' (<мя" 'чум' + суффикс отложительного падежа множественного числа -гат).

Аналогичное явление наблюдается и на границе между словами, см. об этом: Т е р е щ е н к о Н.М. О границах слова в ненецком языке. - "Советское финно-угроведение", 1966, № 4, с. 287 и сл.

Этим же обстоятельством обуславливается, по-видимому, вариантность целого ряда морфем. См., помимо отмеченных выше, видоизменение суффиксальной частицы -ра/-ла, выступающей в ограничительном значении: турку 'озеро' - турку-ра 'озеро-только'; бигай 'река' - бигай-ля 'река-только'; биэ 'ветер' - биэ-рыа 'ветер-только'; ситі 'два' - ситі-риа 'два-только'; мене 'я' - мы-лиа-не 'я-только'; тәне 'ты' - ты-лиа-тә 'ты-только' и т.д. Ср. также варианты причастного суффикса -туо: буо-туо 'говорящий', дярэзы-тыә 'болеющий', дяйсү-түө 'пронзительный', тачү-гуй-чүо 'пасущий оленей во время дежурства' и т.д., варианты суффикса принадлежности 3 л. ед.ч. дяла-зы 'его день', десь-зы 'его отец', хорэ-зу 'его лицо', иси-зи 'его дядя (любой родственник отца или матери, старше их)', сүрү-зү 'его снег'.

В этой связи большой интерес представляет высказывание М.А.Кастрена о том, что закон гармонии гласных был изначально присущ всем самодийским языкам и что некоторые следы его еще проявляются.¹¹

Отмечаемое в нганасанском языке положение можно рассматривать, по-видимому, как некоторые остаточные явления былой закономерности.

---

¹¹ C a s t r é n M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen, S. 24.

О морфологической структуре слова

Морфология - часть грамматики, изучающая грамматические классы слов, систему их грамматических форм и значений.

По преобладающему способу соединения морфем нганасанский язык, как и другие самодийские языки, является агглютинативно-суффиксальным с весьма сложной морфологической структурой. Значительное большинство как словоизменительных, так и словообразовательных форм образуется в нем путем суффиксации - на основу слова последовательно наращиваются форманты, обозначающие определенные грамматические категории. Например: басутуотэнуэ (басу-туо-тэну-нэ) 'у моего охотника' (басу- - основа глагола басудя 'охотиться', -туо формант причастия, -тэну - суффикс место-творительного падежа, -нэ - лично-притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа); муңку"лэмугитину" (муңку-"-лэмугити-ну") 'от наших обычных зимовок' (муңку - 'растущее дерево', -" - показатель множественного числа,¹ -лэму - суффикс, характеризующий обычное место какого-либо действия или состояния, -гити - формант отложительного падежа множественного числа, -ну" - лично-притяжательный суффикс 1-го лица множественного числа.

Как видно из приведенных примеров, различные морфемы накладываются на первооснову слова в определенной последовательности, составляя в своей совокупности целую цепочку, звенья которой без особых затруднений вычлняются при морфологическом анализе.

¹ От формы множественного числа слова муңку 'растущее дерево' - муңку" образуется глагол муңку"са 'перекочевать на зимовку' (букв.: к деревьям)!

Вместе с тем у нганасанского языка имеются иные типологические черты, которые, однако, не играют решающей роли для определения его грамматического строя. Так, помимо суффиксации или наряду с ней немалое значение имеют регулярные чередования звуков, выполняющие грамматическую функцию. Данным явлением определяется одна из характерных особенностей нганасанского языка, заключающаяся в том, что у части имен существительных, а также прилагательных, числительных, местоимений основа слова при словоизменении и словообразовании выступает в двух фонетических модификациях (каждая из модификаций – для своего ряда форм), тогда как другая часть существительных во всех формах обнаруживает одну фонетически не изменяемую основу, как это и свойственно обычно языкам агглютинативно-суффиксального строя.

Аналитические построения имеют меньший удельный вес. Этим способом образуются, например, имена обладания и необладания: баң 'собака' – банэ хонтэ 'имеющий собаку', ны 'женщина', 'жена' – ны хонтэ 'женатый'; дүтү 'рука' – дүтүгали ичүо 'безрукий', нүо 'ребенок' – нүогали ичүо 'бездетный' и т.д.²

Составными элементами слова являются морфемы, каждая из которых выступает в особом значении. Совокупность грамматического значения слова фиксируется его изменениями в определенном парадигматическом ряду, образуя тем самым ряд словоформ. В каждом членом слове нганасанского языка выделяются корневая и суффиксальная морфемы. В определенных случаях суффиксальная морфема может быть нулевой и выявляется при противопоставлении другим элементам парадигмы.

Суффиксальные морфемы имеют различное назначение: одни из них придают слову новое лексическое значение, хотя смысловое содержание корневой морфемы остается прежним. Другие меняют семантику слова, переводят его в другую грамматическую категорию. Третьи уточняют и обогащают содержание корневой морфемы новыми семантическими оттенками. Четвертые указывают на отношение данного слова к другим словам в предложении.

---

² В ненецком и энецком языках данные формы образуются путем суффиксации. Ср., например, в ненецком: вэ' 'собака' – вэн-завэй 'с собакой', не 'женщина', 'жена' – несавэй 'женатый'; нуда 'рука' – нудасйда 'безрукий', ню 'ребенок' – нюсйда 'бездетный' и т.д.

Все суффиксальные морфемы располагаются по правую сторону от корневой в определенной последовательности. Ближе к корневой морфеме помещаются словообразовательные суффиксы, за ними следуют словоизменительные. У иман после словообразовательных суффиксов ставятся падежные, а за ними идут лично-притяжательные форманты, вслед за которыми могут добавляться только некоторые суффиксальные частицы. Исключение в нганасанском составляет форма дательно-направительного падежа с суффиксом -дя, в которой лично-притяжательный формант предшествует падежному, например: дедитэ́та 'твоему отцу', но: дедита́дя 'к твоему отцу'. Такое расположение суффиксальных морфем в последнем случае находит свое объяснение в происхождении падежного суффикса -дя (см. на с.84). Показатель типа склонения, если он имеет специальное морфологическое выражение (см. лично-предназначительное склонение), присоединяется к именной основе, потом следует числовой, а за числовым - лично-притяжательный суффикс, совмещающий в себе значение лица и падежа.

В глаголе после словообразовательных помещаются суффикс видовой направленности, занимая, таким образом, срединное положение между словообразовательными и словоизменительными аффиксами. Далее оказываются показатели наклонений, за ними показатель времени, а за временными - форманты типов спряжения. Последнее место в ряду суффиксальных морфем в глагольном слове приходится на долю личных и числовых показателей, после которых возможны лишь интонационные и некоторые модальные суффиксальные частицы.

О частях речи

По грамматическому значению весь словарный состав нганасанского языка подразделяется на неравные по своему удельному весу и значимости группы: знаменательные слова, служебные слова, междометия. Границы между этими группами слов не являются абсолютными и постоянными. Служебные слова и междометия нередко восходят к знаменательным словам; пополнение этих разрядов слов за счет слов знаменательных происходит и в настоящее время. С другой стороны, ряд слов, полностью сохраняющих свою знаменательность, в определенном контексте может выступать в качестве служебных или в качестве междометий. Иногда знаменательное слово, с одной стороны, служебное слово или междометие, с другой - представляют собой омонимы.

Каждой из названных групп слов свойственны специфические признаки, отделяющие их друг от друга.

Знаменательные слова «отражают действительность в ее предметах, действиях, качествах или свойствах»,³ например: туй 'огонь', дялы 'день', кэптудя 'погасить', ченьди 'знать', бэлуа 'злой', хекутыэ 'знойный', нагур 'три', нагэмтуо 'третий', нягэй 'хорошо', нясырай 'еле-еле', теті 'тот', эмты 'это', нумтүся 'сидя', нумэбу 'если пробудиться' и т.д.

К знаменательным словам в зависимости от их категориальной семантики относятся существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, причастия, деепричастия, наречия. В предложении знаменательные слова выступают в качестве его членов: подлежащего, сказуемого, прямого дополнения, определения, обстоятельственного дополнения.

Служебные слова не обозначают самостоятельных понятий. Уточняя понятия, выражаемые знаменательными словами, они передают различные отношения между последними. В силу этого грамматические значения в служебных словах преобладают над лексическими.

В соответствии с выполняемой ими грамматической ролью служебные слова нганасанского языка делятся на послелогии, союзы, частицы, например: бэобэ 'взамен', 'вместо', нэзуны 'при (ком-л., чем-л.)', нилену 'под чем-л.', нану 'с кем-л., чем-л.', нонэ 'и', минтэганы 'может быть', минту 'можно' и т.д. В роли членов предложения служебные слова выступать не могут.

Междометия служат для выражения различных чувств и побуждений. В предложении они не вступают в грамматические связи с другими словами. Не являясь членами предложения, междометия тем не менее придают особую эмоциональную окраску всему высказыванию. В известных случаях взятое само по себе междометие может выступать в значении предложения.

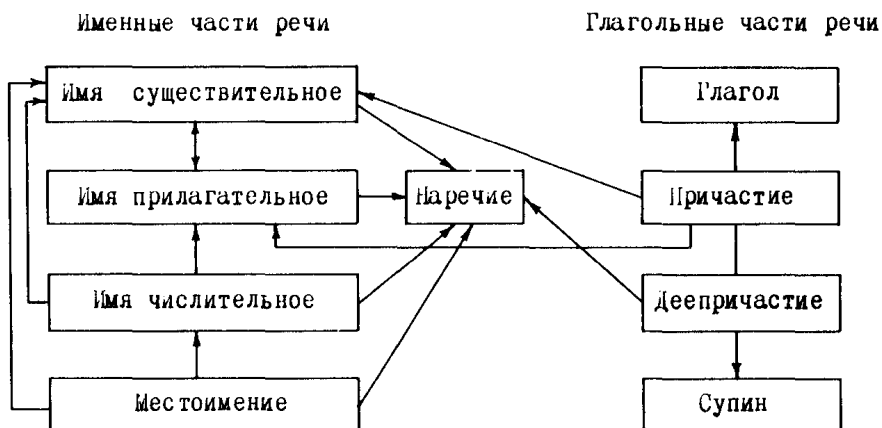
Различные разряды знаменательных слов не отделены друг от друга непроницаемой стеной. Определенные группы существительных в роли определения могут выражать значения, свойственные именам прилагательным. При определенном употреблении именные слова нередко приобретают признаки наречий — особенно часто наблюдается это явление у имен существительных и прилагательных; в живой

---

³ Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1960, с. 19.

речи отмечается переход и других разрядов слов в наречия. Признаки разных групп знаменательных слов совмещают в себе причастия и деепричастия. Причастия по своим функциям сближаются то с глаголом, то с прилагательным, то с существительным. Количественные числительные близки к существительным, а порядковые – к прилагательным. Такого же рода тяготение отмечается у личных и лично-определятельных местоимений, с одной стороны, у указательных и определятельных местоимений – с другой. У деепричастий нередко выявляется большое сходство с наречиями.

Взаимосвязи между частями речи нганасанского языка могут быть представлены в виде следующей схемы:

Рассматривая вопрос о частях речи в разных языках, акад. И.И. Мещанинов подчеркивал, что «число их и их характер не могут во всех языках выразиться в одной совершенной тождественной схеме».⁴ О том же, по существу писал и акад. В.В. Виноградов: «Не надо думать, что части речи одинаковы по количеству и качеству во всех языках мира».⁵

⁴ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, с. 12.

⁵ Виноградов В.В. Русский язык. М.-Л., 1947, с. 39.

Даже одноименные части речи могут существенно различаться между собой в разных языках. Особенно отчетливо сформулирована эта мысль в трудах акад. Л. В. Щербы: «В сочинениях по общему языкознанию к вопросу обыкновенно подходят с точки зрения происхождения категорий «частей речи» вообще и лишь иногда с точки зрения различных способов их выражения в различных языках, и мало говорится о том, что и сами категории могут значительно разниться от языка к языку, если подходить к каждому из них как к совершенно автономному явлению, и не рассматривать его сквозь призму других языков». ⁶

Это положение относится в полной мере к нганасанскому языку. Каждая из частей речи в нем характеризуется своеобразными чертами и имеет немало отличий от обозначенных теми же терминами частей речи в индоевропейских языках.

Задача настоящей работы и состоит в выявлении основных особенностей грамматического строя исследуемого языка. В морфологии эти особенности выявляются прежде всего в системе частей речи, представляющей собой результат классификации знаменательных слов по соответствующим разрядам. Вопрос о частях речи рассматривался во всех опубликованных научных работах по нганасанскому языку.

В грамматике М. А. Кастрена выделяется шесть частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, частицы. К прилагательным им относятся только первообразные прилагательные, число которых в самодийских языках вообще и в нганасанском в частности действительно очень невелико. Некоторые из этих слов употребляются, по его словам, «как наречия». ⁷ При этом за прилагательные в ряде случаев им принимаются формы таких глаголов, которые в связи с особенностью своего значения характеризуют качество или особый вид состояния предмета (по нашей терминологии, глаголы качественного состояния). Местоимения подразделяются на а) личные аффиксы, которые в свою очередь разбиваются на предикативные аффиксы, субъектные аффиксы и объектные аффиксы; б) самостоятельные местоимения. В раз-

---

⁶ Щ е р б а Л. В. О частях речи в русском языке. — В кн.: Щ е р б а Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 77-78.

⁷ C a s t r é n M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854, S. 186-187.

деле глагол к категории наклонения отнесены инфинитив, герундий и супин. Почти не подвергаются рассмотрению причастия, о которых в разделе о наклонениях сказано, что они являются в действительности «еще живыми именами».⁸

Говоря о частицах, М.А.Кастрен различает среди них самостоятельные и энклитические частицы. К первым, по его мнению, относятся все послелого и междометия. Что касается наречий и союзов, то одни из них принадлежат, согласно его взгляду, к первой, другие — ко второй группе. При этом М.А.Кастрен указывает, что в самодийских языках нет собственно частиц, так как все они являются по своему происхождению именами, местоимениями или глаголами. Вместе с тем М.А.Кастрен отмечает, что некоторые из частиц могут употребляться и как наречия, и как послелого.

В очерке «Нганасанский (тавгийский) диалект» Г.Н.Прокофьева указаны следующие части речи: имя существительное — прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, глагол.⁹

Г.Н.Прокофьев не видел оснований для выделения прилагательных в качестве особой части речи. И существительные и прилагательные объединяются им в один разряд слов. Причастия и деепричастия рассматриваются в числе отглагольных именных образований. В разделе «Наречие» основное внимание уделяется наречиям места, которые представляют собой с точки зрения исследователя «по существу имена с неполным склонением...» и «могут быть разделены на самостоятельные и послелоговые... условно».¹⁰

В грамматике М.А.Кастрена впервые и притом довольно подробно дано описание морфологической структуры нганасанского языка, причем основное внимание уделяется наиболее крупным разрядам слов: существительным и глаголам. Здесь же приводятся параллели с другими самодийскими и рядом финно-угорских, тюркских языков.

В грамматическом очерке Г.Н.Прокофьева, кратком в соответствии с требованиями издания, изложены основные особенности морфологической структуры нганасанского языка. Несмотря на свой

---

⁸ Там же, с. 368.

⁹ Прокофьев Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект. — В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.-Л., 1937, с. 59-70.

¹⁰ Там же, с. 69.

несколько конспективный характер, очерк этот имеет большое значение как результат последующего изучения малоизвестного в науке языка. Важными, в частности, являются в нем некоторые расхождения с материалом, приведенным в грамматике М.А.Кастрена, поскольку они отражают особенности развития иганасанского языка.

Совершенно очевидно, что на первых этапах изучения неизбежно приходилось ограничиваться выяснением основных структурных особенностей исследуемого языка. Предполагалась необходимость последующего уточнения и детализации языковых фактов, большего проникновения в сущность языковых явлений.

Развитие положений предшественников на основе того нового, что дало углубленное изучение более обширного и всестороннего фактического материала, выявление ранее не отмеченных специфических черт, естественно, составляет цель дальнейшего исследования.

И М Я С У Щ Е С Т В И Т Е Л Ь Н О Е

Общие сведения. Грамматическое значение существительного составляет выражение предметности в широком смысле этого слова. Имя существительное в иганасанском языке имеет грамматические категории числа, падежа, личной принадлежности, личного предназначения. В предложении существительные служат для выражения всех его членов, включая и сказуемое. В роли сказуемого существительное (как и другие именные части речи) присоединяет личные форманты неопределенного („настоящего“) времени, в основном те же, что и у глагола в субъектном спряжении. Помимо того, существительные обладают способностью сочетаться со словами, выражающими признаки соответствующих предметов; посредством соответствующих падежных форм они вступают в связь с глаголами.

Имена собственные и нарицательные

По своему значению существительные делятся на имена собственные и имена нарицательные. К собственным именам относятся географические названия, имена людей, названия светил, клички животных и др.

в качестве примера бытующих у нганасанов географических названиях можно привести следующие: Аоаму 'Авам', Бэрэңэ "Бырангы" (горы), Таймирэму 'озеро Таймыр' и т.д. некоторые из географических названий легко поддаются переводу. Например: Койкү" ма" 'Дудинка' (букв.: идолов чум).¹

До сравнительно недавнего времени личные имена людей у нганасанов образовывались от имен нарицательных, например: Ну-маңку 'молодой' (букв.: молоденький), Ыйгэ 'Хороший', Намбу 'Сон', Сырайкуо 'Белый', Сеймы 'Глаз' и др. Основанием для выбора того или иного имени служили обстоятельства, сопутствовавшие появлению на свет ребенка, отличительные черты наружности, поведения новорожденного, события семейной жизни, относящиеся к этому времени и т.д.

Обращает на себя внимание большое разнообразие нганасанского именника. И это вполне объяснимо, поскольку причины, обусловливавшие выбор того или иного имени были самыми разнообразными. Было бы, однако, неправильно думать, что все собственные имена носят произвольный характер. Существовали более общие критерии и обстоятельства, устанавливавшие, почему в данном случае дается то, а не иное имя. Так, например, имя Курсими — производное от причастия хурсимэ 'вернувшийся' (ср. глагол хурсэди 'вернуться') присваивается ребенку, родившемуся после смерти кого-либо из близких (новорожденный в этом случае появляется на свет как бы взамен умершего). Собственное имя Лапсэкэ от слова лапсэ 'долька' может быть дано в том случае, если предполагается, что этот ребенок в семье последний, и др.

Могут даваться и так называемые защитные имена, нарицательное значение которых противоположно внешнему виду ребенка или его характеру, поведению и пр.

Поскольку у нганасанов существовал строгий запрет на собственные имена взрослых людей (т.е. людей, достигших половой зрелости), они заменялись подставными и прозвищами. Широко применялось обращение к взрослым людям по именам их несовершеннолетних детей или при помощи слов, обозначающих отношения родства.²

---

¹ В свое время в селении на месте нынешней Дудинки была построена первая на Таймыре церковь (или чум идолов, по выражению нганасанов).

² Подробнее см.: Терещенко П.М. Личные имена у нганасанов. — В кн.: Этнография имен. М., 1971, с.40-44.

Как можно заключить на основании данных Райсовета бывшего Авамского района Таймырского национального округа, русские имена стали даваться нганасанами начиная с 40-х годов нашего века. С этого времени в таймырских тундрах появились Марии, Галины, Нины, Светланы и др. Современные нганасанские фамилии восходят к родовым названиям: Ломде - Ыуамде, Чунанчар - Чунэнчэрэ, Турдагин - Линэнчэрэ и др.

Примеры названий светил: Дялы хотэдиэ 'Полярная звезда' (букв. дня звезда), Сяйбэ хорыаде 'созвездие Большой Медведицы'; Ыуо хүтэ 'Млечный путь' (букв.: неба сердцевина) и др.

В лексическом составе языка собственные имена представляют особый пласт слов, во многих отношениях отличающийся от слов нарицательных. Назначение собственных имен прежде всего в назывании - в этом заключается их исключительная номинативность. В то время как имена нарицательные в процессе общественной практики закрепляются за определенными понятиями, выполняя тем самым обобщающую функцию, собственные имена людей, животных, предметов служат прежде всего для их выделения из числа других и имеют явно выраженный характер индивидуализации. Утратив связь с теми словами, от которых они образовались, собственные имена обычно не переводятся на другие языки. Они ограниченно изменяются по числам (тогда как почти все нарицательные имена нганасанского языка, в том числе и имена вещественного значения, имеют формы всех трех чисел). Вместе с тем определенные группы собственных имен широко употребляются с формами субъективной оценки. Что касается собственных имен людей, то характеризуя мировоззрение и эволюцию этого мировоззрения на определенных этапах, они отражают социально-экономические отношения и культуру народа в различные периоды его истории. В частности, запрет на собственные имена, являющийся пережитком существовавшей некогда системы табу, имеет бесспорный интерес для исторической лексикологии.

В составе предложения собственное имя воспринимается как определение к имени нарицательному и потому закономерно ему предшествует, например: Абаму бигай 'река Авам', Таймирэму турку 'озеро Таймыр', Будя байка"а нүо 'сын старика Будя', Бягуи" коптуй 'девушка Бягуо' и др.

нарицательные имена обозначают названия однородных предметов, веществ, явлений природы, опредмеченных качеств и процессов и др., например: т̄а 'домашний олень', кэнтэ 'нарта', н̄ендуй 'лодка', бигай 'река', х̄и 'ночь', с̄үрү 'снег', сыр 'соль',

бы" 'вода', кэлы 'слеза', боузу 'слово', һомтуса 'сиденье', туй-ся 'приход' и т.д.

Нарицательные имена делятся на конкретные и абстрактные. Абстрактные существительные отличаются от конкретных тем, что являются результатом более широкого обобщения. Каждый язык обладает абстрактными словами в пределах общественной практики говорящего на нем народа. Как и в других языках, абстрактные значения возникли в нганасанском в процессе осмысления человеком окружающей его действительности. Наряду со словами, выражающими видовые понятия, в нем имеются средства для выражения родовых понятий, слова отвлеченного значения, например: хирэзи" 'вышина', 'высота', нэмэзи" 'прямоугольник', найбэзү" 'длина', сы" 'облик', мәнкэ 'нужда', һәнүнся 'удивление', нялымся 'радость', тарумса 'разлука' и др. Процесс труда, в особенности развитие его коллективных форм, неизбежно предполагает формирование обобщенных и абстрактных понятий. Труд как общественное явление не мог бы осуществляться при помощи языка, отражающего лишь единичные и конкретные восприятия.³ Следует, однако, отметить, что в лексическом составе нганасанского языка абстрактные существительные занимают значительно меньшее место по сравнению с конкретными.

О типах и классах основ имени существительного

Одна из основных особенностей нганасанского языка заключается, как сказано, в том, что наряду с именами, имеющими одну основу, в нем распространены имена с двумя основами. Имена с одной основой сохраняют во всех падежах одну и ту же исходную форму, например: тобэке 'топор': имен. тобэке, род. тобэке (тобэке хоңкэ) 'рукоятка топора', вин. тобэке(-м) 'топор', дат.-напр. тобэке-ндэ 'топору, к топору', местн.-тв. тобэке-тэну 'топором', отл. тобэке-гэте 'от топора', прод. тобэке-мену 'по топору, за топор' и т.д.

---

³ П а н ф и л о в В.З. К вопросу о соотношении языка и мышления. - В кн.: Язык и мышление. М., 1957, с. 146-147.

У имен этого типа формы именительного (основного) и родительного падежей в единственном числе беспритяжательного склонения внешне не различаются. Однако по аналогии с другими именами, формами множественного числа, лично-притяжательными формами выдвигаются достаточно веские основания для противопоставления между собой указанных падежных образований.

В отличие от указанных имен другая часть именного состава нганасанского языка имеет два варианта основ. Первый внешне совпадает с именительным (основным) падежом единственного числа (номинативная основа), второй - с формой, выступающей в предложении в роли приименного определения по принадлежности (генитивная основа). Например: бугур 'сеть' - букурэ хелнэ 'часть сети' (бугур- - номинативная основа, букурэ- - генитивная основа), маку 'спина' - мегу тантэжү" 'ширина спины', џендуй 'лодка' - џенту лочү 'доска лодки', кентэ 'нарта' - кенде няндү"мү 'полоз нарты', дүтү 'рука' - дүжү тара" 'волосы на руке', хожүр 'письмо' - хотүрэ хяй 'конец письма', бахи 'дикий олень' - баби џойбуо 'голова дикого оленя', кору" 'дом' - коружа тириде 'крыша дома', деңгуй 'деревянная ловушка' - деңкуй сие 'отверстие деревянной ловушки', џүңкэ 'нос' - џүңге найбэжү" 'длина носа', коңху 'волна' - комбу балука"а 'гребень волны', бигай 'река' - бикә тохи 'устье реки' и т.д.

В зависимости от конечного звука основы существительные подразделяются на два класса. К первому классу относятся существительные с основой на гласный звук, ко второму - существительные с основой на согласный (м, џ, р, й, "). При образовании форм склонения и числа имена с изменяемой основой присоединяют суффиксы в одних случаях к номинативному варианту основы, в других - к генитивному, при этом наблюдаются различия в присоединении суффиксов у имен первого и второго классов. У имен первого класса суффиксы отложительного и продольного падежа единственного числа, отложительного падежа множественного числа, показатель двойственного числа присоединяются к первому варианту основы, все же остальные падежные суффиксы - ко второму.

У имен второго класса (т.е. у имен с основой на согласный звук) местно-творительный, отложительный и продольный падежи единственного числа, местно-творительный, отложительный падежи множественного числа, формы двойственного числа (за исключением винительного падежа) образуются от первого варианта основы, остальные падежные формы - от второго.

что касается дательного-направительного падежа, то способ присоединения к основе его формантов различен: суффиксы -нда/-че, -ті"/-нді"/-нті" присоединяются к первому варианту основы, а суффикс -дя - ко второму.

Формант винительного падежа единственного числа является малоупотребительным. В значительном большинстве случаев для выражения прямого дополнения в единственном числе выступает бессуффиксальная форма. У имен, имеющих вторую основу, как суффиксальная, так и бессуффиксальная формы винительного падежа образуются от генитивного варианта основы. К этой же основе присоединяется и суффикс винительного падежа множественного числа.

Родительный падеж множественного числа имен обоих классов внешне совпадает с генитивным вариантом основы, при этом происходит изменение конечного неударного звука и соединительного гласного, присоединяемого к основам на согласный звук. Например:

Имен. пад. ед. числа	Имен. пад. мн. числа	Род.пад. мн.числа
бы" 'вода'	бѳзѳ" 'вѳды'	бѳзы" дѳрими 'вод глубина'
кѳру" 'дом'	кѳрузѳ" 'дома'	кѳрузу" тириде" 'домов крыши'
хѳзар 'лямка'	хутѳра" 'лямки'	хутѳру" хѳй" 'лямок края'

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Категория числа

Имена существительные в нганасанском языке имеют грамматические категории единственного, множественного и двойственного числа. Единственное число является немаркированным. Множественное число характеризуется формантом -" (гортанный смычный звук), двойственное - в именительном падеже суффиксом -гѳй/-кѳй, в остальных падежах - суффиксом -ги/-ки. Например:

Единственное число	Двойственное число	Множественное число
колы 'рыба'	колы-гѳй	колы-"
сатѳрѳ 'песец'	сатѳрѳ-гѳй	сатѳрѳ-"
нѳѳо 'ребенок'	нѳѳо-гѳй	нѳѳо-"
лѳчѳ 'доска пола'	лѳчѳ-гѳй	лѳчѳ-"

У имен с двумя основами показатель двойственного числа присоединяется к номинативному варианту, а показатель множественного числа - к генитивному. например:

Единственное число   Двойственное число   Множественное число

тунты 'лисица'	тунты-гэй	тунды-"
маку 'спина'	маку-гэй	мегу-"
бугур 'сеть'	бугур-кэй	букура-"
кору" 'дом'	кору-кэй	корузэ-"

Единственное, двойственное, множественное числа имени существительного служат проявлением в языке более общей категории множества и единичности. Эта категория свойственна не только существительному, но и другим именным частям речи, а также глаголу (выступая, например, в некоторых формах видовой направленности, характеризующих множественность или единичность действия, и в залоговых формах). Ср., например: нэңхо басутоу 'плохой охотник', нэмбэ" басутоу" 'плохие охотники-многие', нэңхогэй басутоугэй 'плохие охотники-двое'; туйся 'прийти', 'приехать', 'прибыть' - ту"нарса 'приходить', 'приезжать', 'прибывать' и др.

Глагол в субъектно-объектном спряжении включает в свою форму указание на число как субъекта, так и прямого объекта. В этом случае числовой показатель объекта помещается перед личными суффиксами. Например: Хотүрэм нанэ тэза"ату 'Письмо он мне отдал (букв.: отдал-его-он)'; Хотүрэй нанэ тэза"ичү 'Письма он мне отдал (букв.: отдал-их-многие-он)'; Хозүрки нанэ тэза"акэйчү 'Письма-два он мне отдал (букв.: отдал-их-два-он)'.

Особенно отчетливо категория единичности и множественности сказывается в числительных и некоторых разрядах местоимений. Напротив, ограниченно изменяются по числам имена собственные: всякое собственное имя персонально и объединение нескольких предметов с одинаковым собственным именем как бы противоречит семантике этих слов.

Употребляясь в форме множественного числа, родовое название указывает на группу лиц, относящихся к одному роду, например: Ёуамди" тансэ танэ"ликү, Линэнчери" тансэ цукэгэ 'Момде род мал, Турдагиных род многочислен'.

Не образуют форм двойственного и множественного числа существительные абстрактного значения, а также топонимические названия (т.е. названия гор, рек, озер и т.п.).

В общем показатели числа в нганасанском, как и в ненецком языке, присоединяются к существительным, прилагательным, числительным, указательным, определительным, вопросительным местоимениям, причастиям, входят в состав финитных форм глаголов, определенных групп наречий. Как и в других самодийских языках, в нганасанском и имена, и глаголы присоединяют одни и те же показатели числа. Особое место по образованию форм числа занимают личные и лично-определятельные местоимения.

Единственное число. Единственное число указывает на единичность предмета, который выделяется из среды однородных с ним. С помощью этой формы выражается и общее, видовое понятие. Так, например, слово *tā* обозначает единичного домашнего оленя, выделенного из числа других, но может передавать также видовое значение. Например: *эмты т̄а четуа н̄яге* 'Этот олень очень хороший', но: *т̄а диэтэны н̄эмурмубату* 'Олень питается ягелом'. В первом предложении речь идет о конкретном олене, во втором — о любом олене. Данное положение подтверждается еще и тем, что слово *tā* может служить для обобщения целого ряда наименований данного домашнего животного по полу, возрасту, масти, пригодности для выполнения определенного вида работы, отличительным повадкам и пр., таких, как например *копта"а* 'кастрированный олень', *дясэнрыся* 'олень-производитель', *куру* 'олень-самец в период гона', *немнаңку* 'самка оленя' (важенка), *ауку* 'авка (олень, вскормленный около чума)', *ўнсўзўрся* 'олень, запрягаемый в легковую нарту', *нерэптэ* 'передовой олень в упражке', *сира"ку* 'самка оленя от двух до трех лет', *баңказа"а* 'нетельная самка', *коті"э* 'самка, не имевшая телят', *тосу* 'теленка менее года', *дирьха* 'теленка от года до двух лет', *черэ"си* 'верховой олень' и др.

У слов, служащих для выражения обобщенного, собирательного значения, форма единственного числа без нарушения смысла может быть заменена формой множественного числа. Категория единичности и множества таких слов выступает в зависимости от контекста. При этом категория единичности, переданная единственным числом, не только противопоставляется категории множества, но и представляет собой некоторое обобщение, почему может выразить любое множество. Ср., например: *Сўрў нимэны бахи чалитіті* 'По снегу бежит дикий олень' и *Дяңуру" нині бахирэ нукэге* 'В тундре много диких оленей (букв.: дикий олень-твой многочислен)'.
Тем самым форма единственного числа является в нганасанском, как и в других самодийских языках, основным способом выражения собирательности. Таким образом, в функцию единственного

числа входит не только обозначение единичности как определенной грамматической категории, противопоставленной категории множественности, но и передача любого множества, начиная с трех и кончая каким угодно большим числом.

Наиболее часто собирательность, выраженная формой единственного числа, наблюдается в том случае, когда один из предметов как бы представляет собой все одноименные с ним. В подобных конструкциях предложения все сказанное об одном предмете относится и ко всем остальным, например: Сундайчүдә нүөмү"кү сырайкуо нербызаты бәзу"а 'Осенью у зайчика выросла белая шерсть' (букв.: шерсть для него).

Помимо того, выделяются существительные, которые преимущественно (или исключительно) употребляются в единственном числе. К ним относятся названия некоторых явлений природы и отвлеченные существительные. Например: кичезә 'луна', коу 'солнце', дептуа 'роса', дирба 'иней', дими 'смола', казар 'свет', мәнәкә 'нужда', тарумса 'разлука', һәнүнся 'удивление' и др.

Форму единственного числа в определенных случаях имеют существительные при сочетании с количественными числительными: нагүр кору" 'три дома', четә басутуо 'четверо охотников' и т.д.

Множественное число. По своему основному назначению множественное число служит для выражения множества однородных предметов. Например: лаку 'меч' – лагу" 'мечи', кир 'муха' – кир" 'мухи', сүрү 'снег' – сүрү" 'снега', мәу 'земля' – мәу" 'земли' и т.д. Однако имеются и специфические особенности его употребления. Так, например, имена вещественного значения, легко распадающиеся на части, имеют в татанском языке как форму единственного, так и форму множественного числа, например: Баби сяһы нәгә 'Сырое мясо дикого оленя вкусное (букв. хорошее)', но: Баби" сяһы" нәгә" 'Сырое мясо диких оленей вкусное' (букв.: диких оленей сырые мяса хорошие); Маза кинте һетумы"ә 'Показался дым чума', но: Мазу" киндә" һетумы"ә" 'Показался дым чумов' (букв. чумов дым показались). Ср. также: Накүре хуазәй сакырәй һонә сүгарый дятәну" тәза"ам 'Я принес нам три мешка сахара и сухарей'; Ниркуй канка"ки"ә тобәкәтәну 'Тальник (букв. тальники) он начал рубить топором'; Курәди" ку"бадяче тәйһу"? Ку"бадяне маламса" 'Какой у тебя есть бисер (букв. какие бисеры-твои есть)? Бисер у меня разный (букв. бисеры-мои разные)'.

Форма множественного числа таких существительных является обусловленной. Она связана со множественным числом определения (баби" сяһы" 'мясо диких оленей', мазу" киндә" 'дым чумов' и

др.), с различием в сорте того или другого вещества (ку"бядяне маламсе" 'бисер у меня разный', т.е. разных цветов), с заключением в отделенные друг от друга емкости и пр. Наблюдается указанное явление и в тех случаях, когда говорящим подчеркивается большое количество данного вещества.

Отдельная частица делимой однородной совокупности у слов вещественного значения передается в иганасанском языке словосочетанием, состоящим из названия этого существительного и слова сеймы 'глаз', например: соруа 'дождь' - соруа сеймы 'дождинка', тирими 'икра' - тирими сеймы 'икринка', кўрхуа 'крупа' - кўрхуа сеймы 'крупинка', дўо 'песок' - дўо сеймы 'песчинка', дўм 'снегопад' - дўме сеймы 'снежинка' и т.д.⁴

Вместе с тем в определенном контексте существительные со значением множественности употребляются в единственном числе. Наблюдается это в тех случаях, когда совокупность одинаковых единичных предметов понимается как единство. Ср., например: Нойбуоне нану неннүкэ соймү сойбуту 'Около моей головы слышится писк комара' и Тәңедя неннүкәре, хильчире нукәгә 'Летом комаров и оводов много (букв. комар-твой, овод-твой множислен)!'.

При сочетании с количественным определением определяемое существительное нередко повторяет в своей форме то, что уже выражено числительным, например: Ну"ой кору" нәзуты 'Один дом виден'; Ситі корукәй нәзутыгәй 'Два дома видны (букв.: два дома-два видны-они-два)'; Нукәгә" корузә" нәзуты" 'Многие дома видны (букв.: многие дома-многие видны-они-многие)'. Однако в таких построениях существительное может иметь и форму единственного числа. Например: Ситі кору" нәзутыгәй 'Два дома видны'; Нагүр кору" нәзуты" 'Три дома видны'.

Некоторые существительные в форме множественного числа приобретают иное значение, несвойственное остальным существительным в этой форме. Так, например, слово кору" 'дом' в форме множественного числа может иметь два различных значения: 1) дома (при обозначении нескольких одноименных предметов), 2) деревня, село. То же явление наблюдается в отношении слова муңку

---

⁴ Ср. аналогичное явление в ненецком языке: сарё 'дождь' - сарё' сәв 'дождинка', тирибя 'икра' - тирибя' сәв 'икринка', хурупа 'крупа' - хурупа' сәв 'крупинка', таб 'песок' - таб' сәв 'песчинка', сыра 'снег' - сыра' сәв 'снежинка' и т.д.

'растущее дерево': муңку" 1) 'деревья', 2) 'лес'. Например: Коружу"мәну дөтүрүм 'По поселку кожу'; муңдугита суоду"ому" 'Мы перекочевали из леса'. Слово деса 'отец' в форме множественного числа деди" обозначает не только 'отцы', но употребляется также и в более широком значении 'родители': дедине носөзүтузүң 'Мои родители его жалуют'. Тем самым формант множественного числа служит при определенном употреблении для выражения совокупности предметов и приобретает словообразовательный характер.

Заслуживает внимания характерное для нганасанского языка употребление во множественном числе существительных, обозначающих термины родства и некоторые другие социальные понятия, при единственном числе субъекта-обладателя, например: Мәна немые маза кадячу сочүрәнду" 'Мои матери пьют около чума' (немые — лично-притяжательная форма 1-го лица множественного числа, ср. ту же форму в единственном числе: немые 'моя мать'); Немиче тене никә" хичиптыгу"? 'Твои матери тебе не подсказывали?'; Немичи бәнде" мелыза" 'Его матери все мастерицы'; Тәне дедиче тәрәди нисне" качемә" 'Твои отцы такого не видели'; Немч"тәдя, деди"тәдя мунудоң: «Дязәту" туйсүзәм» 'Твоим матерям и отцам ты сказал: "К вам приеду"; Ср. «обычное» употребление форм множественного числа, в особенности, при множественном числе субъекта-обладателя: Дедичиң бәнде" басадүо" 'Их отцы все поехали на охоту'; Бәрбүчүң нуну"тәнду" 'Их начальники заседают'.

Множественному числу подлежащего соответствует в таких построениях и множественное число сказуемого.

Словами немые 'мои матери', дедиче 'твои отцы' и т.д. объединяются помимо матери, отца и другие ближайшие родственники (соответственно либо по материнской, либо по отцовской линиям), являющиеся старше говорящего или того лица, о котором идет речь. Тем самым эти формы выражают, по существу, собирательное значение. В отличие от ненецкого и энецкого языков такие слова не имеют особого суффикса собирательности, а характеризуются только посессивными показателями для множественного числа предмета. Ср.: нганас. мың немые", ненецк. маня" небянана", энецк. модина" Энина" 'наши матери'.

Д в о й с т в е н н о е ч и с л о. Двойственное число употребляется для обозначения двух лиц или двух предметов. В речи получает известное распространение замена двойственного числа существительного сочетанием существительного в единственном числе с числительным ситі 'два'. Так, например, вместо сөмугәй

'шапки две' можно сказать ситі сәму 'две шапки'.⁵ Вместе с тем эта категория является вполне устойчивой. Особенно характерна устойчивость выражения двойственного числа прямого объекта у глаголов в субъектно-объектном спряжении. И в сфере существительного в нганасанском языке не отмечается тенденции к замене двойственного числа множественным, что прослеживается порой на материале ненецкого языка. См., например: Ныгәй хеңкәги таңа"кәги талу тамтүсүөгәйти 'две женщины купили вчера черные сукна (букв.: женщины-две черные-двое сукон-двое купили-их-двоих-они-двое)'. Как нетрудно заметить, в приведенном предложении форма двойственного числа пронизывает все входящие в него члены.

Форму двойственного числа имеют парные предметы, в том числе части тела (руки, ноги, глаза, уши), например: Дүтүгәйне, һойкәйне кәндү"эгәй 'Руки-мои, ноги-мои озябли'; Сеймыгәйне коудя хосезутугәй 'Глаза-мои ослепляются солнцем'; Коугәйче бәнсәги мы"әң әмә дялы 'Оба уха ты отморозил сегодня'.

Наблюдается, однако, употребление парных предметов и во множественном числе, например: Тәнә тагәптә бәрәйкү сеймыне нидү"һөзү" 'Дальнего края оленьего стада (букв.: моих оленей) мои глаза не видят'. Коудя сеймыне хосезуту" 'Солнце слепит мне глаза (букв.: к солнцу глаза-мои ослепляются)'.⁶

Один из парных предметов имеет при себе определение һу"ой 'один' или һамаяй 'другой', например: Һу"озә дүзүтәнунту кәри"әмты камя"ту, һамаядүмә дүзүтәнунту үнсүзә бынымты камя"ту 'Одной рукой хорей держит, другой рукой вожжу держит'; Һу"озә һуойченунту чинтару һамаядүмәмту камя"са 'Одной ногой прыгает, другую держит (букв.: другую-свою держит)'.⁶

По той же модели образуются и словосочетания типа һу"озә дүза"туо 'однорукий', һу"озә һуо"туо 'одноногий', һу"озә коу"туо 'одноухий'; һу"озә сеймы"тыә 'одноглазый' и др.⁶

---

⁵ Наблюдается и иное построение таких сочетаний: ситі сәмугәй 'две шапки (букв.: две шапки-две)'. Здесь число предметов выражается дважды различными способами: синтаксическим — при помощи количественного определения и морфологическим — присоединением к основе существительного показателя двойственного числа.

⁶ Обозначения одного из парных предметов с помощью слова хельә 'половина' (как это имеет место в селькупском языке) в нганасанском не наблюдается. Словосочетания типа дүзү хельә, һуо хельә выражают их буквальное значение 'полруки', 'полноги'.

В отдельных случаях показатель двойственного числа сообщает слову новое значение, например: бэнсэ 'весь' - бэнсэгэй 'оба', ниньдегэй 'старший брат с сестрой', нахудегэй 'старшая сестра с братом', ньсэдегэй 'муж с женой' и др. Примеры употребления: Ниньдегэй нунэнті матузэтугэй 'Старший брат с сестрой одни (букв.: сами) живут в чуме'; Нахудегэй саніругэй 'Старшая сестра с братом играют'; Ньсэдегэй таруму"огэй 'Муж с женой разошлись'.

Из сказанного можно заключить, что категория двойственного числа является и в современном нганасанском языке живой, действующей категорией, и сколько-нибудь существенных признаков ее ослабления не наблюдается. Столь характерное для ненецкого языка употребление двойственного числа при каждом из двух однородных предметов как средство особого подчеркивания тесной взаимосвязи между ними в наших нганасанских материалах не встретилось. Между тем, по мнению некоторых уралистов (Э.Беке, М.Кертес), именно таково было первоначальное назначение этой числовой формы.

Категория падежа

Падеж - это грамматическая категория, при помощи которой передаются отношения слов, обозначающих предметы, к подчиняющим их словам, обозначающим действия.⁷ Согласно традиционной точке зрения, падеж представляет собой единство формы и значения. Как и в других языках, многозначность падежных форм в нганасанском обуславливается не столько формой падежа, сколько лексической семантикой имени, к которому присоединяется данный падежный суффикс, например: кору"кита 'от деревни (букв. от домов)' - локативное значение, тэңэгэте 'с лета' - временное значение, кухугэте 'из шкуры' - материал, хылэгэте 'от страха' - причина и т.д. Имеет значение и семантика управляющего глагольного слова, например: кухугэте сочелеса 'сшить из шкуры' - материал, кухугэте хилиси 'испугаться шкуры (букв.: от шкуры)' - причинность, кухугэте мэтудя 'отрезать от шкуры' - целое, от которого берется часть, и т.д.

---

⁷ В категории падежа имеется и синтаксическая сторона, однако по своей структуре и средствам выражения падеж относится к морфологии.

Система склонения всех именных частей речи в основном однотипна: по образцу существительных изменяются и слова других именных категорий, если они не выступают в функции определения. Исключение составляют только личные местоимения, падежные формы которых образуются при помощи послелогов. Нужно указать, однако, что падежная система других именных частей речи беднее, чем падежная система существительных.

Каждый из падежей нганасанского языка (за исключением именительного и родительного падежей единственного числа) образуется посредством специальных падежных суффиксов. В косвенных падежах множественное число не имеет особого форманта и выражается в падежных суффиксах, отличающихся в этом случае от показателей для единственного числа (см. таблицу 2). Как было уже указано на с. 61, у имен, имеющих две основы, одни падежные суффиксы присоединяются к номинативному варианту основы, другие - к генитивному варианту.

По мнению Б.А.Серебренникова, показатели пространственных падежей самодийских языков (как и большинства финно-угорских) являются сложными. Они состоят из сочетания или двух падежных суффиксов или из коаффикса и первоначального форманта данного падежа. Например, в нганасанском: турку-тэ-ну 'в озере', 'на озере', турку-гэ-тэ 'с озера', 'от озера'. Древние форманты в их "чистом" виде сохраняются лишь в периферийной лексике - в формах послелогов и наречий.⁸

В нганасанском языке различается три типа склонения: основное (или беспритяжательное), лично-притяжательное (поссесивное) и лично-предназначительное (дезидеративное).

---

⁸ Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964, с. 63.

Основное (беспритяжательное)
склонение.

Таблица 2

Падежные суффиксы

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	первый класс	второй класс	первый класс	второй класс
Именительный	-	-	-"	-"
Родительный	генитивн. осн./-	генитивн. осн./-	-"	-"
Винительный	(-м)	(-м)	-й	-й
Дательно- направительный	-та/-нда, -дя	-че, -дя	-ті", -нді"/ -нті", -дя	-ті", -дя
Местно-творительный	-тәну/ -нтәну	-тәну	-тіні/ -ндіні- -нтіні	-тіні
Отложительный	-гәтә	-кәтә	-гитә	-китә
Продольный	-мәну	-мәну	родительный падеж + суффикс -мәну	

Бесприпятательное склонение существительных

Падеж	Существительные с неизменяемой основой		Существительные с изменяемой основой	
	единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
I класс				
Имен.	турку 'озе-ро'	турку"	тохи 'устье'	тоби"
Род.	турку	турку"	тоби	тоби"
Вин.	турку(м)	туркуй	тоби(м)	тобий
дат.-напр.	туркута	туркуті"	тобитә	тобиті"
	туркудя	турку"дя	тобидя	тоби"дя
Местн.-тв.	туркутану	туркутіні	тобитәну	тобитіні
Отл.	туркугәтә	туркугитә	тохигәтә	тохигитә
Прод.	туркумәну	турку"мәну	тохимәну	тоби"мәну
II класс				
Имен.	дяма 'море'	дяма"	бигай 'река'	бика"
Род.	дяма	дяму"	бика	бикау"
Вин.	дяма(әм)	дямай	бика(м)	бикай
дат.-напр.	дямаә	дяматі"	бикайче	бикайті"
	дямадя	дяму"дя	бикадя	бикау"дя
Местн.-тв.	дямаәну	дяматіні	бикайчену	бикайтіні
Отл.	дямакәтә	дямакитә	бикайкәтә	бикайкитә
Прод.	дямаәну	дяму"мәну	бикаймәну	бикау"мәну

Так и в других самодийских языках северо-восточной ветви (ненецком, энецком), в иганасанском парадигма склонения для двойственного числа по существу отсутствует. Обозначение двух предметов достигается прибавлением к основе имени в именительном падеже показателя -гәй/-кәй, в родительном и винительном падежах - -ги/-ки. В остальных падежах форма двойственного числа на -ги/-ки дополняется теми или иными послелогоми, уточняю-

щими пространственные и временные отношения. Например: дат.-напр. туркуги на 'по направлению к озерам-двум', туркуги ни 'на поверхность озер-двух', туркуги кунди 'внутри озер-двух', туркуги банду 'над озерами-двумя' (на вопрос куда?), туркуги циле 'под озера-два', туркуги дўтые 'меж озер-двух', туркуги тагә 'за озера-два', туркуги дере 'в середину озер-двух'; местн.-твор. туркуги нану 'около озер-двух', туркуги нині 'на поверхности озер-двух' и т.д.; отл. туркуги нате 'от озер-двух', туркуги нита 'с поверхности озер-двух' и т.д.; прод. туркуги намену 'мимо озер-двух', туркуги нимэны 'по поверхности озер-двух' и т.д.

Значения падежей. Значения падежных форм теснейшим образом связаны с вещественным значением как управляющего, так и управляемого слов. Не вдаваясь в детальный анализ разнообразных семантических рубрик, ограничимся выделением основных значений, свойственных тому или иному падежу, учитывая при этом, что падежные значения могут быть более или менее конкретными или отвлеченными.

Именительный падеж. Как и в других самодийских языках, в нганасанском именительный (основной) падеж единственного числа, не имея специального оформителя, внешне совпадает с основой имени. Эта безаффиксальная падежная форма противопоставляется всем остальным, получающим суффиксальное оформление, а также бессуффиксальной форме родительного падежа единственного числа существительных с изменяемой основой; у существительных с неизменяемой основой формы именительного и родительного падежей единственного числа совпадают; такое же совпадение форм именительного и родительного падежей у существительных с неизменяемой основой имеет место и для множественного числа, хотя между формами единственного и множественного чисел названных падежей совпадения нет благодаря наличию формального показателя числа.

Существительные в именительном падеже отвечают на вопросы сылы? 'кто?', м̄а? 'что?' Вопрос сылы? ставится только к существительным, обозначающим людей. Вопрос м̄а? относится к словам, служащим для обозначения животных и предметов. Таким образом осуществляется противопоставление категорий "человек" и "не-человек".

Вопросы сылы? и м̄а? согласуются с определяемыми именами в числе.

Еди́нственное	Дво́йственное	Мно́жественное
чи́сло	чи́сло	чи́сло
сылы? 'кто?'	сылыгэй?	сылы"?"
мā? 'что?'	мāгэй?	мā"?"

В предложении существительное в форме именительного падежа служит в первую очередь для выражения подлежащего. Поскольку нганасанскому языку свойственна только номинативная конструкция предложения, существительное в именительном падеже является единственной формой выражения подлежащего, например:

Будя байкō нūо ма"адету на нитē чере дире бапта"а 'Сын Будя байко целый котел оленьего жира вылил около своего чумовица'; Депту" турку бытэ номтү"ō 'Гуси сели на воду озера'; Буо ниледя кудүтү нэнтү"кү 'По течению плывет лодочка'.

Форма именительного падежа сохраняется при отрицательных глаголах и при глаголах в отрицательном спряжении, например:

Әмны муңку" дяңку", турку нонә дяңку 'Здесь нет ни деревьев, ни озера' (букв.: здесь деревья не имеются, озеро не имеется); Кунигәличени кәнтәгэй дяңкугэй 'Нигде нарт-двух нет'.

Не изменяется падеж имени и в связи с количественными числительными, а также словами типа „много“, „мало“, например: Матәнү" нагүр ны ту"о 'В наш чум приехали три женщины (букв.: три женщина)'; Мәтү" тā кәңкә хутурәмә 'Шесть оленей (букв.: шесть олень) уже запряжены'.

Поскольку в нганасанском языке имеются отчетливо выраженные средства для выделения из общего состава имен категории прилагательного, существительные в именительном падеже в нем реже, чем в ненецком и энецком языках, служат для передачи приименного определения. Тем не менее в известных случаях такие сочетания вполне употребительны, например:

Тā кубу тәзә"ам 'Я принес оленью шкуру' (букв.: олень шкура принес-я); Нерәнэ дигә сүрү нойбуо нүтумы"э 'Впереди показалась снежная вершина горы' (букв.: снег вершина показалась); Әмә дялы кәку дялы 'Сегодня туманный день' (букв.: туман день).

Возможность для существительного в именительном падеже выполнять в предложении роль определения обуславливается его семантикой (обозначение какого-либо признака) и подчинительным

отношением к другому слову предметного значения, которому оно непосредственно предшествует.⁹

При определенной фонетической структуре существительное, не оформленное падежным суффиксом, обозначает прямое дополнение, в связи с чем форма прямого дополнения и форма подлежащего внешне не различаются. Например: Ня́гә т̄а ху́тури"эм 'Я запряг хорошего оленя'; Хи́римә ко́лы ну́мса"ту" 'Они едят вареную рыбу'; Ба́р-ба́зуу хонты ну́нту ну́нә ко́птуа 'Хозяин имеет сына и дочь' (букв.: парня и девушку).

В лично-притяжательном и лично-предназначительном склонениях такое употребление именительного падежа наблюдается чаще.

Таким образом, существительные в именительном падеже выполняют довольно широкие грамматические функции. Вместе с тем в функции именного сказуемого используется не падежное, а предикативное оформление имен.¹⁰ Совпадение формы третьего лица единственного числа именного сказуемого в неопределенном времени с формой именительного падежа оказывается чисто внешним, поскольку эти формы попадают в состав различных парадигм. Имя в именительном падеже входит в склоняемую парадигму, а имя, служащее для выражения именного сказуемого, - в спрягаемую парадигму. Ср., например: Ну́одүмуә ня́гә басу́туо 'Мой муж - хоро-

---

⁹ Это явление широко известно в финно-угорских языках: «Такой способ образования словосочетаний, - пишет К.Е. Майтинская, - был характерным для финно-угорского языка-основы и применяется до сих пор во многих современных финно-угорских языках» (см.: *М а и т и н с к а я К.Е. Венгерский язык. Ч. 2, М., 1959, с. 157*).

В некоторых из этих языков (например, финском, эстонском) такого рода словосочетания даже объединяются в одно слово: «Из двух или более уже имеющихся слов образуется путем их объединения новое, сложное слово. ... например: *kalavesi* «тоня (место лова рыбы; букв.: рыба-вода)», см.: *Х а к у л и н е н Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 2, М., 1965, с. 64*.

¹⁰ В предложениях типа: Э́мты бугурли 'Вот *ваша* сеть' слово бугурли, хотя стоит не в основном, а в лично-притяжательном склонении, также изменяется по лицам и числам, например: Э́мты бугурты 'Вот его сеть', Э́мты бугурмы" 'Вот нас-многих сеть', Э́мты бугуртың 'Вот их-многих сеть'.

или 'охотник' и басутуо накүрэ няге сатэра коза^а 'Охотник добрый трех хороших песцов'.

Слово басутуо первого предложения относится к парадигматическому ряду басутус-м 'охотник-я', басутуоң 'охотник-ты' и т.д., а слово басутуо второго предложения является исходным в ряду басутуогану 'у охотника', 'охотником'; басутуогэтэ 'от охотника' и т.д.

Следует указать также, что существительное в форме именительного падежа используется в роли подлежащего в сочетании как с непереходными, так и с переходными глаголами, например: Коптуа кубу ни нумтү"ö 'Девушка села на шкуру'; Коптуа нүо кубу ни нумтэпту"о 'Девушка посадила ребенка на шкуру'.

Родительный падеж. В отличие от других самодийских языков родительный падеж единственного числа основного (беспритяжательного) склонения в современном нганасанском языке не имеет падежного суффикса. В этом значении у имен с одной основой употребляется форма, внешне совпадающая с формой именительного падежа, а у имен с двумя основами - их генитивный вариант. Например: ны нойбуо 'голова женщины', но: тунды нойбуо 'голова лисицы' (имен. пад. тунты 'лисица'); нүамсу дүкэ 'кусочек мяса', но: мизэ дүкэ 'кусочек печени' (имен. пад. мите 'печень'); быны хай 'конец веревки', но: бикā тохи 'устье реки' (имен.пад. бигай 'река').

Суффикс родительного падежа -η, последовательно отмечаемый в многочисленных парадигмах склонения "Грамматики самоедских языков" М.А.Кастрена,¹¹ не употребляется в современном нганасанском языке. Характерно, что в грамматическом очерке языка нганасанов, написанном почти сто лет спустя Г.Н.Прокофьевым,¹² этот формант заключен в скобки, что указывает на его малую употребительность. Однако в примерах использования падежных форм" Г.Н.Прокофьев все же считал возможным обозначить этот формант, видимо, в качестве изредка наблюдаемого варианта.

В наших материалах суффиксально оформленный родительный падеж встретился лишь в единичных примерах в речи отдельных дикторов как способ особого акцентирования данного слова. Есте-

---

¹¹ C a s t r é n M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854, S. 156-157.

¹² П р о к о ф њ е в Г. Н. Нганасанский (тавгийский) диалект. М.-Л., 1937, с. 61-62.

ственно напрашивается вывод, что в этом случае мы имеем дело с выходящим из употребления словоизменительным формантом. Вместе с тем последовательное использование в определенных конструкциях измененной генитивной формы имени является бесспорным свидетельством того, что конечный слог замыкался ранее падежным суффиксом.¹³

Таким образом, на материале иганасанского языка отчетливо прослеживается процесс постепенного исчезновения падежного форманта; в результате чего носителем грамматического значения оказываются вызванные им регулярные чередования звуков основы.

У имен, имеющих две основы (в частности, у имен с основой на гортанный смычный звук), и в форме множественного числа родительный падеж явно противопоставляется именительному не только по своему значению, но и по своей структуре. Например:

имен. пад. ед.ч.	Род. пад. ед.ч.	Имен. пад. мн.ч.	Род. пад. мн.ч.
дямэзэ 'зверь'	дымэзэ	дымэзэ"	дымэзи"
динтэ 'лук'	диндэ	диндэ"	диндү"
бигай 'река'	бикā	бикā"	бикау"
бы" 'вода'	бызэ	бызэ"	бызы"
ма" 'чум'	мазэ	мазэ"	мазу"

В лично-притяжательном склонении существительные в именительном и родительном падежах оформлены различными суффиксальными морфемами, в результате чего противопоставляются друг другу и формально. Например:

Имен. пад. лично-прит. скл.   Род. пад. лично-прит. скл.

1 л. ед.ч. десь-мэ 'отец-мой'	десы-не 'отца-моего'
2 л. ед.ч. десь-рэ 'отец-твой'	деди-те 'отца-твоего'
3 л. ед.ч. десь-зы 'отец-его'	деди-ты 'отца-его'

и т.д.

¹³ См.: Терещенко Н.М. К проблеме соотношения агглютинации и флексии в самодийских языках. - В сб.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1964, с.167; Jok i A.J. Über das Element n in der samojedischen Deklination. - „Finnisch-ugrische Forschungen“, XXXIX, Helsinki, S. 1-17.

Тем самым имя в родительном падеже имеет в преобладающем числе случаев отчетливые различия с тем же именем в именительном падеже. В силу этого рассматриваемая форма с полным основанием включается в парадигму именного словоизменения.

Основная синтаксическая функция имени в родительном падеже - выражение определения по принадлежности. Генитивная форма для обозначения притяжательного определения обязательна: имя в именительном (основном) падеже в этой роли выступать не может, например:

Хунсэй" мазу" бана" мнү бану" нану нинды" нирүсире" 'Собаки других чумов с нашей собакой не дружат'; Ту лөңүптүсы коптуа баби" һойчү ники"э 'Разведя огонь, девушка начала разделять ноги диких оленей'; Төндө буозумту сятди сулкуразу даяңирмү-дү"ө мнэзи" сөраймены 'Когда ту речь окончил, только часть оленьей шкуры мелькнула по направлению аргийей'.

Как и в других самодийских языках, категория принадлежности, передаваемая формой родительного падежа, понимается в нганасанском в весьма расширенном "грамматическом" смысле. См., например, колы кати 'чешуя рыбы', депту һой 'нога гуся', турку бөре 'берег озера', дямь соймү 'звук голоса', сатөре логя"ся 'лай пса', бызе ниде 'поверхность воды', байка"а ны ню 'дочь старика'. Ряд сочетаний с родительным падежом носит характер не собственно принадлежности, а характеризует более широкую категорию отнесенности. Указанная закономерность очень важна для понимания природы атрибутивных отношений в нганасанском, как и в других самодийских языках.

Представляется несомненным, что показатель родительного падежа в своем основном, наиболее часто наблюдаемом употреблении - это оформитель определения, связанного с определяемым отношением по принадлежности.

Однако в нганасанском языке имя, оформленное суффиксом родительного падежа, не ограничивается приименным употреблением. В языке продолжают сохраняться свидетельства прежнего бытования этой формы, выступавшей, по-видимому, в очень широком соотносительном значении. В результате форма, трактуемая сейчас как форма родительного падежа, сложна и полифункциональна. При этом ряд ее функций связан с приглагольным употреблением. Так, например, существительное в родительном падеже служит для выражения лица или предмета, которым что-либо предназначено, а также для обозначения лица, не являющегося в предложении подлежащим, например:

Банә һәмсузә чентырн" 'Приготовь еду для собаки'; Дйбаруо- ги мата мели"ә тодү" ләмерәкы матәзи 'Для обоих сирот поставил чум, как укрытие для телят'; Әмы" мазу" хоазәй чентырнчырн" 'Приготовьте дров для этих чумов'; Нумаңку басутуо контә сатәрә дүрәгә 'Добытый молодым охотником песец длинноворсин'.

Родительный падеж существительного используется в сочетаниях с послелогоми и сравнительным наречием мантә 'как', например:

Бикә такану баң лога"ты 'За рекой лает собака'; Тәмуңку нөзү" дәрә лүңкүра"а 'Мышка спряталась среди травы' (букв.: среди трав); Тунды мантә хәандула"аң 'Ты хитрый, как лисица'; Ма- зәмтә мь"эгәй сазу мазә мантә 'Чум себе сделали, как глиняный' (сазу - генитивный вариант основы существительного сату 'глина', ср.: сату ма" 'глиняный чум', сазу мазә мантә 'глиняного чума наподобие').

С формой родительного падежа имени сочетаются глаголы, имеющие основу, общую с послелогоми, например: Коу дигә такидү"ө 'Солнце скрылось за горой'; Бы" лиле һилидү"ө 'Воду затиною' (букв.: вода скрылась под тиной).

Из рассмотренных значений собственно генитивным является обозначение обладателя в широком смысле этого слова. Что касается остальных, то они восходят, по-видимому, к очень древним и первоначальным функциям суффикса -н, формировавшего грамматическую категорию с широкой соотносительной семантикой. Об этом свидетельствует, в частности, модальное употребление и в современном языке некоторых из маркированных этим суффиксом форм.¹⁴

---

¹⁴ См.: Терещенко Н.М. О выражении посессивных отношений в самодийских языках. - В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д.В.Бубриха. М.-Л., 1962, с. 92-93.

По мнению А.Кюннапа, в самодийских языках помимо -п-ового генитива имеются и -п-овые **модали**, причем родство их с -п-овыми генитивно-модальными суффиксами финно-угорских языков является, с его точки зрения, очень вероятным, см.: K ü n n a p A. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. I. Numeruszeichen und Nominalflexion. - „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne", Helsinki, 1971, 147, S. 154-155.

В и н и т е л ь н ы й п а д е ж . В единственном числе основного (беспритяжательного) склонения суффикс винительного падежа **-м** служит для обозначения определенности прямого объекта и потому употребляется довольно ограниченно, лишь в известном контексте. При этом, если данное имя имеет при себе определение, последнее, как правило, также оформляется показателем винительного падежа, например:

Мэна нйга кэнтэмэ тэйчү, тэндэм кэндэм нунэне мельзэснэм 'У меня есть хорошая нарта, ту нарту я сам сделал'; Десырэ коза"а сатэрэ, котумэм сатэрэм матэту тэза"а 'Твой отец убил пса, убитого пса он принес домой'; Нунту мельзи"э", эмэм нунтум дедите дязи"кү мельзи"эзын 'Они сделали лодку, эту лодку они сделали для твоего отца'.

В остальных случаях используется бессуффиксальная форма, у имен с двумя основами – форма, совпадающая с ее генитивным вариантом.

Во множественном числе в качестве показателя винительного падежа регулярно выступает суффикс **-й**, также присоединяемый к генитивному варианту основы. Например:

Имен.пад. ед.ч.	Вин.пад. ед.ч.	Вин.пад. мн.ч.
нүлязэ 'волк'	нүлязэ	нүлязэ-й
быны 'веревка'	быны	быны-й
коңху 'волна'	комбу	комбу-й
тосу 'теленок'	тодү	тодү-й

Примеры употребления: Бэксэгэй ний хонтыгэй 'Оба женаты' (букв.: оба имеют жен); Нинтуче кунтэгуо бэнтізе дүбэй"э нинныты матэзэй лүй 'Через недолгое время он бросил снаружи домашнюю одежду старшего брата'; Кочибүчену хуоужэнди качеми"эгэй мнэзэй 'Через некоторое время они-двое увидели позади себя аргыши'.

В посессивном склонении лично-притяжательные форманты для винительного падежа единственного числа регулярно присоединяются к суффиксу **-м**. То же происходит и в лично-предназначительном склонении. По своему употреблению в речи винительный падеж выделяется из числа других падежей – он монофункционален. Существительное в форме винительного падежа служит для выражения только прямого дополнения. В свою очередь прямое дополнение в преобладающем большинстве передается именем в форме винительного падежа.

Существительное в винительном падеже может управляться не только глаголом, причастием, деепричастием, но и глагольными именами с переходной семантикой, например:

Әмә төүәдә туркутіні дептуй котә"муодеру" ченнытмы" 'Мы знаем, как этим летом вы промышляли гусей на озерах' (букв.: этим летом на озерах гусей добывание-ваше знаем-мы); Бабий котәсанәй кәрсуй нинымә динди"ә байка"игитә 'Способы добывания диких оленей мой старший брат услышал от стариков'.

Как суффиксальная, так и бессуффиксальная форма винительного падежа в значительном числе случаев отчетливо отделяется от именительного (основного). В результате место прямого дополнения, выраженного существительным в этом падеже, в предложении довольно свободно. Если объект действия подсказывается контекстом или ситуацией, имя в форме винительного падежа может быть опущено без нарушения смысла высказывания. В предложении прямое дополнение может быть выделяемым, но может быть и невыделяемым.

С указанными особенностями употребления существительного в винительном падеже связаны различные конструкции предложения, что находит наиболее ясное выражение в форме глагольного сказуемого.¹⁵

При невыделяемой позиции прямого дополнения сказуемое включает в свою форму выражение только субъекта действия, например:

Матә туися коптуа качем"ә 'Придя в чум, он увидел девушку' (букв.: увидел-он); Бәнді нонсыди нинымә тәй кәми"ә 'Выйдя наружу, мой старший брат поймал оленей' (букв.: поймал-он).

При выделяемой позиции прямого дополнения сказуемое включает в себе выражение не только субъекта, но и прямого объекта, например:

---

¹⁵ Подробнее см.: Терещенко Н.М. 1) Выражение субъектно-объектных отношений в структуре предложения (на материале самодийских языков). - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967; 2) Главные члены предложения в самодийских языках. - В кн.: Члены предложения в языках различных типов ("мещаниновские чтения"), Л., 1971; 3) Синтаксис самодийских языков. Л., 1973, с. 187-199; 4) Особенности употребления падежных форм в самодийских языках. - В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974, с. 233-242.

Матэ туйся коптуа тымныярэй сыты нйгэй" качеми"эзу 'Войдя в чум, он сразу ясно увидел девушку' (букв.: увидел-ее-он); Маногэйче нэнэ"саги кунизэ дёбитэнугэйне? 'Тех прежних людей где догоню?' (букв.: прежних-двоих людей-двоих откуда догоню-их-двоих-я?).

То же построение сказуемого наблюдается и при опущении прямого объекта, если он подразумевается из предыдущего изложения, например:

Маногэйче нэнэ"сагэй кона"агэй, кунизэ дёбитэнугэйне? 'Те прежние люди ушли, где их догоню?' (букв.: откуда догоню-их-двоих-я?).

Тем самым выделяемая позиция прямого дополнения находит свое выражение в форме сказуемого, которое в этом случае вступает с ним в те же отношения, что и с подлежащим.

Следующие четыре падежа составляют группу пространственно-временных падежей, каждый из которых характеризует определенное обобщенно грамматическое значение. При этом три из них (дательно-направительный, отложительный, продольный) являются динамическими, а один (местно-творительный) – статическим. Дательно-направительный падеж обозначает направление действия или движения (интралокальность) и отвечает на общие вопросы: „кому?“, „чему?“, „куда?“. Релевантным грамматическим значением отложительного падежа служит место, от которого или из которого осуществляется движение (экстралокальность). Общие вопросы этого падежа: „от кого?“, „от чего?“, „откуда?“. Имя в продольном падеже указывает на место, путь, по которому совершается действие субъекта (транслокальность), отвечая на вопросы: „по кому?“, „по чему?“, „по какому месту?“. При помощи местно-творительного падежа выражается состояние, положение, пребывание субъекта действия (локальность). Общие вопросы этого падежа: „у кого?“, „у чего?“, „где?“.

Д а т е л ь н о - н а п р а в и т е л ь н ы й п а д е ж . Объединяя в одной форме несколько значений, дательно-направительный падеж обладает рядом функций. Существительные в этом падеже обозначают направление движения, его конечный пункт, предел или границу распространения (как в пространстве, так и во времени), адресат в широком значении этого слова, значительно реже – причину и цель действия.

При определенной структуре глагола существительное в форме дательно-направительного падежа употребляется для характеристики орудия действия в широком смысле этого слова, например:

Ѓуоузу каулэра"а чйрүнді" 'небо покрылось тучами'; Комбути" чамби"ли"э нүндуй 'волнами разбило лодку'; шйтэ кандэтэ дяну"-ла"а 'котел закоптился' (букв.: дымом загрязнился).

В отличие от ненецкого и энецкого языков в нганасанском намечается тенденция к разграничению внутренне-местного и внешне-местного направления движения (т.е. движение во внутрь некоторого пространства или только до его границы). В первом значении употребляется суффикс -тә/-нда/-че с его вариантами, во втором - суффиксальная морфема -дя, например:

Десымэ нүндуйче чи"иэзэ 'мой отец сел в лодку', но: Тымыня десымэ нүнтудя конь"сытэ 'Сейчас мой отец пойдет к лодке'; Туркутэ букуракумті мүтэми"эгэй 'В озеро они-двое сунули свою сеть', но: Колызытыэ басутоу нану туркудя хезытытыгэй 'Рыбак с охотником идут к озеру'; Немымэ дүбэй"э туйче кубу хельэ 'Мать бросила в огонь кусочек шкуры', но: Шүо сүлүлитү дүзачү тудя 'Ребенок тянет руки к огню'.

При выражении адресата действия имена оформляются также обоими указанными выше суффиксами, причем присоединение того или другого из них связано, по-видимому, с семантикой глагола. Так, например, глаголы со значением 'охотиться', 'смотреть', 'говорить', 'сказать', 'крикнуть', 'обрадоваться', 'рассердиться' и др. сочетаются преимущественно с именами, имеющими суффикс -дя, а глаголы со значением 'дать', 'привезти', 'принести', 'появиться', 'показаться', 'делать' и др. - с именами, оформленными суффиксом -тә/-нда/-че. Например:

Тытыдыме сатэрадя басуту 'Мой дядя (младший брат матери) охотится на песцов'; Коптуа туркудя сәнүли"э 'Девушка посмотрела на озеро'; Байка"а тыбыйкакудя мунунту 'Старик сказал мальчику'; Матэ хбай тэза"аң 'Ты привез в чум дров'; Ѓахумэ сырайкуо кубу коптуатэ мисиэ 'Моя старшая сестра дала девушке белую шкуру'; Ѓуонтэ нерэзытыэ" хотэдиэ" нүтумы"э" 'На небе показались первые звезды'; Нүюгэй дөрадя кой"огэй ма"адети" 'Дети, плача, остались на чумовище'.¹⁶

В сочетании с каузативными глаголами, судя по имеющимся материалам, название лица, являющегося объектом воздействия со стороны кого-либо, оформляется дательным падежом с суффиксом -нда, например:

---

¹⁶ Глагол коуса 'остаться' управляет дательным падежом.

Тā" кубуй амы" нунә"санді" контурупту"сутәму" 'Оленьи шкуры этих людей увезти заставим!'; Тәтүмә колы немьнтәтә хиририпти" 'Привезенную рыбу твою мать они сварить заставили!'.
О том, что в данном случае перед нами лишь наметившаяся тенденция, а не последовательно осуществляемая языковая норма, свидетельствуют многочисленные примеры, в которых суффиксы -тә / -нда/че и -дя имеют одинаковое употребление, например:

Матәнә тәзә"амә 'Я домой принес!'; Нелхозу" мәнә мазунәдя 'Отпусти меня домой!'; Се"лаку ны нӯо коләгәтә матудя хурси"ә 'Маленькая девочка вернулась домой из школы!'; Турку бәрәтә ту"-ом 'Я пришел на берег озера!'; Турку бәрәдя хезититым 'Иду на берег озера!'.
Имена с рассматриваемыми формантами неаналогичны по своей морфологической структуре. Суффикс -тә/-нда/-че присоединяется к неизменяемой (номинативной) основе, суффикс -дя - к изменяемой (генитивной), например: бахи-тә - баби-дя (бахи 'дикий олень'), бигай-че - бика-дя (бигай 'река'), ма-тә - мазу-дя (ма 'чум'), нӯойче - нӯдя (нӯой 'нога').

Во множественном числе суффикс -ти"/-нді"/-нті" прибавляется к номинативной основе, суффикс же -дя - к форме родительного падежа множественного числа, например: бигай-ті" - бикау"-дя (бигай 'река'), тамуңкунді" - тамуңку"дя (тамуңку 'мышь').

В лично-притяжательном склонении суффикс -тә/-нда/-че предшествует лично-притяжательному форманту, а суффикс -дя следует за ним, например: коптуа-ндә-ту - коптуа-ту-дя (форма 3-го лица единственного числа существительного коптуа 'девушка', 'дочь'), немь-нтә-нә - немь-нә-дя (форма 1-го лица единственного числа существительного немь 'мать') и т.д.

Особенность способа присоединения суффиксальной морфемы -дя к именным формам указывает на происхождение ее от послелого, характеризующего направление движения. О том же свидетельствует и вполне последовательное употребление этой морфемы с именами в двойственном числе, обозначающими устремленность, направленность действия или движения к кому-, чему-либо, например:

Мазуну" черә" туркугидя каңкә кона"ә" 'Дети наших чумов уже ушли к озерам-двум!'; Нӯогидя ниньзи нинты сәңүркәличе" 'На детей-двоих их дядя (младший брат отца) даже не смотрит!'; Мыззи" бүтәндүтә нӯйбәуси нӯогидя муну"о: «Ті някәләхьәзәм, бәрбәмә нәңхо» 'Когда аргиш уходил, батрак сказал детям-двоим: «Взял бы я вас, хозяин у меня плохой»!'.
84

Характерно, что у грамотных иганасанов, пишущих на родном языке, наблюдается колебание между слитным написанием показателя -дя с основой соответствующего слова и написанием его через дефис. Например: бабидя и баби-дя 'к дикому оленю', коптуатудя и коптуату-дя 'своей дочери'.

Значение послелого -дя, перерастающего в формант дательного-направительного падежа, особенно наглядно проявляется при его самостоятельном употреблении в качестве послеложного местоимения, например:

Иады дятана сэңүрүңү? 'Почему ты глядишь на меня?'; Җанту дятану" ту"о 'Юноша пришел к нам'; Әмә дялы дязату" мажайса туйсүзә" 'Сегодня они придут к вам в гости'.

В этой последней функции морфема -дя может заменять лично-предназначительный суффикс того же лица и числа, например: Кәнтә дязату ту"о 'Нарта для него пришла' вместо: Кәнтәзату ту"о в том же значении.

Отмеченная в языке тенденция отграничить внешне-местное направление движения от внутренне-местного наблюдается и при употреблении существительных с формантом дательного-направительного падежа во временной функции. Направление к какому-либо временному пределу обозначается посредством форманта -дя,¹⁷ например: хидя 'к ночи', коундэрымхиэдя 'к полдню', химтә"кәмынә-дя 'к вечеру', хй дүзүдерәдя 'к полночи'. Напротив, достижение того или другого отрезка времени характеризуется суффиксом -тә/-ндә/-че: күзәтүндә 'на утро', дйамтүндә 'днем (с наступлением дня)', норумтүндә 'весной (с наступлением весны)'. Примеры:

Җойбуоту сүкүзүрүтүндә коундэрымхиэдя мәчили"ә 'Голову ему когда завязали, к полдню начал стонать'; күзәтүндә коптуа нәнсу"о, чайчи хириди мунунту: «Нәнсуңнды", чай хи"ә» 'Наутро девушка встала, чай сварив, сказала: «Вставайте, чай вскипел»'. Хймитә тәптә кунда"а 'Вечером (с наступлением вечера) он тоже уснул'.

Но корневой морфеме показатель дательного-направительного падежа -дя связан, по-видимому, с послелогом дязи"кү (дязү"кү), характеризующим чаще всего назначение действия, например:

---

¹⁷ Посредством суффикса -дя, вероятно, омонимичного к рассматриваемому показателю, от существительных, обозначающих различные временные отрезки, образуются наречия времени см. ниже, с. 288.

Сўрубайману биза маъз дязи"кў бизаи чентирсызэм, хобай чентирсызэм 'В течение всей зимы для жителей десяти чумов воду заготавливаю, дрова заготавливаю'; Сўарунэ дязи"кў нудитым 'Для своих друзей работаю'.

В речи этот послелог встречается и в локативном значении, например:

Сўарнэ ма" мнү ману" дязи"кў 'Чум моего товарища напротив нашего'; маъайчү дязи"кў кита хобала"а 'Перед гостем она чашку поставила'; Кәу кичезэ нуа дязи"кў нүтуми"э 'Созвездие Лося оказалось против дверей'.

Как и другие послелоги, послелог дязи"кў (дязү"кў) сочетается со второй (генитивной) основой имени или с лично-притяжательной формой родительного падежа. Присоединяя к своей основе лично-притяжательные суффиксы, послелог этот приобретает значение послеложного местоимения: дязи"күнэ 'для меня', дязи"күта 'для тебя', дязи"күту 'для него' и т.д.

По аналогии с другими образованиями можно полагать, что обозначение места действия у послелога дязи"кў являлось первоначальным и лишь в дальнейшем на его основе развилось и укрепилось косвенно-дополнительное значение 'для'.

Характерно, что посредством морфемы -дя также может передаваться назначение действия, например: Нйгэ маъайчүдя нырэ колнэ бы"э хири"э 'Для хорошего гостя твоя жена рыбный суп сварила'; чүнтуди ниннэ чүрүбүо нүмсу тэза"а 'Для парня мой дядя (младший брат отца) принес вяленого мяса'.

На основе анализа языкового материала, как нам кажется, ясно прослеживается постепенный переход от послеложного сочетания к падежному значению со специализированным употреблением внешне-местного направления движения. В результате возникновения новой категории прежняя форма дательного-направительного падежа ограничивается в своем использовании, сохраняя за собой, в основном, характеристику внутренне-местного направления движения. Происходит также закрепление за каждой из рассматриваемых форм определенного круга глаголов, в том числе глаголов, связанных с идеей адресата. Тем самым нганасанский язык в известной мере сближается с финно-угорскими языками, в ряде из которых датив имеет две формы – одну для выражения внешних, а другую – внутренних пространственных отношений.

Основанием для разделения единой падежной формы дательного-направительного падежа послужила, по-видимому, широта его значения, стремление внести соответствующие уточнения.

Местно-творительный падеж. Как и дательно-направительный, местно-творительный падеж совмещает в себе значения двух падежей: местного и творительного (или орудийного), почему и обладает большим количеством синтаксических функций. Существительное в этой падежной форме обозначает местонахождение или место действия предмета, отрезки времени, на протяжении которых совершается (или совершалось) действие. Например:

Басу"си" муңкутiнi басуту" 'Охотники охотятся в лесах' (букв.: в деревьях); Таңа даялытаны кона"а" корузу"дя 'Летним днем они поехали в поселок'; Тәтi җәна"са идитәнннн" нилыты 'Тот человек живет у нашего дяди (родственника отца или матери, старше их)'; Биәтәну¹⁸ туркутәну комбу" ани"ка" 'При ветре на озере большие волны'.

Кроме указанных и, по-видимому, первоначальных функций, имена в этой же форме передают орудийность (в широком значении слова), средство передвижения, режесовместность, сопутствие или сопроводительность, например:

Бугуртәны кәмәдүому" җүкәгәй колый 'Сеть мы поймали много рыбы'; Җубутәнунту лайбәби"ә, козу дүли"изә 'Рукавицей махнул, пурга поднялась'; Җахумә нитәмты бытәны мүнтүпти"әзы 'Моя старшая сестра наполнила котел водой'; Тәтiнiтуң туйсүо 'Они приехали на оленях'; Мендяде мәунтә бү"сүтүнү" тәтiнi 'На новое место мы поедem с оленями'; Тыбыкяку чайры кирибатәну, сакыр-тәну 'Мальчик пьет чай с хлебом и с сахаром'.

Локативные и сопроводительные (комитативные) отношения существительного в форме местно-творительного падежа обычно уточняются широким контекстом (см. приведенные примеры). При этом в сопроводительном значении чаще всего выступает сочетание имени с послелогом нану, например: Саруомәну җәнту коптуа нану хезыты-ты 'По тропе идет парень с девушкой'.

Местно-творительный падеж существительных служит для передачи тавтологических выражений, например:

Нүо хисили"ә даясүтүбө хидитәнннты 'Ребенок начал смеяться громким смехом'; Десырә кү"а холе"ликү куопсатәну 'Твой отец умер

---

¹⁸ Слова типа биәтәну 'при ветре', миәнтiнi 'при перекочевках', козутәну 'в пургу', хейбытәны 'в жару' и т.д. характеризуют время действия и отвечают на вопрос каңгә? 'когда?'.

легкой смерти'; Дярэзытыэмн" лаңүтэнунту лаңүрү 'Наш больной криком кричит'; Дямалага"а кочетэну эмны ны кочезуту 'Тяжелой болезнью болеет эта женщина'.

Выражения этого типа сочетаются обычно с непереходными глаголами, требующими при себе слова со значением орудия действия.

При помощи той же формы обозначается логический¹⁹ субъект в предложениях пассивной конструкции, например:

Хоңүр хотэме сүартэнуну" 'Письмо написано нашим товарищем'; Баби котумэ нинынтыныне 'Дикий олень убит моим братом'. Туйсүоде үэна"сатэну нукага" колы" кэмэме" 'Приехавшим человеком поймано много рыбы' (букв.: многие рыбы пойманы).

Рассматривая употребление творительного падежа русского языка, А.А.Потебня писал: „Мы привыкли, например, говорить об одном творительном падеже в русском языке, но на деле этот падеж есть не одна грамматическая категория, а несколько различных, генетически связанных между собой".¹⁹

Это высказывание в еще большей мере может быть отнесено и к местно-творительному падежу нганасанского языка, отличающемуся полифункциональностью. При этом наблюдающееся в современном языке многообразие значений является результатом последующего развития, и ряд из них является производными от основного, исходного.

В соответствии со своей семантикой существительные в местно-творительном падеже сочетаются с глаголами состояния: нилыди 'жить', нонтүся 'сидеть', кондуаса 'спать' и др., а также глаголами, обозначающими различные виды деятельности: басудя 'охотиться', кэмүзүся 'ловить', мель"сысы 'делать', сочүрэса 'шить'. Обозначая тот или иной способ передвижения, они употребляются с глаголами движения: хезытысы 'ехать', суодүса 'кочевать', мынсы 'идти' и др. Кроме того, существительные в этой форме вступают в сочетание с глаголами типа тэйся 'иметься налицо', дитудя 'застрелить', мунтүся 'быть полным', нилуди 'наестся', насытитүся', нүнзмса 'стать богатым', тамтарса 'торговать (на вопрос чем?)'. Например:

---

¹⁹ П о т е б н я А.А. Из записок по русской грамматике. Ч. II. Изд. 2-е. Харьков, 1888, с. 443.

Дедитэныны" нйгэ нйорса банту тэйчү 'У нашего отца есть хорошая гончая собака'; Кирибаратэну нилу"изэ 'Он одним хлебом (букв.: хлебом-только) наелся'; Нэндуйме колтыні мунтүся нясы"рай кудүтү 'Моя лодка, будучи наполнена рыбой, еле плывет'; Эмэ хүй нунжму"о сатэрэнтини 'В этом году он стал богат песцами'.

Отложительный падеж. Еще многообразнее синтаксические функции отложительного падежа. Посредством существительных в этой падежной форме передается ряд тесно связанных между собой значений: исходный пункт движения, удаление, отделение, обособление от чего-либо, изъятие; отрезок времени, начинаая с которого совершается (или совершилось) то или иное действие; лицо или предмет, от которого совершается (или совершилось) то или иное действие; лицо или предмет, от которого что-либо отнимается, получается, узнается, спрашивается, а также лицо или предмет, внушающий удивление, страх, чувство стыда и пр. При помощи этой же формы обозначается материал, используемый для изготовления того или другого предмета; общее, из которого выделяется частное, и, напротив, отдельные части, служащие для образования целого, расстояние между предметами и др. Например:

Быкэтэ букурэ сэхудү"ом 'Из воды я вытащил сеть'; Дема"ку хытыгэтэты тэу"о 'Птица вылетела из своего гнезда'; Басутуо тубизикэтэ дязэ"изэ 'Охотник выстрелил из ружья'; Күзжтундегэтэ коурүтүб дзяла"ку 'С утра солнечный денек'; Дедиты макэтэту бигай ногэ"ликү 'От чума его отца река близко'; Нэндуй хобэгэтэ мейме 'Лодка сделана из дерева'; Бика"күгитэ бигай бикаумсо 'Из ручьев река образовалась'; Нүо лүнкүра"а деру"туоту нэнэ"сагэтэ 'Ребенок спрятался от незнакомого человека'.

Имена в отложительном падеже чаще, чем в других падежных формах, употребляются для выражения причины действия, например:

Элыгаку нйө чесэгэгэтэ дөрэту 'Маленький ребенок плачет от холода'; Банэ логя"сягэтэ нумү"örü 'Вы проснулись от лая собаки'; Куодүму нйомэ хымн"э нүлязэгэтэ 'Мой сын испугался волка'; Соруюгэтэ мазэ тагэ лүнкүра"а 'От дождя он спрятался за чум'.

Эта же падежная форма существительных используется в сравнительных оборотах. Сочетания двух имен: одного в именительном (основном), другого – в отложительном падеже функционально соответствуют сравнительной степени, например:

Нүлязэ тэгэтэ мерэгэй" чалитити 'Волк бежит быстрее оленя' (букв.: волк от оленя быстро бежит); Эмты коптуа коугэтэ эрэкэрэ 'Эта девушка красивее солнца'; Нжнту хотуо" кэмкэтэ дябатунду" 'Щеки юноши краснее крови'; Тэнэ нйорэ манэ нйогэтэ-

на нимэ"кү нимкэ 'Твой сын немного старше моего'; Мэнэ т̄ане тэ-
нэ тагитітэ бэзэту" 'У меня больше оленей, чем у тебя' (букв.:
мои олени от твоих оленей в излишке).

Указанным путем с помощью отложительного падежа имен про-
стое противопоставление предметов по их признакам заменяется
конструкцией, при которой в порядке сравнения противопоставляются
предметы, в разной мере обладающие одним и тем же качеством.
Слова типа "очень", "намного", "чрезвычайно", "немного" и др.,
включаемые в состав такой конструкции, служат лишь для дополни-
тельного уточнения меры того или другого признака, основное же
значение заключается в форме отложительного падежа имени.

Передавая значение сравнения, существительные в отложи-
тельном падеже сочетаются с глаголами качественного состояния,
такими, например, как таңқаді 'быть сильным', 'являться силь-
ным', сәңқуса 'быть тяжелым', 'являться тяжелым', нұзусы 'быть
видным', 'являться видным' и др. Примеры:

Қоғу нұо нұармұ биәгәтә таңғаты 'Бог пурги сильнее восточ-
ного ветра' (букв.: от восточного ветра сильный); Сыты мынтызу
тәнә мынтыгәтә сәңқуту 'Его ноша тяжелее твоей' (букв.: от
ноши-твоей тяжелая); Әмту қору" тәндә қорукәтә нйгәй" нұзуты
'Этот дом виден лучше, чем тот' (букв.: от того дома хорошо ви-
ден).

Представляется вполне вероятным, что сравнительное значе-
ние отложительного падежа выработалось на основании его отдели-
тельного значения, поскольку процесс сравнения характеризуется
естественным переходом мысли от одного предмета к другому.

Существительные в форме отложительного падежа сочетаются
с глаголами типа камадя 'поймать', 'схватить за что-либо', ме-
лызасы 'сделать из чего-либо', мәрсы 'отнять у кого-либо', нұаң-
кәраса 'крикнуть от чего-либо', нұәтәдя 'найти где-либо' (букв.
откуда-либо), сакәләса 'укусить за что-либо', тәлиптиси 'спро-
сить у кого-либо', хидиси 'смеяться над кем-, чем-либо', хымсы
'испугаться кого-, чего-либо', ченңиди 'узнать от кого-либо'. На-
пример:

Иинымә нұмтәгәтә т̄а кәми"ә 'Мой брат поймал оленя за рог';
Санірүө нұогита т̄ансамә нұәтәдя хойка"ам кәмузәхуаса 'Найдя у
игравших ребят (букв.: от игравших ребят) свой аркан, я побежал
ловить оленей'.

Не все перечисленные значения имен в форме отложительного
падежа являются изначальными. Отложительный падеж, как датель-
но-направительный и местно-творительный, по-видимому, являлся

первоначально локативным падежом и служил для выражения только местных и временных отношений. На этой основе впоследствии по мере совершенствования грамматического строя нганасанского языка развились и другие функции рассматриваемой падежной формы, восходящие в конечном счете к значению исходности действия, связанному в первую очередь с движением.

Основная линия развития прослеживается в следующем виде: из широких падежных значений с течением времени развиваются более узкие, уточненные. Первоначально наблюдается переход от места ко времени как к значению, наиболее близкому пространству. Представление об исходной точке и моменте движения перерастает в дальнейшем в представление о ряде обстоятельство-дополнительных значений. В результате происходит отвлечение от пространственных и временных отношений к объектным.

Как можно заключить на основании изложенного выше, ряд функций отложительного падежа нганасанского (и шире - самодийских языков) совпадает с функциями родительного приглагольного русского языка, в то время как функции русского родительного примененного в основном те же, что и в нганасанском.

Продольный падеж. По сравнению с другими пространственными падежами продольный падеж имеет меньшее количество синтаксических функций. Существительные в этой форме используются преимущественно для выражения протяженности в пространстве, по которому или через которое распространяется то или другое действие, характеризующее преимущественно движение, перемещение без указания его границ (конечного или начального пункта). Например:

Тундыты нуодеману нүлязэ би"жиэ 'Волк пошел по следу лисицы'; Тэры"ка чинтару муңкумэну 'Белка прыгает по дереву'; Мың хезытытымы" дяңурману тәтині 'Мы едем по тундре на оленях'; Ани"ка бигаймэну накүрэ дялымэну нәндуи кудүтү 'По большой реке лодка плывет три дня'; Мәумэну тонсы кайбитүрү 'По земле метет поземка'; Муңку"мэны хезытыты 'Идет через лес'.

Несколько реже передается существительным в этой падежной форме время, в продолжение которого происходит действие, причем оно также не имеет четко очерченных границ, например:

Дялымэну хезытыты 'Целый день идет'; Бәнде хймэны матэну туй ләңынты 'Целую ночь в чуме горит огонь'; Әми" корутині нильдиәңу накүрэ хүймэну 'В этой деревне (букв.: в этих домах) ты жил три года'; Дялы"мэны турку бәретэну нумтүсүо 'Целыми днями сидел он на берегу озера'.

Существительное в продольном падеже обозначает предмет, за который что-либо заплачено, дано в обмен, и предмет, посредством которого совершается то или иное действие, например:

Мың тамтүдүому" эмэ кубу сәүхояңкә басамены 'Мы купили эту шкуру за пять рублей'; Кәнтәме миди"әм тәмәну 'и отдал нарту за оленя'; Дүтүмәнына хосү"о 'Он ударил меня по руке'; Кәтуптугуйчүо тәчү һамту"маны тумтадүо 'Пастух узнал своих оленей по рогам'; Әлыгаку нербя"ку мендяде санимәны дөрәту 'Маленькая девочка плачет по новой игрушке'; Лакәрярай колы һәне"санә буозу-мәны буогали"ә 'Вдруг рыба заговорила человеческим языком' (букв.: человеческой речью); Тәчүгуйчүо" кунтагү" мыәмәнынтүү сынерыры" 'Оленеводы думают о далеких перекочевках'.

Как свидетельствуют приведенные примеры, существительные в продольном падеже употребляются не только с глаголами движения. Существительные в этой падежной форме управляются и глаголами типа дөрәдя 'плакать о ком-, чем-либо', сынерырыся 'думать о ком-, чем-либо', тузымсы 'скучать о ком-, чем-либо', тумтади 'узнать по кому-, чему-либо' и др.

Продольный падеж множественного числа в отличие от других падежных форм имеет тот же суффикс, что и в единственном числе (-мәну). Однако этот суффикс присоединяется не к основе имени, а к форме родительного падежа множественного числа, что наглядно видно у имен с изменяемой основой.

Имен.пад. ед.ч.	Имен.пад. мн.ч.	Род.пад. мн.ч.	Прод.пад. мн.ч.
турку 'озеро'	турку"	турку"	турку"мәну
тохи 'устье'	тоби"	тоби"	тоби"мәну
хузар 'ляпка'	хутарә"	хутару"	хутару"мәну
бы" 'вода'	быза"	бызы"	бызы"мәны

Характерно также, что существительное в продольном падеже в отличие от других падежных форм сохраняет тот же показатель, который наблюдается у наречий и послелогов. Тем самым продольный падеж отчетливо противостоит другим пространственным падежам. Специфика образования продольного падежа (особенно во множественном числе) позволяет предполагать послеложное происхождение этой формы.

Конструкция падежного характера значительно-превратительного значения. Помимо собственно падежей в иганасанском языке имеется примыкающая к ним по своему значению конструкция, образуемая сочетанием существительного в именительном падеже с неопределенно-деепричастной формой вспомогательного глагола иса 'быть'. Основное значение этой конструкции 'стать кем-, чем-либо', например:

Конэку бэу иса конь"сыта 'Щенок станет собакой' (букв.: собакой будучи, пошел); Быты байка"а иса каньэ кона"а 'Он стал уже стариком' (букв.: стариком будучи, пошел-он); Баби куху тәнса иса кона"а 'Шкура дикого оленя пошла на аркан' (букв.: арканом будучи пошла); Ыты куху някелатэ лӯ иса 'Эту шкуру возьми на парку' (букв.: паркой будучи возьми); Норумтундэ битайче сырту мару"татуо иса кона"а 'В весне лед на реке стал хрупким' (букв.: хрупким будучи пошел).

Рассмотренное аналитическое образование тождественно по своему значению назначительно-превратительной (или назначительной) форме ненецкого и энецкого языков, а также близко форме назначительно-превратительного падежа селькупского языка, которые также обозначают преимущественно назначение какого-либо предмета и переход из одного состояния в другое.

На материале иганасанского языка истоки назначительно-превратительной (или назначительной) формы ненецкого и энецкого языков видны вполне ясно. В обоих этих языках суффиксальный показатель восходит к неопределенному деепричастию глагола 'быть' (в ненецком *уэсэ*, в энецком *эь*). Ср., например:

в ненецком: Ыт' я' иба' няңы хэвда пэдаранэ хая 'К югу тундра перешла в лес' (букв.: тундровой земли к югу находящаяся часть лесом стала); Ыудиди' нениңг" сяторта", пееди' нод" лабяха" идраңэ ханта" 'Руки вам ищущают комары, а на ладонях от весел натрете мозоли (букв.: ладони-ваши к веслам мозолями станут)';

в энецком: Окке каты сезота наэьэ кани 'Эта девушка красивой женщиной стала'; Пэоноди' сузобе тоэьэ кани 'Позади их громадное озеро образовалось' (букв.: громадным озером стало).

На этой же основе может быть объяснено и образование назначительно-превратительного падежа селькупского языка, формант -кэ (ср. вспомогательный глагол эко 'быть'), например:

Жэсти корыткэ пикылпа 'Мой отец медведем обернулся'; На торняк варан ататкэ эсэча 'Этот теленок большим оленем стал'.

Из сопоставления с иганасанским материалом вполне обоснованным представляется вывод, что как назначительно-превратительная форма ненецкого и энецкого языков, так и назначительно-превратительный падеж селькупского языка являются поздними образованиями, а форманты их сложились на основе деепричастия вспомогательного глагола 'быть'. Особенности происхождения объясняется и модальный оттенок передаваемых посредством этих форм значений.

Категория личной принадлежности (посессивность)

Значение принадлежности, как это было показано выше, может выражаться при помощи существительного в форме родительного падежа: бик̄а б̄ера 'берег реки', коруза тириде 'крыша дома', ц̄уляза куку 'шкура волка', коу хотадемы 'закат солнца' и др.

Отношение по принадлежности осуществляется при помощи сочетания двух существительных, причем существительное, обозначающее обладателя, неизменно помещается на первом месте, а существительное, характеризующее предмет обладания, - на втором; перестановка членов таких словосочетаний невозможна.

Помимо безличной принадлежности, передаваемой словосочетаниями указанного типа, в иганасанском языке существует категория личной принадлежности, которая выражается посредством системы лично-притяжательных форм. Эта категория свойственна всем именным частям речи, но наиболее полно представлена она в имени существительном.

Грамматическое значение личной принадлежности передается путем присоединения к падежным формам основного (беспритяжательного) склонения лично-притяжательных суффиксов. Таким образом, в линейном ряду морфем лично-притяжательные суффиксы занимают место после падежного форманта. На русский язык лично-притяжательные формы переводятся с помощью притяжательных местоимений.

Определенные лексические группы слов употребляются, как правило, только в лично-притяжательных формах. Сюда относятся существительные, обозначающие отношения родства или свойства, названия частей тела, предметов домашнего обихода и др.

Присоединение лично-притяжательных формантов наблюдается во всех случаях, когда требуется указать на принадлежность обозначенного именем предмета, свойства или действия тому или

другому лицу. В связи с этим неупотребительны обычно в лично-притяжательных формах такие существительные, которые обозначают предметы, немислимые как собственность не только отдельного лица, но даже коллектива, например: турку 'озеро', муңку 'лес (букв.: деревья)', бигай 'река', багута 'море'.

Личная парадигма в нганасанском языке состоит из трех лиц, каждое из них имеет три числа. В связи с этим на каждый падеж беспритяжательного склонения приходится девять лично-притяжательных форм.

Как и в ненецком языке, в нганасанском лично-притяжательные суффиксы 2-го лица в ряде случаев выступают в виде своеобразного определенного артикля, подчеркивая, что оформленное ими существительное обозначает то самое лицо или тот самый предмет, о котором шла речь и о котором будет говориться в дальнейшем. Например:

Бәрбэзун хонты коптуа. Коптуарэ четуамы нензку: сеймчи хотэдиэ" мантэ лэунты", хеңга" депсичи кичезэ хелирэгы" 'У хозяйина есть дочь (букв.: девушка). Девушка (букв.: девушка-твоя) очень красивая: глаза у нее как звезды светятся, черные брови точно полумесяцы'.

Не в прямом притяжательном значении употребляется и лично-притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа с существительными типа нуо 'небо', 'бог', 'погода', мау 'земля', коу 'солнце' и др., например:

Лакэрярай нуоу хоймэгими"э, котумтэки"э 'Вдруг стало темно, поднялась пурга' (букв.: небо-его темным стало, пургой стало). Маузу сүрү нилену чимэ 'Земля (букв.: земля-его) скрыта под снегом'; Сүрүзү дөнү"ө 'Снег (букв.: снег-его) растаял'.

Лично-притяжательное значение слова может подкрепляться посредством присоединения личного местоимения соответствующего лица и числа. Не имея особой притяжательной формы, личные местоимения не могут сами по себе служить для выражения принадлежности. Они служат лишь для подчеркивания того значения, которое заключено в форме слова. Вся смысловая нагрузка падает, таким образом, на лично-притяжательный формант, например:

Сыты банту мазэ кадяну ичү 'Его собака около чума' (букв.: он собака-его чума около находится). Поэтому личное местоимение в таких конструкциях свободно опускается: Банту мазэ кадяну ичү 'Его собака около чума'. Тем самым морфологический способ выражения личной принадлежности превалирует над морфолого-синтаксическим.

Ра ичаются два ряда лично-притяжательных суффиксов: а) для единственного числа существительных, б) для двойственного и множественного чисел. В пределах каждого из этих рядов выделяются лично-притяжательные суффиксы для именительного (основного) падежа (во множественном и двойственном числах - также для винительного падежа) и лично-притяжательные суффиксы для всех остальных падежей.

Лично-притяжательные суффиксы для существительных
в единственном числе

	Ед.ч.лица		Дв.ч.лица	Мн.ч.лица
Имен. пад.	1 л.	-мэ	-ми	-мы"
	2 л.	-рэ	-ри	-ры"
	3 л.	-зы	-зи	-зың
Род. пад.	1 л.	-нэ	-ни	-ны"
	2 л.	-тэ	-ті	-ты"
	3 л.	-ты	-ті	-тың

В винительном падеже единственного числа лично-притяжательные суффиксы присоединяются к форманту -м. В первом лице всех чисел в силу стечения двух одинаковых согласных один из них утрачивается. Поэтому происходит совпадение лично-притяжательных суффиксов 1-го л. в именительном и винительном падежах.

	Ед.ч.лица		Дв.ч.лица	Мн.ч.лица
Вин. пад.	1 л.	-мэ	-ми	-мы"
	2 л.	-мтэ	-мті	-мты"
	3 л.	-мты	-мті	-мтың

**Лично-притяжательные суффиксы для существительных
в двойственном и множественном числах**

	Ед.ч.лица		Дв.ч.лица		Мн.ч.лица
Имен. пад.	1 л.	-не/-ня		-ни	-нү"
	2 л.	-те/-че		-ті	-тү"/-чү"
	3 л.	-тү/-чү		-ті	-түң/-чүң
Род. пад.	1 л.	-не		-ни	-ну"
	2 л.	-те		-ті	-ту"
	3 л.	-ту		-ті	-туң

Лично-притяжательные суффиксы именительного (основного) падежа структурно полностью совпадают с личными формантами глагола в субъектно-объектном спряжении изъявительного наклонения, но существенно различаются по выполняемой функции. Первые выражают принадлежность предмета лицу или другому предмету, вторые характеризуют переход действия субъекта на тот или иной объект.
Ср.:

Лично-притяжательные формы
существительного в имени-
тельном падеже

Изъявительное наклонение гла-
гола в субъектно-объектном
спряжении для неопределенного
времени

Единственное число предмета

Единственное число объекта

кәту 'ноготь', 'коготь'

коту-дя 'убить', 'добыть'

кәту-мә 'мой ноготь'

коза"а-мә 'я убил', 'я добыл'

кәту-рә 'твой ноготь'

коза"а-рә 'ты убил', 'ты до-
был'

кәту-зу 'его ноготь'

коза"а-ту 'он убил', 'он добыл'

и т.д.

и т.д.

двойственное число предмета

двойственное число объекта

кәту-гәй-не 'мои ногти-два'
кәту-гәй-че 'твои ногти-два'
кәту-гәй-чү 'его ногти-два'
и т.д.

коза"а-кәй-не 'я убил-двоих'
коза"а-кәй-че 'ты убил-двоих'
коза"а-кәй-чү 'он убил-двоих'
и т.д.

множественное число предмета

множественное число объекта

кәза-не 'мои ногти-многие'
кәза-че 'твои ногти-многие'
кәза-чү 'его ногти-многие'

коза"и-не 'я убил-многих'
коза"и-че 'ты убил-многих'
коза"и-чү 'он убил-многих'

Материальное тождество рассмотренных формантов наглядно свидетельствует об их общем происхождении. Можно с известной достоверностью предположить, что в более древний период речи предмет и действие отчетливо не противопоставлялись друг другу и потому оформлялись одинаковыми грамматическими показателями. В дальнейшем процессе исторического развития языка по мере все большей дифференциации имени и глагола как различных грамматических категорий эти единые ранее форманты подверглись расщеплению: у имен они сохранились в лично-притяжательном значении, а у глаголов стали служить для выражения субъектно-объектных отношений.

В родительном падеже наличия у существительного, обозначающего обладателя, лично-притяжательного форманта достаточно для придания всему словосочетанию значения принадлежности, например:

Кәнтәнә ниндү"мү чаңкозы"сызәм 'Полоз моей нарты (букв.: нарты-моей полоз) сломан'; Бикәну" тохи кунтагуо 'Устье нашей реки (букв.: реки-нашей устье) далеко'.

Столь типичные для ряда языков изафетные построения в нганасанском встречаются нечасто и сопровождаются изменением структуры, характерной для притяжательных конструкций, т.е. заменой родительного падежа определения на именительный. Ср., например:

Дедитә лӯ четуа хекутә 'У твоего отца очень теплая одежда' (букв.: отца-твоего одежда очень теплая) и десырә лӯзы четуа хекутә букв.: 'Отец-твой одежда его очень теплая'; ииннә кору" ани"ка турку бәрәтәну ичү 'Дом моего старшего брата

(букв.: старшего брата-моего дом) находится на берегу большого озера' и Ииньма коруту ани"ка турку баратану ичү букв.: 'Старший брат-мой дом-его большого озера на берегу находится'.

Обозначая логически подчеркнутые принадлежностные отношения, изафетные конструкции используются в качестве особого стилистического приема при определенной целенаправленности речи и потому более ограничены в своем употреблении по сравнению с притяжательными словосочетаниями.²⁰

Наличие лично-притяжательного форманта в ряде случаев отражается на значении слова. Так, например, существительное ны 'женщина', сочетаясь с лично-притяжательными суффиксами, получает значение 'жена'. То же положение наблюдается в отношении слов байка"а 'старик' и куодүму 'мужчина', которые в лично-притяжательных формах обозначают 'муж'. Слово коптуа 'девушка' в аналогичном оформлении понимается как 'дочь' или 'сестра' и т.д. Ср., например:

Эмты байка"а ченынтым 'Знаю этого старика' и Байка"амту ченынтым 'Знаю ее мужа'; Матэ ту"ом 'Я пришел в чум' и Матэне ту"ом 'Я пришел домой'; Коптуа ману" кадяну сочүрату 'Девушка шьет около нашего чума' и Имидимэ хонты ну"ой коптуамту 'Моя бабушка имеет одну дочь'.

Рассматривая употребление существительных в лично-притяжательных формах, следует обратить особое внимание на конструкции типа „У меня нет матери“, „У него есть хорошая собака“, „У нас есть большой олень“, „У меня болит голова“ и др. В этих конструкциях в иганасанском языке используется не падежная форма местоимений, а лично-притяжательный суффикс соответствующего лица и числа лица, например:

Немьмэ дянку 'У меня нет матери' (букв.: мать-моя не имеется); Нягэ банту тэйчү 'У него есть хорошая собака' (букв.: хорошая собака-его имеется); Чойбоумэ дяриті 'У меня болит голова' (букв.: голова-моя болит).

Посредством лично-притяжательных суффиксов существительных (а не падежной формы личного местоимения) передаются и понятия типа Матэунуну " 'У нас в доме'; Матэунуту " 'У вас в доме'; Биригадэтэунуну " 'У нас в бригаде' и т.д.

---

²⁰ Подробнее см.: Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков, с. 41-43.

В качестве примера употребления лично-притяжательных форм 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа (для единственного числа предмета) может служить склонение существительного иси 'дядя' (старший брат отца или матери):

1-е лицо

Имен.	Исиме сизи сатерэ кеми"э	'Мой дядя поймал двух пес- цов'
Род.	Исине немьпты"э Чунэнчери" ниде	'Жена моего дяди из рода Чунанчар'
Вин.	Исиме ченынтың	'Моего дядю ты знаешь'
Дат.-напр.	Идитенэ ани"э кодүтэту мили"э	'Моему дяде дали большую премию'
Местн.-тв.	Надирэ идитенынэ нилыты	'Твой младший брат живет у моего дяди'
Отл.	Исигэтэнэ нукегэ диндисизүэң	'От моего дяди ты мно- гое услышишь'
Прод.	Исименунэ тутымы"эм	'Я соскучился по моему дяде'

2-е лицо

Имен.	Исире сизи сатерэ кеми"э	'Твой дядя поймал двух пес- цов'
Род.	Идите немьпты"э Чунэнчери" ниде	'Жена твоего дяди из рода Чунанчар'
Вин.	Идимте ченынтым	'Твоего дядю я знаю'
Дат.-напр.	Идитэтэ ани"э кодүтэту мили"э	'Твоему дяде дали большую премию'
Местн.-тв.	Надыме идитенынте нилыты	'Мой младший брат живет у твоего дяди'
Отл.	Исигэтэтэ нукегэ диндисиэми"э	'От твоего дяди мы много услышали'
Прод.	Исименынте тутымы"эң	'Ты соскучился по своему дяде'

Имен.	Исизі сизі сатәре кәми"ә 'Его дядя поймал двух пес- цов'
Род.	Идиті немьпты"ә Чунәнчери" ниде 'Жена его дяди из рода Чунанчар'
Вин.	Идимті ченынтың 'Его дядю ты знаешь'
Дат.-напр.	Идитәты ани"ә кодүтәту мили"ә 'Его дяде дали боль- шую премию'
Местн.-тв.	Идитәнннты нильдиәм һамаяй хўбдя 'У его дяди я жил в прошлом году'
Отл.	Исигәтәты һукагә диндисиәм 'От его дяди я многое услышал'
Прод.	Исимәнннты тьбыйкяку тутымы"ә 'Мальчик соскучился по своему дяде'

Как видно из приведенных примеров, у существительных, имеющих две основы, одни лично-притяжательные суффиксы присоединяются к первой основе, другие — ко второй. Особенно наглядно это сказывается в форме родительного падежа единственного числа. Например: асяне кору" 'моего долганина дом', адятә кору" 'твоего долганина дом', адяту кору" 'его долганина дом', асяну" кору" 'нашего долганина дом', адяту" кору" 'вашего долганина дом', адятуң кору" 'их долганина дом' и т.д.

В именительном, родительном и винительном падежах двойственного числа лично-притяжательные суффиксы прибавляются к показателю двойственного числа -гәй/-кәй. Остальные лично-притяжательные формы двойственного числа образуются сочетанием существительного в лично-притяжательной форме для родительного падежа с тем или иным послелогом. Например:

Тагәйне баңгәтугәй 'Мои олени-два хорошо упитаны'
 Тагәйне һамтә" наибөгә" 'У моих оленей-двух длинные рога'
 Тагәйне хутүрү"әм 'Я запряг моих оленей-двух'
 Тагәйне на сьрә миди"әм 'Я дал моим оленям-двум соли'
 Тагәйне нану бұ"сүтитә"на двух моих оленях поедешь'
 Тагәйне нәтә ту"оң 'Ты пришел от моих оленей-двух'
 Тагәйне намену конь"сызем 'Мимо моих оленей-двух пойду'.

Исключение составляет форма дательно-направительного падежа, образованная при помощи суффикса -дя. Например: н'югэйтідя 'своим детям-двум'; макэйтідя 'к своим чумам-двум'.

Категория личного предназначения (дезидератив)

Помимо форм, обозначающих личную принадлежность, в нгансанском, как и в других языках северно-восточной ветви (ненецком, энецком), имеются формы, характеризующие личное предназначение.

Для характеристики личного предназначения употребляются три падежа: именительный, винительный, назначительный.

Образуются лично-предназначительные формы присоединением к именной основе суффиксов -зэ/-тэ (для именных основ первого класса), -тэ/-че (для именных основ второго класса) плюс соответствующие лично-притяжательные форманты (в назначительном падеже - лично-притяжательные форманты родительного падежа).

В целях усиления, подчеркивания лично-предназначительного значения, выраженного падежной формой, ей предпосылается личное местоимение соответствующего лица и числа. Однако это двойное выражение вовсе не обязательно и воспринимается как известный стилистический прием. Личное предназначение достаточно отчетливо обозначено падежным аффиксом. Таким образом, и здесь основная роль приходится на долю морфологии.

Образцы склонения существительных в лично-предназначительных формах при единственном числе предмета

Тā 'олень' (основа первого класса)

Именительный падеж

Тазэмэ (та-зэ-мэ) ту"о 'Олень для меня пришел'
Тазэрэ (та-зэ-рэ) ту"о 'Олень для тебя пришел'
Тазэту (та-зэ-ту) ту"о 'Олень для него пришел'
Тазэми (та-зэ-ми) ту"о 'Олень для нас-двоих пришел'
Тазэри (та-зэ-ри) ту"о 'Олень для вас-двоих пришел'
Тазэти (та-зэ-ти) ту"о 'Олень для них-двоих пришел'
Тазэму" (та-зэ-му") ту"о 'Олень для нас-многих пришел'
Тазэру" (та-зэ-ру") ту"о 'Олень для вас-многих пришел'
Тазэтуң (та-зэ-туң) ту"о 'Олень для них-многих пришел'

Тазэмэ (та-зэ-мэ) тамтүдүбм 'Оленя для себя я купил'
 Тазэмтэ (та-зэ-м-тэ) тамтүдүбүң 'Оленя для себя ты купил'
 Тазэмту (та-зэ-м-ту) тамтүдүбү 'Оленя для себя он купил'
 Тазэми (та-зэ-ми) тамтүдүбүми 'Оленя для себя мы-двое купили'
 Тазэмти (та-зэ-м-ти) тамтүдүбүри 'Оленя для себя вы-двое купили'
 Тазэмти (та-зэ-м-ти) тамтүдүбүгэй 'Оленя для себя они-двое купили'
 Тазэму" (та-зэ-му") тамтүдүбүму" 'Оленя для себя мы-многие купили'
 Тазэмту" (та-зэ-м-ту") тамтүдүбүру" 'Оленя для себя вы-многие купили'
 Тазэмтуң (та-зэ-м-туң) тамтүдүбү" 'Оленя для себя они-многие купили'

Изначительный падеж

Тазэнэ (та-зэ-нэ) банэ бэзүтэндүм 'В качестве оленя собаку выращиваю'
 Тазэтэ (та-зэ-тэ) банэ бэзүтэндүң 'В качестве оленя собаку выращиваешь'
 Тазэнду (та-зэ-нду) банэ бэзүтэтү 'В качестве оленя собаку выращивает'
 Тазэни (та-зэ-ни) банэй бэзүтэтүми 'В качестве оленя собак выращиваем мы-двое'
 Тазэти (та-зэ-ти) банэй бэзүтэтүри 'В качестве оленя собак выращиваете вы-двое'
 Тазэти (та-зэ-ти) банэй бэзүтэтүгэй 'В качестве оленя собак выращивают они-двое'
 Тазэну" (та-зэ-ну") банэй бэзүтэтүму" 'В качестве оленя собак выращиваем мы-многие'
 Тазэту" (та-зэ-ту") банэй бэзүтэтүру" 'В качестве оленя собак выращиваете вы-многие'
 Тазэндуң (та-зэ-ндуң) банэй бэзүтэнду" 'В качестве оленя собак выращивают они-многие'

Именительный падеж

Ҷандуйчеме (Ҷандуй-че-ме) ту"о 'Лодка для меня пришла'
 Ҷандуйчере (Ҷандуй-че-ре) ту"о 'Лодка для тебя пришла'
 Ҷандуйчету (Ҷандуй-че-ту) ту"о 'Лодка для него пришла'
 Ҷандуйчеми (Ҷандуй-че-ми) ту"о 'Лодка для нас-двоих пришла'
 Ҷандуйчери (Ҷандуй-че-ри) ту"о 'Лодка для вас-двоих пришла'
 Ҷандуйчеті (Ҷандуй-че-ті) ту"о 'Лодка для них-двоих пришла'
 Ҷандуйчему" (Ҷандуй-че-му") ту"о 'Лодка для нас-многих пришла'
 Ҷандуйчеру" (Ҷандуй-че-ру") ту"о 'Лодка для вас-многих пришла'
 Ҷандуйчетуң (Ҷандуй-че-туң) ту"о 'Лодка для них-многих пришла'

Винительный падеж

Ҷандуйчеме (Ҷандуй-че-ме) мелызи"эм 'Лодку для себя я сделал'
 Ҷандуйчемтэ (Ҷандуй-че-м-тэ) мелызи"эң 'Лодку для себя ты сделал'
 Ҷандуйчемту (Ҷандуй-че-м-ту) мелызи"э 'Лодку для себя он сделал'
 Ҷандуйчеми (Ҷандуй-че-ми) мелызи"эми 'Лодку для себя мы-двое сделали'
 Ҷандуйчемті (Ҷандуй-че-м-ті) мелызи"эри 'Лодку для себя вы-двое сделали'
 Ҷандуйчемті (Ҷандуй-че-м-ті) мелызи"эғай 'Лодку для себя они-двое сделали'
 Ҷандуйчему" (Ҷандуй-че-му") мелызи"эмы" 'Лодку для себя мы-многие сделали'
 Ҷандуйчемту" (Ҷандуй-че-м-ту") мелызи"эры" 'Лодку для себя вы-многие сделали'
 Ҷандуйчемтуң (Ҷандуй-че-м-туң) мелызи"э" 'Лодку для себя они-многие сделали'

- Лахуа њандуйченә (њандуй-че-нә) туоптугуйчүмә 'Доску лодкой счита-
таә'
- Лахуа њандуйчетә (њандуй-че-тә) туоптугуйчүрә 'Доску лодкой счита-
таешь'
- Лахуа њандуйчету (њандуй-че-ту) туоптугуйчүту 'Доску лодкой счита-
таәт'
- Лахуа њандуйчени (њандуй-че-ни) туоптугуйчүми 'Доску лодкой мы-
двое считаем'
- Лахуа њандуйчеті (њандуй-че-ті) туоптугуйчүри 'Доску лодкой вы-
двое считаете'
- Лахуа њандуйчеті (њандуй-че-ті) туоптугуйчүзи 'Доску лодкой они-
двое считают'
- Лахуа њандуйчену" (њандуй-че-ну") туоптугуйчүму" 'Доску лодкой
мы-многие считаем'
- Лахуа њандуйченду" (њандуй-че-нду") туоптугуйчүру" 'Доску лодкой
вы-многие считаете'
- Лахуа њандуйчендуњ (њандуй-че-ндуњ) туоптугуйчүтуњ 'Доску лодкой
они-многие считают'

Назначительный падеж выделяется в качестве особой формы только в парадигме лично-предназначительного склонения; в беспритяжательном и лично-притяжательном склонениях аналогичное значение передается с помощью родительного падежа; кроме того, функция назначения какого-либо предмета для другого предмета выражается особой словообразовательной формой на -њә, довольно широко употребляющейся в языке и вне сочетания с лично-притяжательными суффиксами (см. с. 107-108).

С нашей точки зрения представляется вполне возможным связать по происхождению лично-предназначительные показатели с указанной словообразовательной формой на -њә.²¹

Лично-предназначительное (дезидеративное) склонение является по сути дела разновидностью лично-притяжательного (посессив-

---

²¹ Подробнее см.: Терещенко Н.М. К генезису лично-предназначительных (дезидеративных) форм северносамодийских языков. - „Fenno-ugristica“, 4, Тарту, 1977, с. 95-104.

ного). Оба они тесно связаны с категорией лица, характеризуя разные аспекты личной отнесенности. Не случайно поэтому, что имена в лично-притяжательных формах нередко характеризуют предназначение предмета тому или иному лицу.

Существительные в лично-притяжательных и лично-предназначительных формах имеют некоторые отличия в употреблении от существительных в беспритяжательном склонении.

В лично-притяжательных и лично-предназначительных формах существительные в именительном падеже чаще, чем в беспритяжательной форме, служат для выражения прямого дополнения. Наиболее широко отмечается это явление в прямой речи, например:

Куодѹму муну"о: «Матѹри мейѹри ниркутині». Нѹогѹй койрысы матѹмті мелнзы"эгѹй 'Мужчина сказал: «Сделайте себе чум из тальника (букв.: тальниками)». Дети, оставшись, чум себе сделали'.

В первом предложении существительное ма" 'чум' имеет форму именительного падежа 2-го лица двойственного числа лично-предназначительного склонения. Во втором предложении это существительное стоит в той же форме, но уже винительного падежа. Ср. между собой также следующие предложения: Байка"а муну"о: «Куодѹму нѹорѹ нѹгѹй" ѹѹмѹпту"». Или"ѹ нѹомты нѹгѹй" ѹѹмѹпта"а 'Старик сказал: «Хорошо накорми твоего сына». Старуха хорошо накормила своего сына'.

В первом предложении существительное куодѹму нѹо 'сын' оформлено суффиксом 2-го лица единственного числа притяжательного склонения для именительного падежа, во втором — тем же суффиксом для винительного падежа.

Существительные в формах родительного падежа лично-притяжательного склонения чаще, чем в беспритяжательном склонении, обозначают лицо или предмет, которым что-либо предназначается, а также действующее лицо, не являющееся подлежащим этого предложения, например:

ѹаднне бугуртѹ куѹѹтѹндум 'для младшего брата сеть вяжу'; мѹми"ѹ ѹабуту тѹзай, тѹгѹтѹ мунунту: «Вѹзѹтѹтѹ суодѹ" ѹѹѹзѹ"мѹнунѹ» 'Он поймал для невестки оленей, потом сказал: «Сама поезжай по моему следу»'. Митѹдиѹдезы мѹли"ѹ бѹрбѹй" немннта 'Отданное им отобрала жена хозяина'.

Что касается лично-предназначительного склонения, то в нем вместо родительного падежа в указанном выше значении употребляется специальная форма назначительного падежа, формантами которой являются лично-притяжательные суффиксы родительного падежа. Например:

Әмә ны немүзәны" туоптугуйчүму", әмә куодүму десызаны" туоптугуйчүму" 'Оту женщину мы считаем своей матерью, этого мужчину считаем своим отцом'; Иўорсатәнә малиә конаңку бәзүтәндүм 'В качестве гончей собаки выращиваю пестрого щенка'; Кәндә цойчине кўөзине хурым 'ищу березу для копыльев своей нарты'.

Лично-предназначительные формы образуются от существительных как во множественном, так и в двойственном числах, например:

Магәличей тәзичү нисызәм козу" 'никаких оленей ему не убью'; Мазәмтә мелызасы, чайзичи хириди цәмәки"әгәй 'Чум себе сделав, чай себе (букв.: чай-себе-двоим) сварив, есть начали'; Цәндүйчичүң чентырсы цәнтәли"итә" бикә тагәдя 'Приготовив себе лодки, они уплыли за реку'; Тәзичүң тәза"ам 'Оленей для них я пригнал'; Мазучүң чаптиди суодүо" нәна"мазунү", мың нинтымы" суодү" 'Разобрав чумы, соседи перекочевали, мы не кочуем'; Тубитизичиң нягәй" чентырсы мазуну" черә куодүму" басадү"о" 'Хорошо подготовив ружья, мужчины наших чумов поехали на охоту'; Дязи"күдәразәкәйчи бахицәкәйчи котудя нумайкагәй хурси"әгәй 'Только для себя убив диких оленей-двух, парни вернулись'; Кәнтәзәкәйчи мелызасы тәчи хузуртәки"әгәй 'Сделав для себя нарты, они-двое стали запрягать оленей'.

Практически лично-предназначительные формы у существительных во множественном и двойственном числе встречаются реже, чем эти же формы у существительных в единственном числе.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ²²

Основным способом морфологического словообразования в нганасанском языке является суффиксация. При этом как сами форманты, так и основы слов в определенных случаях претерпевают фонетические изменения.

К числу словообразовательных категорий нганасанского языка относится форма с суффиксом -зә, служащая для указания на предназначение данного предмета для другого предмета. Например: бучурә хитәзә быны 'веревка для тетивы сети' - хитә 'тетива'; ко-

---

²² В настоящей работе вопросы словообразования в нганасанском языке рассматриваются по необходимости кратко.

чежа 'для болезни' - коче 'болезнь'; хельжа 'на пару' - хелья 'половина', 'часть'; серуза 'на веревку' - серу 'веревка, с помощью которой увязывают нарту'; хотэзаза 'для ружейного чехла' - хотэза 'ружейный чехол'; лүза 'на одежду' - лү 'одежда' и т.д.

Примеры употребления: Банэ бынүза хонүра сарү"ом 'Для по - водка своей собаки я привязал цепь'; Хотэзаза туба"кэ бери"тандым 'Режу кожу для ружейного чехла'; Мендядедүм тәнсанэ хелья хай мета"ам кэнтэнэ серуза 'У нового из двух арканов я обрезал конец на веревку для увязывания моей нарты'.

Из форм именного словообразования наиболее распространены формы субъективной оценки, а также формы со значением принадлежности и сопроводительности.

Уменьшительная форма с суффиксом -ку/-кү: коу 'ухо' - коу"кү 'ушко', кэй 'бок' - кэй"кү 'бочок', колы 'рыба' - коля"ку 'рыбка', кэту 'ноготь' - кэза"ку 'ноготок', бигай 'река' - бика"кү 'речка', чехо 'клин' - чебя"ку 'клинышек', һэндуй 'лодка' - һэнтү"кү 'лодочка', хоҙүр 'бумага' - хотүрәку 'бумажечка', бы 'вода' - бызя"ку 'водичка', хыты 'гнездо' - хызя"ку 'гнездышко', саңку 'колокол' - саңга"ку 'колокольчик'.

В том же значении, что и уменьшительный суффикс -ку/-кү, употребляется неотмеченный предшествующими исследователями суффикс -ңку: тэры"ка 'белка' - тэры"каңку 'белочка', ма" 'чум' - мазаңку 'чумок', сатэре 'песец' - сатэраңку (уменьшительная форма), камтүлүптү" 'воротник' - камтүлүптүзаңку 'воротничок', һүляза 'волк' - һүлязаңку 'волчонок', копта"а 'бык' - коптаңку 'бычок', кэри"э 'хорей' - кэри"эңку 'хорейчик', байка"а 'старик' - байкунаңку 'старичок'.

Присоединение того или другого уменьшительного форманта обуславливается фонетическим строением основы, поскольку оба они являются, по-видимому, вариантами одной и той же суффиксальной морфемы.

В отдельных случаях уменьшительный суффикс сросся с основой слова, которая без него не употребляется, например: суңгуку 'чуб' (а не 'чубик'), тэмуңку 'мышь' (а не 'мышка'). Доказательством тому, что первоначальной основой последнего слова являлся компонент тэму-, служит материал других самодийских языков (ср. селькупск. тама, камасинск. тумо в том же значении). Показательно и образование увеличительной формы этого слова - тэмуза"а. При словоизменении звукосочетание ңк в слове тэмуңку не переходит в ңг (как это наблюдается у данной суффиксальной морфемы в

других случаях: тамуңкумту 'его мышь'. Ср., например: һулязяңгумту 'его волчка', кәриңгумту 'его хорейчик', байкунаңгумту 'его старичка'. Если требуется выразить понятие 'мышка', то к основе тамуңку прибавляется второй уменьшительный суффикс -ңку - тамуңкуңку.

Примеры употребления: Һәтумдянде нүо хора"ку кәза"курагу 'Личико новорожденного ребенка как ноготок'; Нәрәны" мәнуреку дига"ку һәтумы"э 'Впереди нас показалась яйцевидная горка'; Колы сеймя"ку" лазүмә" 'Глазки у рыбы кольцевидные'; Бамә тамуңкаңгу кәми"ә бәңгаңкундәту чимәтүми"ә ичүтәту 'Моя собака поймала мышонка прежде, чем он вошел в свою норку'.

Увеличительная форма с суффиксом -"а/-"о: коу 'ухо' - коу"о 'большое ухо', тә 'домашний олень' - тә"а 'большой домашний олень', бигай 'река' - биказа"а 'большая река', турку 'озеро' - турка"а 'большое озеро', динте 'лук' - диндә"ә 'большой лук', ма" 'чум' - мазә"ә 'большой чум', кәнтә 'нарта' - кәндә"ә 'большая нарта', сатәре 'песец' - сатәра"а 'большой песец', биә 'ветер' - би"иә 'сильный ветер' (букв.: ветрище), коңку 'волна' - комба"а 'большая волна'.

У некоторых существительных между основой и увеличительным суффиксом вставляется морфема -ра: козу 'пурга' - котара"а 'сильная пурга' (букв.: пуржища), дикә 'гора' - дикара"а 'высокая гора' (букв.: горища), толы"а 'вор' - толара"а 'ворище' и др.

Формант -"а отдельных имен существительных является их составной частью, например: байка"а 'старик' (а не 'старичище'), копта"а 'кастрированный олень', 'бык' (а не 'бычище'), кула"а 'ворон' (а не 'воронище').

Еще большая величина предмета передается при помощи суффикса -рба, который вставляется между основой имени и увеличительным суффиксом -"а. Например: кәнтә 'нарта' - кәндә"ә - кәндүрба"а 'очень большая нарта'; сатәре 'песец' - сатәра"а - сатәрирба"а 'очень большой песец'; биә 'ветер' - би"иә - биәрбы"а 'очень сильный ветер'; туй 'огонь' - ту"уо - турба"а 'очень большой огонь'; бәзүй 'костер' - бәтү"үө - бәтүрба"а 'очень большой костер'.

Только последним способом выражается увеличение слов типа копта"а 'олений бык', кула"а 'ворон', байка"а 'старик' и др.: копта"ирба"а 'бычище', кула"ирба"а 'воронище', Зайка"ирба"а 'старичище'; здесь возможна также такая разновидность этой формы, как кула"айрба"а, байка"айрба"а и др.

Примеры употребления: Ани"ка сатара"а десымэ коза"а 'Большого песка добыл мой отец'; Нййбытэ ту"уо лэди качеми"эм 'Вдалеке я увидел пламя большого огня'; Њандуйму" комба"атэ каса"а дечүмтуру" 'Нашу лодку чуть не перевернуло большой волной'; Хорнэптү"тэтнэ коруза"а мелызэры"э" эмэ тэңэ 'Большой дом (букв.: этажный домище) сделали этим летом'; Биркйй дүзүдэрны сыйбэ таңа"кэ мазэ"э хирэмы"эрэгы" 'В самом центре семь больших покрытых сукном чумов, величиной с сопки'.

Суффикс -зйй, присоединяясь к основе имени существительного, придает ему значение 'ненастоящий', 'игрушечный', например: ма" 'чум' - матэзйй 'игрушечный чум', кэнтэ 'нарта' - кэнтэзйй 'игрушечная нарта', динтэ 'лук' - динтэзйй 'игрушечный лук', лү 'одежда' - лүзйй 'кукольная одежда'.

В ряде случаев слово с формантом -зйй приобретает новое лексическое значение, например: нүо 'ребенок' - нүозйй 'кукла' (букв.: игрушечный ребенок), лү 'одежда' - лүзйй 'нижняя опушка одежды', кэу 'лось' - кэузйй 'бабочка' (букв.: игрушечный лось), бахи 'дикий олень' - бахизйй 'гриб' (букв.: игрушечный дикий олень), тосу 'теленок' - тосузйй 'гусеница'.

Примеры употребления: Сүарме нүзйй нусы"ты 'Мой друг делает игрушечные шесты'; Выставкэтэну лүзия" исүо" 'На выставке были кукольные одежды'; Лапсэ кайтэнынты динтэзйй сарүтү 'Сбоку люльки подвязан игрушечный лук'; Нүомэ тосузйй хили"ти 'Мой ребенок боится гусениц'.

Основное значение суффикса -сэптэ заключается в выражении обычного сопровождения, а также неотчуждаемой принадлежности и в определении предмета по его составу, например: диэсэптэ 'с ягелем', ту дүосэптэ 'с золой' (ту дүо 'зола' - букв.: 'огня песок'), бансэптэ 'с собакой', һаптэсэптэ 'с волосами'.²³

У имен с двумя основами суффикс -сэптэ присоединяется ко второй (генитивной) основе: киндэсэптэ 'с дымом' - кинтэ 'дым', нүбусэптэ 'с рукавицей' - нүху 'рукавица', мизэсэптэ 'с печенью' - митэ 'печень'.

---

²³ Подробнее см.: Терещенко Н.М. Выражение соседности в самодийских языках. - В кн.: Commentationes Fennougricae. Helsinki, 1973.

Примеры употребления: Бәнде" бансәптә, тәсәптә куоба"а 'Все вместе с собаками, вместе с оленями умерли'; Куодүму нүо бансәптә хуаңгү"ө 'Мальчик убежал с собакой'; Миптисәптә тару-му"о" 'С вещами они отделились'; Бәнде" мазә черә" куобуомтуң нйгәй" мельзи"эзың кәндәтәтү бәнде мызәсәптә 'Все жители чума своего умершего хорошо обрядили' (букв.: сделали нарту для него со всем аргишом); Нүосәптә маза"дя би"ж" 'Вместе с детьми они уехали в гости'.

Как уже указывалось выше, совместность действия в иганасанском языке, хотя и может передаваться посредством имени в форме местно-творительного падежа, обозначается чаще всего аналитическим путем – сочетанием имени с послелогом нану. Например: Куодүму ны нану тәтині туйсүогәй 'Мужчина с женщиной приехали на оленях'; Кәтуптугуйчүо банту нану тачүгуйчи 'Пастух пасет оленей со своей собакой'.

Близкое значение может быть выражено также суффиксальным способом – при помощи морфемы -на, присоединенной к названию второго участника действия. Например: Нербя"ку элыгаку тыбийкя-куна санірүгәй турку берәтәну 'Девочка с маленьким мальчиком играет на берегу озера'; Десымә деру"туомә басу"сина буоту 'Мой отец разговаривает с незнакомым охотником'.

Формы с суффиксальной морфемой -на используются в первую очередь для характеристики совместного, а часто и взаимного действия, в силу чего употребляются с глаголами определенного типа: 'играть с кем-либо', 'разговаривать с кем-либо', 'дружить с кем-либо', 'встретиться с кем-либо', 'охотиться с кем-либо' и др. Сказуемое в таких предложениях соответствует обычно в числе обоим частям словосочетания. Только при особом подчеркивании лица, обозначенного существительным в форме именительного падежа, сказуемое соответствует в числе лишь ему. Например: Ытыдя-мә әмә куодумү нүонә басуту 'мой дядя (младший брат матери) охотится с этим мальчиком'.

Суффиксальная морфема -на нередко служит также при определении составных частей предмета, наличии у него какого-либо обычного компонента: бы"э колынә 'суп с рыбой', нәмсу кирибана 'мясо с хлебом', чай сакрына 'чай с сахаром', кириба масләна 'хлеб с маслом' и др.

Примеры употребления: Дялдя нәмурмумбатум нәмсу кирибана 'Днем ем обычно мясо с хлебом'; Ны кириба масләна нәмсату 'Девщина ест хлеб с маслом'; Мың нонәй" кола"на ичүму" 'Мы опять с рыбой'.

Ряд существительных со значением качества или состояния образуется при помощи суффикса -гә, например: дякагә 'запах дыма', дярәгә 'боль', сәҗкәгә 'тяжесть', чesәгә 'холод', 'стужа', хекәгә 'жара', нерсәгә 'вред'. С помощью того же форманта образуются также качественные прилагательные, например: даясәгә 'звонкий', мерәгә 'быстрый', см. ниже, с. II8. Для иганасанского языка в целом характерно употребление одних и тех же словообразовательных суффиксов и с основами имен существительных, и с основами имен прилагательных, что не влечет за собой перехода слов из одной именной категории в другую.

Более распространенным способом обозначения опредмеченного качества являются образования с формантом -зү"/-зи": кәсәзи" 'ловкость', нәмәзи" 'прямызна', найбәзү" 'длина', тантәзү" 'ширина', теңкәзи" 'сила', хирәзи" 'вышина', 'высота'.

Примеры употребления: Дякагә низә кәлыне ту"о" 'Из-за дыма у меня полились слезы' (букв.: слезы-мои пришли); Мәгутәнунә дярәгә сойбуту 'Чувствую боль в спине' (букв.: на спине-моей боль слышна); Сәде найбәзү" нагүрә кәрыгәли 'Длина дороги - три перекочки'; Тәһәдә хекәгә баһя, сүрүдә чesәгә тәптә баһя 'Летом в жару плохо, зимой в холод тоже плохо'; Бикә тантәзү" сити километәрә 'ширина реки два километра'.

Образование новых лексических единиц синтаксическим способом, т.е. путем словосложения для иганасанского языка нетипично. В качестве примера таких сложных слов можно привести следующие: тудүо (туй+дүо) 'зола' (букв.: огонь-песок), дяңәмсу 'мука' (со вторым компонентом ңәмсу 'еда'),²⁴ тубизи" (туй+бизи)" 'ружье' (букв.: огненная стрела), ку"баса (ку"+баса) 'бисер' (букв.: совсем железо),²⁵ дүзүсәру (дүзү+сәру) 'браслет' (букв.: руки повязка) и др. Интересно образование слова кинтәләптыкуйса в словосочетании кинтәләптыкуйса хәа 'курительная трубка' (букв.: курить дерево), где первый компонент - существительное кинтә 'дым', а второй связан с глаголом ләптәбүся 'возвращаться обратно'.

---

²⁴ Компонент дя из иганасанского языка не этимологизируется. Ср. энецк. дя, ненецк. я (ја) 'земля'.

²⁵ Ку" - частица усиления, например: ку" нягә 'совсем хороший', ку" магә 'совсем крепкий'.

Посредством второй группы словообразовательных суффиксов меняются лексическое значение производящего слова и его категориальная принадлежность. Этот способ словообразования может быть обозначен как морфолого-синтаксический. К рассматриваемой группе относятся преимущественно форманты, образующие существительные от глагольных основ. Отмечается несколько наиболее употребительных отглагольных именных образований: субъекта, орудия, места, состояния.

Суффикс -си/-"си служит для обозначения названий людей по их обычному занятию или по их профессии: басу"си 'охотник' - басудя 'охотиться', кэтуптуси 'олений пастух' - кэтуптуса 'накормить оленей', џойбэу"си 'работник' - џойбэудя 'работать', тамту"си 'продавец' - тамтуса 'продать', хоэ"си 'писарь, секретарь' - хотэдя 'написать', тону"тэси 'человек, который гонит оленей позади аргиша' - тону"са 'гнать оленей позади аргиша', туоптуси 'человек, повторяющий слова шамана во время камлания' - туоптугуйся 'повторять слова шамана во время камлания' и др.

Тот же формант входит в состав слов џэмэ"си 'едок' - глагол џэмса"са 'есть', черэ"си 'верховой олень' (в отличие от остальных домашних оленей) и некоторых других.

В близком значении употребляются причастные формы от приведенных и подобных им глаголов: басутуо 'охотник', џойбэутуо 'работник, батрак', кэтуптугуйчю 'пастух' и др. Отличие заключается в том, что форма с суффиксом -си/-"си служит для обозначений постоянно производящихся действий, а причастная форма - для характеристики действия, совершаемого в известный момент.

Ряд существительных, образованных преимущественно от глагольных основ, характеризуется суффиксальной морфемой -зэ. Обозначают такие слова в первую очередь мастера какого-либо дела, а также предмет, специально предназначенный для чего-либо, режее место, отведенное для какого-либо действия, например: мелызэ 'мастер', дитазэ 'стрелок', хойкузэ 'бегун', денязэ 'мастер кидать маут', үнсүзэ 'легковой олень', нөрүзэ '«священный» олень', басузэ 'место охоты', матазэ 'чумовище'.

Формантом -пса/-са передается прежде всего орудие действия, например: дязися 'наковальня' - глагол дятэбү" 'ковать', тїпси 'гребень' - глагол тїлеби" 'расчесать (волосы)'.

Этот суффикс в нганасанском языке является весьма продуктивным: образуемая при его помощи форма часто употребляется взамен других отглагольных имен (имени процесса действия, имени места и времени действия). Например: нилыпся 'жить', џомтүся

'одевание', хоэтэпса 'убивание', демби"тэпса 'одевание', сеңгэпса 'одевание', сочүрәпса 'время шитья', 'орудие для шитья'.

Исчерпывающим этой словообразовательной формы выражается и ряд отвлеченных существительных. Например: бұпса 'уход' - бұдя 'уход', үзкүңсә 'удивление' - үзөңийхү" 'удивиться', дөзүрса 'ход' - дөзүрса 'ходить', нилыпса 'хозяйство' - нилыди 'жить', нилыпса 'радость' - нилымсы 'обрадоваться', тарумса 'разлука' - тарумхү" 'разлучаться', сиңгиптисә 'журчание' - сиңгиптиби" 'журчать'.

Этим же путем создается ряд новообразований, например: нөп-рәпса 'универсальный', 'баня' - нөптәдя 'мыться', хоэтэпса 'уче-ние' - хоэтәсә 'учиться' (букв.: писать), һүзјаса 'вешалка' - һүзјаса 'висеть', хоэтэпса 'карандаш' - хотәдя 'написать'.

Примеры употребления: Дөңгүпса хомәгә ихү"тү нягә 'Пешня должна быть острой'; Һамтә тјпсы магә 'Гребень из рога креп-кий'; Ны демби"тэпса кунтәга"а барәбү" 'Ждать, пока женщина оде-нется, долго' (букв.: женщины одевание долго ждать); Һазапсаму" колызә турку 'Место нашего оседания рыбное озеро'.

Продуктивным является и формант -рәму/-ләму, характеризую-щий место обычного действия, например: басураму 'обычное место охоты' - басудя 'охотиться', колызрәмы 'обычное место рыбной ловли', 'рыбалка' - колызрәмы 'ловить рыбу', 'рыбачить', маләрә-му 'обычное место остановки стойбищем' - маладя 'остановиться стойбищем', тә" кәтурәму 'пастбище' - кәтудя 'пастись (об оле-нях)', тәңу"ләму 'летовка' - тәңу"са 'перекочевать на летнее стойбище', муңку"ләму 'зимовка' - муңку"са 'перекочевать на зи-мовку' (букв.: к лесам, к деревьям), нилырәмы 'обычное жилье', 'жилище'.

В отличие от формы с суффиксом -пса/-са, обозначающей ме-сто временного действия, форма с суффиксом -рәму/-ләму характе-ризует постоянное место какого-либо действия. Ср., например: тә-ңу"са 'временная перекочевка на летнее стойбище' - тәңу"ләму 'летовка' (место, где постоянно проводят лето), һазапса 'место временного оседания (например, во время рыбалки)' - һатарәму 'место обычного оседания на долгий срок или постоянно'.

Примеры употребления: Тәңу"ләму мәуму" кунтәга"а - багузә барәну ичю" 'Место нашей постоянной летовки далеко - у берега моря'; Муңку"ләмуму" нокудү"о 'Наша зимовка приближается'; Та-чүгуйчю" муңку"ләмугититүң суодү"о" 'Оленеводы перекочевали со своих обычных зимовок'; Маләрәмуму" маләрүхуаза" 'Место, на ко-тором мы останавливаемся стойбищем, оказывается, заняли'.

Суффикс -"муо/-"мнэ в сочетании с формантом -де употребляется для обозначения места, на котором происходило какое-либо действие, например: сязу"мнэде 'место, где что-либо окончили' - сятыди 'окончить', котү"мүөде 'место, где кого-либо убили' - котудя 'убить', нилы"мнэде 'место, где жили' - нилыди 'жить'.

Этим же способом передается состояние действия в прошлом и прошлое время действия.

Примеры употребления: Бабий котү"мүөдему" коу"о 'Место, где мы убивали диких оленей, осталось позади'; Кубу мэту"муоде сн-райчүту 'Место, где резали шкуру, белеет'; Басу"муодему" мөуму" бахигалимү"б 'Место, где мы охотились, стало без диких оленей'.

В тех случаях, когда не подчеркивается характер действия в прошлом, суффикс -"муо употребляется без сочетания с суффиксом -де, например: биа"муо 'уход' - бүүдя 'уйти', кэрбу"муо 'хотенье', 'желание' - кэрбудя 'хотеть', хуантү"мүө 'захоронение' - хуанса 'положить', 'похоронить'.

Примеры употребления: Макитинэ биа"муомэ тэмбн"э 'Я уже давно ушел из дома' (букв.: из дома уход-мой стал далеко); Кэрбу"муонтэтэ тэни мийзяди"эң 'Куда хотела, туда ты вышла замуж' (букв.: к хотению-твоему туда вышла замуж); Хуантү"мүөтөнуну" марайнү" койдиэмь" 'Где мы хоронили, там все оставили' (букв.: хоронения в месте-нашем все оставили-мы); Сэу"мыэнэ хуону депту тэу"о 'После моего выстрела гусь вылетел'.

Суффикс -гутэ/-кутэ передает склонность к какому-либо действию, например: хуаңкугутэ 'пьяница', 'любитель выпить' - хуаңкудя 'быть пьяным', дөмтуакутэ 'драчун', 'любитель подраться' - дөмтуахү" 'драться', хидикитэ 'насмешник', 'любитель посмеяться над кем-либо' - хидиси 'смеяться', лаңүркүтэ 'крикливый', 'любитель покричать' - лаңүрся 'кричать', хоуркутэ 'тот, кто ходит за дровами' - хоурса 'ходить за дровами'.

Примеры употребления: Хуаңкугутэ үэнэ"са күүзгудя хоңка"а 'Пьяница с утра пьяный'; Дөмтуакутэ хүөтэ хоси"мэ имуңхуанду 'Драчун бывает вечно побит'; Бригадирэму" лаңүркүтэ үэнэ"са 'Наш бригадир - крикливый человек'; Се"лаку нүорэ дөрөгүтэ нүо 'Твой маленький ребенок плаксивый' (букв.: плаксун).

Помимо указанных выше словообразовательных форм в нгансанском языке отмечаются отглагольные имена существительные, маркированные суффиксом -му/-мы (или -муң/-мың) в форме отложительного падежа как основного, так и лично-притяжательного склонения. Эти образования обозначают цель действия, притом всегда с отрицанием, например: кэнтымгэтэ 'чтобы не озяб', кэптуаму-

гәтә 'чтобы не погас', дбраләмуңкәтә 'чтобы не заплакал', лүү-хөмуңгәтә 'чтобы не завяз', сакәләмуңкәтә 'чтобы не укусил'.

Примеры употребления: Бүмүгәтәтә тәче нөчипты"эм 'Чтобы ты не уехал, я отпустил твоих оленей'; Сәумгәтәтә кунтәга"а исүо 'Он находился слишком далеко, чтобы твой выстрел его достиг'; Нийкумугәтә хи"әкяли дбзүрхү" нйгә 'Чтобы не потеть, надо ходить без совика'.

И И Я П Р И Л А Г А Т Е Л Ь Н О Е

Общие сведения. Грамматическое значение имени прилагательного как особой части речи, противопоставленной имени существительному, составляет определенная соотношенность значения признака к значению предметности. При этом значение признака, выражаемое прилагательным, является относительно постоянным. Этим имя прилагательное существенно отличается по своей семантике от причастия, также обозначающего признак предмета, но признак преходящий, временный. Категории числа и падежа не имеют у прилагательного самостоятельного употребления и зависят от формы существительного. В предложении прилагательное выражает атрибутивные и предикативные признаки (отсюда его соотношение преимущественно с именами предметного значения). В роли атрибута прилагательное уподобляется в возможных для нганасанского языка пределах форме существительного, в предикативной функции оно (как и другие именные части речи) изменяется по лицам, присоединяя в основном те же личные форманты неопределенного времени, что и глагол в субъектном спряжении.

Общеизвестно, что свойства той или иной части речи могут быть неодинаковыми у языков с разной грамматической структурой, не являются они тождественными и у языков одной и той же группы. Материалом самодийских языков это положение подтверждается вполне наглядно. По сравнению с ненецким и энецким языками признаки прилагательного как особой части речи в нганасанском являются более определенными. Здесь имеется ряд формантов, посредством которых образуются имена прилагательные от других частей речи. Несколько большее развитие получил такой морфолого-синтаксический принцип сочетания прилагательного с существительным, как согласованис. Детально разработаны способы для выражения различной меры качественного признака, преимущественно в

сторону его уменьшения. Имеются и некоторые иные дополнительные признаки, представляющие собой специфическую особенность именно имени прилагательного.

Одно из отличий нганасанского языка заключается также в том, что образованные от одной и той же корневой морфемы существительные и прилагательные в ряде случаев противопоставляются друг другу посредством различных суффиксальных морфем. В тех же целях используется нередко фономорфологический прием – противопоставление конечного монофтонга дигтону. Вместе с тем в нганасанском языке нет единого форманта, объединяющего имена прилагательные в единую грамматическую категорию, но существуют разные средства для выражения различных признаков предмета. По формальным и семантическим основаниям выделяются два разряда прилагательных – качественные и относительные. Принадлежностные отношения в нганасанском, как и в других самодийских языках, передаются прежде всего существительными в форме родительного падежа.

К а ч е с т в е н н ы е п р и л а г а т е л ь н ы е

Непроизводные формы

Удро непроизводных (или во всяком случае воспринимаемых в настоящее время неразложимыми на составные части) качественных прилагательных в нганасанском языке невелико и ограничивается словами типа сыр 'белый', баха 'плохой', нумэ 'молодой', нуно (или нуноу) 'настоящий' (а также 'нганасанский'), нуле 'родной', малиэ 'пестрый', тыра 'мелкий', лисү 'ленивый', черу 'узкий', нокус 'близкий', косүб 'сухой'.

Часть непроизводных качественных прилагательных включает в себе значение не только признака, но и предмета, например: тыра 'мелкий' и 'мель', сыр 'белый' и 'лед', 'соль'. Показательно, что некоторые наименования цветов строятся на базе представления о природной окраске конкретных предметов.

В ряде случаев в языке наблюдается дифференциация подобных слов, ср., например: мали 'орнамент', 'узор' – малиэ 'пестрый', ну́нүэ 'богач' – ну́нэ 'богатый', кула"а 'ворон' – кула 'черный', байка"а 'старик' – байкуо 'старый'. По-видимому, сосуществование в одной именной форме значения предмета и его признака в определенных случаях в какой-то мере противоречит современному языковому сознанию.

По своему составу неизменяемые качественные прилагательные являются, в основном, двусложными, реже односложными и принадлежат, по-видимому, к наиболее старому пласту лексики. Ряд из них находит соответствие в других самодийских, а некоторые — и в финно-угорских языках.

Производные формы

В состав довольно значительного числа качественных прилагательных входит компонент -гә, который представляется целесообразным рассматривать в качестве словообразовательной суффиксальной морфемы: дөптәгә 'тонкий', даясәгә 'звонкий', катәгә 'светлый', кунтәгә 'долгий', мерәгә 'быстрый', 'скорый', нягә 'хороший', няйчегә 'толстый', намәгә 'мягкий', нячагә 'прочный', намәгә 'прямой', тоңкәгә 'просторный', тунәгә 'ясный', хекәгә 'теплый', 'жаркий', хетәгә 'тихий (о человеке)', хоймәгә 'темный', хойсәгә 'ослепительно яркий', холегә 'легкий', хомәгә 'острый' перен. 'строгий'.

Следует указать, что при помощи форманта -гә образуются не только качественные прилагательные, но и другие категории слов, в первую очередь имена существительные, например: даякагә 'запах дыма', дярәгә 'боль', сәңкәгә 'тяжесть'.

Некоторые из форм на -гә совмещают в себе значения прилагательного и существительного, прилагательного и наречия: тәүкәгә 'сильный', 'богатырь'; хоймәгә 'темный', 'темень ночи'; хекәгә 'теплый', 'жаркий', 'жара'; чесәгә 'холодный', 'холод', 'стужа'; нерсәгә 'вредный', 'вред'; нелуагә 'вкусный', 'ароматный', 'вкус пищи', 'ароматный запах'; дүрәгә 'глубокий', 'глубоко'; холегә 'легкий', 'легко' и др. Тем самым суффикс -гә служит для формирования довольно широкой группы слов со значением качества.

Суффиксальный характер -гә особенно нагляден в сопоставлении с существительными, образованными от той же корневой морфемы с помощью суффикса -зи"/-зү", в единичных случаях с помощью суффикса -ми. Например: дерә-зи" 'толщина' — дерә-гә 'толстый'; дүра-зи", дүри-ми 'глубина' — дүрә-гә 'глубокий'; кәсә-зи" 'ловкость' — кәсә-гә 'ловкий'; ма-зү" 'твердость' — ма-гә 'твердый'; мерә-зи" 'быстрота', 'скорость' — мерә-гә 'быстрый', 'скорый'; найбә-зү" 'длина' — найбә-гә 'длинный'; нәмә-зи" 'прямизна' нәмә-гә 'прямой'; сәңкә-зи" 'тяжесть' — сәңкә-гә 'тяжелый';

тантә-зү" 'ширина' - тантә-гә 'широкий'; тонсә-зү" 'проворство' - тонсә-гә 'проворный'; тәүкә-зи" 'сила' - тәүкә-гә 'сильный'; хойсе-зү" 'яркость' - хойсе-гә 'ослепительно яркий'; хирә-зи" 'вышина, высота' - хирә-гә 'высокий'; хомә-зи" 'острота' - хомә-гә 'острый'. О том же свидетельствует ряд однокоренных глаголов со значением качественного состояния, например: дярәзы-сә 'болеть', 'быть больным', сәүку-са 'быть тяжелым', тасү-ся 'быть горьким', тәүкә-ди 'быть сильным', хеку-сы 'быть горячим', хойсү-ся 'быть ослепительно ярким', хуаңку-дя 'быть пьяным'.

Изредка суффиксально не оформленному прилагательному противостоит существительное, маркированное специальным формантом, например: бәлуа 'злой' - бәлуа-зә 'злость'; нөмнү"а 'жадный' - нөмнү-зә 'жадность'.

Помимо суффикса -гә, имеется ряд суффиксальных морфем, которые не входят в действующую систему словообразования.

Слова с суффиксом -ко обозначают преимущественно различные оттенки цветов спектра и форму предмета: кичако 'серый' (неопределенный цвет приглушенных тонов), дябако (дябакуо) 'красный', дөдяко 'серый', 'зеленоватый' (мутного оттенка), тодяко 'желтый', 'коричневый', тумкако 'сумрачный', 'тусклый', перен. 'хмурый', дөмбако 'согнутый', 'сутулый', дүйхуако (дүйхуакуо) 'круглый', дөрако 'кособокий'.

В ряде случаев суффикс -ко (-куо) присоединяется к основе слова при помощи компонента -й, вне такого сочетания не употребляющегося, например: сыр - сырайко 'белый'. Это дает основание усмотреть аналогичную суффиксальную часть в словах тусайко (тусайкуо) 'темный (противоположный светлому)', сымбайко 'гладкий', 'ровный', лыптайкуо 'ровный', ломнайко 'мягкий', ләндуйко (ләндуйкуо) 'слабый', 'вялый' (ср. глагол ләндуйчүся 'быть слабым, вялым') и др. Основы, от которых образованы эти слова, как правило, в языке не сохранились.

Более ограничено количество слов с формантом -ка: ани"ка 'большой', карчака"а 'лохматый', дүндака 'крячковатый', миника 'близкий', 'ближний', мундүка (мундү"ка) 'хромой' и некоторые другие.

Некоторые слова качественного значения характеризуются общим им компонентом -кә, который при современном состоянии языка не вычленяется из состава основы, например: мәүкә 'бедный' (ср. ненецк. маңг 'нужда', 'бедность'), сәүкә 'голубой' (ненецк. 'чернобурая лисица' (ср. ненецк. сәүг), баңкә 'однорогий' (ср. ненецк. вае"), мәгаңкә 'горбатый' (ср. маку 'спина'), хәүкә

'черный'. Тот же компонент отмечается в составе основы отдельных существительных: маңкә 'ребенок старшей сестры' (ср. ненецк. мянҕ 'племянник'), сәңкә 'зерно', хоңкә 'рукоятка', сиеряңку 'тверденький снежок', биэзяңку 'с теплым ветерком денек'.

То же можно сказать и о немногочисленных словах с элементом -ңку (-ңкуо): дяңку, дяңка 'кривой', 'одноглазый' (ср. ненецк. яңгәй), деңкуо 'белый' (о собаке).

Примеры употребления качественных прилагательных: Тыра би-гайчену коли" һукәгә" 'В мелкой реке много рыбы'; Косүбә хоа" нйәгәй" ләңынты" 'Сухие дрова хорошо горят'; Әмты куодүму тәнә һиле нинирә 'Этот мужчина твой родной брат'; Хирәгә дигә нитә маму" нйәгәй" һәзүты 'С высокой горы наш чум хорошо виден'; Мнә-зә" мәтүтәнду" дүрәгә бикә 'Аргиши переезжают глубокою реку'.

Нередко для передачи качественного признака употребляются причастные формы глаголов качественного состояния. Эти формы причастий близки по своему значению образованиям с формантом -гә: хойсе-гә и хойсү-түо 'ослепительно яркий', хекә-гә и хекүтнә 'теплый', 'жаркий', хоймә-гә и хоймү-түо 'темный', чесә-гә и чеси-тиә 'холодный' и др.

Различие рассмотренных пар слов состоит в том, что формы с суффиксом -гә обозначают относительно постоянный признак, а причастия - признак преходящий, временный, характерный для данного момента. Ср., например: хекәгә кору" 'теплый дом' (отличительный признак, свойственный данному дому) - хекүтнә бы" 'теплая вода' (только в настоящее время); хойсегә коу 'ослепительно яркое солнце' - хойсүтүо туй 'ослепительно яркий огонь' (только сейчас). Ср. также образования типа суодүрә 'кочевой' (например, суодүрә нилыпса 'кочевая жизнь') и суодүтуо 'кочующий' (например, суодүтуо һәнә"са 'кочующий человек').

Для характеристики особо отличительной черты во внешнем облике человека или животного употребляются сочетания, в которых первое слово обозначает какую-либо часть тела, а второе является качественным прилагательным, например: мәрсы тантәгә 'широкоплечий', һойбуо хеңкә 'черноголовый', сеймы хеңкә 'черноглазый', хорә сыр 'белолицый', һуңкә найбәгә 'длинноносый', сеймы ани"ка 'большеглазый', хорә дүйхуакуо 'круглолицый', хотуо дябакуо 'краснощекий'.

Приблизительно то же значение передается сочетанием качественного прилагательного и причастия от глагола обладания, например: тантәгә мәрсы"тнә 'имеющий широкие плечи', хеңкә һой-бү"түб 'имеющий черную голову'. В определенном контексте к зна-

чению словосочетаний подобного типа примешивается оттенок чрезмерности выражаемого ими признака, вызывающей неодобрительную оценку со стороны говорящего.

Рассмотренные словосочетания служат для выражения единых понятий и построены на основе атрибутивной или предикативной связи.

Качественные прилагательные имеют противоположные по своему значению пары (антонимы), например: сыр 'белый' - хеңкә 'черный'; секу 'узкий' - тандоа 'широкий'; нумә 'молодой' - байкуо 'старый'; тыра 'мелкий' - дүрәгә 'глубокий'; катәгә 'светлый' - тусайкуо 'темный'; нягә 'хороший' - баха 'плохой'.

Синтаксические формы прилагательного

В морфолого-синтаксическом плане отличительной особенностью прилагательного в нганасанском языке является довольно последовательно проводимое его уподобление синтаксической форме определяемого им существительного. В атрибутивных словосочетаниях согласование происходит в числе и в формах именительного, родительного и винительного падежей, а в остальных падежах наблюдается согласование только в числе.

Именительный (основной) падеж

Нягә кору" ңәзуты 'Хороший дом виднеется'
Нягәгәй корукәй ңәзутыгәй 'Хорошие дома-два виднеются'
Нягә" корузә" ңәзуты" 'Хорошие дома виднеются'

Родительный падеж

Нягә корузә тириде мендяде 'У хорошего дома крыша новая'
Нягәги коруки тиридегәй мендядегәй 'У хороших домов-двух крыши
новые'
Нягәй" корузу" тириде" мендяде" 'У хороших домов-многих крыши
новые'

Винительный падеж

Нягэ корузэ Һэзүтүм 'Хороший дом вижу'
Нягэги коруки Һэзүтүм 'Хорошие дома-два вижу'
Нягэй корузэй Һэзүтүм 'Хорошие дома-многие вижу'

Дательно-направительный падеж

Нягэ матэ конь"сытэмы" 'В хороший дом пойдем'
Нягэги маки на конь"сытэмы" 'В хорошие дома-два пойдем'
Нягэй" маті" конь"сытэмы" 'В хорошие дома-многие пойдем'

Местно-творительный падеж

Нягэ матэну нильби" нягэ 'В хорошем доме жить хорошо'
Нягэги маки кунсыны нильби" нягэ 'В хороших домах-двух жить хо-
рошо
Нягэй" матіні нильби" нягэ 'В хороших домах-многих жить хорошо

Отложительный падеж

Нягэ макэтэ ниндытэ" бунанду" 'От хорошего дома уйти не хотят'
Нягэги маки натэ ниндытэ" бунанду" 'От хороших домов-двух уйти
не хотят
Нягэй" макитэ ниндытэ" бунанду" 'От хороших домов-многих уйти
не хотят'

Продольный падеж

Нягэ мамэну конь"сытэры" 'По хорошему дому пойдете'
Нягэги маки намэну конь"сытэры" 'По хорошим домам-двум пойдете'
Нягэй" мазу"мэну конь"сытэры" 'По хорошим домам-многих пойдете'

Если определяемое слово в винительном падеже имеет соответствующий падежный формант, то тот же формант присоединяется и к основе принадлежности определения, например: Мэне ну-

сытым меңдядем корузум 'Я строю новый дом'; Сылгыгәличе сеймы тәрадий нйгәй нйой ниснә качемә" 'Ничей глаз не видел таких красивых детей'.

Выступая в группе именного сказуемого, прилагательное-определение получает те же предикативные суффиксы, что и определяемое им существительное, например: мәнә нумаңкум кәтуптугуйчүом 'я молодой пастух'; тәнә нумаңкуу кәтуптугуйчүоу 'ты молодой пастух'; сыты нумаңку кәтуптугуйчүо 'он молодой пастух'; мың нумаңкуму" кәтуптугуйчүому" 'мы-многие молодые пастухи' и т.д.

Согласование распространяется также на группы существительных вещественного значения, служащих для характеристики признака, например: хәа коры 'деревянный ящик', хәагәй корыгәй 'деревянные ящики-два', хәа" коры" 'деревянные ящики-многие' - именительный (основной) падеж; хәа коры 'деревянный ящик', хәаги корыги 'деревянные ящики-два', хәаи корыи 'деревянные ящики-многие' - винительный падеж.

Указанные синтаксические особенности нганасанского прилагательного вполне объяснимы. Рассматривая в историческом плане вопрос о согласовании прилагательных, А.А.Потебня писал: „До времени до возникновения прилагательного относится по происхождению и согласование прилагательных в падеже и числе, ибо и тс и другое, как отношения пространственные, - принадлежность вещи, а не качества.

Т.о., вопрос о согласовании прилагательных с существительными сводится на другой: о согласовании существительных атрибутивных (со включением предикативного атрибута) с существительными же определяемыми".¹

По способу согласования соединяются с определяемым существительным и определения, выраженные указательными, определенными местоимениями, причастиями, числительными порядковыми, а также в известной мере количественными.

Наличие в нганасанском языке согласованных форм определения и определяемого опровергает высказывавшееся ранее мнение о том, что согласование в самодийских языках возникло под влиянием русского языка.²

---

¹ П о т е б н я А.А. Из записок по русской грамматике. Т.З. М., 1968, с. 70.

² Подробнее см.: Т е р е щ е н к о Н.М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973, с. 49-64.

Как можно видеть на материале самодийских языков, не играет в этом отношении роли и степень разграниченности между существительным и прилагательным. В селькупском языке, где такое разграничение осуществляется наиболее полно и последовательно, данный вид синтаксической связи не отмечается. В этом отношении заслуживает внимания приведенное выше высказывание А.А.Потебни о происхождении категории согласования.

Формы усиления и ослабления качества

Мера (или степень) качества, заложенного в основе прилагательного, уточняется при помощи ряда специальных формантов.

Суффикс -ку/-кү характеризует уменьшительность, неполную меру качества, например: найбөгә 'длинный' - найбага"ку 'длиненький'; тантәгә 'широкий' - тантәга"ку 'широконький'; хирәгә 'высокий' - хирагһа"ку 'высоконький'; дүрәгә 'глубокий' - дурәгһа"ку 'глубоконький'; хомәгә 'острый' - хомәгһа"ку 'остренький'; кә"ликү 'короткий' - кә"лика"ку 'коротенький'; дяңка 'одноглазый' - дяңга"кү 'одноглазенький'. Данный суффикс присоединяется к форме множественного числа.³

Имеются слова, в которых формант -ку органически входит в состав основы: элыгаку 'маленький', 'мелкий', се"лаку 'маленький', 'небольшой'. Аналогичное явление наблюдается и в ненецком языке.

В том же значении употребляется и суффикс -ңку: сыр, сырайкуо 'белый' - сыраңку 'беленький'; хеңкә 'черный' - хеңгяңку 'черненький'; мәңкә 'бедный' - мәңкаңку 'бедненький'; мәгаңкә 'горбатый' - мәгаңкаңку 'горбатенький'; коурүтә 'солнечный' - коурүтаңку 'солнечный' (букв.: солнчененький); кичезә 'луна' - кичезәңку 'лунный' (букв.: лунненький).

Примеры употребления: Нерәны" дүрәгһа"ку бика"кү һәтумы"э 'Впереди нас глубоконая речка показалась'; Конаңкумә нәмбә"ку 'Мой щенок плохонький'; Әмты дялы коурүтаңку 'Этот день солнеч-

---

³ Суффикс -ку находит соответствие в ненецком, отчасти в энецком языках, например, в ненецком: пирця 'высокий' - пирцяко 'высоконький', ёря 'глубокий' - ёряко 'глубоконький'. Можно полагать, что он относится к числу старых формантов словообразования.

ный' (букв.: солнеченький); Бызн" кичезэтэну дялачү катарангу" 'В месяц разлива водоемов (приблизительно соответствует июню) дни светленькие'.

Уменьшительный суффикс -ңку предшествующими исследователями не отмечался. В настоящее время он является вариантом суффикса -ку. Оба эти форманта присоединяются в одинаковом значении к основе одного и того же прилагательного: нәңхо 'плохой' - нәмба"ку и нәмбаңку 'плохонький'.⁴

Рассматриваемая форма содержит и эмоциональное положительное восприятие со стороны говорящего. Тем самым передается не только количественная, но и качественная оценка предмета.

Прилагательные с формантом -лкә образуются только от имен существительных и чаще всего выражают неодобрительное, ироническое отношение говорящих, считающих обозначенный этими словами признак чрезмерным, например: депси 'бровь' - депсялкә 'бровастый'; дүтү 'рука' - дүзәлкә 'рукастый'; һаптә 'волос' - һапталкә 'волосатый'; ними 'грудь женская' - нимялкә 'грудастая'; һүңкә 'нос' - һүңгалкә 'носатый'; сеймы 'глаз' - сеймялкә 'глазастый'; хепты 'губа' - хептялкә 'губастый'.

В зависимости от значения производящей основы оттенок неодобрительности может стираться, например: денси 'цена' - дендялкә 'ценный', 'дорогой'; һонда 'ум', 'разум' - һондалкә 'ум-

---

⁴ Те же суффиксы, как об этом уже говорилось выше, характеризуют и уменьшительную форму существительного, например: тәйбу 'хвост' - тәйба"ку 'хвостик', колы 'рыба' - коля"ку 'рыбка', тәры"ка 'белка' - тәры"каңку 'белочка' и др.

Исторически суффикс -ңку, по-видимому, представляет собой слияние суффикса -ку, -кү с заднеязычным һ. Возможно, что этот последний компонент выступал в прошлом в качестве словообразовательного форманта или же представлял собой конечный звук основы.

Помимо элемента -һ некоторые производные прилагательные имеют в своей структуре компоненты -на, -ра, которые в современном языке не вычлениаются из состава слова, например: нума 'молодой' - нума-на-һ-ку (наряду с нумаңку) 'молоденький'; сума 'тихий (о погоде)' - сума-ра-һ-ку 'тихонький (о погоде)'.

ный', 'тот, который многое знает'; диндү 'весть', 'известие' - диндялка 'тот, кто знает все новости, может многое порассказать'.

Примеры употребления: цуугалкэ коптуамтэ нитэнэ някэли"эм 'Твоем носатую дочь я взял себе в жены'; Мэрсялкэ куодүму нягэ басу"си 'Плечистый мужчина хороший охотник'; Эмты сатарэ куху четуа дендялкэ 'Шкура этого песца очень ценная'; Нундалкэ байка"а нану буобу" нягэ 'С умным стариком приятно беседовать'; Сүарнэ ны депсялкэ 'Жена моего товарища бровастая'; Хелы цэнэ"санэ" цапталкэ" имуцхуанду" 'Некоторые люди бывают волосатые'.

По вполне понятным причинам, связанным с особенностью семантики этих образований, в речи они малоупотребительны.

В качестве показателя повышенной степени качественного признака используется суффикс -"а (гортанный смычный с последующим гласным, чаще всего гласным а). Этот словообразовательный тип относится к числу наиболее продуктивных, формант -"а присоединяется к основе как непроемных, так и производных прилагательных, например: ани"ка 'большой' - ани"ка"а 'очень большой', 'большущий'; бэнуго 'истощенный' - бэнуга"а 'очень истощенный' (преимущественно об олене); дөдяко 'мутный' - дөдяка"а 'очень мутный'; карчако 'лохматый' - карчака"а 'очень лохматый'; дүнтэ 'глухой' - дунта"а 'очень глухой'; кунтэга 'долгий', 'дальний' - кунтэга"а 'очень долгий', 'очень дальний'; нэцхо 'плохой' - нэмбэ"э 'очень плохой'; сыр 'белый' - сыра"а 'очень белый', 'белейший'; тусайко 'темный' - тусайка"а 'очень темный', 'темнущий'; хецкэ 'черный' - хецгы"а 'очень черный', 'чернущий'.

В том же значении суффикс -"а употребляется с причастиями, образованными преимущественно от глаголов качественного состояния и выступающими в функции приименного определения, например: чеситиэ 'холодный' - чесити"а 'очень холодный', хекутнэ 'теплый' - хекуты"а 'очень теплый'.

Форма, характеризующая усиление степени качественного признака, образуется и от прилагательных с суффиксом -лкэ, подчеркивая заключающуюся в них неодобрительную оценку чрезмерности признака, например: хептялкэ 'губастый' - хептялкы"а 'уж очень губастый', цуугалкэ 'носатый' - цуугалка"а 'уж очень носатый', депсялкэ 'бровастый' - депсялка"а 'уж очень бровастый', цапталкэ 'волосатый' - цапталка"а 'уж очень волосатый'.

В целях еще большего усиления качественного значения используется суффикс -рба, вставляемый между основой имени прилагательного и увеличительным суффиксом -"а, например: дөдяко

'мутный' - дӱдякарба"а 'уж очень мутный'; дӱнтэ 'глухой' - дӱн-
тэрба"а 'уж очень глухой'; кунтэтэ 'далекий' - кунтэгэрба"а 'уж
очень далекий'; ани"ка 'большой' - ани"каурба"а 'уж очень боль-
шой'; нәңхо 'плохой' - нәмбӱрба"а 'уж очень плохой'; тусайко
'темный' - тусайкарба"а 'уж очень темный'; хеңкэ 'черный' - хең-
гиром"ә 'уж очень черный'.

Приблизительно в том же значении, что и формант -"а, упо-
требуется суффикс -йкиа. Суффикс -йкиа в отличие от суффикса
-"а малопродуктивен; он присоединяется преимущественно к прила-
гательным с формантом -гә, например: мерәгә 'быстрый' - мерә-
гәйкиа 'очень быстрый, быстрющий'; катәгә 'светлый' - катәгәй-
киа 'уж очень светлый'; хирәгә 'высокий' - хирәгәйкиа 'очень вы-
сокий', 'высоченный'; нйәгә 'хороший' - нйәгәйкиа 'очень хоро-
ший'; сәңкәгә 'тяжелый' - сәңкәгәйкиа 'очень тяжелый, тяжело-
щий'.

По своему происхождению суффикс -йкиа является, по-видимо-
му, сложным и разлагается на составные части: й+киа. Если
учесть, что формант этот присоединяется к прилагательным, обра-
зованным при помощи суффикса -гә, то получаем следующую струк-
туру таких образований: мерәгәйкиа (мерә-гә-й-киа), сәңкәгәйкиа
(сәңкә-гә-й-киа).

Все рассмотренные выше словообразовательные формы прилагат-
ельных характеризуются наличием экспрессивной оценки со сторо-
ны говорящего качественного признака того или другого предмета.

При помощи суффикса -ликӱ (-лӱкӱ) характеризуется обычно
некоторое ослабление какого-либо качества по сравнению с исход-
ной основой, например: катәгә 'светлый' - казә"ликӱ 'светловат-
тый'; макә 'низкий' - магә"ликӱ 'низковатый'; нокуо 'близкий' -
ногә"ликӱ 'близковатый'; секу 'узкий' - сега"ликӱ 'узковатый';
тәңкәгә 'сильный' - тәңгә"ликӱ 'сильноватый'; хирәгә 'высокий'
- хирә"ликӱ 'высоковатый'; хоймәгә 'темный' - хоймә"ликӱ 'тем-
новатый', чесагә 'холодный' - чеса"ликӱ 'холодноватый'.

В отдельных случаях, однако, суффикс -ликӱ обозначает ос-
новную степень качественного признака. Ср., например: дӱхогә
'помягче' - дӱбә"ликӱ 'мягкий'; кәйм 'покороче' - кә"ликӱ 'ко-
роткий'.

Этот формант можно было бы обозначить как сравнительный,
поскольку при его помощи передается сравнение в сторону как не-
которого уменьшения, так (в зависимости от семантики основы) и

некоторого увеличения того или иного качественного признака.⁵ Как и суффикс -ку/-кү, он присоединяется к форме множественного числа, причем суффиксальная морфема -гә отбрасывается.

Примеры употребления: Нагәтә тәүгә"ликү тәһийчү 'Посильнее тебя есть'; Кору" һануо макәтә хекә"ликү 'Дом потеплее иганасанского чума'; Мәнә тәне тагититә мерә"ликү" 'Мои олени побыстрее твоих'; Һатузаләму саруогәтә тәндә"ликү 'Дорога, проложенная аргием, пошире тропы'.

От этой формы образуются глаголы со значением становления действия, например:

Һуомә хирә"ликүми"ә 'Мой ребенок стал выше'; Тыһиня чәсә"ликүми"ә 'Теперь стало похолоднее'; Хй" хоймә"ликүми"ә 'Ночи стали потемнее'; Дяламтундә казә"ликүми"ә 'К наступлению дня стало посветлее'; Кәнтәмә мелызәңдытәнә ма"ликүми"ә 'Когда я сделал нарту, она стала крепче'.

Суффикс -дир в зависимости от значения производящей основы может выражать или незначительное уменьшение, или, наоборот, незначительное увеличение качественного признака,⁶ например: макәгә 'низкий, низкорослый' - макәгәдир 'чуть пониже, несколько пониже'; нокуо 'близкий' - нокуодир 'чуть поближе, несколько поближе'; дөптәгә 'тонкий' - дөптәгәдир 'чуть потоньше, несколько потоньше'; чәсәгә 'холодный' - чәсәгәдир 'чуть похолоднее, несколько похолоднее'; катәгә 'светлый' - катәгәдир 'чуть посветлее, несколько светлее'; сәңкәгә 'тяжелый' - сәңкәгәдир 'чуть потяжелее, несколько потяжелее'; ани"ка 'большой' - ани"кадир 'чуть побольше, несколько побольше'.

---

⁵ Ср. отчасти сходное употребление ненецкого суффикса -рка, см.: Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков, с. 260-262.

Возможно, что в своем генезисе суффикс -ликү/-лүкү является сложным и слагается из омертвевшей суффиксальной морфемы -ли/-лү и уменьшительного суффикса -ку/-кү, поскольку суффикс -л для производных прилагательных выделяется среди первичных суффиксов уральского праязыка, см.: Lehtivaalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936, S. 152-156.

⁶ Степень признака у образований с суффиксом -дир несколько большая по сравнению с прилагательными, оформленными суффиксом -ликү. Вместе с тем обе эти формы семантически очень близки между собой.

Суффикс -дир присоединяется как к неприменным, так и к применным прилагательным (в первую очередь к прилагательным с формантом -гә). Прилагательные с суффиксом -дир (как и прилагательные с формантом -ликү) используются в сравнительных оборотах, когда между собой сравниваются два или несколько предметов. Однако основной центр тяжести при противопоставлении друг другу предметов, обладающих в разной мере одним и тем же качеством, приходится в таких конструкциях на долю существительного в форме отложительного падежа; прилагательное же само по себе значения сравнения передавать не может.

Примеры употребления: Минтымә минтыгәтәтә сәңкәгәдир 'моя ноша потяжелее твоей'; Сүрүгай ичүо сүрүоҗу сүрү хонтәгәтә чәсәгәдир 'Бесснежная зима похолоднее, чем снежная'; Нүомә нүогәтәтә һондалкәдир 'Мой ребенок поумнее твоего'; Әмә тугы" тәндә тугыкәтә тодякодир 'Эта материя пожелтеет той'.

Суффикс -дир нередко присоединяется к прилагательным с суффиксом -ликү. В подобных случаях прилагательные выражают незначительное уменьшение меры качества, например: дөптәгә 'тонкий' - дөптә"ликү 'тонковатый' - дөптә"ликүдир 'чуть тонковатый'; чәсәгә 'холодный' - чәсә"ликү 'холодоватый' - чәсә"ликүдир 'чуть холодоватый'; катәгә 'светлый' - казә"ликү 'светловатый' - казә"ликүдир 'чуть светловатый'; хирәгә 'высокий' - хирә"ликү 'высоковатый' - хирә"ликүдир 'чуть высоковатый'; тәңкәгә 'сильный' - тәңгә"ликү 'сильноватый' - тәңгә"ликүдир 'чуть сильноватый'; секу 'узкий' - сәгә"ликү 'узковатый' - сәгә"ликүдир 'чуть узковатый'; хоймәгә 'темный' - хоймә"ликү 'темноватый' - хоймә"ликүдир 'чуть темноватый'.

Примеры употребления: Әмкәтә тәнә малә мәнә макәтәнә ногә"ликүдир 'Отсюда твой чум чуть поближе, чем мой'; Әмты быны дөптә"ликүдир һамайкәтә 'Эта веревка чуть потоньше, чем другая'; Дялызы талуогәтә казә"ликүдир 'День чуть посветлее вчерашнего'; Әмә сүрүо һамайхүо сүрүогәтә чәсә"ликүдир 'Нынешняя зима чуть похолоднее прошлогодней'.

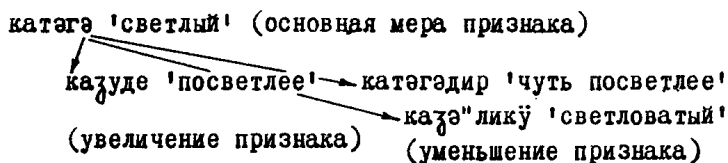
Для некоторого усиления качественного признака, заключенного в исходной форме, употребляется суффикс -де: дүрәгә 'глубокий' - дүрүде 'поглубже'; найбәгә 'длинный' - найбуде 'подлиннее'; тантәгә 'широкий' - тандуде 'пошире'; катәгә 'светлый' - казуде 'посветлее'; тәңкәгә 'сильный' - тәңгүде 'посильнее'; хоймәгә 'темный' - хоймүде 'потемнее'; хирәгә 'высокий' - хирүде 'повыше'; нокуо 'близкий' - нокуде 'поближе'.

Присоединение суффикса -де сопровождается отпадением сло-
вообразовательного форманта прилагательного -гә и рядом звуко-
вых изменений основы.

Примеры употребления: Бугурнә бәбә дүрүде турку нача"ам
'Для своих сетей я выбрал озеро поглубже' (букв.: сетей-моих
место поглубже озеро выбрал-я); Найбуде быны някәли"әү 'Ты взял
веревку подлиннее'; Тандуде бикә бәү"тәндү 'Пошире реку переез-
жает'; Дялыты казудетану бабий хоруасуому" 'В светлое время дня
мы диких оленей стреляли'; Әмь" макитә мәнә мамә хируде 'Из этих
чумов мой чум повыше'.

Однако при определенной семантике производящей основы суф-
фикс -де обозначает некоторое уменьшение качественного значе-
ния, передаваемого основой слова. Например: Такә бигай әмь" би-
гайкитә секуде 'Та река поуже тех рек'; Нану ма" корукәтә ма-
куде 'Чум пониже дома'; Тә"ту нәмбуде кой"ә 'Оставил оленя, ко-
торый поуже'; Сеунде матә чий"ә 'Он вошел в чум, который по-
меньше'.

Соотношение между рассмотренными формами усиления и ослаб-
ления качества на -ликү, -дир и -де может быть графически изо-
бражено следующим образом:

Помимо простых производных прилагательных (основа + слово-
образовательный суффикс) в нганасанском языке распространены
сложные образования, в которых на основу последовательно насла-
ивается один за другим несколько аналогичных формантов словооб-
разования (числом до четырех).

Выделяются слова со сложным суффиксом -каку/-ңкаку, пред-
ставляющим собой слияние двух суффиксальных морфем -ка/-ңка и
-ку, например: әлыгаку 'маленький, мелкий' - әлыгакаку 'малю-
сенький, меленький'; сымбайко 'гладкий, ровный' - сымбайкаку
'гладенький, ровенький'; ләндуйко 'слабый (о человеке)' - лән-
дуйкаку 'слабенький'; сырайкуо 'белый' - сырайкаку 'беленький';
талаңку 'удачливый, везучий' - талаңкаку 'удачливенький'. Не-
трудно заметить, что в приведенных образованиях суффикс -ка
служит для усиления эмоциональной оценки.

Форма с суффиксом -ликү исторически является составной, что может быть подтверждено наличием более сложного форманта -ликаку, который отчетливо разлагается на следующие составные части: -ли + -ка + -ку, например: казэ"ликү 'светловатый' - казэ"ликаку 'светловатенький'; хирэ"ликү 'высоковатый' - хирэ"ликаку 'высоковатенький'; тәүгә"ликү 'несколько посильнее' - тәүгә"ликаку 'немного посильнее'; черэ"ликү 'узковатый' - черэ"ликаку 'узковатенький'; тандэ"ликү 'широковатый' - тандэ"ликаку 'широковатенький'.

Посредством указанного приема реализуется способность слов со значением качества выражать различную меру качественной характеристики в пределах одной и той же грамматической категории. Получаемые при этом различные смысловые оттенки создаются путем богатого словообразовательного аппарата нганасанского языка, с помощью которого детально фиксируются как усиление меры качественного признака, так и разная степень его ослабления.

Рассмотренные словообразовательные формы обозначают меру проявления какого-либо качества в субъективном восприятии со стороны говорящего и не служат для сравнительной характеристики предметов. Поэтому нет основания рассматривать их в качестве степеней сравнения. В этой связи интересным представляется высказывание В.В.Виноградова: «Формы субъективной оценки, выражающие «смягчение, усиление и уменьшение качества», сами по себе никакого сопоставления предметов по степени качества не обозначают. Их значение состоит не в выражении соотношений между качествами предметов, а в выражении отношения субъекта к качеству предмета».⁷

В своей «Грамматике самоедских языков» М.А.Кастрен указывал, что в тавгийском (нганасанском, - Н.Т.) есть два уменьшительных окончания -ku и -jer (-jir, -jur), но, могут ли они употребляться для выражения сравнительной степени, ему неизвестно.⁸

Как можно заключить из изложенного выше, отмеченный М.А.Кастреном формант -ки отношения к степеням сравнения не имеет. Г.Н.Прокофьев обозначил этот суффикс как уменьшительный. То же по существу можно сказать и в отношении суффикса -дир.

---

⁷ В и н о г р а д о в В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972, с. 199.

⁸ C a s t r é n М.А. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854, S. 189.

Понятие степеней сравнения в нганасанском, как уже говорилось выше, выражается описательным путем. В значении сравнительной степени используется синтаксическая конструкция, посредством которой лицо или предмет сравнивается с другим лицом или предметом. Исходной формой для сравнения является при этом имя предметного значения в отложительном падеже единственного числа, выражающего по своей основной семантике идею отдаления, изъятия; прилагательное же не получает никакого формообразующего суффикса, например:

Кору" макэ́тэ то́нкатэ 'Дом просторнее чума' (букв.: дом от чума просторный); Мэ́нэ т́ансамэ́ т́ансагэ́тэ́тэ́ найбэ́гэ́ 'Мой аркан длиннее твоего' (букв.: мой аркан от аркана-твоего длинный); Ѓарка́ тунтыгэ́тэ́ ани"э́ 'Медведь больше лисицы' (букв.: медведь от лисицы большой).

По мнению уралистов, такой способ сравнения наиболее древний.

При сравнении однородных предметов может употребляться слово ня, имеющее в лично-притяжательных формах значение 'товарищ'. Например: Э́мты му́нку хирэ́гэ́, та́кэ му́нку нягэ́тэ́ту хирэ́гэ́ 'Это дерево высокое, но то дерево выше' (букв.: от товарища-своего высокое).

Грамматализованный способ выражения превосходной степени в нганасанском языке (как и в других самодийских языках) также отсутствует.

В целях выделения наибольшего признака у однородных предметов, обладающих одним и тем же качеством в разной мере, употребляется существительное или прилагательное в отложительном падеже множественного числа. Посредством такой конструкции передается описательно значение, близкое к значению превосходной степени. Например:

Бига́йкитэ́ ани"ка́ бига́й 'Наибольшая река' (букв.: из рек большая река); Та́нэ хирэ́гэгитэ́ хирэ́гэ́н 'Ты наиболее высокий' (букв.: ты из высоких высокий); Сы́тың хирэ́гэгитэ́ хирэ́гэ́" 'Они наиболее высокие' (букв.: из высоких высокие); Сы́ты н́я́гэгитэ́ н́я́гэ́ 'Он наилучший' (букв.: из хороших хороший).

Наиболее часто в этих целях употребляется форма отложительного падежа множественного числа местоимения бэ́нсэ́ 'весь', например:

Бәнсагитә нйгә т̄а 'Самый хороший олень' (букв.: изо всех хороший олень); Бәнсагитә найбәгә т̄анса 'Самый длинный аркан' (букв.: изо всех длинный аркан); Бәнсагитә тәүжкәгә куодүму 'Самый сильный мужчина' (букв.: изо всех сильный мужчина).

При определенной конструкции предложения прилагательное в форме продольного падежа, используясь в сравнительном значении, приобретает адвербиальное употребление, например:

Нагәтәна мерәгәману ноне нягәману нойбәуту 'Он работает быстрее и лучше меня' (букв.: от меня по-быстрому, еще по-хорошему работает-он); Нагәтәту әрәкәрәмәны нилы" 'Живи красивее, чем он' (букв.: от него по-красивому живи).

О т н о с и т е л ь н ы е   п р и л а г а т е л ь н ы е

В нганасанском языке существует формально выраженная категория относительных прилагательных, отличных от соответствующих форм имен существительных. Вместе с тем для выражения признака предмета здесь широко используются номинативные конструкции из двух имен, где в роли определения выступают существительные в формах именительного и родительного падежей. При этом в связи с отсутствием в современном нганасанском языке суффикса родительного падежа (см. выше, с. 76) данные конструкции различаются только в части случаев, с именами, имеющими различные генитивные и номинативные основы.

Как и в других языках северно-восточной ветви (ненецком, энецком), в нганасанском в значении относительных прилагательных используются определенные разряды существительных, выполняющих в предложении роль приименного определения и характеризующих в таком употреблении его признак. Приближаясь в функциональном отношении к прилагательным, они тем не менее остаются существительными. Относится это не только к словам, обозначающим материал, но и к ряду других, например: х̄оа к̄уй 'деревянная ложка' - х̄оа 'срубленное дерево', 'дрова'; баса нутарәму 'железная дорога' - баса 'железо'; т̄а сябы 'сырое оленьё мясо', т̄а т̄ейбу 'олений хвост' - т̄а 'домашний олень'; депту сәнтузә 'гусиный хвост' - депту 'гусь'; колы ч̄юрү 'рыбий хвост' - колы 'рыба'; дигә с̄үрү нойбуо 'снежная вершина горы' - с̄үрү 'снег'; кәку нуо 'туманное небо', кәку дялы 'туманный день' - кәку 'туман'; коу дязар 'солнечный свет' - коу 'солнце'.

Примеры употребления: Коу дызар калл су нэтуми"э каку та-кезо 'Солнечный свет только что появился из-за тумана'; Каку дялтыны дўку"тэтуму" 'В туманный день мы блуждаем'; Баса нэтэ-раму намэгэй" мелибязы" 'Железная дорога оказалась проложенной прямо'; Кўб касурэ тэйчў? 'У тебя есть березовая кора?'

Сосуществование в одной именной форме значений предмета и его признака вполне соответствует особенностям известной ступени развития языка, поскольку атрибутивное употребление имен предшествует становлению имени прилагательного как особой части речи, отличной от имени существительного. В этом отношении игнасанский, как и ряд других языков (в частности, некоторых финно-угорских), сохраняет следы предшествующей линии развития. «Различие между существительным и прилагательным не исконно, — писал А.А.Потебня. — Прилагательные возникли из существительных, т.е. было время, когда свойство мыслилось конкретно, только как вещь".⁹

Выражение атрибутивных отношений путем примыкания широко распространено в уральских языках. При этом в тех из них, в парадигме склонения которых отсутствует родительный падеж (например, в обско-угорских), путем простого соположения двух существительных может передаваться как качественный признак, так и признак по отнесенности или по принадлежности. Иначе обстоит дело в самодийских языках. В них обозначение широко понимаемого признака по принадлежности осуществляется при помощи родительного падежа. Суостантивирующая функция родительного падежа наиболее обычна для современных финно-угорских языков.¹⁰ Вместе с тем в некоторых из этих языков (например, в эрзя-мордовском, горно-марийском) отмечается совпадение формы родительного падежа с формой относительного прилагательного. Объяснения этому явлению даются различные. Ряд уралистов (Э.Беке, Ф.И.Видеман, Б.Коллиндер, П.Равила, Э.Н.Сетеля, И.Синньей) трактуют прилагательное как основу, на которой образовался родительный падеж.

---

⁹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, с. 69.

¹⁰ См.: Серебряников Б.А. Валлийская конструкция у мае cath gan у ferch и проблема происхождения суффикса родительного падежа в уральских языках. — «Советское финно-угроведение». 1965, I, с. 6.

Иного мнения по этому вопросу придерживается Б.А.Серебренников: «В уральских языках могли быть более вероятными случаи превращения форм родительного падежа в имена прилагательные».¹¹

Материал ненецкого и энецкого языков, в которых при определенном синтаксическом употреблении форма родительного падежа существительных выступает в значениях, передаваемых в других языках с помощью прилагательных, скорее подтверждает второе положение. В плане общезыкового развития это является вполне вероятным: утверждение монофункциональности слова может повлечь за собой его переход в другую часть речи.¹²

В нганасанском языке родительный падеж употребляется для выражения определения по принадлежности и шире - отнесенности. При этом, так как форма единственного числа основного склонения у имен с фонетически неизменяемой основой не имеет внешнего выражения и формы именительного и родительного падежей у них совпадают, то только по аналогии с существительными, имеющими фонетически изменяемую основу, можно заключить, что в определенных сочетаниях выступает форма родительного падежа. Ср., например: колы нойбуо 'голова рыбы' - колы 'рыба', баби нойбуо 'голова дикого оленя' - бахи 'дикий олень'; муңку хай 'конец дерева' - муңку 'растущее дерево'; нүңгэ хай 'кончик носа' - нүңкэ 'нос'.

Может быть, именно в силу данного обстоятельства в нганасанском языке развилась категория формально выраженных относительных прилагательных. Так, имена, обозначающие относительный признак предмета, в нганасанском языке в значительном числе случаев отличаются фономорфологически от имен предметного значения, хотя и восходят к общей корневой морфеме, например: дялы 'день' - дялыэ 'дневной'; тунты 'лисица' - тунтыэ 'лисий'; колы 'рыба' - колыэ 'рыбный'; нөрүму 'медь' - нөрүмуо 'медный'; нөмэ 'заяц' - нөмуо 'заячий'; нямбу 'сон' - нямбуо 'сонливый'; таңа 'ке' 'сукно' - таңа'кэ 'суконный'; хуалэ 'камень' - хуалэ'кэ 'каменный'; сатэрэ 'песец' - сатэрэ 'песцовый'; тэрэ'кэ 'белка' - тэрэ'кэ 'белочий'; нүляза 'волк' - нүлязэ 'волчий'.

¹¹ Там же, с. 7.

¹² См.: Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, с.203; Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации. - В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1966, с.27.

Помимо этого, ряд слов, выражающих отнесенность к предмету или ко времени, оформляется суффиксами -де -дэ, например: колы 'рыба' - колыаде 'рыбный'; ному 'заяц' - номуоде 'заячий'; депту 'гусь' - дептуоде 'гусинный'; нербы 'шерсть' - нербыаде 'шерстяной'; соруа 'дождь' - соруаде 'дождевой'.

Суффиксальная морфема -де/-дэ имеет своим назначением подчеркнуть признак, заложенный уже в семантике слова. В силу этого производные слова с указанным суффиксом могут противопоставляться существительным того же корня, обозначающим материал и служащим для передачи признака предмета. Например: хоба кору "деревянный дом" (именно деревянный, а не каменный) ср. хобаде коры 'деревянный ящик' (т.е. ящик, сделанный из какой-то части срубленного и разделанного дерева); баса няндү"мү 'железный полз' (указывается материал, из которого изготовлен полз - железный, а не деревянный) ср. басаде неймы 'металлическая игла' (т.е. игла, изготовленная из какой-то части металла).

Примеры употребления: Соруаде бызэ тэза"ам 'Я принес дождевой воды'; Бика хоре ниде бэре хирэгэ 'Левый берег реки высокий';¹³ Коптуа тунты камтү"лүптүтү дяхолирү 'У девушки лисий воротник краснеет'; Колыаде бы"э хобаде күйчену хуркетэби" нягэ 'Рыбный суп хорошо мешать деревянной ложкой'; Тэзаде куху нербызы сыра"ликү 'У летней шкуры шерсть мелкая'.

Сложным может быть образование некоторых относительных прилагательных со значением времени: существительное → наречие → относительное прилагательное. Например: сүрүо 'зима' - сүрүдя 'зимой' - сүрүдяаде 'зимний'; норуо 'весна' - норуа 'вес-

---

¹³ Прилагательное хоре ниде 'левый' (букв.: 'на стороне лица') образовано от существительного хоре 'лицо'. Противоположное направление магу ниде 'правый' (букв.: 'на стороне спины') образовано от существительного маку 'спина'. Оба эти слова обозначают положение ездока на легкой нарте. Ср.: ненецк. сятаний 'левый' также от существительного ся" 'лицо' и маханий 'правый' - от существительного маха 'спина'. В других случаях эти понятия передаются в иганасанском иными словами: бэтыди дүтү 'левая рука', бэтыди нуой 'левая нога', бэтыди кэй 'левый бок' и т.д., мантимү дүтү 'правая рука', мантимү нуой 'правая нога', мантимү кэй 'правый бок' и т.д.

ной' - норуядеде 'весенний'; тәңә 'лето' - тәңәдя 'летом' - тәңәдядеде 'летний'; хй 'ночь' - хйндя 'ночь' - хйндядеде 'ночной'.

Наряду с этими сложными бытуют и более простые образования: сүрүөде 'зимний', норуоде 'весенний', тәңәде 'летний', хйде 'ночной'.

Ряд прилагательных со значением времени образуется непосредственно от наречий при помощи суффикса -де, например: ману (или мануо) 'прежде' - мануоде 'прежний', талуо 'вчера' - талуоде 'вчерашний', тымня (тымня) 'теперь' - тымняде 'теперешний'.

Таким образом, помимо фономорфологического способа выражения относительных прилагательных в нганасанском языке имеется и морфологический способ образования этой грамматической категории. Выделение особой, суффиксально оформленной группы относительных прилагательных несколько сближает нганасанский язык с селькупским (в противоположность ненецкому и энецкому языкам), хотя степень развития этой категории в обоих языках различна (селькупский язык является в этом отношении значительно более продвинувшимся). Различны и истоки этой категории. В нганасанском суффикс, формирующий относительные прилагательные, может быть, по нашему мнению, сопоставлен с суффиксом де, имеющим значение 'бывший кем-, чем-либо', например: сүрү 'снег' - сүрүде 'бывший (т.е. тающий) снег'; үндуй 'лодка' - үндуйде 'бывшая лодка' (т.е. уже непригодная для употребления); бика"кү 'речка' - бика"күде 'бывшая речка' (в настоящее время пересохшая); тунты 'лисица' - тунтыде 'бывшая лисица' (убитая или издохшая).

Семантическая связь между рассматриваемыми группами слов представляется вполне очевидной. Песцовый - это шитый из шкуры или части шкуры убитого (т.е. бывшего) песка, деревянный - сделан из срубленного и разделанного (т.е. бывшего) дерева или нескольких деревьев, железный - состоит из частей некогда целого листа железа или нескольких железных листов, шерстяной - изготовлен из шерсти, бывшей некогда волосьяным покровом животного и т.д.

О близком соответствии слов со значением 'бывший кем-, чем-либо' и относительных прилагательных свидетельствует и близость их формантов. Различие в ударении и морфонологические чередования могут быть объяснены, по-видимому, историческим преобразованием данных групп слов: нёрбыдэ 'бывшая шерсть' - нёрбыде 'шерстяной' ср. нёрбы 'шерсть'; басаде 'бывшее железо' -

басаде 'железный' ср. баса 'железо'; хуалэде 'бывший камень' - хуалэде 'каменный' ср. хуалэ 'камень'; хоаде 'бывшее дерево' - хоаде 'деревянный' ср. хоа 'дерево'; һамтаде 'бывший рог оленя' - һамтаде 'роговой' ср. һамта 'рог'.

Примеры употребления: Куодүмуде байка"имү"ö 'Бывший мужчина стал стариком'; Нүлязде банэ манте кона"а 'Бывший волк стал как собака'; Сүрүде" бызе" бикауму"о" 'Снежные воды стали реками'; Кору"де" дуйкуахуазу" 'Бывшие дома, кажется, развалились'; Нәмса"түнү" кириба" дяһамсуде" 'Хлеб, что мы едим, бывшая мука'; Мәнэ кинтэлэптыкуйса хоамэ тә һамтаде 'Моя курительная трубка - бывший рог оленя'.

При помощи суффикса -буо (и его фонетических вариантов) образуются слова, обозначающие характеристику предмета через его отношение к другому предмету, например: кәкурбә 'туманный' - кәку 'туман'; нимбә 'взрослый' (букв.: с именем) - ним 'имя'; челябә 'обрывистый' - челя 'обрыв'; дептабуо 'линный гусь' - депту 'гусь'.

Посредством указанного форманта образуются прилагательные не только от именных, но и от глагольных основ, например: коубо¹⁴ 'умерший, мертвый' - коу-дя 'умереть'; нетыбә 'сырой, мокрый' - неты-ди 'намокнуть'; сәйбә 'горелый' - сәй-ди 'обгореть'; бинәбуо 'блеклый' - бинә-дя 'быть блеклым'; чүрүбүо 'вяленый' - чүрү-дя 'высохнуть'; хирибә 'прелый' - хири-ди 'сварить'; хихиә 'вареный' - хин-си 'свариться'.

Примеры употребления: Сәйбә кириба касу 'Горелая хлебная корка'; Сыты канкә нимбә 'Он уже взрослый'; Нетыбә сүрүмәни хезытыса нәһхо 'По мокрому снегу идти плохо'; Куобу" мәу дяһуру" нини ибаху һәзи" буозундини 'Земля мертвых, по словам шаманов, находится в стороне тундры'.

Рассмотренные формы на -буо характеризуют относительно устойчивый признак предмета. С помощью прилагательных этого типа обозначается наличие чего-либо или пребывание в каком-либо состоянии. И материально, и семантически они близки ненецким образованиям с суффиксом -бәй/-пәй и энецким - с суффиксами -дуй/-руй, ср. ненецк. хә-бәй 'мертвый', йотә-бәй 'линный (гусь)'.

---

¹⁴ Ср. переносное употребление: нганас. куобб (куобуо) һута 'перезревшая ягода', ненецк. хабәй һодя - в том же значении.

Ряд производных относительных прилагательных образуется при помощи форманта -ла и его фонетических вариантов. Посредством этих прилагательных обозначаются материал, обладание чем-л., состояние или свойство предмета, некоторые явления природы, например: сатула 'глинистый' - сату 'глина'; дӯола 'песчаный' - дӯо 'песок'; нӯтала, нӯотала 'травянистый' - нӯтә, нӯотә 'травя'; нӯтала 'ягодный' - нӯта 'ягода'; тәла 'богатый оленями' - тә 'олень'; соруала, сорула 'дождливый' - соруа, соро 'дождь'.

Некоторые образования с суффиксом -ла приобретают абстрактный характер, передавая высокую степень того или другого свойства. Например: кочела 'болезненный' (от существительного коче 'болезнь') ср. дярэзүтнә 'больной', 'болеющий' (от глагола дярэзүс 'болеть'); хуандула 'хитрый' (от существительного хуанду 'хитрость').

В качестве производящих основ таких образований выступают (как это видно и из приведенных примеров) существительные в форме именительного (основного) падежа. Суффикс -ла не является в настоящее время продуктивным словообразовательным формантом для производства прилагательных от имен существительных. Количество таких слов в языке ограничено.

Приблизительно в том же значении употребляются немногочисленные производные прилагательные с суффиксами -ра и -за. Например: тонсыра 'выжженный' - тонсы 'поземка'; хуалүра 'каменный' - хуалә 'камень'; биэзә 'ветренный' - биә 'ветер'; колызә 'рыбный' - колы 'рыба'; бызә 'жидкий', 'водянистый' - бы" 'вода'; коңхуазә 'штормовой' - коңху, коңхуа 'волна'; коурүзә 'солечный, чистый (о небе)' - коу 'солнце', коурү 'чистое (без облаков небо)'.¹⁵

---

¹⁵ Фонетической модификацией суффикса -зә является, по-видимому, формант -тә. Ср., например: бытә 'водный' - бы" 'вода', оутүтә 'солнечный' - коу 'солнце'.

Интересно отметить в этой связи, что говоря об историческом прошлом финского языка, Д.В.Бубрих, указывает три старых орманта именного словообразования -n, -t, -l, близких по своему значению, см.: Б у б р и х Д.В. Историческая морфология инского языка. М.-Л., 1955.

Морфема -зә выделяется у ряда существительных, преимущественно образованных от глагольных основ. См. выше, с.113.

Имеются также единичные слова, в составе которых выделяется омертвевший формант -на: дўона 'песчаный' - дўо 'песок'.

Приведенные выше относительные прилагательные образуют увеличительную и уменьшительную формы, например: кочела"а нўо 'очень болезненный ребенок' от кочелā 'болезненный', хётала"а мау 'очень травянистая местность' от нётала 'травянистый', соруала"а дялы 'очень дождливый день' от соруала 'дождливый', тонсыра"а сўрўо 'очень въжная зима' от тонсыра 'въжный', хуалўра"а хиремяңку 'очень каменистая сопка' от хуалўра 'каменистый', биэзъ"а хї 'очень ветренная ночь' от биэзэ 'ветренный', колызы"а бигай 'очень рыбная река' от колызэ 'рыбный', быза"а бы"э 'очень жидкий суп' от бызэ 'жидкий', 'водянистый', дўона"а мэрү 'очень песчаный берег' от дўона 'песчаный', нимбон"а 'очень старый', 'древний' от нимбэ 'взрослый', сыйбы"а 'очень горелый' от сыйбэ 'горелый'; соруалаңку дяла"ку 'дождливенький денек' от соруала 'дождливый', кочелаңку нўо 'большенький ребенок' от кочелā 'болезненный', хуандулаңку тунты 'хитренькая лисица', коурўзэңку дялы 'солнечная (букв.: солнечненькая) погода', биэзяңку дяла"ку 'денек с теплым ветерком'; ср. сьеряңку 'тверденький снег' от сьера 'плотный (о снеге, сугробе и т.п.)'.

Некоторые прилагательные на -ла бытуют в речи только в увеличительной форме, например: диэлы"а 'ягельный', никэлы"а 'сильный', кинтэлы"а 'дымный', биэлы"а 'ветренный' и др.

Форма, обозначающая отнесенность к какому-либо месту, образуется с помощью суффикса -тиэ, например: ма" 'чум' - матіэ 'относящийся к чуму, принадлежащий к чуму'; муңку" 'лес' - муңку"-тиэ 'относящийся к лесу, лесной'.

Примеры употребления: Эме маунтану сәдетіэ сәлтә тәйчү 'В этом месте есть придорожный пень'; Багузәтиэ һәндуймә някәләсызәм 'Возьму свою лодку, находящуюся на море'; Кору"тиэ ани"ка дябаку тугы" нўзятү 'В поселке большой красный флаг (букв.: поселковый большой красный флаг) висит'; Дўрәгә сўрүтәну туркутиэ, бикәтиэ сыр тала"а 'Глубоким снегом занесло лед на озерах и реках' (букв.: к озерам относящийся, к рекам относящийся лед).

При помощи уподобительной формы с суффиксом -рэку/-ләку указывается сходство какого-либо предмета с другим: 'похожий на кого-, что-либо', 'подобный кому-, чему-либо'. Например: мау 'земля' - маурәку 'землистый', 'похожий на земля'; мәну 'яйцо' - мәнурәгу 'яйцевидный', 'похожий на яйцо'; кинтә 'дым' - кинтерәки 'дымоподобный', 'похожий на дым'; ситәбы 'сказка' - ситәбырәги 'сказочный', 'похожий на сказку'; бару"си 'черт' - ба-

ру"сирэгу 'похожий на черта', баң 'собака' - балэгу 'похожий на собаку', 'подобный собаке'; туй 'огонь' - тулегу 'огнеподобный', 'похожий на огонь'; хуалэ 'камень' - хуалэрэку 'подобный камню'.

Вариантность суффикса -рэку/-лэку связана с фонетическим строением производящей основы. Выражая в предложении применное определение, уподобительная форма согласуется с определяемым словом по свойственным языку нормам, например:

Ѓуомэну хезытыты сүрүрэку чїрүо (тїрүо) 'По небу плывет похожее на снег облако'; Ѓуомэну хезытынды" сүрүрэгу" чїрүо" 'По небу плывут похожие на снег облака'; Нерэныны" качемы"эму" малэгуги хирэмяңкуги 'Впереди мы увидели похожие на чум сопки-две'; Нерэныны" качемы"эму" малэгуи хирэмяңкуи 'Впереди мы увидели похожие на чум сопки-многие'.

Уподобительная форма нередко выступает и в роли сказуемого. В этом употреблении к ее основе присоединяются личные предикативные суффиксы, например:

Тэне дямэзэрэгуң 'Ты звероподобный'; Бануче һүлязэрэгы" 'Твои собаки похожи на волков'; Мың десырэкымы" 'Мы похожи на отца'; Мэне немьрэгыме, ниньме десырэкызы 'Я похож на мать, а старший брат - на отца'; Мың тэптэ тың нарэгуму" 'Мы тоже на вас похожи'.

Значительное большинство прилагательных с формантом -рэку/-лэку образуется от основ имен существительных и лишь небольшая часть - от основ прилагательных, в том числе обозначающих цвета, например: хеңкэ 'черный' - хеңкэрэгы, хеңкэрэкы 'подобный черному', 'похожий на черный'; сырайко 'белый' - сырайкорэку 'подобный белому', 'похожий на белый'; дябако 'красный' - дябакорэку 'подобный красному', 'похожий на красный'; тусайко 'темный' - тусайкорэку 'подобный темному'; дүйхуако 'круглый' - дүйхуакорэку 'шарообразный'.

Устанавливая подобие какого-либо признака, такие прилагательные характеризуют вместе с тем неполноту этого сходства, большую или меньшую приближенность к исходному.

Суффикс -рэку/-лэку принадлежит к числу весьма продуктивных. И по значению, и материально он вполне соответствует суффиксам ненецкого и энецкого языков. Ср., например, ненецк. якэраха 'дымоподобный', 'похожий на дым'; тубкараха 'топорообразный', 'похожий на топор'; мя"лаха 'похожий на чум', 'подобный чуму' и др.; энецк. самэ 'волк' - самэраха 'волкообразный', 'похожий на волка'; ме" 'чум' - ме"лаха 'похожий на чум', 'подобный чуму'.

В игавасанском языке имеются различные способы передачи значения обладания. Форма, характеризующая обладание чем-либо в большом количестве, изобилие чего-либо, образуется посредством суффикса -балэ, который присоединяется к родительному падежу множественного числа соответствующего существительного, например: дюо 'песок' - дюо"балэ 'песчаный'; туй 'огонь' - ту"балэ 'огненный'; лясэ 'кустарник' - лянди"бялэ 'поросший кустарником'; негыр 'грязь' - некуру"балэ 'грязный'; муодэ 'ветвь' - муоди"балэ 'ветвистый'; муңку" 'лес' - муңку"балэ 'лесистый'; хуалэ 'камень' - хуалү"балэ 'имеющий камни, каменный'; субэ 'овраг' - субү"балэ 'овражистый'; нүотэ 'трава' - нүозү"балэ 'травянистый'; сату 'глина' - сазу"балэ 'глинистый'; кәм 'кровь' - каму"балэ 'кровавый'; бы" 'вода' - бызы"бялэ 'многоводный', 'пропитанный водой'.

Суффиксальная морфема -балэ близка по значению суффиксу -лянґ в ненецком языке, но в отличие от последнего является весьма продуктивной (ср. ненецк. пэляґ 'каменистый', нумгыляґ 'звездный' и др.).

Как и в ряде других случаев, на стыке основы слова с суффиксом -балэ наблюдаются остаточные явления сингармонизма, например: каму"балэ 'кровавый', сыру"балэ 'ледяной', но: чими"бялэ 'зубастый' (когда рот полон зубов), хотэдї"бялэ 'звездный'. Эта фонетическая закономерность проводится непоследовательно, ср.: бадя"балэ 'денежный', колы"бялэ 'рыбный'.

Суффикс -балэ присоединяется преимущественно к словам, обозначающим предметы, состоящие из однородных частей, или совокупность предметов: казы"балэ колы 'чешуйчатая рыба' (т.е. рыба, покрытая многими чешуями), муңку"балэ мау 'лесистая местность' (т.е. местность, поросшая деревьями), муоди"балэ муңку 'ветвистое дерево' (т.е. дерево со многими ветвями) и т.д.

В роли применного определения слова с формантом -балэ согласуются с определяемым словом, например:

Дими"бялэ" хоа" няґгэй" лэңынты" 'Смолистые дрова хорошо горят'; Бэнтутанунэ хотэдї"бялэ нүо 'Надо мной звездное небо'; Диэ"бялэй маүй нонэнтэ хурсызэґ 'Сам будешь искать богатые ягелем места'; Нүо"балэ" ны" талаңкэ" 'Многодетные женщины удачливые'; Диңи"бялэй быннй тэза"аң 'Ты принес узловатые веревки'; Бызы"бялэ сүрү нимэны хезытыби" нэңхо 'По пропитанному водой снегу идти плохо'.

Суффикс -балэ может рассматриваться как одно из морфологических средств пополнения грамматического класса имен прилагательных. Вместе с тем при его посредстве осуществляется не

только переход существительных в прилагательные, но и видоизменяется семантика ряда слов в пределах категории прилагательного. Так, одной из особенностей слов с формантом -балэ является выражение в них неравномерности распределения какого-либо качества по всей площади предмета или в пределах определенного отрезка времени. Слова этого типа являются производными преимущественно от прилагательных и причастий глаголов качественного состояния, например: дябакуо 'красный' - дябакү"балэ 'красный местами'; тодякуо 'желтый' - тодякү"балэ 'желтый местами'; сыр 'белый', 'лед' - сыру"балэ 'белый местами', 'ледяной местами'; хекутыэ 'теплый' - хекуты"бялэ 'теплый временами'.

Примеры употребления: Сорулэндэ"кэса нуосуу хеңги"балэ 'Перед дождем небо местами черное'; Дялызы чеситі"бялэ 'День временами холодный'.

Форма с суффиксом -балэ может усложняться увеличительным суффиксом. В последнем случае наблюдается усиление эмоциональной окраски, например: нирку 'тальник' - ниркэ"бала"а 'очень богатый тальником'; дикэ 'гора' - дигү"бала"а 'очень гористый'; чйрү 'облако' - чйрү"бала"а 'очень облачный'; бадя" 'деньги' - бадя"бала"а 'очень денежный' (ср. нукагэй бадяй хонтыэ 'имеющий очень много денег'); каті 'чушуй' - кази"бала"а 'очень чешуйчатый'.

Образования с формантом -сэптэ, характеризующие не прямое обладание, а один из способов выражения совместности, больше связаны по значению с существительными, чем с прилагательными, и рассмотрены выше, см. с. 110-111.

Значение обладания может быть выражено в иганасанском языке и аналитическим путем: существительное в винительном падеже (для единственного числа в бессуффиксальной форме) + причастие от глагола хон-сы 'иметь', например: нүо хонтыэ 'имеющий ребенка ('детный')' - нүо 'ребенок'; кыругу хонтыэ 'имеющий щель' - кыругу 'щель'; дүзү хонтыэ 'имеющий руки' - дүтү 'рука'; мазе хонтыэ 'имеющий пристанище' - ма" 'чум'; корузэй хонтыэ 'имеющий дома' - кору" 'дом'.

В ряде случаев эта форма обладания употребляется для выражения единого лексического значения, например: ны хонтыэ 'женатый' - ны 'женщина, жена'; куодүму хонтыэ 'замужняя' - куодүму 'мужчина, муж'; хонтанэ хонтыэ 'умный' - хонда 'ум'; черэ хонтыэ 'наполненный' - черэ 'содержимое'; коче хонтыэ 'больной' - коче 'болезнь'; чйрү хонтыэ 'облачный' - чйрү 'облако'.

В роли приименного определения форма обладания согласуется с определяемым словом, например: ны хонтэе куодүму 'женатый мужчина'; ны хонтэегэй куодүмугэй 'женатые мужчины-двое'; ный хонтэе" куодүму" 'женатые мужчины-многие'.

Смысловое отличие этих образований от имен, оформленных суффиксом -бале, вполне отчетливо: первые обозначают обладание без указания его количественного признака, вторые - на обладание чем-либо во множестве. Ср., например: бяхизйяй 'гриб' - бяхизйяй хонтэе 'грибной' (букв.: имеющий гриб или грибы) - бяхизйяй"бале 'грибной', 'изобилующий грибами'.

Аналитической форме обладания противостоит по своему значению и употреблению образуемая также аналитическим способом форма необладания, представляющая собой сочетание имени, оформленного суффиксом -гай/-кай (или -гали/-кали), с причастием от глагола и-ся 'быть',¹⁶ например: кәмкай ичүо 'бескровный' - кәм 'кровь'; хорэзйяйгай ичүо 'безлиственный' - хорэзйяй 'лист'; нүогай ичүо 'бездетный' - нүо 'ребенок'; сүрүгяй ичүо 'бесснежный' - сүрү 'снег'; хотадегай ичүо 'беззвездный' - хотаде 'звезда'; талакай ичүо 'неудачливый, невезучий' - тала 'удача'.

Эти аналитические образования часто употребляются в роли определения.

Примеры употребления: Корукай ичүо нүлязэ дяңуру" нимэны хезытыты 'Бездомный волк ходит по тундре'; Быкай ичүо маунтэну сылгыэличе нинты нилы" 'В безводной местности никто не живет'; Десыгыли ичүо, немыгыли ичүо куодүму нүо нэңхомэны нилыты 'Не имеющий отца и матери (букв.: безотцовский, безматеринский) мальчик плохо живет'; Тэредэ чйрүгяй ичүо дялы тэңадэ имуңхуанту 'Такой безоблачный день летом бывает'.

---

¹⁶ Аналитический способ образования этих форм отмечен и в словаре М.А.Кастрена, см.: C a s t r é n M.A. Wörterverzeichnis aus den samojedischen Sprachen. SPb., 1855: kouka eitua 'безухий' (S. 48), nimka eitua 'безымянный' (S. 59), talaka eitua 'несчастный' (S. 60), tareaga eitua 'пустой' (S. 63) и другие.

Характерно, что сами нганасаны вполне последовательно определяют аналитический характер таких построений.

Входящее в состав этих аналитических образований причастие уподобляется по форме определяемому слову: нүогай ичүо ны 'бездетная женщина'; нүогай ичүогэй ныгэй 'две бездетные женщины' (букв.: бездетные-две женщины-две); нүогай ичүо ны" 'многие бездетные женщины' (букв.: бездетные-многие женщины-многие).

Примеры употребления: Тәңәдә муңкутүні хорэзыйгай ичүо" муңку" дяңгу" 'Летом в лесу нет безлиственных деревьев'; Диэгай ичүо маунтә малү"өму" 'Мы остановились на месте без лишайника'.

Рассматриваемые словосочетания используются в качестве именного сказуемого, например:

Мәнә нүогай ичүом 'Я бездетный'; Тәнә четуа беңкай ичүоң 'Ты совсем бессильный'; Әмә ны коудүму дүтүгай ичүо 'Муж этой женщины безрукий'; Мың корукай ичүому" 'Мы бездомные'; Сыты ңы" таты ныгай ичүо 'Он еще неженатый'; Әмны маузу быкай ичүо 'Здесь местность безводная'; Немыгай ичүоң, деснгай ичүоң нүоң 'Ты ребенок без матери, без отца' (букв.: безматеринский-ты, безотцовский-ты ребенок-ты).

Формы необладания нередко выступают в переносном или в переосмысленном значении, порой отстоящем довольно далеко от исходного, например: сеймыкай ичүо 'слепой' (букв.: безглазый), ңаңкай ичүо 'немой' (букв.: безротый); кыругугай ичүо 'плотный' - кыругу 'щель', ңачегай ичүо 'тупой' - ңаче 'лезвие', коңхугай ичүо 'спокойный (о воде)' - коңху 'волна', хылэгай ичүо 'смелый' - хылэ 'страх',¹⁷ боузугай ичүо 'молчаливый, неразговорчивый' - боузу 'слово', сяхыгай ичүо 'худой, неупитанный' - сяхы 'мясо (сырое)'.

Для формы необладания характерны большая продуктивность и однозначность употребления.

Вне сочетания с причастной формой слова с суффиксом -гай/-кай (-гали/-кали) употребляются в адвербиальном значении и отвечают на вопросы: мағали? 'без чего?' (мә? 'что?'), сылығали? 'без кого?' (сылы? 'кто?'). Ср., например:

Макали ичүо байка"а 'Старик, не имеющий пристанища (букв.: бездомный)', но: Макай нилты 'Он живет без чума'; Әнты куодүму басагай ичүо 'Этот мужчина безденежный', но: Мада басагай туй-

---

¹⁷ Ср.: сәгай ичүо 'трусливый' (букв.: сердца не имеющий); мага сәй"тиә 'храбрый' (букв.: с твердым сердцем).

ңуң? 'Почему ты пришел без денег?'; ңығай ичӯо куодӯму канкә би"ә 'Неженатый мужчина уже уехал', но: Мәнә натәнә ңығай ко- на"а 'От меня он уехал без жены'; ңӯоғай ичӯо ны әмни дяңку 'Бездетной женщины здесь нет', но: ңӯоғайи нилыби" нәңхо 'Без детей жить плохо'; Кинтәгай ичӯо бәзӯйчемту басу"сира ләңупты- сызә 'Недымящий (букв.: бездымный) костер только охотник разо- жжет', но: Бәзӯй ләңыты кинтәгали 'Костер горит без дыма'.

Прилагательному нганасанского языка свойственны также раз- граничительные формы. Значение 'один из двух' выражается суф- фиксом -дӯм, значение 'один из многих' - суффиксом -зың, напри- мер: мендядедӯм 'новый из двух' - мендядезуң 'новый из многих'; се"лакудӯм 'маленький из двух' - се"лакузуң 'маленький из мно- гих'; хеңкәдӯм 'черный из двух' - хеңкәзың 'черный из многих'; таңкәгәдӯм 'сильный из двух' - таңкәгәзың 'сильный из многих'.

Примеры употребления: Ситі лӯмә тәйчӯ. Ҷамая лӯмә кә"ликӯ, ңамая лӯмә найбәгә. Найбәгәдӯм лӯнә хонтәй метә"ам 'У меня две парки. Одна короткая, другая длинная. От длинной (букв.: длин- ной из двух) парки я отрезал подол'; Кору"нә такәну муңку" бә- зуатәнду", хирагәтың хай биә чаңхозы"зы 'За моим домом растут деревья, высокого (букв.: высокого из многих) вершину ветер сломал'; Бәрәзутуоузуң тәмә бәнү"ө 'Крайний (букв.: крайний из многих) олень упал'; Анидендуң матә чйби" нягә 'В большой чум (букв.: в большой из многих) войти хорошо'.

На основании всего вышеизложенного нетрудно заключить, что в нганасанском языке при помощи развернутой системы суффиксации отмечаются различные, порой весьма тонкие отличия в значении имен прилагательных. При этом агглютинативное построение слова дает возможность наслаивать одни словообразовательные форманты на другие, придавая ему тем самым новые значения.

Наличие наряду с продуктивными словообразовательными суф- фиксами малопродуктивных и даже встречающихся в единичных слу- чаях также весьма показательно для характеристики словообразо- вательного аппарата нганасанского языка.

При наслаивании словообразовательных суффиксов граница ме- жду частями слова проводится отчетливо. Лишь образование ряда форм прилагательных сопровождается характерной для нганасанско- го языка фонетической модификацией.

Возможность присоединения ряда словообразовательных суф- фиксов оценочного значения не только к основам прилагательных, но и к основам существительных является, по-видимому, свидетель- ством древнего происхождения этих формантов.

Как уже указывалось в соответствующих разделах настоящей работы, ряд словообразовательных формантов: -ку/-кү, -ликү/-лү-кү, -бале присоединяются к форме множественного числа. В этом отношении интересна гипотеза, высказанная Б.А.Серебренниковым о переосмыслении первоначальных форм со значением собирательной множественности, суффиксы которых прослеживаются во всех современных уральских языках. Процесс этот идет, по мнению исследователя, в следующих направлениях: 1) в плане уменьшительности, 2) в плане создания нового значения - «изобилующий определенным признаком». В основном также путем переосмысления развилось, согласно его точке зрения, превращение суффиксов собирательной множественности в суффиксы прилагательных.¹⁸ Сходное предположение было высказано и Д.В.Бубриком: уменьшительно-ласкательное значение, как и значение обладания чем-либо, могло возникнуть на основе собирательного значения.¹⁹

Выражение признака по принадлежности

Признак по принадлежности выражается в инганасанском языке соположением двух существительных: существительное со значением принадлежности помещается всегда перед другим существительным. Форма первого существительного зависит от его фонетического строения. Для передачи признака по принадлежности выступает всегда генитивный вариант основы. У имен, не имеющих генитивного варианта основы, слово, обозначающее принадлежность, употребляется в форме, внешне совпадающей с назывным вариантом основы.

Существительные в указанной форме могут характеризовать не только принадлежность, но и относительность. Так, например, словосочетание бикā дүо обозначает 'песок реки' и 'речной песок', словосочетание банэ логя"ся - и 'лай собаки' и 'собачий лай' и т.д. Тем самым одна и та же форма может совмещать в себе и значение субстантивности, и значение адъективности.

---

¹⁸ С е р е б р е н н и к о в Б.А. Существовали ли в протоуральском именные классы? - "Вопросы языкознания", 1969, № 3, с. 17-22.

¹⁹ Б у б р и х Д.В. Историческая морфология финского языка, с. 97-98.

Примеры употребления: Бахиз̄яй нягэ та̄ н̄э́мсу 'Гриб - хороший олений корм'; Турку д̄юо хуал̄ү"бале 'Озерный песок с камнями'; Бик̄а бы" д̄одатуту 'Речная вода мутная'; Н̄бра турку колы 'Кумжа - озерная рыба'; Н̄үляза б̄алир̄м̄ү сойбуту 'Слышен волчий вой'.

Более последовательно это явление отмечается в ненецком и энецком языках. Для нганасанского такое положение менее характерно.

Широта значения имен в форме родительного падежа исторически вполне оправдана. Что касается нганасанского языка, то в нем (как на это указывалось выше) выработался ряд способов для выражения относительных прилагательных. В результате слово, характеризующее признак предмета через отношение к другому предмету, в подавляющем числе случаев отличается от слова, выражающего принадлежность. Основное же обозначение принадлежности сохраняется за словом в форме родительного падежа. В связи с этим в нганасанском, как и в других самодийских языках, отсутствует категория притяжательных прилагательных.²⁰

И М Я Ч И С Л И Т Е Л Ь Н О Е

Общие сведения. Имена числительные объединяются свойственным данному разряду слов числовым значением. Они образуют особую замкнутую систему простых, сложных и составных слов, отличающихся от остальных разделов словарного состава нганасанского языка. Простые числительные представляют собой основу, неразложимую в современном языке на составные части. Сложные числительные образуются в результате слияния двух основ. Составные числительные являются синтаксическим сочетанием нескольких слов.

---

²⁰ Вопросам образования имени прилагательного посвящена диссертация Е.П.Болдыт, см.: Болдыт Е.П. Образование имен прилагательных в нганасанском языке. Канд. дисс. Новосибирск, 1974. См. также рецензию на эту работу: "Советское финно-угроведение", 1975, № 3, с. 229-231.

По морфологическим и синтаксическим особенностям числительные нганасанского языка подразделяются на количественные и порядковые. Исходной формой является разряд количественных числительных.

Количественные числительные

Количественные числительные обозначают определенное количество предметов, а также употребляются при отвлеченном счете. В настоящее время у нганасанов, как и у других самодийских народностей, принята десятиричная система счета.

Количественные числительные первого десятка

ну"ой	'один'	мэгү"	'шесть'
ситі	'два'	сэйбә	'семь'
нагүр	'три'	ситізәтә	'восемь'
четә (тетә)	'четыре'	уамайчүмә	'девять'
сәңхоляңкә	'пять'	би" (вторая основа биз-)	'десять'

Числительные от одного до семи в современном языке воспринимаются как простые по своему морфемному составу, хотя вполне вероятно, что числительное сәңхоляңкә 'пять' морфологически сложное.¹

¹ Это числительное состоит, по-видимому, из двух частей сәңхо- (вторая основа сәмбә-) и -ляңкә. Такое членение подтверждается образованием от этого слова соответствующего порядкового числительного - сәмбәмтнә (сәмбә+мтнә) 'пятый'. Характерно в том плане и образование числительного 'пятьдесят': наряду с полной формой сәңхоляңкә би" имеется и сокращенная - сәңхоби". О производном характере рассматриваемого числительного свидетельствует материал остальных самодийских языков, как современных, так и мертвых ныне языков Саянского нагорья. Ср.: ненецк. сам-яңг, самб-ляңг, энецк. соб-рег, сельк. таз. сомбн-ла, камас. шбу-лан, шши-ла, котовск. ssoшбу-lang, койбальск. шши-ла, иторск. schumбу-ла, шумбу-lä, карагаск. schumбу-ла, тайгинск.

Материалы как нганасанского, так и других самодийских языков, свидетельствуют о том, что десятиричной системе счета у нганасанов предшествовала семиричная.² Числительное ситі́зэтэ 'восемь' бесспорно является составным: оно складывается из двух частей ситі + тэтэ и обозначало первоначально 'две четверки'. Составным является и числительное һамяйтүмэ 'девять' - первая часть его надежно сопоставляется с определительным местоимением һамий 'другой'.³

Счет второго десятка производится путем прибавления к числительному би" 'десять' соответствующего числительного первого десятка.

Количественные числительные второго десятка

би" һу"ой	'одиннадцать'	би" мәтү"	'шестнадцать'
би" ситі	'двенадцать'	би" сыйбэ	'семнадцать'
би" нагүр	'тринадцать'	би" ситі́зэтэ	'восемнадцать'
би" четэ (тетэ)	'четырнадцать'	би" һамяйтүмэ	'девятнадцать'
би" сәңһоляңкэ	'пятнадцать'	ситі би"	'двадцать' ⁴

---

schümbü-la (Проккофьев Г.Н. Числительные в самодийских языках. - "Советский Север", 1939, № 4, с.7). Во всех приведенных языках числительное 'пять' отчетливо распадается на две части: на общую им всем корневую морфему и также общую, по-видимому, суффиксальную морфему. Различия, наблюдаемые в фонетическом облике данного слова, укладываются в рамки межъязыковых соответствий.

² См.: Проккофьев Г.Н. Числительные в самодийских языках.

³ Ср. в камасинском языке āmitun 'девять': первая часть этого слова тождественна определительному местоимению āmi 'другой'.

⁴ Система счета второго десятка в нганасанском языке аналогична такой же системе в языках самодийских племен Саянского нагорья в их первоначальной форме. В этом отношении нганасанский язык существенно отличается от ненецкого и селькупского, в которых образование числительных второго десятка имеет иные и притом различные варианты (в ненецком, точнее в его ямальском говоре, зарегистрировано, например, пять вариантов).

Числительные, обозначающие круглые десятки, состоят из тех же компонентов, что и числительные второго десятка, но расположенных в обратном порядке.

Количественные числительные круглых десятков

би"	'десять'	мәту" би"	'шестьдесят'
ситі би"	'двадцать'	сыйбә би"	'семьдесят'
нагүр би"	'тридцать'	ситізәтә би"	'восемьдесят'
четә би"	'сорок'	һамайчүмә би"	'девяносто'
сәүһоляцкә би"	'пятьдесят'		

При дальнейшем счете к количественному числительному, обозначающему круглый десяток, прибавляется количественное числительное первого десятка: ситі би" ситі 'двадцать два', ситі би" нагүр 'двадцать три', нагүр би" сыйбә 'тридцать семь', сәүһоляцкә би" һу"ой 'пятьдесят один', сыйбә би" сыйбә 'семьдесят семь', һамайчүмә би" мәтү" 'девяносто шесть' и т.д.

Сто по-нганасански дир (ср.: энецк. *dü'* - вторая основа *dür*, ненецк. *jur'*), тысяча би" дир (букв.: десять сотен).

Образование числительных, обозначающих многозначные числа, подчинено определенной закономерности: числительное высшего разряда предшествует числительному низшего разряда - сначала названия тысяч, потом названия сотен, далее названия десятков и названия единиц: би" дир ситізәтә дир нагүр би" сыйбә 'тысяча восемьсот тридцать семь', би" дир нагүр дир четә би" ситі 'тысяча триста сорок два'. В быту такие сложные числительные обычно употребляются редко.

Употребляясь в предложении самостоятельно, простые количественные числительные склоняются как имена существительные с соответствующим строением основы. Например:

Имен.	ситі 'два'	нагүр 'три'	мәтү" 'шесть'	би" 'десять'
Род.	сизи	накүрә	мәтүзә	бизә
Вин.	сизи, сизим	накүрә	мәтүзә	бизә
Дат.-напр.	сизидя	накүрәдя	мәтүзәдя	бизәдя
Местно-тв.	сизитәны	нагүртәну	мәтүтәну	битәны
Отл.	ситигәтә	нагүркәтә	мәтүкәтә	бикәтә
Прод.	ситимәны	нагүрмәну	мәтү"мәну	би"мәны

Как видно из приведенной парадигмы, количественные числительные склоняются вполне регулярно. Вместе с тем они имеют в своем изменении ряд особенностей, которые обуславливаются самой природой этих слов. Так, например, числительное 'один' не имеет формы двойственного числа,⁵ числительное ситі 'два' имеет форму двойственного числа, но лишь в определенных конструкциях прибавляет показатель множественности. Остальные числительные могут присоединять только формант множественного числа.

В сложных числительных падежный суффикс присоединяется к основе лишь последнего слова, все же остальные числительные выступают в генитивной форме основы, например: накүра дирэ нагүр бизэ четадэ 'к тремстам тридцати четырем'; сизидирэ четэ бизэ мэтүкэтэ 'от двухсот сорока шести'.⁶

Количественные числительные с относящимися к ним существительными образуют словосочетания, построенные либо по способу примыкания, либо по способу управления. В предложении количественные числительные выполняют преимущественно роль определения, передавая количественный признак предмета. Имя, сочетающееся с количественным числительным, имеет чаще всего форму единственного числа, например:

Әмны мэтү" кору" ичүо 'Здесь шесть домов' (букв.: шесть дом); Нагүр басутоу нантэ ту"о 'К тебе пришли трое охотников' (букв.: три охотник); Четэ куодүму басуту 'Четверо мужчин охотятся' (букв.: четыре мужчина); Әмэ дялтэ колызүнті" биригадэ колый някизитіэтэ ситі дир сәүхоби" мэтү" колы килограмэ миті"әзүң 'Рыболовецкая бригада сдала сегодня на приемный пункт двести пятьдесят шесть килограммов рыбы'.

---

⁵ Вместе с тем числительное жу"ой 'один' свободно употребляется в форме множественного числа, например: Сытың жу"озэ" 'Они одни'.

⁶ Заслуживает внимания то положение, что в письменной речи нганасанов наблюдается тенденция к слитному обозначению двух рядом стоящих числительных высшего и низшего разрядов в соответствии с русской языковой моделью: Накүрадирэ нагүрбизэ четадэ 'К тремстам тридцати четырем'; Сизидирэ четэбизэ мэтүкэтэ 'От двухсот сорока шести' и т.д.

Если количественное числительное, служащее для выражения предельного, не относится к подлежащему или сказуемому предложению, то оно выступает в генитивной форме. Например: Эмэ" адя" гэгүзэ корутэну нилыты" 'Эти долгане живут в шести домах' (мэ-гүзэ род.пад. от 'шесть'); Балта сизи корутэну нэне"санэ" ны"-гэндуну бātu" 'Только в двух домах люди еще бодрствуют' (сизи род.пад. от 'два').

Что касается числовой формы определяемого существительного, то встречаются такие случаи, когда существительное, имеющее при себе количественное числительное в роли определения, принимает форму двойственного или множественного числа, например: Сизи эмкэй ныгэй нүоті нукэгэ" 'У этих двух женщин много детей' (букв.: двух этих-двух женщин-двух дети-их-двоих многочисленны); Сэнухолянкэ куодүму" сүрүдя муңку"тіні басуту" 'Пятеро мужчин зимой охотятся в лесу' (букв.: пять мужчины-многие зимой в деревьях охотятся они-многие).

В роли сказуемого количественные числительные изменяются по лицам, как и другие именные части речи в этой функции.

Образцы образования предикативных форм количественных числительных

ну"оүэм 'я один'	ну"оүэму" 'мы-многие одни'
ну"оүэң 'ты один'	ну"оүэру" 'вы-многие одни'
ну"оүэ 'он один'	ну"оүэ" 'они-многие одни'

ситіми 'нас двое'	ситіри 'вас двое'	ситізи 'их двое'
нагүрмү" 'нас трое'	нагүрлү" 'вас трое'	нагүртүң 'их трое'

Примеры употребления: Мэдя эмни ну"оүэң? 'Почему ты здесь один?'; Тэни"иа, ну"оүэм 'Так, один'; Тың нуолай" четэри" 'Вас уже четверо'; Эмэ кору"тэну мың нагүрмү" 'В этом доме нас трое'; Эмэ дял ми ситіми 'Сегодня нас двое'.

По своим грамматическим свойствам количественные числительные близки именам существительным. Тем не менее имеются достаточные основания выделять их в особую часть речи.

Используясь взамен опущенного существительного, количественные числительные могут принимать лично-притяжательные и лично-предназначительные форманты. Например:

десырэ накўрэ тамту хутури"э 'Твой отец запряг трех своих оленей' (букв.: трех олень-его); ср.: Десырэ накўрэмту хутури"э 'Твой отец запряг своих трех' (букв.: три-его); Мэтўзэ ани"ка колы кэми"эму". Ситимэ миди"эм немьнтэне 'Мы добыли шесть больших рыб. Две (букв.: две-мои) я отдал матери'; Матанунду" четэнынды" нилыңыры"? 'В чуме вы живете вчетвером?'; Ситізімэ хутурэсузэм 'Двух для себя запрягу'.

В таких предложениях количественное числительное может выступать в роли подлежащего, прямого и косвенного дополнения.

В сочетании с послелогоми количественные числительные получают форму родительного падежа, например: Мэтўзэ бэбэ́тэ тэна мелязи"эң четэ 'Вместо шести ты сделал четыре'.

При самостоятельном употреблении количественные числительные оформляются обычно разграничительным суффиксом, например:

Нагўр басу"си хезытысе. Ситізің бикā тагэ бәудүөгәй, ну"-ойчўң коу"о марутэ 'Шли трое охотников. Двое (букв.: двое из них) перешли через реку, один (букв.: один из них) остался на берегу'; Тәчүгуйчүогитэ нагўртўң тә нуодемәну кона"а 'Из пастухов трое (букв.: трое из них) пошли по следу оленя'.

Падежные формы количественных числительных в ряде случаев существенно отличаются по своему значению от соответствующих падежных форм существительных.

По более самостоятельному, обобщенному употреблению особенно выделяются в речи числительные в продольном падеже множественного числа. Количественные числительные в этой форме указывают, по скольку лиц или предметов участвуют в том или ином действии, например: ну"о́зу"мәну 'по одному', 'поодиночке', сизи"мәны 'по два', накўрў"мәну 'по три', теті"мәны 'по четыре', мэтўзў"мәну 'по шесть'.

Примеры употребления: Тару"о бәндәй тәчү: сизи"мәны дирьхячи, четі"мәны неми"ичи, мэтўзў"мәну копта"ичү 'Он поделил всех оленей: по два теленка, по четыре важенки, по шесть быков'; Макәтэ ңонсыди ну"о́зу"мәну кона"а 'Выйдя из чума, они пошли по одному'.

Поскольку эти числительные представляют собой падежную форму количественных числительных, выделять их в самостоятельный разряд распределительных числительных, как это делалось ранее, по-видимому, нет достаточных оснований.

В предложении такие числительные выступают обычно в роли определения при глаголе, характеризуя количественный признак действия. По своему значению и употреблению они приближаются к количественным наречиям.

При помощи сочетания количественных числительных в форме продолжного падежа единственного числа с причастной формой камсәрумә 'сложенный один на другой' от глагола камсәрусә 'сложить друг на друга' передается кратность, повторяемость действия. Например: ситимәны камсәрумә 'двойной' (букв.: сложенный вдвое), нагүрмәну камсәрумә 'тройной' (букв.: сложенный втрое), мәтү"мәну камсәрумә 'шестерной' (букв.: сложенный вшестеро).

Примеры употребления: Ситимәны камсәрумә мәтә кәхуа"тәту, нагүрмәну камсәрумә мәтә магә, нинты кәхуа"тә" 'Двойная нить рвется, тройная нить крепкая, не рвется'; Хойманә нүльчүзә" ситимәны камсәрумә" 'Подошвы моих бокарей двойные'; ср.: Четәмәны камсәрусә сарү"бм тәнсамә 'Вчетверо сложив, я привязал маут'; Тәнсамә четәмәны камсәра"ам батятүнә тәти" нингаты" бәрәдеры" 'Свой маут я сложил вчетверо, чтобы не порвали олени, идущие на поводу'.

Сочетанием количественного числительного в форме отложительного падежа с причастием бәзәтуо 'лишний' обозначается число предметов, превышающее исходное: нагүркәтә бәзәтуо 'свыше трех', мәтүкәтә бәзәтуо 'свыше шести', бикәтә бәзәтуо 'свыше десяти' и т.д. Например: Нагүркәтә бәзәтуо тә нинты хутурә" 'Свыше трех оленей он не запряг'; Мәтүкәтә бәзәтуо ниндым ху" 'Свыше шести не прошу'; Әмны бикәтә бәзәтуо" корузә" 'Здесь свыше десяти домов'.

Аналитическим способом – путем сочетания количественного числительного в форме основного падежа с неопределенно-депричастной формой вспомогательного глагола ися 'быть' – выражается значение собирательности, например: сити ися 'вдвоем' (букв.: два будучи), чета (тетә) ися 'вчетвером' (букв.: четверо будучи), нагүр ися 'втроем' (букв.: три будучи), сәңхояңкә ися 'впятером' (букв.: пять будучи). Примеры:

Чета ися санүрүму" 'Вчетвером играем'; Нагәтәну" сити ися кона"агәй 'От нас они ушли вдвоем'; Нагүр ися суодүнду" 'Они кочат втроем'; Таңадя хүйтә сәйбә ися дүркатәмыңхянтмы" 'Летом всегда всемером неводим-обычно'; Би" ися кона"а" мурыңгай нүнүнтәса 'Вдесятером они отправились собирать морозку'.

Для выражения приблизительности количества предметов количественные числительные (числительные с двумя основами – в фор-

ме генитивной основы) сочетаются со словом манді".⁷ На-
пример:

Каңкә мөлүзәмә" бизә манді" кәндә" 'Уже сделано около де-
сяти нарт'; Дирә манді" нүо" ту"о" 'Уже приехало около ста де-
тей'; Бәнсану" тә" сизи дирә манді" 'У всех нас оленей около
двухсот'; Ситі бизә мандій нүзи"эм 'Около двадцати [диких оле-
ней] я нашел'.

Прибавлением к количественному числительному в номинатив-
ном варианте основы слова хелә 'половина' образуются словосо-
четания со значением, приблизительно соответствующим значению
дробных числительных, например: нү"ой чими хелә 'полторы са-
жени', ситі чими хелә 'две с половиной сажени', сәңхоянқә чи-
ми хелә 'пять с половиной сажени'.

Посредством формы родительного падежа множественного чис-
ла количественных числительных выражается кратность, повтор-
ность действия, например: нү"озу" 'один раз', 'однажды', сизи"
'дважды', 'вторично', накүрү" 'трижды', четі" 'четырежды': Эмә
мәугәтә накүрү" суодү"ому" 'С этой земли мы трижды уезжали
аргишами'; Тәнә сәйби" хучеңым? 'Семь раз мне тебя просить?'

При помощи суффиксальной частицы -ра/-ла (с ее фонетиче-
скими вариантами), присоединяемой к номинативному варианту ос-
новы количественных числительных, создается ограничительное
значение, например: нү"оля 'один-только', ситіриа 'два-только',
нагүля 'три-только', четәриа 'четыре-только', сәңхоянқәрна
'пять-только', мәтү"ля 'шесть-только', сәйбәрна 'семь-только'.

Примеры употребления: Нагүля кәндә мөлүзи"эм 'Только три
нарти я сделал'; Нагүлямә серу"ом 'Только трех [оленей] я свя-
зал'; Мың биригадәтәнуну" сәңхоянқәрна басутуо 'В нашей бри-
гаде только пять охотников'.

К количественным числительным примыкают такие слова коли-
чественного значения, как нүкагә 'много', тануа 'мало'. По об-
разцу количественных числительных эти слова сочетаются, как

---

⁷ Ср.: мәнті 'величина'. Зафиксированное М.А.Кастреном
аналитическое сочетание, состоящее из генитивной формы ко-
личественного числительного и слова надя 'около', для обо-
значения приблизительного количества в речи нганасанов нами не
обнаружено.

правило, с существительными в форме единственного числа, но могут и соответствовать им в числе. Например:

Эмэ маунтану жукагэ муңку базуатанду" 'В этой местности растёт много деревьев'; Турку кадяну жукагэ кэнтэ нэндити 'Около озера стоит много нарт'; Бүпсынада тануа" дялы" коу"о" 'Дня моего отъезда мало дней осталось'.

В роли сказуемого слова жукагэ 'много', тануа 'мало' изменяются по лицам. Например: Мың жукагэму" 'Нас много' (букв.: мы много-мы); Тың жукагару" 'Вас много' (букв.: вы много-вы); Сытың жукагэ" 'Их много' (букв.: они много-они); Мың тануаму" 'Нас мало' (букв.: мы мало-мы); Тың тануару" 'Вас мало' (букв.: вы мало-вы); Сытың тануа" 'Их мало' (букв.: они мало-они).

Примеры употребления: Козутүче колы" тануа" 'Добытых тобою мало'; Мың эмны жукагэму", тың тануару" 'Нас здесь много а вас мало'; Сытың жукагэ" 'Их много'; Тәне жукагэ", таче та нуа" 'Моих оленей много, твоих оленей мало'.

Вместе с тем по своим грамматическим признакам слова тип жукагэ, тануа близки к именам прилагательным. В частности, они согласуются с определяемым словом по нормам, свойственным иганасанскому языку, и присоединяют суффикс -"ликү" (-лүкү), характеризующий неполную степень признака. Например:

Танэ"ликүй колы коза"ам, тэнэ колаче жука"ликү" 'Я добыл поменьше рыбы, у тебя рыбы (букв.: рыбы-твою) побольше'; Мэнэ бадяне танэ"ликү", сүарнэ бада" жука"ликү" 'У меня денег поменьше, у товарища - побольше'.

В форме продольного падежа слова типа жукагэ, тануа, как и имена прилагательные, приобретают адвербиальное значение и употребляются в роли определения при глаголе. Например:

Тәңәдя колы жукагэману камүзүгатуму" 'Летом рыбы помногу добываем'; Эмэ сүрүдя сатәра" танэ"ликүману камүзүлүдүтә" 'Этой зимой песцы помалу ловились'; Кэнтәмә жукагэману някәләмә 'Моя нарта куплена дорого' (букв.: по-многому взята).

П о р я д к о в ы е ч и с л и т е л ь н ы е

Порядковые числительные обозначают порядок при счете, место предмета в числовом ряду однородных предметов. За исключением числительного 'первый', порядковые числительные образуются от количественных при помощи суффикса -мтуо (и его фонетических вариантов): сизимтиә 'второй', нагамтуо 'третий', четәмтә (или

тетэмтнэ) 'четвертый', сэмбэмтнэ 'пятый', мэтэмтнэ 'шестой', сий-бэмтнэ 'седьмой', ситі́зэтамтнэ 'восьмой', џамайчүмэмтнэ 'девятый', бимтіэ 'десятый'. Указанный формант восходит, по-видимому, к прауральскому суффиксу *-mt.

Числительное 'первый' происходит от основы нерэ- 'перед', 'передняя часть чего-либо' - нерэзытнэ (букв.: 'передний'),⁸ представляя по своему образованию причастную форму глагола нерэзысы 'быть впереди', 'находиться впереди'. При этом употреблении слово нерэзытнэ как бы утрачивает связь со своим основным значением и включается в систему порядковых числительных.

В близком значении употребляется слово нерэптэ от той же основы нерэ-: нерэптэ дялы 'первый день', нерэптэ хотадіэ 'первая звезда', нерэптэ басупса 'первая охота' и т.д.

Производная форма от числительного џу"ой 'один' употребляется в сложных образованиях: би" џу"оймтіэ 'одиннадцатый'.

Указанное в грамматике М.А.Кастрена числительное ~оҟадумтуэ 'первый', образованное от основы количественного числительного џу"ой⁹ 'один', в наших материалах не встретилось. Характерно, что в грамматическом очерке Г.Н.Прокофьева приведены два варианта числительного 'первый': оҟадумтуэ (оҟ"адумтуэ) и ҟерабта (не-рабта).¹⁰

При образовании порядковых числительных первого десятка наблюдается изменение звукового состава производящей основы преимущественно в сторону ее усечения: нагэ-мтуо 'третий' (нагүр 'три'), сэмбэ-мтнэ 'пятый' (сэҟхоляҟке 'пять'). При этом в одном случае усекается конечный согласный основы, в другом - словообразовательный формант.

Порядковые числительные второго и последующего десятков встречаются редко. Некоторое исключение составляет лишь числительное дирэмтнэ 'сотый'.

---

⁸ Ср. в ямальском говоре тундрового наречия ненецкого языка нерібтей 'первый' от основы неры 'передний', 'находящийся впереди'.

⁹ C a s t r é n М.А. Grammatik der samojedischen Sprachen, SPb., 1854, S. 199.

¹⁰ П р о к о ф ъ е в Г.Н. Иганасанский (тавгийский) диалект. - В кн. Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.-Л. 1937, с. 68.

В качестве примера порядковых числительных второго десятка могут быть приведены следующие: би" ну"оймтіә 'одиннадцатый', би" сизимтіә 'двенадцатый', би" нагәмтуо 'тринадцатый', би" четәмтәә (или би" тетәмтәә) 'четырнадцатый', би" сәмбәмтәә 'пятнадцатый', би" мәтәмтәә 'шестнадцатый', би" сәйбәмтәә 'семнадцатый'.

У составных числительных формант, обозначающий порядок счета, присоединяется к основе только последнего слова. Например: ситі дир сизимтіә 'двести второй', дир нагүр би" сәйбәмтәә 'сто тридцать седьмой'.

По своим грамматическим свойствам порядковые числительные близки именам прилагательным. В предложении они чаще всего выполняют роль определения. Выступая в функции сказуемого, порядковые числительные изменяются по лицам и числам. Так же как и прилагательные, порядковые числительные субстантивируются редко и лишь в определенных условиях. Как падежные, так и личные показатели присоединяются к основе числительного, замыкающего построение. При этом падежные формы порядковых числительных неупотребительны.

Примеры образования предикативных форм порядковых числительных

нагәмтум	'я третий'	нерэзындым	'я первый'
нагәмтуң	'ты третий'	нерэзындың	'ты первый'
нагәмту	'он третий'	нерэзыты	'он первый'
нагәмтуму"	'мы третьи'	нерэзытымы"	'мы первые'
нагәмтуру"	'вы третьи'	нерэзытыры"	'вы первые'
нагәмту"	'они третьи'	нерэзынды"	'они первые'

В качестве примеров обозначения дат могут быть приведены следующие: Десымә һәтүмсәә би"дир һәмәйчүмә дир нагүр би" сизимтіә хүйтәну дептәпса кичезә сәйбәмтәә дәлүтәны букв.: 'Иной отец родился тысяча девятьсот тридцать второго года июля месяца в седьмой день'; Иризи куодүо тысяча һәмәйчүмә дир сөңхоби" мәтәмтәә хүйтәну кәу кичезә ситізәтәмтәә дәлүтәны 'Его дедушка умер тысяча девятьсот пятьдесят шестого года сентября месяца на восьмой день'.

Примеры употребления порядковых числительных: Канэ нундуй-чену оу"сүтү"? Сизитэны оу"сүтү" 'На скольких лодках поедут? На двух (букв.: двумя) поедут'; Декабрь хүбтэну би" сизимтиэ кичезэ 'Декабрь - двенадцатый месяц года'; Эмны нилтымы" сэм-бэмтыэ кичезэмэну 'Живем здесь пятый месяц'; Нагэмтуо хүб сундайчүнда дирба сохү"б 'Третьего года осенний иней выпал'; Эмты-рө мэтэмтыэ тосу эмэ хй нэтумснэде 'Вот шестой теленок, родившийся этой ночью'.

М Е С Т О И М Е Н И Е

Общие сведения. Отличительной чертой местоимений является указание на тот или иной предмет или признак, который при этом не называется и не обозначается. По своей природе местоимения имеют обобщенный характер и потому могут заменять названия любого предмета, явления, понятия. Вместе с тем в контексте они обладают способностью предельного уточнения. Например, указательное местоимение эмты 'этот', 'эта', 'это' может обозначать любое лицо, явление, предмет, признак, но в определенном словесном окружении оно служит для совершенно конкретного указания. Помимо этого основного категориального признака, местоимения характеризуются незаменяемостью, поскольку, замещая другие имена, сами они не могут быть заменены другими словами.

В силу своих функциональных особенностей различные разряды местоимений являются морфологически разнородными. Каждый из них приобретает особую морфологическую характеристику и соотносится с различными частями речи. Однако соотношение это неполное и потому не дает основания для включения местоимений в состав тех или иных именных частей речи в качестве их лексико-грамматических группировок.

На основании соотнесенности разрядов местоимений с теми или иными частями речи А.М.Пешковский выделял местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные и местоименные наречия. Вместе с тем он подчеркивал, функционально особое положение местоимений среди других знаменательных слов.¹

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 154.

По грамматическим и лексико-семантическим признакам в нганасанском языке выделяется несколько разрядов местоимений, объединяемых общей функцией, свойственной указательным словам.

Л и ч н ы е м е с т о и м е н и я

Личные местоимения обозначают лиц, так или иначе участвующих в акте речи: лицо самого говорящего, лицо, к которому обращена речь, лицо, не участвующее непосредственно в разговоре, но о котором может говориться. В соответствии с этим в нганасанском языке выделяется девять личных местоимений, представляющих местоимения первого, второго и третьего лица в единственном, двойственном и множественном числе:

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1-е лицо	мәнә 'я'	ми 'мы-двое'	мың 'мы-многие'
2-е лицо	тәнә 'ты'	ті 'вы-двое'	тың 'вы-многие'
3-е лицо	сыты 'он,она'	сыті 'они-двое'	сытың 'они-многие'

Личное местоимение 'мы-двое' не является двойственным числом от местоимения мәнә 'я', но передает понятие 'я+ты' или 'я+он'. Соответственно личное местоимение 'мы' обозначает 'я+вы', 'я+вы+они', 'я+они'.

В отличие от местоимения первого лица местоимение 'вы-двое' передает понятие двух лиц, к которым обращена речь, а местоимение 'вы-многие' - понятие группы лиц, участвующих в диалоге.

Этим отличием в семантике объясняются и значительные расхождения в образовании числовых форм, наблюдаемые между именами и личными местоимениями первых двух лиц: у имен используется суффиксальный способ, у личных местоимений - переозвучение основы (за исключением начального звука корня).

По способу образования местоимения третьего лица представляют собой значительное своеобразие по сравнению с другими личными местоимениями. Исторически они являются, по-видимому, лично-притяжательными формами 3-го лица единственного, двойственного и множественного числа для родительного падежа от основы сы-: сы-ты 'он', сы-ті 'они-двое', сы-тың 'они-многие'. Во всех

самодийских языках личные местоимения третьего лица различны по своей корневой морфеме, и это дает основание предполагать, что они возникли значительно позднее местоимений первых двух лиц.²

Личное местоимение третьего лица функционально отличается от местоимений первых двух лиц: обобщающе замещая названия одного, двух или нескольких лиц, оно в свою очередь может быть заменено существительным или субстантивированным словом. Например: *Нербя"ку ани"камэну дөрэли"э - сыты банэ логы"сягэтэ хили"э*. Нербя"ку ту кады нумтаптумэ 'Девочка громко заплакала - она испугалась дая собаки. Я посадил девочку к огню'. Во второй части первого предложения в целях избежания повторения слово *нербя"ку* 'девочка' заменено личным местоимением третьего лица *сыты* 'он', 'она'. Во втором предложении вместо местоимения *сыты* употреблено то же слово *нербя"ку*. При замене местоимения третьего лица именем существительным предмет речи получает наибольшую ясность, конкретность. Само же местоимение имеет весьма широкий, обобщенный характер, почему и может замещать любое существительное, обозначающее человека.³ Что касается местоимений первых двух лиц, то, выступая всегда в своем собственном значении, они не являются, по сути дела, заместителями других имен. Замещение их каким-либо другим словом в свою очередь невозмож-

---

² Местоимения первого лица близки между собой не только во всех самодийских, но и в значительной части финно-угорских языков. Местоимение второго лица в иганасанском сближается с тем же местоимением в селькупском и камасинском языках. Ср.: иганас. *тэнэ*, сельк. *таз. тан*, камас. *тэн, тан* 'ты' в противовес *ненецк. пьдър*, *знецк. ү*. Последнее местоимение (*ү*) созвучно тому же местоименному слову в кетском языке. Иганасанское местоимение 2-го лица находит также соответствие в ряде финно-угорских языков.

Что касается местоимения 3-го лица, то можно предположить, что оно восходит к указательному местоимению *э прауральского языка, см.: Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, с. 284.

³ Тем самым это личное слово ограничивается в своем употреблении: из всей массы существительных оно может замещать только те, которые обозначают человека.

но. Этим местоимения первых двух лиц существенно отличаются от других местоименных слов: именно они и обладают грамматической категорией лица.

Несмотря на значительные различия между местоимениями первых двух лиц и местоимениями третьего лица, они образуют единую систему личных местоимений, объединяемых свойственной им всем отнесенностью к акту речи. При этом местоимения различных чисел воспринимаются не как формы одного слова, а как самостоятельные слова.

Склонение личных местоимений в нгавасанском языке по существу отсутствует. В именительном, родительном и винительном падежах выступает одна и та же форма, значение которой уточняется лишь контекстом. Например: Тәнә эмны нилытыңу 'Ты здесь живешь'; Тәнә нйгәй" ченнытым 'Тебя хорошо знаю'.

Форма родительного падежа личных местоимений практически малоупотребительна: в значении родительного падежа используется то же личное местоимение в атрибутивной функции: Тәнә корутә тириде һонәй" мендяде 'Крыша твоего дома еще новая'.

Эта же форма употребляется и в сочетании с послелогоми, которые, получая лично-притяжательный суффикс, переходят в разряд послеложных местоимений. Например:

Низәнә (или мәнә низәнә) эмны ләзи"ті нилы" 'Из-за меня здесь жить не может'; Низәтә (или тәнә низәтә) эмны ләзи"ті нилы" 'Из-за тебя здесь жить не может'; Низәту (или сыты низәту) эмны ләзи"ті нилы" 'Из-за него здесь жить не может' и т.д. См. также: Тың бәбәтәнду" мың би"әму" 'Вместо вас мы пошли'; Сытың бәбәтәндуң дедичиңу торауту" 'Вместо них работают их родители'.

В местных падежах взамен личных используются послеложные местоимения, образованные от послелога нә (т.е. послеложные формы, снабженные соответствующими лично-притяжательными суффиксами).

Дательно-направительный падеж: нанә 'мне', 'ко мне', нантә 'тебе', 'к тебе', нанту 'ему', 'к нему', нані 'нам-двоим', 'к нам-двоим', нанді 'вам-двоим', 'к вам-двоим', нанді 'им-двоим', 'к ним-двоим', нану" 'нам-многим', 'к нам-многим', нанду" 'вам-многим', 'к вам-многим', нандуң 'им-многим', 'к ним-многим'.

Местно-творительный падеж: нанунә 'у меня', нанунтә 'у тебя', нанунту 'у него', нануні 'у нас-двоих', нанунті 'у вас-двоих', нанунті 'у них-двоих', нануну" 'у нас-многих', нанунту" 'у вас-многих', нанунтуң 'у них-многих'.

Отложительный падеж: нагэтэне 'от меня', нагэтэтэ 'от тебя', нагэтэту 'от него', нагэтэні 'от нас-двоих', нагэтэнді 'от вас-двоих', нагэтэнді 'от них-двоих', нагэтэну" 'от нас-многих', нагэтэнду" 'от вас-многих', нагэтэндуң 'от них-многих'.

Продольный падеж: намэнуэ 'по мне', намэнутэ 'по тебе', намэнуту 'по нему', намэнуні 'по нам-двоим', намэнуті 'по вам-двоим', намэнуті 'по ним-двоим', намэнуу" 'по нам-многим', намэнуунду" 'по вам-многим', намэнуундуң 'по ним-многим'.

Форма двойственного числа во втором и третьем лицах различается только соответствующим личным местоимением: ті нанунті 'у вас-двоих', сыті нанунті 'у них-двоих'.

Путем присоединения к послелогу нā суффикса -рэгү и лично-притяжательного форманта именительного падежа передается близкое сходство, подобие одного лица другому: нарэгүмэ 'подобный мне', нарэгүрэ 'подобный тебе', нарэгүту 'подобный ему', нарэгүму" 'подобный нам', нарэгүру" 'подобный вам', нарэгүзуң 'подобный им' и т.д.

Таким образом, собственно личные местоимения характеризуются единственной формой основного падежа, выражающей в зависимости от контекста номинативные, аккузативные и генитивные значения.

В предложении личные местоимения сочетаются с другими словами теми же способами синтаксической связи, что и имена существительные, и могут выступать в роли любого его члена.

В сочетании с личной формой сказуемого личные местоимения обозначают действующее лицо: мендяде мэунтэну мың нйгэй" нилытмы" 'На новом месте мы хорошо живем' (букв.: мы живем-мы). Будучи помещено перед лично-притяжательной или лично-предназначительной формой имени, то же местоимение выступает в притяжательном значении: Мың ниньмы" басуту 'Наш старший брат (букв.: наш старший брат-наш) охотится'; Мың надязаны" туоптугуйчүму" 'Считаем его нашим младшим братом' (букв.: нашим младшим братом-нашим считаем-его-мы).

Употребление личных местоимений в обоих этих случаях не является обязательным, поскольку указание на действующее лицо содержится в форме сказуемого,⁴ а указание на лицо обладателя —

---

⁴ В субъектном спряжении форма 3-го лица единственного числа является немаркированной, а формы двойственного и множест-

в соответствующей именной форме. В таких конструкциях личные местоимения служат для акцентирования уже выраженного значения и потому часто опускаются.

Таким образом, личные местоимения в их полной форме могут сопутствовать сказуемому, оформленному личными суффиксами. В результате действующее лицо в таких построениях выражается двумя способами: морфологическим и синтаксическим. Такое двойное обозначение действующего лица обуславливает более самостоятельное положение личного местоимения, которое может как наличествовать, так и отсутствовать в предложении.

Вполне аналогичное явление наблюдается в отношении употребления личных местоимений в сочетании с лично-притяжательными и лично-предназначительными формами имен. В этих сочетаниях личная принадлежность и личное предназначение также могут иметь двойное выражение: морфологическое и синтаксическое.

Следует, однако, подчеркнуть, что в обоих рассмотренных случаях значимость различных способов передачи действующего лица, личной принадлежности и личного предназначения не являются одинаковыми. Значение основного и определяющего твердо сохраняется за морфологическим способом. Что касается синтаксического, то он выступает в качестве сопутствующего, дополняющего, уточняющего, но не может самостоятельно характеризовать указанные значения. Тем самым личные, лично-притяжательные и лично-предназначительные форманты выполняют в нганасанском языке весьма значительную роль, характеризуя одну из своеобразных черт его грамматического строя.⁵

венного числа имеют числовые показатели. Однако по аналогии с другими лицами и "нулевой" и числовые показатели воспринимаются в качестве личных.

⁵ В этом отношении нганасанский язык проявляет полное единообразие с ненецким и энецким языками и отличается от селькупского, в котором "... лично-притяжательные суффиксы могут прибавляться не только к основе имени, но и к местоимению, стоящему перед ним; в этом случае посессивные отношения будут выражаться только при помощи местоимения. Существительное в данном случае само по себе без участия местоимения принадлежности выразить не будет" (К у з ь м и н а А.И. К вопросу о категории притяжательности в селькупском языке. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 68).

Выступая в предложении в роли определения, личные местоимения могут отделяться от определяемого ими существительного другими определениями, например: Мәнэ меңдяде н̄ягэ кәнтәмэ 'Моя новая хорошая нарта'; Тәнэ меңдяде н̄ягэ кәнтәрэ 'Твоя новая хорошая нарта'; Сыты меңдяде н̄ягэ кәнтәҙы 'Его новая хорошая нарта'. Ср.: Мәнэ кунтәгай" н̄ягәй" нилытым 'Я долго хорошо живу'; Тәнэ кунтәгай" н̄ягәй" нилытың 'Ты долго хорошо живешь'; Сыты кунтәгай" н̄ягәй" нилыты 'Он долго хорошо живет'.

В роли сказуемого личные местоимения в соответствии со своим лексическим значением не присоединяют личных показателей: значение лица заключено уже в самой их основе, например: Эмә мәнэ 'Это я'; Эмә тәнэ 'Это ты'; Эмә сыты 'Это он'.

Личные местоимения нганасанского языка более или менее свободно разлагаются на составные части: на корневую морфему и лично-притяжательный формант родительного падежа соответствующего лица и числа. В определенных случаях между этими двумя частями вставляются суффиксальные частицы, например: мыңгү"мүнә (мың-гү"мү-нә) 'я-ведь', тыңгү"мүнтә (тың-гү"мү-нтә) 'ты-ведь', мыңгү"мүни (мың-гү"мү-ни) 'мы-двое-ведь', тыңгү"мүнді (тың-гү"мү-нді) 'вы-двое-ведь', мыңгү"мүни" (мың-гү"мү-ни") 'мы-многие-ведь', тыңгү"мүнді" (тың-гү"мү-нді") 'вы-многие-ведь'; мылианә (мы-лиа-нә) 'я-только', тылиатә (ты-лиа-тә) 'ты-только', сылиаты (сы-лиа-ты) 'он-только'.

Вполне очевидно, что корневая морфема этих местоимений была односложной. Особенно полно производный характер прослеживается у местоимений третьего лица, см. выше, с. 161.

Характерно, что в селькупском языке двойственное и множественное число местоимений в первом и втором лице не различаются, а в третьем лице к общей основе (той же, что и в единственном числе) присоединяются числовые показатели (-қы - для двойственного числа, -т - для множественного).

Все личные местоимения, в том числе и местоимения третьего лица, могут относиться только к людям. По отношению к животным, так же как по отношению к неодушевленным предметам, вместо личных употребляются указательные местоимения или же повторяется соответствующее существительное. Иногда используются послеложные местоимения и наречия. Тем самым связь личных местоимений с категорией лица (или категорией человека) в нганасанском языке сохраняется еще устойчиво. Эта особенность в употреблении личных местоимений соотносится с употреблением вопросительных местоимений: вопросительное местоимение сылы? 'кто?' может от-

носиться только к людям, вопросительное местоимение ма? что: - как к предметам, так и к животным. Примеры употребления: Десыма сатэра коза"а. Тэңдэ сатэра куху четуамы нйгэ 'Мой отец добыл песка. Его шкура (букв.: того песка шкура) очень хорошая'; Нуа нини тутутыэ ўнсўза кэңдэтэ тодў" бэңкэрагу маза мы"э. Тэңдэтэ кунди нўомты дўйкэли"э 'В стоящих напротив входного отверстия легковых нартах он сделал чум вроде укрытия для телят. В этот чум (букв.: того-его внутрь) ребенка завернул'.

По ряду признаков личные местоимения сближаются с именами существительными, но имеют по сравнению с последними и ряд отличительных особенностей, настолько существенных, что они не дают основания объединить эти различные группы слов в одну часть речи. Так, например, личные местоимения обладают не всеми грамматическими категориями, свойственными имени существительному, в соответствии со спецификой своей семантики, не могут сочетаться с каким-либо определением, поскольку не нуждаются в какой бы то ни было конкретизации.

Отмечаемое в иганасанском языке использование одних и тех же форм в значении как личных, так и притяжательных местоимений очень характерно в плане их генезиса: „Весьма возможно, что и те и другие, т.е. личные и притяжательные местоимения, вышли из общей для них основы, из местоимения, одновременно выражавшего и лицо и принадлежность ему ... Дифференциация между ними могла образоваться тогда, когда действие стало противопоставляться состоянию и когда предложения действия обособились от предложений состояния, дав отмеченные выше разновидности притяжательного оформления в одном случае и личного местоимения в другом”.⁶

Примеры употребления личных местоимений: Сурўдя мың басумбатуму" сатэри"дя 'Зимой мы охотимся на песцов'; Мың конду"-сузэ" мерэгэй нуо"туо" тэ" 'Нас повезут быстроногие олени'; Нанунту" нильби" нйгэ 'Хорошо у вас жить'; Нанунту нийтымы" нирў-сирэ" 'Мы с ним не дружим'; Мэңэ нанунтэ мынтэлэ" 'Привези меня с собой'; Нануну" туйсўза 'Приедет с нами'; Нагэтэ" нондакай ичўой хурсы конь"ки"эм 'Пойду искать, кто глупее меня' (букв. от меня); Нагэтэтэ бэзэтуомену нўйбаудўо 'Он работал больше тебя' (букв.: от тебя).

⁶ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, с. 236-237.

Л и ч н о - о п р е д е л и т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я

Лично-определятельных местоимений, как и личных, девять:

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1-е лицо	җонәнә 'я сам'	җонәні 'мы-двое сами'	җонәнү" 'мы-мно- гие-сами'
2-е лицо	җонәнтә 'ты сам'	җонәнті 'вы-двое сами'	җонәнту" вы- многие-сами'
3-е лицо	җонәнту 'он сам'	җонәнті 'они-двое сами'	җонәнтуҗ 'они- многие-сами'

Лично-определятельные местоимения указывают на самостоятельность субъекта или объекта в совершении того или иного действия, на независимость его от каких-либо других действующих лиц.

В предложении лично-определятельные местоимения выполняют чаще всего роль подлежащего и сказуемого. Одна и та же форма этих местоимений служит для выражения подлежащего и прямого дополнения, например: Тәнә җонәнтә тәни"иа конь"сызәҗ 'Ты сам туда поедешь'; Тәнә җонәнтә ченымтыгуйхи" нйгә 'Тебя самого учить надо'.

Для большего подчеркивания значения лично-определятельного местоимения ему предпосылается личное местоимение того же лица и числа.

Примеры употребления лично-определятельных местоимений: җонәнту (или сыты җонәнту) магәличе деру"ту 'Он сам ничего не знает'; Тә чүхөны мәнә җонәнә исүом 'В то время я был один' (букв.: я сам-я был-я); Тәті мнү җонәнү" 'Это мы сами'; Тың җонәнту" җәзүтүрү" 'Вы сами видите'; җонәнә ани"әм, җонәнә ченн-нтым 'Я сам большой, сам знаю'.

Как и личные, лично-определятельные местоимения могут сочетаться с послелогами, которые при таком употреблении приобретают значение послеложных местоимений, например:

Мәнә сынеру"ом җонәнә нймәнүнә 'Я подумал сам про себя'; Сыты җонәнту низәту талакалимү"ө 'Из-за себя самого он стал несчастным'; җонәнү" бәбәтәнү" сылыгәличе нисызә конь" 'Вместо нас самих никто не пойдет'.

О п р е д е л и т е л ь н ы е , у к а з а т е л ь н ы е ,
в о п р о с и т е л ь н ы е , н е о п р е д е л е н н ы е , о т р и ц а т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я

К определительным местоимениям относятся слова: тэрэди 'такой', эмлэди 'вот такой', 'такой, как этот', хунсэ 'иной', 'другой', бэрсэ 'весь' (мн. число бэнде"), маламсэ 'разный', кура-диче 'всякий', һамай 'другой' и др.

По своему значению определительные местоимения близки к именам прилагательным, но в отличие от последних характеризуются большей обобщенностью и получают конкретное значение только в контексте.

Основная синтаксическая функция этого разряда местоимений - обозначение примененного определения и сказуемого. В роли определения эти местоимения согласуются с определяемым словом, в роли сказуемого - изменяются по лицам, например: бэрсэму" 'все мы', бэрсэру" 'все вы', бэнде" 'все они'.

Определительные местоимения могут употребляться заместительно, без определяемого существительного, принимая в этом случае те же формы словоизменения, например: Бэнде" һонди"э" макэтэ 'Все вышли из дома'; Бэндей хуаңкуне 'Всё (букв.: всё-многое) положу'; Тэрэди качемэса тыбийяку лаңэ"кэгаса бызэди чүндү"ки"э 'Такое увидев, мальчик, закричав, прыгнул к реке' (букв.: к воде).

Определительное местоимение тэрэди имеет общую корневую морфему с указательным местоимением тэндэ 'тот', а определительное местоимение эмлэди - с указательными местоимениями эмэ, эмты 'этот' и эмние 'этот здесь'.

По словам В.В.Виноградова, указательные местоимения определяют "действительность в ее отношении к говорящему, к данной обстановке речи".⁷ Список этих местоимений в языке нганасанов невелик, но с его помощью обозначение близости или дальности предмета получает несколько большее уточнение: эмэ, эмты 'этот (здесь находящийся)', эмние 'этот здесь' (дальше, чем эмты), тэ-ти 'тот', 'та', 'то', тэне 'тот, находящийся дальше', амдүмэ 'этот ближний', тэндэ 'тот', такэ 'вон тот' (на который указывает), 'тот дальний' и др.

---

⁷ В и н о г р а д о в В.В. Русский язык. М., 1947, с. 317.

Указательные местоимения служат для указания на предметы, их качество и количество, в первую очередь по степени приближения к говорящему или удалению от него. Поэтому каждый предмет может иметь при себе любое из указательных местоимений, а каждое указательное местоимение — относиться к любому предмету, поскольку удаление или приближение может изменяться в зависимости от обстоятельств.

В силу своего обобщенного значения указательные местоимения не называют предметов, но служат для выделения одного или нескольких из состава однородных с ними. Выражая в предложении определение, указательное местоимение согласуется со своим определяемым, выражая сказуемое, — присоединяет личные показатели. Если указательное местоимение замещает опущенное существительное, оно употребляется в той же синтаксической функции и получает те же словоизменительные форманты.

Указательные местоимения имеют общие корневые морфемы с наречиями места, и это, по-видимому, не случайно: как те, так и другие характеризуют указательно-пространственные отношения.

Сопоставление корневых частей приведенных указательных местоимений указывает на то, что первоначально имелись две противоположные по своему значению корневые морфемы: ам-/ам- и тә-/та-. Эти корневые морфемы послужили основой для образования современных указательных слов. В других самодийских языках отмечается несколько иное противопоставление.

Вопросительные местоимения могут быть представлены следующим списком: сылы? 'кто?', 'чей?', ма̄? 'что?', 'что за?', 'чей?', куради? 'какой? (по качеству или свойству)', каука? 'какой? (по счету)', куниэ? 'который?', канэмта? 'который? (по счету)'.⁸

Назначение вопросительных местоимений — обозначать путем вопроса предметы и их признаки. Поэтому они употребляются преимущественно в вопросительных предложениях.⁸ Относительное зна-

---

⁸ К числу вопросительных слов относится в иганасанском языке также глагол кумунса? 'что сказать?' (ср.: ненецк. ха"-манзь?, энецк. козумадь? в том же значении). Например: Кумуңхуң? 'Что ты сказал?'; Эмэ нербя"курэ кумуңху? 'Эта девочка (букв.: девочка-твоя) что сказала?'

Как видно из приведенных примеров, употребляясь в составе предложения, вопросительный глагол кумунса? оформляется допол-

чение этих местоимений в связи с неупотребительностью в нганасанском языке сложноподчиненных предложений развития не получило. Замещая вопросом различные слова в составе предложения, вопросительные местоимения получают ту же синтаксическую функцию и ту же грамматическую форму (см. примеры на с.173).

Противопоставление вопросительных местоимений сылы? 'кто?' и ма̄? 'что?' базируется на том же принципе, что и противопоставление существительных, обозначающих человека, и существительных, обозначающих неживые предметы и животных. Ср., например: Сылы хезытыну? Десыра хезытыты 'Кто идет? Твой отец идет' и Ма̄ хезытыну? Бала хезытыты 'кто (букв.: что, идет? Твоя собака идет'.

Вместе с тем в связи с постепенным распространением среди нганасанского населения двуязычия прослеживается тенденция к более широкому употреблению местоимений третьего лица, в первую очередь по отношению к животным. Наблюдается это явление преимущественно в речи той части молодежи, которая хорошо владеет русским языком. Однако большей частью нганасанов такое расширение в использовании воспринимается как нарушение норм родного языка.

В сочетании с вспомогательным глаголом ися 'быть' вопросительные местоимения ма̄? 'что?' и сылы? 'кто?' приобретают несколько особое употребление. Например: Омтырэ ма̄ ися коньны? 'Это (букв.: это-твое) во что превратилось?'; Ма̄ ися коньны? 'В кого (букв.: во что) ты превратился?'; Сылы ися туйнуру? 'Кто да кто пришел?'; ма̄ ися тэнэ туйнуру? 'Для чего ты пришел?'

Различие в значении местоимений куради? и каңкэ? может быть показано на следующих примерах: Омты дялы куради дялы? Омты дялы коурүтэ дялы 'Какой этот день? Этот день солнечный'; Омты дялы каңкэ дялы? Омты дялы нагэмтуо дялы 'Какой это день? Это третий день'; Омты та̄ куради, тэңкэгэ? 'Этот олень какой, сильный?'; Каңкэ хүбтэ нэтумсэде? 'В каком году он родился?'

От вопросительных образовались в нганасанском языке неопределенные и отрицательные местоимения. Генетическая связь указанных разрядов местоимений является вполне обоснованной.

Неопределенные местоимения характеризуются суффиксальной частицей -гүб/-күб: сылыгүб 'кто-то', ма̄гүб 'что-то', курадикүб 'какой-то (по качеству или по свойству)', каңкэгүб 'какой-то (по счету)', куниэчкүб 'который-то', канэмтуогүб 'сколько-то'.

нительно вопросительным суффиксом (-ңу - для неопределенного, -ху - для прошедшего времени).

Примеры употребления: Әмиы мағұб тәйчү 'Здесь что-то есть'; Кору"тану сылығұб кундуату 'В доме кто-то спит'; Мағұб качеми"ә 'Он что-то увидел'; Курәдикүб тә мағудя ту"о 'Какой-то олень пришел к чуму'.

Неопределенные местоимения в общей форме указывают на предмет, качество, количество, которые не являются известными говорящему. В этом смысле неопределенные местоимения еще более абстрактны, чем местоимения некоторых других разрядов (личные, лично-определятельные, указательные). Тем не менее и у этих местоимений сохраняется то же противопоставление: 'относящийся к человеку', 'относящийся к нечеловеку', которое характерно для вопросительных местоимений. Лишь в единичных случаях отмечено употребление неопределенного местоимения мағұб, мачекүб 'что-то' в связи со словами, обозначающими человека: Мачекүб тыбыякяку нүнтәудя хезытыты 'Какой-то мальчик едет на лодке'. Употребление в подобных случаях местоимения 'что-то' обусловливается, по-видимому, стремлением подчеркнуть, что речь идет о чем-то неизвестном.

В сочетании с суффиксальной частицей -гәличе/-кәличе вопросительные местоимения приобретают значение отрицательных, например: сылыгәличе 'никто', магәличе 'ничто', курадикәличе 'никакой (по качеству или свойству)', каңкәгәличе 'никакой (по счету)', куниәгәличе 'никоторый', канәмтәгәличе 'несколько'.

Примеры употребления: Сылыгәличе нинты ту" 'Никто не пришел'; Сытың нунантуң магәличе деру"ту" 'Они сами ничего не знают'; Магәличерә нанунтуң дяңку 'Ничего твоего у них нет'; Магәличе сатарә нинты козу" 'Никакого пса он не добыл'.

Отрицательные местоимения обозначают отрицание наличия какого-либо предмета, его качества или количества. Отрицательное значение рассматриваемых местоимений находится в связи с отрицательными словами – самостоятельными и вспомогательными отрицательными глаголами. Вне связи с ними данные местоимения отрицательного значения не выражают, и суффиксальная частица -гәличе приобретает в таких построениях усилительное, реже – уступительное значение,⁹ например: Хосүрысы магәличе дүсуом, тәңизә

---

⁹ Усилительное значение данной суффиксальной частицы выступает в других разрядах местоимений, а также в словах, принадлежащих к другим частям речи, например: Мыңкәличены" тәңдә

нягисем 'От удара (букв.: будучи ударен) я потерял сознание (букв.: что-даже потерял), потом пришел в себя (букв.: улучшился-я)!'.

Однако такое употребление встречается сравнительно редко. Значительно чаще эти местоимения используются в отрицательных конструкциях. Как и вопросительные местоимения, отрицательные местоимения тесно связаны с определенной структурой предложения. Тем самым имеют известные основания рассматривать их в качестве особого разряда местоименных слов.

Как и во всех аналогичных случаях, суффиксальная частица -гэличе/-каliche вставляется между основой слова и словоизменительным формантом.

Все рассмотренные разряды местоимений, за исключением личных и лично-указательных, при склонении присоединяют те же падежные форманты, что и существительные с соответствующим фонетическим строением основы. Изменяются по числам, имеют лично-притяжательные и лично-предназначительные формы, тем самым оказываясь втянутыми в систему словоизменения имени. Например: ед. число бэнсэ 'весь', дв. число бэнсэгэй 'все-двое', мн. число бэн-де" 'все-многие'; сылы? 'кто-один?', сылыгэй? 'кто-двое?', сылы"? 'кто-многие?'; курэди? 'какой?', курэдигэй? 'какие-два?', курэди"? 'какие-многие?'; мэмэ? 'что-мое?', мэрэ? 'что-твое?'; мазу? 'что-его?'; сылызэмэ? 'кто для меня?', сылызэрэ? 'кто для тебя?'; мазэмэ? 'что для меня?', мазэрэ? 'что для тебя' и т.д.

В роли определения все указанные местоимения согласуются с определяемым в числе и в некоторых падежах (именительном, родительном, винительном). В роли сказуемого они получают те же показатели лица-числа, что и глаголы в субъектном спряжении. Например: сылым? 'кто-я?' сылың? 'кто-ты?', сылы? 'кто-он?', сылыми? 'кто-мы-двое?', сылыри? 'кто-вы-двое?', сылыгэй? 'кто-они-двое?', сылымы"? 'кто-мы-многие?', сылыры"? 'кто-вы-многие?', сылы"? 'кто-они-многие?'

деру"туму" 'Мы-даже этого не знаем'; Тыңкэличетэ эмнийчүү 'Ты-даже здесь'; Эмкэличе тымайчыты 'Этот-даже молчит'; Мэнэ кэнтэ-гэличемэ дяңку 'У меня нет даже нарты'; Нагүркэличе депту десымэ нинты козу" 'Даже трех гусей мой отец не добыл'; Эмэ коптуа нинты нэмуңзигүгэличе" 'Эта девушка даже есть не хочет'.

Употребляясь вместо замещаемого ими члена предложения, эти местоимения выполняют функцию подлежащего, прямого и обстоятельного дополнений.

Разграничительная форма наблюдается у вопросительных местоимений чаще, чем у других, например:

Сылыры" хойкирнүү, сылыры" чиндарзу, сылыры" торуауу? 'Кто из вас бегаёт, кто из вас прыгает, кто из вас борется?'; Кунмэ-зуу ниньрэ? 'Который из них твой старший брат?'; Кудүм нйгэ? 'Какой из них двоих лучше?'; Кунмэштуу ченьнүү? 'Кого из них ты знаешь?'; Кунмэзуу сеүкэлэтэңи? 'Который из них переночует?'

В форме продольного падежа местоимения, как прилагательные и числительные, получают обычно адвербиальное значение, например:

Хунсэмэны нилы"сызэм 'По-другому жить буду!'; Бэнсэмэну боу-зу мынды"ты 'Он по всему заслуживает упреков!'; Маламсэмэну мей-мэ"лүне 'Мои одежды сделаны по-разному!'; Эмэнтэ курадимэну мел-лүзэтэңимэ? 'Это как я сделаю?'; Курэдичемэну кэнтэзэмэ мел-лүзи"эм 'Как-нибудь сделал себе нарту!'

Примеры употребления местоимений: Эмты сылы кэнтэ? 'Чья это нарта?'; Сылы" туйчуу"? Тэти мың 'Кто пришел (букв.: кто-многие пришли)? Это мы!'; Тэрэди буозуй дептудя куодүму демби"тэ-ки"зэ 'Сказав такие слова, мужчина начал одеваться!'; Такэ та-гэптэ мэру сеймы нинты нүтүде" 'Того дальнего берега глаз не находит!'; Хунсэ сэдэмэны бүү"сүтүнэ 'По другой дороге поеду!'; Такэ күймэ тнабы"а, эмэнтэны мэтүтэ" 'Тот нож тупой, этим разрежь!'; Кунмэзэ мэмтэ нүзэтэңум? 'Откуда твое (букв.: что-твое) найду?'; Мэнтэну туйчууру"? 'На чем вы приехали?'; Такэйче сы-лыче? 'Те (букв.: те-твои) кто?'; Мэнтэну нүмэптутэңуму"? 'Чем будем его кормить?'; Сылырэ туйчуу? 'Кто (букв.: кто-твой) пришел?'; Капроновый" дуркэпсянны" тэйчу". Тэрэди" дуркэпсянди" колзыбы" нйгэ 'У нас есть капроновые невода. Такими неводами рыбачить хорошо!'; Тэне мэгүбра тэйчү 'У тебя что-то есть!'; Сы-лыгэличетэну ниндым нилы" 'Ни у кого я не живу!'; Мэзэра нүо? 'Зачем тебе (букв.: что для тебя) ребенок?'; Бэнде мэраиче мел-лүзи"эм. Нүна мэзэмтэ хуйнүү? 'Все для тебя я сделал. Что тебе еще хочется?'

Все именные части речи иганасанского языка, выполняя в предложении роль сказуемого, присоединяют те же личные показатели, что и глагол в субъектном спряжении неопределенного („настоящего“) времени. При этом имена с двумя основами присоединяют одни личные форманты к номинативному варианту основы, другие - к генитивному. Например: иси 'дядя (старший брат отца или матери)': мэнэ иди-м 'я дядя', тэнэ иди-ң 'ты дядя', сыты иси 'он дядя', ми иси-ми 'мы-двое дяди', ті иси-ри 'вы-двое дяди', сыті иси-гэй 'они-двое дяди', мың иси-мы" 'мы-многие дяди', тың иси-ры" 'вы-многие дяди', сытың иди-" 'они-многие дяди'.

Имена собственные в функции сказуемого изменяются так же, как и нарицательные: Куодүму - мужское имя собственное: мэнэ Куодүму-м 'я Куодүму', тэнэ Куодүму-ң 'ты Куодүму', сыты Куодүму 'он Куодүму' и т.д.

Тем же способом образуются предикативные формы прилагательных, числительных, местоимений, за исключением личных и лично-определятельных, которые не присоединяют личных показателей, поскольку значение лица заключено в их основе. Сказуемые формы причастий наблюдаются в тех случаях, когда причастие утрачивает связь с глаголом и употребляется в предметном или качественном значениях, например: мэнэ басутуо-м 'я охотник', тэнэ басутуо-ң 'ты охотник', сыты басутуо 'он охотник' и т.д.

Сказуемые формы имен в прошедшем и будущем временах образуются сочетанием имени в неопределенном времени с соответствующей личной формой вспомогательного глагола ися 'быть'. Например, прошедшее время: мэнэ иди-м и-сүо-м 'я был дядей', тэнэ иди-ң и-сүо-ң 'ты был дядей', сыты иси и-сүо 'он был дядей' и т.д.; будущее время: мэнэ иди-м и-сүозэ-м 'я буду дядей', тэнэ иди-ң и-сүозэ-ң 'ты будешь дядей', сыты иси и-сүозэ 'он будет дядей' и т.д. См. также нягэ 'хороший' - прошедшее время: мэнэ нягэ-м и-сүо-м 'я был хорошим', тэнэ нягэ-ң и-сүо-ң 'ты был хорошим', сыты нягэ и-сүо 'он был хорошим' и т.д.; будущее время: мэнэ нягэ-м и-сүозэ-м 'я буду хорошим', тэнэ нягэ-ң и-сүозэ-ң 'ты будешь хорошим', сыты нягэ и-сүозэ 'он будет хорошим' и т.д.¹⁰

¹⁰ Подробнее о предикативных формах имен в самодийских языках см.: Терещенко Н.М. 1) Именное сказуемое в са-

Общие сведения. Категориальное значение иганасанского глагола соответствует общепринятому определению этой части речи: глагол выражает действие, воспринимаемое как процесс, протекающий во времени. Указанное общеграмматическое значение свойственно в иганасанском языке также словам, обозначающим состояние и определенное выражение качественного признака в его изменении. К таким глаголам относятся, например, *һомтүсә* 'сидеть', *һәндисә* 'стоять', *кундуаса* 'спать', *дярэзысы* 'болеть', 'хворать', *ләзүйсә* 'быть медленным, медлительным', *дөсәрәса* 'быть пасмурным, туманным', *һәңхүдә* 'быть плохим', *тәңкәди* 'быть сильным', *сәңжуса* 'быть тяжелым' и др.

Наличие в иганасанском (как и в других северносамодийских языках) приведенной выше группы глаголов, объединяемой термином глаголы качественного состояния, является одной из его специфических особенностей. Относящиеся к этой группе слова характеризуются всеми глагольными категориями и имеют ту же систему форм, что и другие глаголы (ср., например: *һәңхү-дә* 'быть плохим' - *һәңхү-м-са* 'стать плохим' - *һәңхү-м-тә-са* 'становиться плохим' - *һәмбөү-м-тү-дә* 'ухудшить', 'сделать плохим' - *һәмбөү-м-тү-гүй-сә* 'ухудшать', 'делать плохим' и т.д.).

Вместе с тем указанные глаголы характеризуются рядом только им свойственных отличий. Так, например, те из них, которые имеют корневую морфему, общую с именем существительным, образуют особые формы обладания и необладания: *һәмтү"-тә-са* 'иметь рога' - *һәмтә-ғали-м-са* 'остаться без рогов', ср.: *һәмтә* 'рог' и др.

Причастные формы глаголов качественного состояния служат обычно для характеристики признака предмета и употребляются в значении прилагательных.

Глагол в иганасанском языке имеет грамматические категории лица, числа, времени, наклонения, залога. Различаются три типа спряжения: субъектный, субъектно-объектный, субъектно-безобъектный. Имеется ряд форм видовой направленности.¹ Выделяются

модийских языках. - «Советское финно-угроведение», 1969, № 4, с. 287-297; 2) Синтаксис самодийских языков. Л., 1974, с.153-171.

¹ Способ протекания действия не только придает дополнительное лексическое значение глагольной основе, но и в опреде-

особые отрицательные формы спряжения. Морфологическая структура глагольного слова в повествовательных и вопросительных предложениях различна.

Указанные выше грамматические значения глагола выражаются преимущественно синтетически. Лишь некоторые из них образуются аналитическим путем с помощью использования различных служебных слов (например, отрицательные формы спряжения, некоторые наклонения). При синтетическом способе образования глагольных форм основное место занимает суффиксация. В определенных случаях на службе морфологии применяются закономерные звуковые чередования.

В зависимости от конечного звука глагольные основы, как и именные, делятся на два фонетических класса. К первому классу относятся глаголы с основой на гласный (ху-си 'хотеть', хельзы-сы 'помочь', басу-дя 'охотиться', някизы-си 'брать', китэ-дя 'будить', боу-дя 'говорить', сынеруо-ди 'подумать' и др.), ко второму классу - глаголы с основой на согласный (туй-ся 'прийти', 'приехать', 'прибыть', дерым-сы 'попасть', џанўн-ся 'удивиться', дўнўр-ся 'охотиться на диких оленей' и др.).

Глагольные основы в нганасанском языке обычно не совпадают с личной формой глагола (в частности, с формой третьего лица единственного числа). Например: конь-ди 'пойти' - кона"а 'он пошел сейчас', лўнжўрў-ся 'спрятаться' - лўнжўра"а 'он спрятался сейчас', џонсы-ди 'выйти' - џонди"э 'он вышел', дўгу-са 'заблудиться' - дўку"о 'он заблудился', сяты-ди 'кончить', 'окончить' - хотўрэ сязы"э 'он окончил письмо' и др.²

По характеру протекания действия среди непроеизводных для современного нганасанского языка глагольных основ различаются основы, обозначающие продолжительное, длящееся действие, и глагольные основы, передающие кратковременное действие. Основы этого рода могут быть как однокорневыми, так и разнокорневыми. Например: нэнди-сы 'стоять' - нэнсу-ди 'встать', џомтў-ся 'сидеть' - џомтэ-са 'сесть', кундуа-са 'спать' - кунту-дя 'уснуть', џитэ-дя 'вешать' - џиті-ди 'повесить', лэптэбў-ся 'возвращать-

---

ленных случаях оказывает влияние на словоизменение глагола. Поэтому имеются основания относить формы видовой направленности к числу грамматических категорий глагола.

² Ср. иное положение в ненецком языке, в котором форма 3-го лица ед.ч. нередко внешне совпадает с основой глагола: ябере-(сь) 'блестеть' - ябере 'блестит', е-сь 'пасти оленей ночью' - е 'он пасет оленей ночью'.

ся обратно' - лэптэба-са 'возвратиться обратно'; но: нэзү-ся 'видеть' - качемэ-са 'увидеть', хили-си 'бояться' - хым-си 'испугаться' и др.

Глаголы указанного типа различаются формами спряжения. Между ними наблюдаются отличия и в области управления. Например: Матэуну" бэнде" нуоляй" кундуату" 'В нашем чуме все уже спят', ср.: Нуочинү канимэли" кунда"а" 'Дети сразу уснули'; Кэнтэмэ матэ кадяну нэндити 'Моя нарта стоит около твоего чума' (букв.: чума-твоего на стороне), ср.: Кэнтэмэ матэ кадя нэнсу"о 'Моя нарта остановилась около твоего чума' (букв.: чума-твоего к стороне).

Лишь немногие основы глаголов могут быть нейтральны в отношении видовой направленности, например: нэте-дя или барэ-дя 'ждать' и 'подождать'³, которые, однако, уточняются в конкретных употреблениях.

Таким образом, в нганасанском языке, как и в других самодийских языках, продолжительность или кратковременность действия может выражаться самой глагольной основой без помощи особых грамматических средств. Эта особенность нганасанского глагола отчетливо сказывается при словообразовании и словоизменении, в частности при образовании как временных форм, так и форм видовой направленности.

Если действие является длительным по своему характеру, то при спряжении в неопределенном („настоящем“) времени между основой и личным суффиксом вставляется формант -т- (-т с последующим гласным), например: нилы-ди 'жить' - нилы-ты-м 'живу', дярэзы-си 'болеть' - дярэзы-нды-м 'болею', кундуа-са 'спать' - кундуа-ту-м 'сплю'.⁴

Наблюдается это явление и у глаголов, уже имеющих в своей основе суффиксальную морфему -т-, например: хылэдэте-ди 'бояться' - хылэдэте-ты-м 'боюсь', нангуту-са 'кричать' - нангуту-нду-м 'кричу'.

---

³ Ср. аналогичное положение в ненецком языке: нэте(сь) 'ждать' и 'подождать'.

⁴ В остальных самодийских языках этот суффикс в данной форме отсутствует, ср. в ненецком: иле-сь 'жить' - иле-ди 'живу', хонё(сь) 'спать' - хоны-ди 'сплю'; в энецком: дирэ-сь 'жить' - дирэ-з 'живу', кода-сь 'спать' - кода-з 'сплю'; в селькупском: илы-кэ 'жить' - ила-к 'живу', конты-кэ 'спать' - конта-к 'сплю'.

Отмеченная особенность нганасанского языка характерна для неопределенного времени повествовательных предложений. В прошедшем и будущем времени формант -т- обычно не присоединяется: ноттү-тү-м 'сижу', ноттү-сүо-м 'сидел-я', ноттү-сүзә-м 'сидеть-буду'.

Лишь в отдельных случаях формант -т- сохраняется и в других временных формах, например: $\text{Сыты дязи}^{\text{күдемту нисыде някәлә}}^{\text{куодүму баретәсүзә}}$ (или нәтәтәсүзә) 'Не получивший своей доли мужчина будет ждать'; ср.: нәтәсүтә 'он подождет'.

Глаголы со значением длящегося и кратковременного действия могут различаться и по типам спряжения. Например: нәнсу-ди 'остановиться' - нәнсуиндә 'они остановились' ср.: нәнди-сы 'стоять' - $\text{нәндиты}^{\text{э}}$ 'стоят' - оба глагола имеют одну и ту же форму третьего лица множественного числа неопределенного времени.

Как было указано выше, основным способом образования форм нганасанского глагола является суффиксальная агглютинация, значительно реже используются аналитические конструкции. В принципе на глагольную основу возможно наращивание целого ряда суффиксальных морфем. Как минимум глагольная форма состоит из двух морфем, например: ту- 'приди', туй-ңә 'пусть он придет'. Довольно часто встречаются построения на 5-6 морфем. Например: $\text{туоптугуймумбатукәйчи}$ ($\text{туопту-гуй-мумба-ту-кәй-чи}$) 'они-двое читают-обычно-две книги' - туоптуса 'прочитать'; хотәнандүтукәйчү ($\text{хотә-нандү-ту-кәй-чү}$) 'он хочет написать два [письма]' - хотәдә 'написать'; $\text{хелызырыптыхыгәйче?}$ ($\text{хелы-зы-ры-пты-хы-гәй-че?}$) 'заставил ли ты в прошлом их-двоих дополнить два [котла]?' - хелнә 'часть, половина'. Глаголы, состоящие из большого количества компонентов, наблюдаются значительно реже, поскольку в ряде случаев те же значения можно передать не только суффиксальными морфемами, но и другими средствами.

Соблюдается определенная последовательность морфем в глагольном слове. Примером этого может служить и приведенная выше форма $\text{хелызырыптыхыгәйче?}$: корневая морфема + формант отменного глагольного образования + суффикс переходности + показатель вторичной переходности + вопросительный суффикс для прошедшего времени + показатель числа объекта + личный формант.

Помимо финитных форм положительного значения в систему глагола входят отрицательные формы спряжения.

Общим категориальным значением процесса действия с собственно глаголом связаны причастия, деепричастия, супин.

Выражение синтаксической связи с другими словами в предложении осуществляется посредством формантов наклонения, лица и числа.

Единственной синтаксической функцией личных глагольных форм является обозначение сказуемого. Вместе с тем сказуемость не представляет собой исключительной принадлежности финитных форм глагола, хотя у них выражение этого члена предложения проявляется в наиболее полном и развернутом виде.

Одна из отличительных особенностей нганасанского синтаксиса заключается в том, что глагол практически может занимать любое место в предложении, в то время как в других самодийских языках он располагается обычно в абсолютном конце. По-видимому, такое положение не было изначальным, но сложилось под влиянием определенных обстоятельств (ср. аналогичное положение в современных мордовских языках).

Под грамматическими категориями глагола понимаются те категории, которые составляют исключительную принадлежность глагола и несвойственны другим частям речи в той же синтаксической функции сказуемого. В разных языках глагол характеризуется различными грамматическими категориями. Относится это не только к разносистемным языкам, но порой и к языкам, входящим в одну и ту же языковую группу. В процессе исторического развития в каждом языке вырабатываются определенные нормы, типичные для той или иной части речи, составляющие их специфическую особенность. Наиболее отчетливо наблюдается это положение в такой сложной и многоаспектной категории, как категория глагола. Так, если в индоевропейских языках отличительной особенностью глагола признается изменение по лицам, то в самодийских языках этот признак не является вербальным, поскольку он свойствен и именным частям речи в роли сказуемого. Этим все самодийские языки существенно отличаются от индоевропейских. Вместе с тем разные самодийские языки не представляют в данном отношении полного единства, различаясь между собой по широте употребления именных предикативных форм. Так, в отличие от ненецкого и энецкого языков в нганасанском простое именное сказуемое, включающее в свою форму выражение действующего лица, может быть передано всеми именными частями речи, но только в неопределенном („настоящем") времени. Тем самым категория времени именному сказуемому в нганасанском языке не свойственна и составляет один из глагольных признаков. Таким образом, к формальным грамматическим признакам, которыми нганасанский глагол отличается от имени, относятся наклонение, время, формы видовой направленности, залог. Что

касается свойственной нганасанскому глаголу категории лица, то, как и в других самодийских языках, она не является отличительной глагольной категорией, поскольку характерна и для других частей речи, выполняющих в предложении предикативную функцию.⁵

К а т е г о р и я   н а к л о н е н и я

Категория наклонения как особое средство выражения реального или нереального с точки зрения говорящего действия представлена в нганасанском языке довольно широко. Посредством этой грамматической категории передается как реальное действие в настоящем, прошедшем и будущем, так и действие не реальное, требуемое от кого-либо, побуждаемое говорящим, желательное для него; действие, известное лишь с чужих слов, устанавливаемое на основе слухового восприятия, и др. Категория наклонения, характеризуя отношение говорящего к достоверности сообщаемого, оказывается связанной с выражением значений модального характера. И это не случайно. Известно, что в своем генезисе наклонения возникают как средства выражения модальности.

Вместе с тем как по объему значения, так и по грамматическим средствам выражения категория наклонения значительно уже категории модальности. Средства модальности в широком значении этого слова включают в себя интонацию как способ выражения логико-грамматического предиката, специальные модальные слова, передающие степень достоверности содержания высказывания, различные модальные частицы. Однако выражение модальности системой словоизменительных форм свойственно лишь глаголу в виде категории наклонения.

Наклонения в нганасанском языке образуются в основном при помощи специальных морфем; в некоторых случаях используются служебные слова - самостоятельные частицы. Так, например, аналитическим способом выражается предположительность действия (в ненецком языке в этих целях применяется суффиксальная морфема).

---

⁵ Подробнее см.: Т е р е щ е н к о Н.М. 1) Синтаксис самодийских языков. Л., 1973, с. 153-171; 2) Грамматические категории глагола в самодийских языках. - В кн.: Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения, М., 1975.

Кроме того, каждое наклонение в соответствии с выражаемым им значением характеризуется и особой интонацией. Особенно отчетливо выделяются в интонационном отношении повелительное и побудительное, отчасти сослагательное наклонения. На характере интонации сказывается также целевое назначение предложений: являются ли они повествовательными, побудительными, вопросительными, восклицательными.

Каждому наклонению присуще то или иное количество лиц во всех трех числах (единственном, двойственном, множественном). При этом всем наклонениям свойствен единичный набор личных формантов. Исключение составляет только повелительное наклонение, характеризующееся особыми личными показателями, которые являются вместе с тем и показателями данного наклонения. Глаголы во всех наклонениях имеют положительные и отрицательные формы. В составе предложения глагол в форме наклонения может выступать только в роли сказуемого.

В иганасанском языке выделяются следующие наклонения: изъявительное, вопросительное, повелительное, побудительное, сослагательное, желательное, неочевидное, аудитив. Особо выделяется выражаемая аналитическим путем форма со значением предположительности действия.

Каждое наклонение характеризуют только ему свойственный оттенок модальности и только ему присущие морфологические показатели. При этом форманты ряда наклонений реализуются в различных фонетических вариантах в зависимости от свойств языка звуковых закономерностей. Поскольку закономерности эти являются фонетически обусловленными, морфологическая членность глагольного слова на составляющие его элементы обычно прозрачна.

Выражая в определенной грамматической форме тот или иной оценочный момент со стороны говорящего по отношению к производимому действию, наклонение является одной из наиболее характерных и обязательных категорий иганасанского глагола. С помощью этой категории глагол отчетливо противопоставляется другим частям речи, в том числе причастиям и деепричастиям.

И з ъ я в и т е л ь н о е   н а к л о н е н и е

Изъявительное наклонение является единственным реальным наклонением: при его посредстве обозначается действие, в достоверности которого у говорящего не возникает сомнений. Глаголы в этом наклонении получают наиболее полную грамматическую харак-

теристику. Они изменяются по трем лицам (первому, второму, третьему) во всех трех числах (единственном, двойственном, множественном), по временам (неопределенному /„настоящему"/, прошедшему, будущему). В зависимости от семантики основы и особенностей построения предложения глаголы в изъявительном наклонении обладают субъектными, субъектно-объектными и субъектно-безобъектными формами спряжения. Особого морфологического показателя изъявительное наклонение не имеет, почему и входит в соответствующую словоизменительную парадигму с нулевым формантом. Обозначая достоверность действия, изъявительное наклонение противопоставляется всем другим наклонениям.

К а т е г о р и и л и ц а и ч и с л а

Грамматическая категория лица выражает субъектные и субъектно-объектные отношения глагола и поэтому является одним из основных признаков предикативности. Показатели лица характеризуют тип отношений субъекта и объекта к производимому действию. Если действие не переходит на объект, в форме глагольного сказуемого отражается только лицо и число субъекта. Если действие переходит на объект, то при определенных условиях в глаголе отражается не только лицо и число субъекта, но и число объекта, ср., например: ту^о-м 'пришел-я' и таза^а-мэ 'принес-его-я'; суффикс -м указывает на первое лицо единственного числа непереходного действия глагола, суффикс -мэ обозначает то же лицо в том же числе при условии включения в личную форму глагола указания на объект действия.

Характеризуя отношения, лежащие в основе предикативности, грамматическая категория лица не является в нганасанском языке отличительной категорией глагола. Как уже указывалось, по лицам в этом языке изменяются не только глаголы, но также имена и причастия, выступающие в роли сказуемого, частично наречия. Однако выражение субъектно-объектных отношений категория лица может передавать только в глаголе.

Рассматриваемая категория реализуется в формантах первого, второго, третьего лица единственного, двойственного, множественного числа, оказываясь тем самым тесно связанной с выражением числа. С помощью этих личных показателей осуществляется связь между главными членами предложения: глагольным сказуемым, подлежащим, прямым дополнением.

Категория лица проявляет некоторую двойственность в своем значении. С одной стороны, при определенной конструкции предложения личное местоимение соотносится с соответствующей формой глагола, как и подлежащее, выраженное существительным в именительном падеже, например: мэнэ нилытым 'я живу', тэнэ нилытың 'ты живешь', сыты нилыты 'он живет' и т.д. Однако, с другой стороны, слова типа нилыты-м, нилыты-ң, нилыты сами по себе достаточно ясно указывают на действующее лицо: нилыты-м 'живу-я' — на первое лицо, нилыты-ң 'живешь-ты' — на второе лицо и т.д. Тем самым соответствие в лице может признаваться только в тех предложениях, в которых наличествуют личные местоимения, выполняющие функцию подлежащего, — конструкции, наблюдающиеся в нганасанском языке довольно ограниченно.

Наиболее отчетливо выделяются в глаголе формы первого и второго лица. Сказуемое в таких построениях ощущается вполне самостоятельным, не нуждающимся в подлежащем. Подлежащее, выраженное местоимениями первых двух лиц, сообщает речи некоторую вялость, монотонность. Особенно сказывается это явление при сказуемом в повелительном наклонении. Отсутствие в таких конструкциях подлежащего-личного местоимения (в особенности местоимения второго лица) является нормой.

В спрягаемых формах глагола находят свое выражение присущие нганасанскому языку типы спряжения: субъектный, субъектно-объектный, субъектно-безобъектный.⁶ Изменение глагола по тому или иному типу связано с категорией переходности-непереходности.

Как можно будет заключить из дальнейшего изложения, категория числа последовательно проходит через все собственно глагольные формы. При этом один и тот же формант характеризует и лицо, и число данной формы.

---

⁶ Основания для изменения глагола по тому или иному типу спряжения в нганасанском в общих чертах те же, что в ненецком языке (см.: Терещенко Н.М. 1) Краткий очерк грамматики ненецкого языка. Приложение к Ненецко-русскому словарю. М., 1965, с. 894-895; 2) Выражение субъектно-объектных отношений в структуре предложения (на материале самодийских языков). — В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967; 3) Главные члены предложения в самодийских языках. — В кн.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1971).

Личные суффиксы глагола

		Субъектное спряжение	Субъектно-объектное спряжение		Субъектно- безобъект- ное спря- жение
			ед. число объекта	дв.и мн.ч. объекта	
Ед.ч.	1 л.	-м	-ма	-не/-ня	-не
	2 л.	-ң	-ра	-те/-че	-ң
	3 л.	-	-ту	-тү/-чү	-" , -за
Дв.ч.	1 л.	-ми	-ми	-ни	-ни
	2 л.	-ри	-ри	-ті/-чи	-ті/-чи
	3 л.	-гәй	-зи	-ті/-чи	-ті/-чи
Мн.ч.	1 л.	-му"	-му"	-нү"	-ңү"
	2 л.	-ру"	-ру"	-тү"/-чү"	-тү"/-чү"
	3 л.	-"	-зүң	-түң/-чүң	-та"

Приведенные в табл. 4 личные показатели без каких-либо изменений наличествуют во всех временах изъявительного наклонения, а также во всех косвенных наклонениях, кроме повелительного.

Субъектное спряжение. По субъектному спряжению изменяются в первую очередь непереходные глаголы. Исключение составляет сравнительно немногочисленная группа непереходных глаголов, спрыгающихся по субъектно-безобъектному типу, см. ниже, с.195.

Глаголы, изменяющиеся по субъектному типу, включают в свою форму указание только на субъект действия, например: Әмә" ңә-не"санә" мың мәунтәнуну" ниләты" 'Эти люди живут в нашей земле' (букв.: живут-они).

Поскольку выражение субъекта заключено в форме сказуемого, подлежащее свободно опускается: Мың мәунтәнуну" ниләты" 'Они живут на нашей земле' (букв.: мы в земле-нашей живут-они-многие).

Однажды указанное подлежащее легко подразумевается и обычно не нуждается в повторении даже в том случае, если выражено существительным или другим субстантивированным словом. Например:

Кахы лӯ сѣгѣ"э кубу серади сынеру"о: «Кунизэ нилутэмэ нэ-зэтэну?» Тенина сынерырсы сязытындэты сѣгѣ"э кукхузу нонанту хетыли"э. Ногучи, кунтэгу мымбиті качемы"э мазэ. Матэ чѣди нонтү"ө хелизѣтэ 'Кахы лу,⁷ надев шкуру лѣдоода, подумал: "Где (букв.: откуда) жизнь себе найду?" Так думать когда окончил, шкура лѣдоода сама двинулась. Близко ли, далеко ли шел, увидел чум. Войдя в чум, сел на противоположную сторону от хозяйской!⁸

Особенно часто наблюдается опущение подлежащего, выраженного личным местоимением, например: Бӯ"ки"эм маунадя 'Поеду-ка в свою землю'.

Личные местоимения в роли подлежащего употребляются в тех случаях, когда требуется особо подчеркнуть действующее лицо, выраженное уже в форме сказуемого, или противопоставить одно действующее лицо другому, например:

Мэнэ бӯ"ки"эм маунадя 'Я поеду-ка в свою землю' (букв.: я в землю-мою поеду-ка-я); Тың нуолай" кундуатуру", мың нонэй" бәтуму" 'Вы уже спите, а мы еще бодрствуем'.

Предложения со сказуемым, выраженным непереходным глаголом, могут не иметь пояснительных слов, например: Динди"эм, туйсузэм 'Слышал (букв.: услышал), приду'.

При невиделяемой позиции прямого дополнения по субъектному спряжению изменяются и переходные глаголы. При такой конструкции предложения прямое дополнение получает обычно логическое ударение и поэтому не находит своего отражения в личной форме сказуемого, сочетаясь с ним по способу подчинения. При этом прямое дополнение помещается в непосредственной близости от сказуемого и все построение получает отчетливо аналитический характер. Будучи выражено отдельным словом в предложении, помещаясь на обычном для него месте, получая логическое ударение, прямое дополнение оказывается в роли второстепенного члена предложения, а прямой объект высказывания не фиксируется особо в форме

---

⁷ Кахы лӯ - имя собственное, обозначает буквально: Куропатка одежда или Одежда куропатки.

⁸ Хелизѣтэ - сторона в чуме, противоположная той, на которой сидят хозяева; на этой половине чума обычно лежат дрова.

сказуемого, например: Ёлыгаку Куодѹму банѹ хутури"ѹ 'Маленький Куодѹму⁹ запряг собаку'.

Не изменяется направленность сочетания и при наличии у прямого дополнения лично-притяжательного (как и лично-предназначительного) форманта или конкретизирующего его определения. Например:

Ёлыгаку Куодѹму банту хутури"ѹ 'Маленький Куодѹму запряг свов собаку'; Ёлыгаку Куодѹму бантѹмту хутури"ѹ 'Маленький Куодѹму запряг для себя собаку'; Ёлыгаку Куодѹму ѹмѹ банѹ хутури"ѹ 'Маленький Куодѹму запряг эту собаку'.

Логически это явление представляется вполне оправданным: при наличии ударной позиции прямого дополнения нет необходимости включать его обозначение в личную форму сказуемого. Очевидно, именно в силу этого обстоятельства при прямом дополнении, выраженном личным местоимением, сказуемое имеет всегда форму субъектного спряжения,¹⁰ например:

Мѹдя мѹнѹ хикѹптыгуѹнѹ? 'Почему меня пугаешь?'; Сытѹ тѹнѹ тѹзу"сутѹ" нанѹ 'Они приведут тебя ко мне'; Кѹзѹжѹ тѹнѹ ма-зайчѹганѹ барѹ"сузѹм 'Завтра буду вас в гости ждѹть'; Мана"кѹ сыты качѹми"ѹм 'Я только что его увидел'.

Только в случае опущения такого прямого дополнения переходный глагол, как и в других аналогичных случаях, изменяется по субъектно-объектному спряжению, например:

Дѹдиты макѹта сыты конда"а, матѹну" конда"ату 'Из отцовского чума он его увѹз, увѹз (букв.: увѹз-его) в наш чум'. В первой части предложения переходный глагол контѹдя сочетается с

---

⁹ Куодѹму - мужское собственное имя, обозначает буквально 'Мужчина'.

¹⁰ В этом отношении иганасанский, как и другие самодийские языки, существенно отличается от ряда финно-угорских языков, например мордовских и венгерского, в которых личное местоимение, выражающее прямое дополнение, как норма, сочетается с объектной формой глагола (см.: К о л я д е н к о в М.Н. Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск, 1959, с. 201; М а й т и н с к а я К.Е. Венгерский язык, Ч. III. Синтаксис. М., 1960, с. 160).

Объясняется это, по-видимому, тем, что по самой своей природе личные местоимения являются логически выделенными.

личным местоимением третьего лица единственного числа сыт'его' и потому имеет форму субъектного спряжения - конда"а; во второй части предложения тот же глагол в результате опущения прямого дополнения получает форму субъектно-объектного спряжения - конда"а-ту.

Особенность нганасанского языка в данном отношении заключается в том, что прямое дополнение может помещаться в самом конце предложения, в то время как сказуемое - в начале или середине его,¹¹ например:

Њази"э тунты дербайка"а муңку џилизэ сиа, сирки"э бэңгү"-түбзэмту 'Нашла лисица дупло под толстым деревом, вырыла себе нору'; Туйма"а хяйтэ качеми"э дема"ку 'На вершине лиственницы он увидел птицу'; Куодүму нүо бэнду"уа дили"э дүзүмту 'Мальчик поднял кверху руку'.

В субъектном спряжении нганасанского глагола наблюдается вполне ясное противопоставление форм первых двух лиц третьему. Форма третьего лица в нем, как и в других самодийских языках, присоединяет числовые показатели, одновременно выполняющие функцию личных суффиксов: в двойственном числе - суффикс -гэй, во множественном - суффикс -" (гортанный смычный). В единственном числе числовой формант, как и личный, отсутствует, поэтому форма третьего лица единственного числа субъектного спряжения является немаркированной. Личной эта форма (как и формы третьего лица двойственного и множественного числа) считается лишь на основе противопоставленности формам первого и второго лица. Необходимо подчеркнуть, что бессуффиксальное выражение 3-го лица единственного числа характерно лишь для субъектного спряжения, в субъектно-объектном и субъектно-безобъектном спряжении рассматриваемая форма получает личный показатель.

Форманты первого и второго лица двойственного числа, с одной стороны, множественного - с другой, различаются между собой гласными звуками, отсутствием в первых и наличием во вторых конечного гортанного смычного.

По строению парадигмы глаголы субъектного спряжения стоят в одном ряду с предикативными формами имен, см. выше, с. 175.

---

¹¹ В нганасанском языке конечная позиция характерна для логически выделяемого члена предложения.

Известное в лингвистической науке предположение о происхождении личных формантов от местоименных основ на нганасанском материале может быть показано, в частности, на примере личного показателя первого лица, который восходит, по-видимому, к местоимениям мэнэ 'я', ми 'мы-двое', мың 'мы-многие'. Ср. то же положение во всех самодийских и ряде финно-угорских языков: ненецк. мань, энецк. модь, сельк. мат, ман, камас. ман, мэн, хант. ма, мокш.-морд. мон, коми мэ (полная основа в косвенных падежах мэн), манс. ам и др. 'я'; ненецк. маня", энецк. модина", сельк. мэ, камас. ми", морд. мин, коми ми (полная основа в косвенных падежах миян), хант. мёң, манс. ман, венг. ми и др. 'мы-многие'.

Субъектно-объектное спряжение. В субъектно-объектном спряжении превалирует синтетический характер построения: сказуемое, переданное переходным глаголом, помимо выражения субъекта заключает в своей форме и выражение прямого объекта. Тем самым в форме глагола получают обязательное выражение лицо и число субъекта, число объекта действия. Наиболее отчетливо это явление сказывается в таких конструкциях предложения, когда прямой объект не обозначен отдельным словом, но включается в форму сказуемого, подразумеваясь из предыдущего изложения, например:

Нимэнынди таирсе эракэрэ тодякуо дэма"ку. Тотэзу сохү"ө төмуңку кадя. Төмуңку дили"эты, мэнудү"огу, тэгэтэ някэли"эзы бэңгү"түбтудя 'Над ними пролетала красивая желтая птица. У нее выпало перо около мышки. Мышка подняла (букв.: подняла-его), скрутила (букв.: скрутила-его), затем взяла (букв.: взяла-его) в свою норку'; Һонэй" матэ чйди буюгалса тэлиптики"экэйчү 'Опять в чум войдя, заговорив, спросил их (букв.: спросил-их-двоих-он)'.
 В предложениях, в которых нет прямого дополнения, логическое ударение, естественно, падает на другие члены, в первую очередь на сказуемое. В этом случае субъектно-объектное оформление сказуемого является единственным способом выражения прямого объекта, например:

Тэнизэту һонэй" гадя чүндү"кэса һамтэгитэ кэми"эту Потом опять к оленю прыгнув, поймал его за рога' (букв.: за рога поймал-его-он); Нясычи" хутури"ичү кэндэтэнду 'Кое-как запряг их (букв.: запряг-их-многих-он) в свою нарту'.

Характерно, что при изменении по лицам переходного глагола, взятого вне контекста, последний также присоединяет показатели субъектно-объектного спряжения: сэхудүо-мэ 'вытащил-я в прошлом', һэзи"э-рэ 'увидел-ты сейчас', конда"а-ту 'унес-он сейчас', хутури"э-зи 'запрягли-они-двое сейчас'.

При субъектно-объектном спряжении показателями числа объекта являются обычные показатели числа (двойственное число - суффикс -гэй/-кэй, множественное число - чаще всего изменение гласного, предшествующего личному форманту), которые занимают место после основы времени перед личными суффиксами. Единственное число объекта числового показателя не имеет и противопоставляется остальным формам как нулевая. Ср.: лэты"эты 'он срубил что-либо одно сейчас' (ср. муңку лэты"э 'он срубил дерево'), лэты"экэйчү 'он срубил что-либо два сейчас' (ср. муңкугэй лэты"э 'он срубил два дерева'), лэты"ичү 'он срубил что-либо многое' (ср. муңкуй лэты"э 'он срубил деревья'). Примеры: Мендядегэй кэнтэгэйчү хыләсы ниньтэты миди"эгэйчү 'Свои новые нарты-две он, побоявшись, отдал старшему брату (букв.: отдал-их-две-он)'; Мендядей кэңдэчү хыләсы ниньтэты миди"ичү 'Свои новые нарты-многие он, побоявшись, отдал старшему брату (букв.: отдал-их-многие-он)'.

Если прямое дополнение отделено от сказуемого другими членами предложения и не имеет логического ударения, то связь между ними воспринимается как бы ослабленной. Для подкрепления этой связи сказуемое, выраженное переходным глаголом, принимает в значительном числе случаев личные форманты субъектно-объектного спряжения, например:

Дирьхямті кэңдэтэңді нясычи" хутури"эзи 'Теленка своего в нарту едва запрягли' (букв.: запрягли-его-они-двое); Тунты һаңамту тэлү"ө. Дема"ку кэми"э. Дема"кумту кэмәдя һүму"оту 'Лисица рот закрыла. Птицу поймала. Птицу-свою поймав, съела' (букв.: съела-ее-она).

Из рассмотренных ранее примеров нетрудно заключить, что определенность прямого объекта сама по себе не оказывает влияния на оформление переходного глагола, не требует от него изменения по субъектно-объектному спряжению. См., например: Һомтауту һилезә сөхүдү"о букура. «Әмты бугурли». Букуракумті мўтэми"эгэй бызадя найбәгә ниркутану 'Из-под сидения на нарте он вытащил сеть. "Вот ваша сеть". Сеть-свою толкнули в воду длинным тальником' (букв.: толкнули-они-двое).

В приведенных предложениях слово букуракумті 'сеть-их-двоих', известное из предыдущего, оформлено лично-притяжательным суффиксом, но, помещаясь непосредственно перед сказуемым мўтэми"эгэй 'толкнули-они-двое', оно оказывается под логическим ударением. В силу этого сказуемое получает показатели субъектного спряжения.

Однако при ином логическом ударении то же предложение конструируется иначе: Букуракумті найбілье ниркутану бызудя мўтамі"эзи 'Сеть свою длинным тальником в воду толкнули' (букв.: толкнули-ее-они-двое). В предложении этого типа прямое дополнение, будучи отделено от сказуемого, не имеет логического ударения. В результате возникает потребность в дополнительном способе, подкрепляющем связь между этими членами предложения, - включение в личную форму сказуемого указания на прямое дополнение. Ср. также: Немымті каули"эгэй матэзэтэунту 'Мать свою закрыли ее домашней одеждой' (букв.: закрыли-они-двое) и Немымті матэзэтэунту каули"эзи 'Мать свою домашней ее одеждой закрыли' (букв.: закрыли-ее-они-двое).

Личными суффиксами субъектно-объектного спряжения оформляется всегда логически выделенное сказуемое, например:

Нўляза тундым тандаркучў 'Волк гонится за лисицей';¹² Мнэза нэсуди мнэзи"бэрэ нўоги тэлиптигуйчи 'Когда аргий остановился, хозяин аргийей спросил детей' (букв.: спросил-их-двоих-он); Мнў биригэдирэму"чэте копта"амту хутури"ичў 'Наш бригадир запряг своих четырех быков' (букв.: запряг-их-многих-он);¹³ Накўрэ тэ нўляза коза"итў 'Трех оленей волк убил' (букв.: убил-их-многих-он).

Личные суффиксы субъектно-объектного спряжения, как на это уже указывалось, материально совпадают с лично-притяжательными формантами именительного (основного) падежа, что свидетельствует бесспорно о происхождении из одного источника. Общим является и способ присоединения личных и лично-притяжательных формантов: в единственном числе - к основе имени или глагола (у глагола в этом случае за основу принимается форма третьего лица единственного числа субъектного спряжения), в двойственном и множественном числах - к соответствующим числовым показателям. Тем самым тесная генетическая связь этих образований является несомненной. Однако в современном языке значительное функциональное различие отчетливо отделяет лично-притяжательные формы имени от субъектно-объектных форм глагола.

¹² Глагол тандаркуся 'гнаться за кем-(чем-)либо' является в нганасанском переходным.

¹³ Ср. предложение: Мнў биригэдирэму"чэте копта"амту хутури"э в основном в том же значении, в котором логическое ударение приходится на прямое дополнение.

Заключая в себе указание не только на субъект, но и на прямой объект действия, субъектно-объектные формы противопоставляются субъектным. В результате только в формах субъектно-объектного спряжения переходное по своему характеру действие отчетливо отличается от непереходного. В частности, форма третьего лица всех чисел получает уже не только числовые, но и свои особые личные показатели.

Отличительная особенность субъектно-объектного спряжения заключается, таким образом, в том, что сказуемое, выраженное переходным глаголом, соответствует в лице и числе субъекту, в числе — прямому объекту и тем самым соотносится с прямым дополнением тем же способом, что и с подлежащим.

Употребление субъектного и субъектно-объектного спряжения переходных глаголов можно вполне ясно видеть на примере ниже приведенного отрывка:

Немызы мунумунучу коптуатудя: «Нухунэ кунсэ дедитэ нилымы камятум. Эмэнтэ мисизамэ нэтэ». Чи"эгэй матэ. Немызы муну"о нэ-зэдэ: «Мэнэ тэза"ам байка"анэ нилымы. Тэнэ дызатэ тэза"амэ». Тэндэмты митатындэты нунсыгэтэ соху"о сырайко тэмуңку. Нэ" муну"о: «Татирэ мэнэ нуонэсомэ». Немызы муну"о: «Байка"анэ нилымы эмты сырайко тэмуңку¹⁴ конда"ату». 'Мать, слышать, сказала своей дочери: «В рукавице я держу жизнь твоего отца. Ее отдам шаману (букв.: эту-твою отдам-ее-я шаману)". Вошли в чум. Мать сказала шаману: «Я привезла жизнь своего мужа. Тебе привезла (букв.: для тебя привезла-ее-я)". Пока отдавала это (букв.: то-ее), из дымового отверстия упала белая мышь. Шаман сказал: "Эту я послал" (букв.: эту-твою послал-ее-я). Мать сказала: «Жизнь моего мужа эта белая мышь унесла (букв.: унесла-ее-она)".

С нашей точки зрения, анализ материала не оставляет сомнений в том, что при оформлении сказуемого личными суффиксами субъектного или субъектно-объектного спряжения действует вполне определенная закономерность, отчетливо ощущаемая носителями языка. Можно заключить, что назначение субъектно-объектного спряжения состоит в обозначении выделяемого прямого объекта, особая значимость которого в данном контексте находит свое выражение

---

¹⁴ У ряда народностей белый цвет считается символом несчастья и даже смерти. Возможно, это связано с окраской снега, который покрывает «умершую» землю.

не в форме прямого дополнения, а в форме сказуемого, акцентированного логическим ударением.

Вопросом об особенностях изменения переходных глаголов по субъектному или субъектно-объектному спряжениям в ненецком (отчасти в селькупском) языке специально занимались Б.Викман¹⁵ и Э.К.Ристинен.¹⁶ Оба зарубежных исследователя в своих наблюдениях и выводах не расходятся с теми положениями, которые были уже ранее выявлены и опубликованы в нашей лингвистической литературе.¹⁷

Субъектно-безобъектное спряжение. По субъектно-безобъектному спряжению изменяются переходные глаголы, если обозначаемое ими действие мыслится как совершаемое действующим лицом не над каким-либо объектом, а над самим собой. В неопределенной форме эти глаголы не имеют какого-либо показателя, отличающего их от однокорневых переходных глаголов, например: демби"-си обозначает одновременно 'одеть' и 'одеться', коту-дя 'убить' и 'убиться', џизи"-си-си 'защищать' и

---

¹⁵ W i s k m a n B. Über die Verwendung der objektiven Konjugation. Symposium über Syntax der uralischen Sprachen. 15-18 Juli 1969 in Reinhausen bei Göttingen. Im Auftrage der Akademie in Göttingen herausgegeben von Wolfgang Schlachter, Göttingen, 1970, S.216-225.

¹⁶ R i s t i n e n E.K. Some Remarks on the Function of the subjective and objective Conjugations in the samoyedic Languages. - Journal de la société finno-ougrienne. Helsinki, 1973, vol.72, p.337-347.

¹⁷ Т е р е щ е н к о Н.М. 1) Категория переходности и непереходности. - В кн.: Материалы и исследования по языку ненцев. М.-Л., 1956, с.112-131; 2) Ненецкий язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. III. М., 1966; 3) Нганасанский язык. - Там же; 4) Энецкий язык. - Там же; 5) Выражение субъектно-объектных отношений в структуре предложения (на материале самодийских языков). - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с.289-296; 6) Главные члены предложения в самодийских языках. - В кн.: Члены предложения в языках различных типов ("Мещаниновские чтения"). Л., 1971, с. 114-125; 7) Синтаксис самодийских языков. Л., 1973, с.187-199.

'защищаться', нунү-дя 'собрать' и 'собраться', нөптэ-дя 'мыть' и 'мыться' и т.д. I8

Особенность значения того или другого глагола находит свое выражение лишь в личных формах, например:

Тэмэ нерэптэймиси ченымты"эмэ 'Я научил своего оленя быть передовым в упряжке'; ср.: Тэмэ нерэптэймиси ченымты"изэ 'Мой олень научился быть передовым в упряжке'; Немыаңку тодүмту баңкэтэ һизи"ситі 'Важенка защищает своего теленка от собаки'; ср.: Немыаңку баңкэтэ һизи"ситізэ 'Важенка защищается от собаки'; Куодүму һэмсузэму"баби коза"а 'Мужчина убил нам на еду дикого оленя'; ср.: Куодүму хуалэті"коза"изэ 'Мужчина убился о камне'.

Помимо особых личных формантов глаголы, изменяющиеся по субъектно-безобъектному спряжению, имеют и особый показатель, характеризующий тип спряжения, — перегласовку гласного звука. Ср.: Мың һуния"аму" һукэгэй һузај 'Мы собрали много ягод', но: Мың һуния"инү" матэтэ 'Мы собрались в твоём чуме'.

В зависимости от структуры предложения такие переходные глаголы могут изменяться по всем трем типам, например:

Коптуа сәңүли"э хуалэ 'Девушка осмотрела камень (букв.: осмотрела-она)'; Тәндэ хуалэ коптуа нягэй" сәңүли"эзу 'Тот камень девушка хорошо осмотрела (букв.: осмотрела-его-она)'; Бәнді һонсыди коптуа сәңүли"изэ 'Выйдя на улицу, девушка осмотрелась (букв.: осмотрелась-она)'; глагол сәңүлә-са 'осмотреть', 'осмотреться'.

Күзәтүдя һүомэ деңхиди"әң 'Ребенка утром ты одел (букв.: одел-ты)'; Нягэй" лүтині бütätуо һүомтэ деңхиди"эрэ 'В хорошую одежду уезжающего ребенка ты одел (букв.: одел-его-ты)'; Найбыдя бütәса хекутыәмену деңхиди"иң 'Далеко уезжая, ты тепло оделся (букв.: оделся-ты)'; глагол демби"си 'одеть', 'одеться'.

Сәңкутуо хәа сыты дили"э 'Тяжелое дерево он поднял (букв.: поднял-он)'; Сыты-тә" тәндэ хуалэ дили"эты 'Он ведь тот камень поднял (букв.: поднял-его-он)'; Байка"а нясы"ряј һуоту ни дили"изэ 'Старик еле-еле на ноги поднялся (букв.: поднялся-он)'; глагол дилә-ди 'поднять', 'подняться'.

I8 См. аналогичное явление в ненецком языке: ембәць 'одеть' и 'одеться', ма"ла(сь) 'собрать' и 'собраться', илә(сь) 'поднять' и 'подняться', ёльце(сь) 'кончить' и 'кончиться', һәда(сь) 'распрячь' и 'распрячься' и др.

Субъектно-безобъектное спряжение не является возвратным, хотя изменяющиеся по нему глаголы по своему значению близки в ряде случаев глаголам собственно-возвратного залога русского языка.

Так же спрягается ряд глаголов, не имеющих однокорневой переходной пары и не обозначающих действия, переходящего на действующее лицо. В основе этих глаголов не содержится частицы, эквивалентной по своему значению частице -ся, несмотря на то что при переводе с нганасанского используются русские глаголы этого типа. Например:

Ма́жучү кинта́зу"инда" 'Чумы задыхались'; Эме дяли канима́ли" нәнсу"ини" 'Сегодня мы поднялись рано', ср.: Турку берэте́ну нәндитымы" 'Мы стоим на берегу озера'; Куодүму нүо дөңгу кады нәнсу"изэ 'Мальчик остановился у проруби'; Матэту хйнда хурси"изэ 'Домой он вернулся ночью'.

Эти же личные суффиксы принимают и глаголы типа тамтуса 'залезть на что-либо', бүдя 'пойти', 'уйти', кундаса 'уснуть', 'лечь спать', чиэди 'сесть (в нарту, в лодку)', ниптүся 'отдохнуть', нилуди 'наестся', 'насытиться' и др.¹⁹ Например:

Дигэ ни тамтүдү"ине 'Я залез на гору'; Тәнизәту нерәтыды би"жйзе 'Потом она пошла вперед'; Тәнизәтың дикара"а берэ кунда"инда" 'Потом они уснули на горе над обрывом'; Кәтуптугуйчү-ни бәна"а", ниптүңәйтэ" 'Наши пастухи устали, пусть отдохнут'; Туйсүоде" нйгәй" нилу"инда" нәмсутәну 'Приехавшие хорошо наелись мяса'; Нүсяне ни чи"изэ 'Он сел на нарту для шестов'; Кунтузиң 'Усни' (глагол кундаса 'уснуть'), ср.: Кундуа" 'Спи' (глагол кундуа-са 'спать').

Характерно, что ряд глаголов, обозначающих начинательность действия, также изменяется по субъектно-безобъектному спряжению, например:

---

¹⁹ Характерно, что ряд соответствующих по значению переходных глаголов изменяется только по субъектно-безобъектному спряжению и в венецком языке, даже если они не восходят к общей корневой морфеме с нганасанскими глаголами, например: тәна(сь) 'залезть', 'подняться на что-либо', хона(сь) 'уснуть', 'лечь спать', мале(сь) 'наестся', 'насытиться', тись 'сесть (на нарту, в лодку)', ныла(сь) 'отдохнуть'.

Нербя"ку дөрэли"иээ 'Девочка заплакала' (глагол дөрэлэса 'заплакать'), ср.: Нүөрэ дөрэтү 'Твой ребенок плачет' (глагол дөрөдэ 'плакать'); Бэндикэ" нүо" нйгэй" хисили"итэ" 'Все дети громко (букв.: хорошо) засмеялись' (глагол хисилесы 'засмеяться'), ср.: Бэнде" дйясуся хидити" 'Все громко смеется' (глагол хидиси 'смеяться'); Сеймичи лэну"индэ" хотэдэ мантэ 'Глаза у него, как звезды, светятся'; Тобэкэту кабү"мүо" дема"ку" мантэ тэу"индэ" 'Стружки от его топора полетели, как птицы', ср.: Тобэкэту кабү"мүо" дема"ку" мантэ тэйли"итэ" 'Стружки от его топора, как птицы, разлетаются'.

можно предположить, что личные формы субъектно-безобъектного спряжения служат для обозначения предельного момента какого-либо действия - его начала или завершения.

Единое начало, объединяющее эти столь разнообразные по своей семантике и употреблению глаголы, заключается и в том, что при них совершенно невозможно словесное выражение объекта, в силу чего максимально усиливается свойственное им значение непрерывности.

В речи некоторые из приведенных выше глаголов могут изменяться и по субъектному спряжению, ср.: би"эйзэ ~ би"эй'он ушел'. Однако, по словам Иганасанов, субъектно-безобъектные формы «более убедительны».

К а т е г о р и я   в р е м е н и

Категория времени служит, как известно, для выражения заключенной в глагольной форме временной характеристики действия по отношению к моменту речи: «Под моментом речи имеется в виду момент объективно протекающего процесса времени, в данном случае выделяемый как точка отсчета благодаря тому, что процесс речи происходит на протяжении именно этого отрезка времени».²⁰

Если объективно рассматриваемое время предшествует моменту речи, то оно определяется как прошедшее; если следует за моментом речи, то получает название будущего; если совпадает с моментом речи, — характеризуется как настоящее.

Вопрос о выделении времен в самодийских языках (как и ряд других вопросов грамматического строя этих языков) является предметом спора среди лингвистов. Венгерский ученый И.Н.-Ше-

²⁰ П а н ф и л о в В.З. Грамматика нивхского языка. Ч.2. М.-Л., 1965, с.90.

бештген в статье „К юрако-самоедскому спряжению“ подчеркивает, что спряжение в юрако-самоедском (по нашей терминологии, в ненецком, - Н. Т.) языке является не чем иным, как парадигмой глагольных имен, оформленных личными глагольными суффиксами.²¹

В указанной работе не проводится различия между спрягаемыми формами глагола и глагольными именами с лично-притяжательными формантами, между именными и глагольными основами. Не имея возможности вдаваться в существо вопроса, так как это увело бы далеко в сторону от основной темы, укажем только, что спрягаемые формы глагола и лично-притяжательные формы имен (в том числе глагольных имен) противостоят друг другу и морфологически, и функционально. Ср. ядэрџан (ядэр-џа-н) 'ты ходишь' - ядэрмар (ядэр-ма-р) 'твое хождение'; в первом случае глагол ядэрць 'ходить', во втором - глагольное имя ядэрма 'хождение'. См. также: тува" ту"џа 'наш огонь горит' (а не tūvvat tū²²), где ту 'огонь', а туць 'гореть' (первая основа ту"-, вторая тус-). Весьма широко представленные в ненецком (как и в других самодийских языках) материалы такого рода дают полное основание для утверждения о том, что разграничение между именем и глаголом как противостоящими друг другу частями речи является одним из наиболее глубоких различий в грамматической структуре современных самодийских языков.²³

Представляется заслуживающей внимания точка зрения, отчетливо сформулированная Б.А.Серебрянниковым: „Основным критерием правомерности выделения того или другого времени в языке является его грамматическая выделяемость“.²⁴

---

²¹ N.-S e b e s t y é n I. Zur juraksamojedischen Konjugation. - In: Finno-ugrische Forschungen. Helsinki, 1970, S. 224.

²² Там же, с. 140.

²³ См.: Терещенко Н.М. К генезису частей речи (на материале самодийских языков). - В кн.: Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Л., 1968.

²⁴ Серебрянников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с. 7. Характерно в данной связи высказанное автором указанной работы мнение: „Утверждение о существовании такого периода в развитии языка ... когда вместо глаголов были отглагольные имена существительные, граничит с логическим абсурдом“ (там же, с. 8).

В системе грамматических средств современных самодийских языков выделяемость времен проводится достаточно ясно. Особенно характерно это явление для нганасанского языка. Различный удельный вес и частотность употребления разных времен не могут служить основанием для отрицания некоторых из них.

Категория времени в нганасанском языке тесно связана с видовой характеристикой, заключенной в семантике глагола, что особенно видно на примере значений форм неопределенного времени.

Неопределенное время

Как уже указывалось, неопределенное время не имеет однозначной хронологической соотнесенности с моментом речи: у глаголов со значением несовершенности оно обозначает действие, происходящее в данный момент, а у глаголов со значением совершенности — действие, совершившееся незадолго до момента речи.

У глагольных основ, имеющих значение несовершенности, как неизменяемых, так и производных, личные показатели неопределенного времени присоединяются при помощи суффикса -т- (с последующим гласным, реализуясь в ряде фонетических вариантов: -ту, -тү, -нту, -нду, -нды, -ты, -ті, -че, -чү, -чи), а у глагольных основ со значением совершенности посредством гортанного смычного (ʔ) с последующим гласным.

Ср., например, изменение по лицам таких однокорневых глаголов, как:

хозэтэ-са 'писать' — хозэтэ-нду-м 'пишу', хозэтэ-нду-ң 'пишешь', хозэтэ-нду 'пишет' и т.д.; хотэ-дя 'написать' — хозү-э-м 'написал-я', хозү-э-ң 'написал-ты', хозү-э 'написал-он' и т.д.

һомтү-ся 'сидеть' — һомтү-тү-м 'сиду', һомтү-тү-ң 'сидишь', һомтү-тү 'сидит' и т.д.; һомтэ-дя 'сесть' — һомтү-ö-м 'сел-я', һомтү-ö-ң 'сел-ты', һомтү-ö 'сел-он' и т.д.

Неопределенное время используется нередко как изобразительное средство речи для обозначения действия, совершающегося в момент речи, например:

Коундер. Коуртүэ. Һаптэ нисызэ һусы"э. Кунириэны сойбуту" тэйби" саү". Тэти һойбүнү" нимэны депту" тэйри". Депту" һайкузиру". Сүрү мериги"эй" дөнентэту коудя. Сойбуту" бикау" канэ". Турку" бэрэ" хенкиминди" һомтүтүө" тэйбититэ. Балта саү" сойбуту", балта лаңу" нэндити". 'Полдень. Солнечно. Не шевельнется

волос. Повсюду слышны крики птиц. Вот над нашими головами летит стая гусей. Гуси кричат. Снег быстро тает на солнце. Шумят речки. Берега озер чернеют от сидящих птиц. Только шум слышится, только крик стоит'.

При помощи данной временной формы обозначается также возможность, умение совершить какое-либо действие и характеризует-ся действие, совершаемое постоянно или длительно, например:

Мәнә нүмә қаңкә нягәй" туотугуйчү һонә хозәтәту 'Мой сын уже хорошо читает и пишет'; Бәнде дяльмәны алыгаку" нүо" чинта-ру", хойкирү", хидити" 'В течение всего дня маленькие дети пры-гают, бегают, смеются'; Хиндяде һуонтәну хотәдиә" дяробү"мүмба-ту", тәнижә кәптуамумбату" 'На ночном небе звезды зажигаются и гаснут'; Бәнде дяльмәны тораудя миң һусыттымы" мендядей корузәй 'Работая целый день, мы строим новые дома'.

Неопределенное время глаголов несовершенного действия мо-жет употребляться в значении будущего времени, например:

Кунижә һәзәтәһум әмә коптуа? 'Где найду (букв. нахожу) я эту девушку?', һәтәдя 'найти'; Тәнә козутәтүму", мәрайче дүб"-сүтүйте бәндикә някәләндәттымы" 'Тебя убьем, вещи, купленные то-бой, все возьмем' (букв.: козу-тә-ту-му", 'убиваем', някәлә-ндә-ты-мы" 'берем').

Использование формы настоящего времени взамен будущего имеет место не только в самодийских и финно-угорских, но и во многих других языках. Эту особенность употребления настоящего времени объяснил еще А.М.Пешковский, указав: "... этот будущий акт при помощи формы настоящего времени представлен говорящим как н а с т о я щ и й, и сделано это для того, чтобы наслоить на обозначение будущего акта оттенок той д о п о д л и н н о - с т и, н е с о м н е н н о с т и, о с я з а е м о с т и, ко-торая есть всегда у настоящего времени и которой, по существу дела, не может быть у будущего".²⁵

В силу широты своего употребления неопределенное время в речи встречается значительно чаще, чем форма прошедшего време-ни. Оно нередко наблюдается в рассказах о прошлом. Например:

Каңкә ту"о чәсити"ә сүрүо. Сохү"б дүрәгә сүрүо. Шикәй" һо-на турку" каули"итә" сьртәну. Чәсәгими"ә һонә котүму"ә 'Уже на-

---

²⁵ П е ш к о в с к и й А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 208.

ступила холодная зима. Выпал глубокий снег. Реки и озера покрылись льдом. Настали морозы и метели'; Мың һомтүтүмү" маза кунсыны. Дернынты кинтэзүты туй. Ту бэнтуну һүзүату камтэрумэ нитэ, тэны хинтэты һэмсу. Маза сиз сэхудү"о кириба һонэ кизай 'Мы сидели в чуме. Посередине него дымился костер. Над огнем висел закопченный котел, в нем варилось мясо. Хозяйка вынула хлеб и чашки'; Коунэ бэнтуну мынтынды" неныңкэ" 'Над моим ухом гудели комары'; Нинымэ колеликүмену һонэ мериги"эй" дөзүрмүбату тузү"таса. Мэнэ хүйтэ коу"наркэтум нагэтэту 'Мой брат легко и быстро ходит на лыжах. Я всегда отставал от него'.

Сказанное о значении рассматриваемой временной формы не позволяет квалифицировать ее как настоящее время. Не случайно ни один из исследователей нганасанского языка (начиная с М.А. Кастрена) при описании его грамматической структуры не применяет термина *Präsens*. В данной форме выявляется особая специфика, которая пронизывает систему форм изъявительного наклонения, а также ряд других глагольных категорий (см., например, особенности значения и употребления некоторых форм видовой направленности, причастных и деепричастных форм). Учитывая это, мы считаем наиболее правильным сохранить применительно к нганасанскому языку термин „неопределенное время“, а название „настоящее время“ заключить в скобки и в кавычки, поскольку оно не охватывает всех явлений, относимых к данной категории.

В плане исторического объяснения данной особенности заслуживает внимания высказывание Э.Сетяля, по мнению которого, формы „настоящего“ и „прошедшего“ времени в финно-угорских языках выражали первоначально не временные, а видовые значения (первая служила для обозначения незаконченного, а вторая – законченного действия).²⁶

Прошедшее время

Показателем прошедшего времени является суффикс -сүо/-дүо-зүо (с его фонетическими вариантами), который вставляется между основой глагола и личным суффиксом. Посредством форм прошедшего

---

²⁶ S e t ä l ä E. Zur Geschichte der Tempus- und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. Helsinki, 1887, S.174.

времени особо подчеркивается противопоставление действию, происходящему в момент речи, действия, отдаленного от него определенным промежутком времени. В связи с этим личным формам прошедшего времени нередко сопутствуют такие слова, как талуо, талу 'вчера', мануряй 'давно', ману 'прежде' и т.п. Этим способом подчеркивается определенный момент прошлого, например:

Ңамяй хўдя куодўё немямэ 'В прошлом году умерла моя мать'; Талу дептузусўом 'Вчера я охотился на гусей'; Дяльця тэйре җәндуҗ туйсўо 'Днем прилетел самолет'; Тэ чўхўны десымэ байка"имсўо. Мэнэ җы"ганэ нумэ исўом 'В то время отец старый стал. Я еще молодой был'; Мазайчўму" туйсўо талуо хи 'Наш гость приехал прошлой ночью'.

В известных случаях момент прошлого действия может уточняться общим контекстом высказывания, например:

Ми ниньнэ нану колы камўзўсўоми 'мы со старшим братом ударили рыбу'; Ңатэдўомэ 'Я ждал'; Тэндэ маунтэну нильдиэмэ" накўрэ хўё 'В том месте мы жили три года'; Эмны җомтўсўом, бикадя сэ-җўрсуом 'Здесь сидел я и смотрел на реку'; Саде бэрэмэну бэзуатасуо" кўё", коза" 'По краю дороги росли березы и сосны'.

Формы прошедшего времени последовательно употребляются для обозначения того действия, которое предшествовало другому, например:

Эмты басу"си ту"о найбызэ. Хезытыснада нэнди"эй кунтэгай" 'Этот охотник пришел издалека. Шел он, наверное, долго'. Куодў-мурэ канкэ мануряй эмны нильты. Ману кунтэгуо ани"ка турку бэрэтэну нильдиэ. Хуону кору"ти" туйсўо. Табазэ нануну" нильты 'Твой муж живет здесь уже давно. Прежде он жил на берегу далекого большого озера. Потом приехал в поселок. С тех пор живет у нас'.

Будущее время

Показателем будущего времени является формант -суза/-сўзэ (с его фонетическими вариантами), который вставляется между основной глагола и личными суффиксами. Ограниченность или неограниченность предела будущего времени зависит от значения глагольной основы. Если глагольная основа имеет значение совершенности или кратковременности действия, форма будущего времени передает ограниченность действия. Наоборот, при несовершенности, продолжительности действия, выражаемого основой глагола,

форма будущего времени характеризует неограниченность предела предстоящего действия, например:

Эмни ъомтүсүтөмү "Здесь сидеть будем"; Хиндядимсизэ, хой-мэгимсизэ, тэнэ кунду"сүзүң "Наступит ночь, станет темно, ты спать ляжешь"; Таради ихү" тэнэ худисы нүомэ ъуонэсузам, сыты тэнэ тэзу"сутэ "Тогда пошло за тобой сына, он тебя приведет"; Тахарябэ дяла"чү" ъэзүсүтэмэ "Теперь буду видеть его каждый день"; Талу тың бара"сузам мажайчүтэнэ "Завтра буду вас в гости ждать".

Особенность будущего времени заключается в том, что оно в ряде случаев является предполагаемым с большей или меньшей степенью вероятности. «По сравнению с другими временами, будущее время обладает особой спецификой. Всякое будущее фактически обозначает не реальное, а предполагаемое действие. Этим объясняется особая близость будущего к наклонениям, обозначающим нереальное действие, например к конъюнктиву и оптативу. В истории латинского языка известны случаи, когда будущее время развилось в результате переосмысления форм конъюнктива».²⁷

Указанная модальность значения личных форм будущего времени подчеркивается посредством соответствующих модальных слов. Например:

Тың минтэгэны эмни сеңга"сытарь"? - Ын", ъэнді"жи эмни сеңкэлэсизини". Күзэхү" мерэйре бү"сүтүнү" "Вы, может быть, ночевать здесь будете? - Да, по-видимому, здесь переночуем. Завтра пораньше поедем"; Тэнэ тэлиптири"сизүң аку: - Кунизэ туйңуң? Тэнэ мунугэң: - Тэймирэму туркугэтэ ту"ом "Тебя, наверное, спросят: - Откуда ты приехал? Скажешь: - Я приехал с озера Таймыр".

Однако в ином контексте реальность формы будущего времени не вызывает сомнения, например:

Сундайчүнде ту"о. Нүо" контурусүзүңдэ" колэдя, сүрү бэймэ-ну ани"ка кору"тэну нилы"сызэ" "Пришла осень. Детей увезут в школу, всю зиму будут они жить в большом доме"; Њэхуме тэлипти"-эм: «дма дялы самуземэ сочелэгузэң?» - «Њуолимэ сочелэ", сочелэсуземэ, кукүмэ каңка намэ» «Сожьешь мне сегодня шапку?» - спросяк я у сарыкы сарыкы - «Как не соить, сошью, шкура уже выделана!»

---

²⁷ С е р е б р е н н и к о в Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, с. 82.

Из сказанного можно заключить, что глаголу нганасанского языка свойственна система противопоставляющихся времен. Обозначение различных временных категорий в нем получило несколько большее развитие по сравнению с ненецким и энецким языками.

Особенность нганасанского языка заключается и в иной морфологической структуре глагольного слова, чем это наблюдается в ненецком и энецком языках, в которых временной показатель ставится после личного форманта. Ср.:

Нганасанский язык	Ненецкий язык	Энецкий язык
нилы-диэ-м 'жил-я'	иле-дам-зь (иле-дм'-сь)	дире-žó-дь (дире-ž'-ó-дь)
нилы-диэ-мы" 'жили-мы'	иле-ваць (иле-ва"-сь)	дире-баць (дире-ба"-дь)

Аналогичное с нганасанским языком положение наблюдается только в селькупском языке: тү-с-а-к 'пришел-я', илы-с-а-к 'жил-я', тү-с-ы-мыт 'пришли-мы-многие', илы-с-ы-мыт 'жили-мы-многие'.

В этом отношении структура глагольного слова в нганасанском (как и в селькупском) более прозрачна и не нуждается в фонетическом анализе.

Обращает на себя внимание и иной путь образования времен, в особенности будущего времени. В то время как в ненецком языке вполне ясно прослеживается образование будущего времени от категории видовой направленности, в нганасанском эта форма отчетливо формируется в качестве собственно временной.

Материальное несовпадение формантов будущего времени в разных самодийских языках свидетельствует, по-видимому, об относительно позднем возникновении этой формы.

Такого мнения в отношении образования будущего времени применительно к финно-угорским языкам придерживается ряд финно-угроведов.²⁸

Примеры образования личных форм глаголов в неопределенном, прошедшем и будущем временах субъектного, субъектно-объектного и субъектно-безобъектного спряжений:

²⁸ См.: М а й т и н с к а я К.Е. Будущее время в финно-угорских языках. - «Советское финно-угроведение», 1973, № 2.

Субъектное спряжение. Неопределенное („настоящее“) время

(басу-дя 'охотиться' - непереходный глагол длящегося действия)

	Ед.ч. лица	Дв.число лица	Мн.число лица
1 л.	басу-ту-м	басу-ту-ми	басу-ту-му"
2 л.	басу-ту-ң	басу-ту-ри	басу-ту-ру"
3 л.	басу-ту	басу-ту-гэй	басу-ту-"

(кундуа-са 'спать' - непереходный глагол длящегося действия)

	Ед.ч. лица	Дв.число лица	Мн.число лица
1 л.	кундуа-ту-м	кундуа-ту-ми	кундуа-ту-му"
2 л.	кундуа-ту-ң	кундуа-ту-ри	кундуа-ту-ру"
3 л.	кундуа-ту	кундуа-ту-гэй	кундуа-ту-"

(коны-ди 'пойти' - непереходный глагол кратковременного действия)

	Ед.ч. лица	Дв.число лица	Мн.число лица
1 л.	кона-"а-м	кона-"а-ми	кона-"а-му"
2 л.	кона-"а-ң	кона-"а-ри	кона-"а-ру"
3 л.	кона-"а	кона-"а-гэй	кона-"а-"

Прошедшее время

	Ед.ч. лица	Дв.число лица	Мн.число лица
1 л.	басу-дјо-м	басу-дјо-ми	басу-дјо-му"
2 л.	басу-дјо-ң	басу-дјо-ри	басу-дјо-ру"
3 л.	басу-дјо	басу-дјо-гэй	басу-дјо-"

1 л.	кундуа-суо-м	кундуа-суо-ми	кундуа-суо-му"
2 л.	кундуа-суо-ң	кундуа-суо-ри	кундуа-суо-ру"
3 л.	кундуа-суо	кундуа-суо-гэй	кундуа-суо-"

1 л.	коны-диэ-м	коны-диэ-ми	коны-диэ-мы"
2 л.	коны-диэ-ң	коны-диэ-ри	коны-диэ-ры"
3 л.	коны-диэ	коны-диэ-гэй	коны-диэ-"

Будущее время

	Ед. число лица	Дв. число лица	Мн. число лица
1 л.	басу-"сузә-м	басу-"сутә-ми	басу-"сутә-му"
2 л.	басу-"сузә-ң	басу-"сутә-ри	басу-"сутә-ру"
3 л.	басу-"сутә	басу-"сутә-гәй	басу-"сузә-"
1 л.	кундуа-сузә-м	кундуа-сутә-ми	кундуа-сутә-му"
2 л.	кундуа-сузә-ң	кундуа-сутә-ри	кундуа-сутә-ру"
3 л.	кундуа-сутә	кундуа-сутә-гәй	кундуа-сузә-"
1 л.	коны-"сызә-м	коны-"сытә-ми	коны-"сытә-мы"
2 л.	коны-"сызә-ң	коны-"сытә-ри	коны-"сытә-ры"
3 л.	коны-"сытә	коны-"сытә-гәй	коны-"сызә-"

Субъектно-объектное спряжение. Неопределенное («настоящее») время
(глагол конту-дя 'увезти')

Единственное число объекта

	Ед. число лица	Дв. число лица	Мн. число лица
1 л.	конда"а-мә	конда"а-ми	конда"а-му"
2 л.	конда"а-рә	конда"а-ри	конда"а-ру"
3 л.	конда"а-ту	конда"а-зи	конда"а-жуң

Двойственное число объекта

1 л.	конда"а-кәй-не	конда"а-кәй-ни	конда"а-кәй-нү"
2 л.	конда"а-кәй-че	конда"а-кәй-чи	конда"а-кәй-чү"
3 л.	конда"а-кәй-чү	конда"а-кәй-чи	конда"а-кәй-чүң

Множественное число объекта

1 л.	конда"и-не	конда"и-ни	конда"и-нү"
2 л.	конда"и-че	конда"и-чи	конда"и-чү"
3 л.	конда"и-чү	конда"и-чи	конда"и-чүң

(глагол коту-дя 'убить', 'добыть')

Единственное число объекта

	Ед.число лица	Дв.число лица	Мн.число лица
1 л.	коза"а-мэ	коза"а-ми	коза"а-му"
2 л.	коза"а-рэ	коза"а-ри	коза"а-ру"
3 л.	коза"а-ту	коза"а-зи	коза"а-туң

Двойственное число объекта

1 л.	коза"а-кэй-не	коза"а-кэй-ни	коза"а-кэй-нү"
2 л.	коза"а-кэй-че	коза"а-кэй-чи	коза"а-кэй-чү"
3 л.	коза"а-кэй-чү	коза"а-кэй-чи	коза"а-кэй-чүң

множественное число объекта

1 л.	коза"и-не	коза"и-ни	коза"и-нү"
2 л.	коза"и-че	коза"и-чи	коза"и-чү"
3 л.	коза"и-чү	коза"и-чи	коза"и-чүң

Прошедшее время

Единственное число объекта

1 л.	конту-дўо-мэ	конту-дўо-ми	конту-дўо-му"
2 л.	конту-дўо-рэ	конту-дўо-ри	конту-дўо-ру"
3 л.	конту-дўо-зу	конту-дўо-зи	конту-дўо-зуң

Двойственное число объекта

1 л.	конту-дўо-гэй-не	конту-дўо-гэй-ни	конту-дўо-гэй-нү"
2 л.	конту-дўо-гэй-че	конту-дўо-гэй-чи	конту-дўо-гэй-чү"
3 л.	конту-дўо-гэй-чү	конту-дўо-гэй-чи	конту-дўо-гэй-чүң

Множественное число объекта

1 л.	конту-дўо-не	конту-дўо-ни	конту-дўо-нү"
2 л.	конту-дўо-че	конту-дўо-чи	конту-дўо-чү"
3 л.	конту-дўо-чү	конту-дўо-чи	конту-дўо-чүң

Единственное число объекта

1 л. коту-дјо-мә	коту-дјо-ми	коту-дјо-му"
2 л. коту-дјо-рә	коту-дјо-ри	коту-дјо-ру"
3 л. коту-дјо-ту	коту-дјо-зи	коту-дјо-зун

Двойственное число объекта

1 л. коту-дјо-гәй-не	коту-дјо-гәй-ни	коту-дјо-гәй-нү"
2 л. коту-дјо-гәй-че	коту-дјо-гәй-чи	коту-дјо-гәй-чү"
3 л. коту-дјо-гәй-чү	коту-дјо-гәй-чи	коту-дјо-гәй-чүн

Множественное число объекта

1 л. коту-дјо-не	коту-дјо-ни	коту-дјо-нү"
2 л. коту-дјо-че	коту-дјо-чи	коту-дјо-чү"
3 л. коту-дјо-чү	коту-дјо-чи	коту-дјо-чүн

Будущее время

Единственное число объекта

Ед. число лица	Дв. число лица	Мн. число лица
1 л. конду"-сутә-мә	конду"-сутә-ми	конду"-сутә-му"
2 л. конду"-сутә-рә	конду"-сутә-ри	конду"-сутә-ру"
3 л. конду"-сутә-зү	конду"-сутә-зи	конду"-сутә-зун

Двойственное число объекта

1 л. конду"-сутә-гәй-не	конду"-сутә-гәй-ни	конду"-сутә-гәй-нү"
2 л. конду"-сутә-гәй-че	конду"-сутә-гәй-чи	конду"-сутә-гәй-чү"
3 л. конду"-сутә-гәй-чү	конду"-сутә-гәй-чи	конду"-сутә-гәй-чүн

Множественное число объекта

1 л. конду"-сүзү-не	конду"-сүзү-ни	конду"-сүзү-нү"
2 л. конду"-сүзү-че	конду"-сүзү-чи	конду"-сүзү-чү"
3 л. конду"-сүзү-чү	конду"-сүзү-чи	конду"-сүзү-чүн

Единственное число объекта

1 л. козу"-сутә-мә	козу"-сутә-ми	козу"-сутә-му"
2 л. козу"-сутә-рә	козу"-сутә-ри	козу"-сутә-ру"
3 л. козу"-сутә-жу	козу"-сутә-жи	козу"-сутә-жуң

Двойственное число объекта

1 л. козу"-сутә-гәй-не	козу"-сутә-гәй-ни	козу"-сутә-гәй-нү"
2 л. козу"-сутә-гәй-че	козу"-сутә-гәй-чи	козу"-сутә-гәй-чү"
3 л. козу"-сутә-гәй-чү	козу"-сутә-гәй-чи	козу"-сутә-гәй-чүң

Множественное число объекта

1 л. козу"-сүзү-не	козу"-сүзү-ни	козу"-сүзү-нү"
2 л. козу"-сүзү-че	козу"-сүзү-чи	козу"-сүзү-чү"
3 л. козу"-сүзү-чү	козу"-сүзү-чи	козу"-сүзү-чүң

Субъектно-безобъектное спряжение (глагол тамтү-ся 'залезать на что-нибудь')

Неопределенное («настоящее») время

Ед. число лица	Дв. число лица	Мн. число лица
1 л. тамтүдү"ү-нә	тамтүдү"и-ни	тамтүдү"ү-нү"
2 л. тамтүдү"ү-ң	тамтүдү"и-ти	тамтүдү"ү-тү"
3 л. тамтүдү"ү-	тамтүдү"и-ти	тамтүдү"ү-тә"

Прошедшее время

1 л. тамтү-сү-нә	тамтү-сү-ни	тамтү-сү-нү"
2 л. тамтү-сү-ң	тамтү-сү-ти	тамтү-сү-тү"
3 л. тамтү-сү-	тамтү-сү-ти	тамтү-сү-тә"

Будущее время

1 л. тамтү-сүтү-нә	тамтү-сүтү-ни	тамтү-сүтү-нү"
2 л. тамтү-сүзү-ң	тамтү-сүзү-ти	тамтү-сүзү-тү"
3 л. тамтү-сүзү-	тамтү-сүзү-ти	тамтү-сүзү-тә"

(глагол җизи"си-си 'защищаться')

Неопределенное („настоящее“) время

	Ед. число лица	Дв. число лица	Мн. число лица
1 л.	җизи"си-ти-нә	җизи"си-ти-ни	җизи"си-ти-ни"
2 л.	җизи"си-ти-ң	җизи"си-ти-ти	җизи"си-ти-ти"
3 л.	җизи"си-ти-зә	җизи"си-ти-ти	җизи"си-ти-тә"

Прошедшее время

1 л.	җизи"си-си-нә	җизи"си-си-ни	җизиуси-си-ни"
2 л.	җизи"си-си-ң	җизи"си-си-ти	җизи"си-си-ти"
3 л.	җизи"си-си-зә	җизи"си-си-ти	җизи"си-си-тә"

Будущее время

1 л.	җизи"си-сизи-нә	җизи"си-сизи-ни	җизи"си-сизи-ни"
2 л.	җизи"си-сизи-ң	җизи"си-сизи-ти	җизи"си-сизи-ти"
3 л.	җизи"си-сизи-зә	җизи"си-сизи-ти	җизи"си-сизи-тә"

(глагол демби"си 'одеться')

Неопределенное („настоящее“) время

1 л.	деңхиди"и-нә	деңхиди"и-ни	деңхиди"и-ни"
2 л.	деңхиди"и-ң	деңхиди"и-ти	деңхиди"и-ти"
3 л.	деңхиди"и-зә	деңхиди"и-ти	деңхиди"и-тә"

Прошедшее время

1 л.	демби"-си-нә	демби"-си-ни	демби"-си-ни"
2 л.	демби"-си-ң	демби"-си-ти	демби"-си-ти"
3 л.	демби"-си-зә	демби"-си-ти	демби"-си-тә"

Будущее время

1 л.	демби"-сити-нә	демби"-сити-ни	демби"-сити-ни"
2 л.	демби"-сизи-ң	демби"-сизи-ти	демби"-сизи-ти"
3 л.	демби"-сити-зә	демби"-сизи-ти	демби"-сизи-тә"

В нганасанском языке имеется особое средство формирования вопросительных предложений. В отличие от повествовательного предложения в глагольную форму вопросительного предложения включается специальный вопросительный суффикс, видоизменяющийся в зависимости от времени действия: в неопределенном времени -*нъ*, в прошедшем времени - *-бы/-хы* (первый присоединяется преимущественно к глаголам с основой на гласный, второй - к глаголам с основой на согласный). Оба указанных форманта имеют ряд фонетических вариантов. В будущем времени специальный формант отсутствует, и вопрос выражается обычно интонационно, сопровождаясь удлинением гласного: *туйсүзәм?* 'приду ли я?'; *туйсүзән?* 'придешь ли ты?'

Глагольные формы, в состав которых входят указанные выше вопросительные суффиксы, характеризуют действие, совершение которого не является для говорящего вполне достоверным, что дает, с нашей точки зрения, основание для выделения в нганасанском языке особого вопросительного наклонения.

Вопросительные суффиксы помещаются между основой глагола и показателями числа и лица, т.е. в том же месте, что и форманты других наклонений.

Полная парадигма словоизменения глагола в вопросительном наклонении имеет следующий вид:

Неопределенное время - *туй-нъ-м?* 'пришел ли я?'; *туй-нъ-н?* 'пришел ли ты?'; *туй-нъ?* 'пришел ли он?'; *туй-нъ-ми?* 'пришли ли мы-двое?'; *туй-нъ-ри?* 'пришли ли вы-двое?'; *туй-нъ-гәй?* 'пришли ли они-двое?'; *туй-нъ-му?"* 'пришли ли мы-многие?'; *туй-нъ-ру?"* 'пришли ли вы-многие?'; *туй-нъ-?"* 'пришли ли они-многие?'

Действие, обозначаемое глаголом *туй-ся*, совершилось в недалеком прошлом.

Ср. личные формы неопределенного времени в изъявительном наклонении: *ту"ом* 'пришел-я'; *ту"он* 'пришел-ты'; *ту"о* 'пришел-он'; *ту"оми* 'пришли-мы-двое'; *ту"ори* 'пришли-вы-двое'; *ту"-огәй* 'пришли-они-двое'; *ту"ому* 'пришли-мы-многие'; *ту"ору* 'пришли-вы-многие'; *ту"о* 'пришли-они-многие'.

Прошедшее время - *туй-ху-м?* 'пришел ли я?'; *туй-ху-н?* 'пришел ли ты?'; *туй-ху?* 'пришел ли он?'; *туй-ху-ми?* 'пришли ли мы-двое?'; *туй-ху-ри?* 'пришли ли вы-двое?'; *туй-ху-гәй?* 'пришли ли они-двое?'; *туй-ху-му?"* 'пришли ли мы-многие?'; *туй-ху-ру?"* 'пришли ли вы-многие?'; *туй-ху-?"* 'пришли ли они-многие?'

Действие, передаваемое глаголом туй-ся в указанной парадигме, совершилось в относительно далеком прошлом.

В прошедшем времени изъявительного наклонения глагол имеет иную структуру: туй-сүо-м 'пришел-я'; туй-сүо-ң 'пришел-ты'; туй-сүо 'пришел-он'; туй-сүо-ми 'пришли-мы-двое'; туй-сүо-ри 'пришли-вы-двое'; туй-сүо-гэй 'пришли-они-двое'; туй-сүо-му 'пришли-мы-многие'; туй-сүо-ру 'пришли-вы-многие'; туй-сүо- 'пришли-они-многие'.

Будущее время - туй-сүзә-м? 'приду ли я?'; туй-сүзә-ң? 'придешь ли ты?'; туй-сүзә? 'придет ли он?'; туй-сүзә-ми? 'придем ли мы-двое?'; туй-сүзә-ри? 'придете ли вы-двое?'; туй-сүзә-гэй? 'придут ли они-двое?'; туй-сүзә-му? 'придем ли мы-многие?'; туй-сүзә-ру? 'придете ли вы-многие?'; туй-сүзә-? 'придут ли они-многие?'

Ср. будущее время в изъявительном наклонении: туй-сүзә-м 'приду-я'; туй-сүзә-ң 'придешь-ты'; туй-сүзә 'придет-он' и т.д.

Наиболее отчетливое выражение получают аналитические образования, слагающиеся из формы будущего времени спрягаемого глагола и соответствующей личной формы условного деепричастия от вспомогательного глагола ися 'быть', например: туйсүзәм ихү"нә? 'пришел ли я?'; туйсүзәң ихү"тә? 'пришел ли ты?'; туй-сүзә ихү"тү? 'пришел ли он?'. Такие образования заключают в себе оттенок большего сомнения.

Изменяясь по тем же временам, что и в изъявительном наклонении, глаголы в вопросительном наклонении имеют явно выраженные отличия в своем построении. Если глагол заключает в своей основе суффикс видовой направленности или суффикс, характеризующий желательность действия, то вопросительный формант следует за ними. Например: Хузуртәңу десырә тай? 'Запрягает ли твой отец оленей?'; Туоптугуйңуңу письмомту? 'Читаешь ли ты его письмо?' Каңкә демби"тәңңу? 'Уже одеваешься?'; Туоптугуймумбаңум? 'Читаю ли обычно?'; Җәмурнантуңуңу? Чайриҗитыңңу? 'Есть хочешь ли? Пить чай хочешь ли?'

Примеры употребления глаголов вопросительного наклонения. В неопределенном („настоящем") времени:

Мәм мельсийңңу? Мәм мельсийңңым? Мәнә мельсытым кәндәм 'Что ты мастерил? Что я мастерю? Я мастерю нарту'; Мәдя басуңуңу? Сатәри"дя басутум 'На кого (букв.: на что) ты охотился? На песцов охотись'; Хулә" дүгугуому", кунини коныңу? 'Поищи потерявшегося (букв.: потерявшегося-нашего), куда он делся?'; Кунизә туйңуру"? 'Откуда вы пришли?'; Мәдя баң лога"ңу? 'Почему собака лает?'; Мә хурңуңу әмни, тундя"ку? 'Что здесь ищешь, личичка?'

Как и в изъявительном наклонении, формы неопределенного времени в вопросительном наклонении нередко употребляются в значении будущего времени. В этих случаях между основой глагола и вопросительным суффиксом вставляется обычно формант -та/-че. Например:

Куни^жэ д^битэ^жугай^ти? 'Где они их догонят (букв.: откуда догонят-их двоих-они-двое)?'; М^ба код^жутэм^тэ тэ^жутэ^жу^жм? 'Что дам тебе в оплату?'; М^ба куни^иа иче^жу? 'Что случится?'; Куни^иа эм^жэ м^жэ^жэ т^жай с^жул^жпт^жу^жтэ^жу^жм? 'Как оживлю оленей этого аргиша?'; Хой-мэгэ^жтэ^жны куни^{мэ}ну хезы^жты^жтэ^жны^жмы? 'В темноте по какой стороне ехать будем?'.
В прошедшем времени: М^бам мельсый^жхы^ж? 'Что ты мастерил?'; М^бам нусы^жхы^ж? 'Что ты строил?'; М^бадя басубу^ж? 'На кого (букв.: на что) ты охотился?'; С^жур^жудя куни^{ну} ниль^бы^ж? 'Где ты жил зимой?'; Сылы д^жязэ^жту" туйху? 'Кто к вам пришел?'; Эм^жэ кубу м^жэту^жбу^ж? 'Эту шкуру ты разрезал ли?'; Эм^жэ м^жеунтэ^жну ниль^бы^жны^ж? 'Жили ли вы в этом месте?'.
В будущем времени: Санир^жс^жү^жзэ^жнунэ? 'Будешь ли играть со мной?'; Кунтэ^жгай" эм^{ны} ниль"сытэм^н? 'Долго будем мы здесь жить?'; К^жү^жзах^жү" сыты эм^{ад}а туйс^жү^жзэ? 'Придет ли он сюда завтра?'; Эм^{ны} ниль"сы^жзэ^жнунэ? 'Будешь ли здесь жить?'; Эм^жэ дялы тэ^{ни}"ша конь"сы^жзэ? 'Пойдут ли они туда сегодня?'.

П о в е л и т е л ь н о е   н а к л о н е н и е

Повелительное наклонение обозначает побуждение к совершению какого-либо действия, направленное к другому лицу. Передаваемое повелительным наклонением побуждение имеет различные оттенки: приказание, пожелание, в определенном контексте - просьбу (в третьем лице - также допущение). Глаголы в повелительном наклонении получают более ограниченную грамматическую характеристику по сравнению с глаголами в других наклонениях: они изменяются только по двум лицам - второму и третьему. При этом личные показатели повелительного наклонения, как на это уже указывалось, в ряде форм отличаются от личных показателей остальных наклонений, которые обслуживаются парадигмой индикатива. Повелительное наклонение характеризуется суффиксом -нэ (с его фонетическими вариантами -ны/-ну/-на). Исключение составляет форма 2-го лица единственного числа, у которой личные форманты присоединяются непосредственно к основе.

Личные форманты глагола в повелительном наклонении

Число	Лицо	Субъектное спряжение	Субъектно-объектное спряжение		Субъектно-безобъектное спряжение
			Ед.ч. объекта	Дв.и мн.ч. объекта	
Ед.ч.	2 л.	-"	-џџ	-не/-ня	-џиџ
	3 л.	-	-џи	-тү/-чү	-џџ
Дв.ч.	2 л.	-ри	-ри	-ті/-чи	-нди
	3 л.	-гэй	-џи	-ті/-чи	-нті
Мн.ч.	2 л.	-ру"	-ры"	-тү"/-чү"	-нду"
	3 л.	-"	-џиџ	-түџ/-чүџ	-нте"

Примеры образования личных форм глаголов в повелительном наклонении.

Субъектное спряжение (глагол туй-ся 'прийти', 'приехать', 'прибыть'):

ту-" 'приди'

туй-џџ 'пусть придет-он'

туй-џури 'приходите-двое'

туй-џэгэй 'пусть придут-они-двое'

туй-џуру" 'придите-многие'

туй-џџ" 'пусть придут-они-многие'.

Субъектно-объектное спряжение (глагол конту-дя 'увезти'), единственное число объекта:

конту-џџ 'увези-одного'

конту-џџу 'пусть увезет-он-одного'

конту-џури 'увезите-двое-одного'

конту-џџи 'пусть увезут-они-двое-одного'

конту-џуру" 'увезите-многие-одного'

конту-џџуџ 'пусть увезут-они-многие-одного';

двойственное число объекта:

- конту-гэй-не 'увези-двоих'
- конту-нэгэй-чү 'пусть увезет-он-двоих'
- конту-нукэй-чи 'увезите-двое-двоих'
- конту-нэгэй-чи 'пусть увезут-они-двое-двоих'
- конту-нукэй-чү" 'увезите-многие-двоих'
- конту-нэгэй-чүң 'пусть увезут-они-многие-двоих';

множественное число объекта:

- конда-не 'увези-многих'
- конту-нэй-чү 'пусть увезет-он-многих'
- конту-на-чи 'увезите-двое-многих'
- конту-нэй-чи 'пусть увезут-они-двое-многих'
- конту-на-чү" 'увезите-многих'
- конту-нэй-чүң 'пусть увезут-они-многие-многих'.

Субъектно-безобъектное спряжение тамтү-ся 'залезть на что-нибудь':

- тамтү"-дезин 'залезть'
- тамтү"-нэйза 'пусть залезет-он'
- тамтү"-нанди 'залезьте-двое'
- тамтү"-нэйти 'пусть залезут-они-двое'
- тамтү"-нанду 'залезьте-многие'
- тамтү"-нэйнтэ" 'пусть залезут-они-многие'

Как можно видеть из приведенных парадигм, в иганасанском языке третье лицо включается в систему форм повелительного наклонения. Служебное слово 'пусть' употребляется лишь при переводе на русский язык.

В отличие от ненецкого и энецкого языков в иганасанском имеется две формы повелительного наклонения: одна для ближайшего, другая для последующего действия. При употреблении второй формы повелительного наклонения может подразумеваться также, что выражаемому им действию предшествует какое-либо другое. Данная форма образуется суффиксами **-кэ/-куо**, **-гэ/-гуо**, вставляемыми между основой глагола и личными суффиксами повелительного наклонения.

Субъектное спряжение

- туй-кэ-ң 'приди-когда-нибудь'
- туй-куо 'пусть придет-он-когда-нибудь'
- туй-куо-ри 'придите-двое-когда-нибудь'
- туй-куо-гэй 'пусть придут-они-двое-когда-нибудь'

туй-куо-ру" 'придите-многие-когда-нибудь'
туй-куо-" 'пусть придут-они-многие-когда-нибудь'
Субъектно-объектное спряжение (глагол хотэдя 'написать'),
единственное число объекта:

хотэ-гэ-гэ 'напиши-когда-нибудь'
хотэ-гуо-зу 'пусть напишет-когда-нибудь'
хотэ-гуо-ри 'напишите-двое-когда-нибудь'
хотэ-гуо-зи 'пусть напишут-они-двое-когда-нибудь'
хотэ-гуо-ру" 'напишите-многие-когда-нибудь'
хотэ-гуо-зуң 'пусть напишут-они-многие-когда-нибудь'.

Аналогичным путем образуется вторая форма повелительного наклонения для двойственного и множественного чисел объекта, а также у глаголов субъектно-безобъектного спряжения.

Примеры употребления глаголов в повелительном наклонении: Коны" лапкудя, някэлэ" таңа"кэтэмэ 'Пойди в лавку, купи мне сукна'; Коныңэ лапкудя, някэлэңэ таңа"кэтэмэ 'Пусть он пойдет в лавку, купит мне сукна'; Коныңыри лапкудя, някэлэңыри таңа"кэтэмэ 'Пойдите-двое в лавку, купите мне сукна'; Коныңэгэй лапкудя, някэлэңэгэй таңа"кэтэмэ 'Пусть они-двое пойдут в лавку, купят мне сукна'; Десымэ кундуату, дондалаку боуңуру" 'Мой отец спит, тихо разговаривайте'; Әмки сатэрэги һадятэтэ микэйне 'Этих двух песцов отдай твоей младшей сестре'; Әмты мнэзэ нөчиптырыңейзэ 'Пусть будет распряжен этот аргиш ; Ситі Дяна"күмэ, һяңгэй" дильситіңыри. Мәнэ куобү"нэ суо"мумба"һуру" Таңа"ки" маунтэ. Тыбыкяку һүнтэнэ четэ чими динтэмэ коймыбяңыри" 'Двое Дянаку, хорошо слушайте. Когда я умру, перекочевывайте к землям Танака. Моему сыну оставляйте мой лук в четыре сажени'.

Отрицательные формы повелительного наклонения
кундуа-са 'спать'

Ни" кундуа" 'не спи'
ниңэ кундуа" 'пусть не спит-он'
ниңыри кундуа" 'не спите-двое'
ниңэгэй кундуа" 'пусть не спят-они-двое'
ниңыры" кундуа" 'не спите-многие'
ниңэ" кундуа" 'пусть не спят-они-многие'

Отрицательные формы повелительного наклонения отличаются от положительных, помимо своего значения, двучленностью формы выражения: они состоят из спрягаемых форм отрицательного вспомогательного глагола и основного глагола в неизменяемой форме, совпадающей с формой второго лица единственного числа повелительного наклонения субъектного спряжения.

Наряду с заметными отличиями повелительного наклонения от остальных наклонений глагола (неполнота личной парадигмы, особая система личных форм) оно имеет существенные структурно-грамматические сходства с ними, обладая различающимися личными показателями для субъектного, субъектно-объектного и субъектно-безобъектного типов спряжения, а внутри субъектно-объектного спряжения — отдельными личными показателями для единственного числа объекта, с одной стороны, двойственного и множественного чисел объекта — с другой. В связи с этим, по нашему мнению, имеют все основания рассматривать формы повелительного наклонения в этом языке в системе форм наклонения глагола.

П о б у д и т е л ь н о е   н а к л о н е н и е

Побудительное наклонение (суффикс -гу/-ку) выражает призыв к совершению действия, обращенный говорящим (или говорящими) к самому себе. Глагол в побудительном наклонении имеет форму только первого лица во всех трех числах. Эти формы как бы восполняют тот пробел, который имеет глагол в повелительном наклонении. Формант побудительного наклонения вставляется между основой глагола и личными суффиксами, общими для всех наклонений, кроме повелительного. Именно в связи с указанными особенностями рассматриваемые формы нет основания включать в парадигму повелительного наклонения. Вместе с тем по своей семантике побудительное наклонение выступает как своеобразная разновидность повелительного наклонения.²⁹

Примеры образования личных форм побудительного наклонения

Субъектное спряжение (глагол чй̄-ди 'войти'):

чй̄-гу-м 'давай-ка-войду-я'

чй̄-гу-ми 'давайте-ка-войдем-мы-двое'

---

²⁹ Некоторыми языковедами формы, близкие к рассмотренным выше, определяются как формы первого лица повелительного наклонения (см., например: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 198-199). Для самодийских языков такое отнесение было бы неоправданным, так как способ образования обоих этих наклонений различен.

чй-гу-мы" 'давайте-ка-войдем-мы-многие'.

Субъектно-объектное спряжение (глагол *чэм-са* 'съесть'):

чэм-кэ-м 'съем-ка-я'

чэм-кэ-ми 'съедем-ка-мы-двое'

чэм-кэ-му" 'съедем-ка-мы-многие'.

Субъектно-безобъектное спряжение (глагол *бў-дя* 'уйти',

'ухать'):

бў-гў-не 'давай-ка-уйду-я'

бў-гў-ни 'давайте-ка-уйдем-мы-двое'

бў-гў-нў" 'давайте-ка-уйдем-мы-многие'.

Примеры употребления глаголов в побудительном наклонении:

Чйгуми ири 'Войдем-ка вместе'; Нингзы мунунту: «Эины малегуни» 'Брат сказал: «Здесь давай остановимся стойбищем»'; Ненсуунды", чэмэкэкуму" 'Вставайте, давайте-ка поедем!'; Эмэ динде качемэкумэ 'Этот лук увижу-ка-я!'; Эмэ хотүре хотэгумэ 'Напишу-ка я это письмо!'; Эмкэте мериги"эй" коннүкэми 'Пойдем-ка отсюда быстрее!'; Хиндя макэте бўгўне 'Уйду-ка я ночью из чума!.

Приблизительно в том же значении употребляется удвоенный суффикс -гузэ, например:

Ими, басагузэм 'Бабушка, схожу-ка я на охоту!'; Канкэ катэгимтету, бэнді жонсыгузэм 'Уже рассветает, выйду-ка я наружу!.

Отметим, что для побудительного наклонения свойственна отчетливо выраженная «пригласительная» интонация.

С о с л а г а т е л ь н о е   н а к л о н е н и е

Сослагательное наклонение характеризует такое нереальное действие, осуществление которого могло бы произойти при других обстоятельствах, но в действительности не произошло. Тем самым основное значение этого наклонения - неосуществившаяся возможность.

Сослагательное наклонение образуется при помощи суффикса -буазэ/-хуазэ, который занимает место между основой глагола и личными окончаниями изъявительного и других косвенных наклонений, за исключением повелительного.

Глагол в сослагательном наклонении может выступать не только в качестве сказуемого простого предложения, но и сказуемым первой части сложного предложения, например:

Хиндядими"э, кундуахуазэму", те" биезү тэүгэти 'Ночь настала, спали бы мы, да ветер сильный!'; Нягэй" нилыбязэң, те" нинднү кербу" 'Жил бы ты хорошо, да не хочешь!'; Дянуру"дя конн-

бызэм, дэсынэ туйсянэ барэтум 'Поехал бы я в тундру, жду приезда отца'; Нйгэ таңа"кэ някэлэхназэм, бадяне танэ"ликү 'Взял бы я хорошего сукна, денег мало'; Тени"ма коньбызэм, жуоне дярити" 'Пошел бы я туда, ноги болят'; Бэлы кэйңэлэхуазэң, мың дильситіхэзэмы" 'Спел бы ты песню, мы послушали бы'; Басахуазэму", нэмсу тэтубуазэму" 'Пошли бы мы на охоту, принесли бы мяса'.

Формой сослагательного наклонения могут выражаться и другие значения, чаще всего желание, например:

Тэснэзэ мунубуазэң 'Теперь сказал бы ты'; Таңа"кэ дүкэ мэтубуазэң 'Отрезал бы ты кусок сукна'; Әмны нилыбызэм 'Здесь жил бы я'; Әмэ бұмага хотэбуазэм 'Написал бы я эту бумагу'.

В близком значении с приведенными выше формами сослагательного наклонения, но с оттенком меньшей возможности в осуществлении употребляются аналитические образования, состоящие из формы прошедшего времени основного глагола с личной формой условного деепричастия вспомогательного глагола ися 'быть', например:

Колы нойбуо мэтудүо ихү"тэ нйгэ ихуазэ 'Отрезал бы ты голову рыбы, хорошо бы было'; Идите мазэдя коньде ихү"тү 'Пошел бы он в дом твоего дяди'; Хунсэ тазэмтэ кэмэдүо ихү"тэ нйгэ ихуазэ 'Поймал бы ты себе другого оленя, хорошо бы было'; Имитітэ матэ сеңкэлэсынэ ихү"тү нихызэ дөрэ" 'Остался бы он ночевать в чуме бабушки, не плакал бы'.

Этого рода конструкции чаще употребляются при условном значении предложения.

Ж е л а т е л ь н о е   н а к л о н е н и е

Наличие суффиксально выраженного желательного наклонения составляет одну из морфологических особенностей иганасанского языка, отличающую его от других самодийских языков. Желательное наклонение образуется при помощи форманта -нанту/-нзнты, занимающего место между основой глагола и личными окончаниями, и характеризует желательность какого-либо еще не осуществляющегося (или не осуществленного) действия, например: хоээтэ-са 'писать' - хоээтэ-нанту-са 'хотеть писать'; кундуа-са 'спать' - кундуа-нанту-дя 'хотеть спать'; хезнты-сы 'ехать' - хезнты-нзнты-са 'хотеть ехать'.

Употребление глаголов желательного наклонения может быть показано на следующих примерах:

Кундуанандутум 'Хочу спать'; Коптуамэ нумурнандуту 'Моя дочь есть хочет'; Дямэжэ" тэптэ нилынандыты" 'Звери тоже жить хотят'; Катэгэ дялы нэжунандутуму" 'Хотим видеть светлый день (т.е. жить-хотим)'; Байка"а тэгэтэты нинты нумурнантугэличе" 'Старик потом есть даже не хочет'; Нумурнандутум, чайринандытым 'Есть хочу, чай пить хочу'; Бэрбэму" кужжхү" суо"нандуту 'Наш начальник хочет завтра перекочевать'.

Примечание. В ненецком языке в близком значении используется аналитическое образование: сочетание имени процесса действия от основного глагола в дательном-направительном падеже и соответствующей финитной формы глагола харва(сь) 'хотеть', например: иле-ва-н' харва-ды' 'жить хочу', иле-ва-н' харва-ва" 'жить хотим', иле-ва-н' харва-да" 'жить хотите', иле-ва-н' харва-" 'жить хотят' и т.д. Тот же способ выражения желательности действия наблюдается и в энецком языке.

Сочетаясь с отрицательным вспомогательным глаголом, форма желательного наклонения может обозначать действие или состояние, которые почему-то не происходят, хотя и имеются основания думать, что они произойдут, например:

Сылыгэличе дятэну" нинты тунжнту" 'Никто к нам не приезжает (букв.: приехать не хочет)', ср.: Сылыгэличе дятэну" нинты ту" 'Никто к нам не приехал'; Соруга нун"тэты нинтыжэ сатынжнды" 'Дождь все не перестает (букв.: кончиться не хочет)', ср.: Соруга сязы"ки"э 'Дождь перестает (букв.: кончается)'; Соруга нинтыжэ сязы" 'Дождь не перестал'; Биэжы нинты лэнтуонанду" 'Ветер не утихает (букв.: утихнуть не хочет)', ср.: Биэжы нинты лэнтуо" 'Ветер не утих'; Быты нинты бытумнжнды" 'Вода не прибывает (букв.: прибывать не хочет)', ср.: Быты бытумтэты 'Вода прибывает'; Быты нинты бытумэ" 'Вода не прибыла'.

В финно-угорских языках это вторичное наклонение является одним из наиболее широко распространенных.

Ф о р м а   н е о ч е в и д н о г о   д е й с т в и я

Форма со значением неочевидного действия чаще всего употребляется при сообщении о фактах, свидетелем которых сам говорящий не был и о которых узнал с чужих слов. Эта же форма употребляется в тех случаях, когда суждение о том или ином действии составляется по его результатам, например:

Ченыбъяхы 'Он знает-говорят'; Баби татудя мунубаңху: «Тай, няге баби коза"ам» 'Дикого оленя привезя, сказал-говорят: «Ай, хорошего дикаря убил я»'; Ненызы каңкэ басубаңху 'Его старший брат уже охотится-говорят'.

В отдельных случаях глаголам со значением неочевидного действия могут сопутствовать слова типа 'говорят', 'слыхать' и др. Например: Мунуңкэңду", сыты ченыбъяхы 'Говорят, он знает (букв.: говорят, он знает-мол)'. Вообще же в таких словах нет необходимости, поскольку указание на особенность данного действия дается посредством включения между глагольной основой и личным показателем специального суффикса: баңху/-бяхы/-хуаңху/-хуамбу (с их фонетическими вариантами); личные суффиксы в рассматриваемой форме те же, что и в изъявительном наклонении.

Примеры употребления: Десырэ колнзыбяхы 'Твой отец рыба-чит-говорят'; Тэсиэзэ мунубаңху: «Бўңанду"». 'Теперь сказал-говорят: «Уезжайте»; Тың бөнсэру" нунў" татэбаңхуру" 'Вы все собираетесь-говорят на собрание'; Нинызы мазайхуаңху хелиті матіні 'Его брат гостит-говорят в чумах своей родни'.

В основном то же значение передается при помощи сочетания смыслового глагола в личной форме с глаголом ися 'быть' в форме неочевидного действия, например:

Нинимэ маза"маті коусуо иба́ху 'Мой брат остался, говорят, в соседнем стойбище'; Корузу"дя бў"сўзўң ибахуң 'Ты в поселок уедешь, говорят'; Тэптэ бў"сўзўтў" ибахуру" 'Вы тоже уедете, говорят'.

Формы неочевидного действия, видимо, возникли в нганасанском языке самостоятельным путем. Для их образования не было использовано причастие совершившегося действия, как это наблюдается в ненецком и некоторых финно-угорских языках.

Ф о р м а а у д и т и в а

Как и в других самодийских языках, в нганасанском имеется особая форма, служащая в первую очередь для выражения действия, устанавливаемого на основании его акустических признаков. Эту форму принято обозначать термином аудитив. На русский язык формы аудитива переводятся при помощи слов 'слыхать', 'слышно' и т.п. Формант аудитива в нганасанском материально близок аналогичным суффиксам ненецкого и энецкого языков -мыны/-муну. Вставляется он между основой глагола и суффиксом, связанным по своему происхождению с лично-притяжательным показателем соот-

ветствующего лица и числа для родительного падежа. В связи с особенностью значения форма аудитива встречается преимущественно в третьем лице всех чисел: логя"мыннычи 'лает-слыхать', туймунучү 'приехал-слыхать', лаңүрмүнүчү 'кричит-слыхать', мунунучү 'говорит-слышно', буомунучү 'разговаривает-слышно' и т.д.

Примеры употребления формы аудитива: Бикә такәну баң логя"мыннычи 'За рекой лает-слыхать собака'; Хоймәгимтитә туймунучү ниннызы 'Когда стемнело, приехал-слыхать ее брат'; Маза кадя мәчекүб дүбәрымыннычи 'Около чума что-то они бросили-слышно'; Кәнтә маза кадя нәнсумыннычи 'Нарта около чума остановилась-слыхать'; Бәнтіәзу сорумунучү 'Снаружи дождит-слыхать'; Мазаичүму" бү"мүнүчү 'Наш гость уехал-слыхать'.

При помощи указанной формы могут обозначаться действия, характеризующие и иного рода восприятия, например:

Бәнді һонди"ә хәзичү серытәсы, ләкәрярай сылыккүбтә кәмәрумунучү 'Она вышла наружу дров занести, вдруг кто-то поймал-ее-слыхать'; Дүтүмә дяриминичи 'Рука у меня болит (букв.: рука-моя болит-слыхать)'; Мәкизәнә мәгүбтәну хуарәдерумунуне 'Сзади чем-то меня стукнули-слыхать'; Матәну хихиә колы не-дуаймүнүчү 'В чуме вареной рыбой вкусно пахнет-слыхать'.

Приблизительно то же значение может быть передано и аналитическим путем посредством сочетания основного глагола с глаголом сойбуса 'слышаться', выполняющим в таких построениях служебную функцию, например:

Бәнтини сылыккүб сойбуту буюдя 'Снаружи кто-то, слышно, разговаривает (букв.: слышен говоря)'; Ныйбытәны һүлязә сойбуту бәлирся 'Вдали, слышно, воет волк (букв.: волк слышен воя)'; Маза такәну мәгүб сойбуту дөзүрся 'За чумом кто-то, слышать, ходит (букв.: что-то слышен ходя)'.
Ср. предложения, в которых глагол сойбуса выступает в самостоятельном значении, например:

Матә кадямәну мирәймү" сойбули"ә" 'Около чума звуки шагов послышались'; Һәнә"санә дямб сойбуту 'Слышен голос человека'; Козу такәну һүлязи" бәлирмүна" сойбуту" 'За пургой слышен вой волков (букв.: волков вой слышны)'.
Как и в других самодийских языках, аудитив в нганасанском образовался, по-видимому, относительно поздно. В саяно-самодийских языках эти формы не отмечены. Нет их и в финно-угорских языках.

Переходные и непереходные глаголы

Переходность-непереходность глагола характеризует отношение между действием и его объектом. Глаголы, не сочетающиеся с прямым дополнением, являются непереходными. Такие глаголы часто обозначают состояние того или иного предмета или производимое им движение. В отличие от непереходных переходные глаголы характеризуют действие, распространяющееся на прямой объект, как выраженный в данном предложении отдельным словом, так и подразумевающийся. При этом, как правило, непереходные глаголы оформляются личными показателями субъектной парадигмы, переходные глаголы - личными показателями субъектно-объектной парадигмы, но могут быть оформлены теми же показателями, что и непереходные глаголы (см. выше, с.186). Тем самым в иганасанском (как в ненецком и энецком языках) посредством изменения переходных глаголов по субъектно-объектному спряжению переходное действие морфологически противопоставляется непереходному.

Как можно заключить из сказанного, категория переходности-непереходности является сложной и многоаспектной категорией глагола. С помощью этой категории как бы объединяются в единое целое его лексические, синтаксические и формально-грамматические (морфологические) признаки.

В иганасанском языке имеется довольно большое количество пар глаголов, образованных от общей корневой морфемы, но противопоставляемых по переходности-непереходности. Члены каждой из этих пар отличаются друг от друга изменениями в звуковом составе основы, являющимися результатом свойственных языку регулярных звуковых чередований,³⁰ например: баэуа-са 'вырасти' - баэту-дя 'вырастить'; жуомта-са 'жениться' - жуомту-са 'женить';

---

³⁰ Аналогичное явление наблюдается и в других самодийских языках. Например, в ненецком: ваде(сь) 'вырасти' - вада(сь) 'вырастить'; хаё(сь) 'остаться' - хае(сь) 'оставить'; сидё(сь) 'проснуться' - сиде(сь) 'разбудить'; нудё(сь) 'висеть' - нуда(сь) 'повесить'; нерде(сь) 'быть, находиться впереди' - нерте(сь) 'обогнать, опередить', и др.

коуса 'остаться' - кой-ди (или кой-ди) 'оставить'; нүзэ-ся 'висеть' - ңиті-ди 'повесить'; кэптэ-хү" 'потухнуть', 'погаснуть' - кэпту-бү" 'потушить, погасить'.

Встречаются непереходные и переходные глаголы с различными корневыми морфемами: нумэ-дя 'проснуться' - киті-ди 'разбудить'; бүй-дя 'уйти, уехать' - конту-дя 'увезти'; нилы-ди 'жить' - сүлүптү-ся 'оживить'; лүңкүрү-бү" 'спрятаться' - чй-бү" 'спрятать'; тамтү-ся 'подняться на что-либо'; дилэ-ди 'поднять что-либо'; и др.

Количество непроемных глаголов в иганасанском относительно невелико. Значительную часть словарного состава образуют производные глаголы переходной или непереходной семантики. При этом отдельные производные непереходные глаголы образованы от переходных, например: дүй-са 'потерять, утратить что-либо' - дүй-гу-са 'потеряться, заблудиться'.

Значительно чаще наблюдается образование переходных глаголов от соответствующих непереходных посредством особых словообразовательных суффиксов, например: сүлү-дя 'ожить' - сүлү-пту-ся 'оживить'; нэнсу-ди 'остановиться' - нэнсу-пты-сы 'остановить'; бөлүачүй-са 'сердиться' - бөлүачүй-пту-дя 'рассердить'; хуаңку-дя 'бить пьяным' - хуаңку-пту-са 'напоить'; динди-си 'услышать' - динди-ли-пті-ди 'оповестить'.

От глаголов со значением становления действия (суффикс -м) переходные глаголы образуются при помощи форманта -ты (и его фонетических вариантов), например: ңетум-сы 'стать видным' - ңетум-ты-сы 'показать, сделать видным'; четэм-сы 'стать вчетвером' - четэм-ты-сы 'учетверить'; накүрүм-ся 'стать втроем' - накүрүм-түй-дя 'утроить'; нялым-сы 'обрадоваться, стать обрадованным' - нялым-ты-сы 'обрадовать'.

Производство переходных глаголов от непереходных с помощью словообразовательных суффиксов сопровождается нередко изменением звукового состава основы, например: коу-дя 'умереть' - коту-дя 'убить'; хин-си 'свариться' - хи-ри-ди 'сварить'; ңәнүйн-са 'удивиться' - ңәне-ру-са 'удивить'; кундуа-са 'спать' - кунду-пту-са 'уложить спать'; нонсы-ди 'выйти' - нонсэ-зү-са 'вывести'; кэнты-ди 'замерзнуть' - кэнды-пты-сы 'заморозить'; сыэ-дя 'утонуть' - сыэ-зү-са 'утопить'; мэнэгэй-ся 'упасть' - мэнэ-гэй-чүй-дя 'уронить'.

Ограничение в словопроизводстве переходных глаголов от непереходных вносится лексическим значением производящей основы. Глаголы типа ниптүгүйся 'отдыхать', санірся 'играть', бэлірся

'вить', бѣну"нарса 'уствовать', кичепталди 'оглядываться', басудя 'охотиться', лога"си 'лаять', дѹнодитысы 'вздрагивать', џиниптѹся 'визжать' и др. в силу их семантических особенностей могут употребляться только в непереходном значении.

Широко применяемое в нганасанском языке внутрикатегориальное образование глаголов не исключает их производства от других частей речи (см. на с.250). Заклѹчая в своей основе значение прямого, косвенного объекта или качественного признака, значительная часть глаголов, образованных от других частей речи, является непереходными, например: ситѣбирсы 'рассказывать сказки', бакунузуса 'добывать осетров', колызсы 'рыбачить', хоймѣгимся 'стемнеть, потемнеть', бѣлуачѹса 'сердиться, злиться'. Лишь меньшая часть таких глаголов получает переходную семантику, например: хутурѣса 'запрячь', џѣмса"са 'есть', нѹомтысы 'усыновить'.

Из числа непереходных глаголов отчетливо выделяется довольно большая группа глаголов, обозначающих качественный признак или качественное состояние того или иного предмета. Слова эти органически включаются в систему глагола, поскольку оформляются как и другие глагольные слова, но по своему значению близки именам прилагательным. Например: бѣнотаса 'быть усталым', денинтысы 'быть прохладным', дѣдятусѣ 'быть пасмурным, быть мутным', камсудя 'быть сложенным друг на друге', латѹся 'быть готовым', лулатуса 'быть растрепанным, косматым', лѣзуйся 'быть медленным, медлительным', мѹнтѹся 'быть полным (напр., в посуде)', нокуоса 'быть близким', нѣѹхудя 'быть плохим', џаџаса 'быть оседлым', сойбуса 'быть слышимым', сѣџкуса 'быть тяжелым', сѣрѣрысы 'быть плотным', тасѹся 'быть горьким', тумкагуса 'быть тусклым, сумрачным', тѣлѣда 'быть закрытым', тѣџкѣди 'быть сильным', хекусы 'быть горячим', хойсѹся 'быть ярким' и др.

Некоторые глаголы указанной группы имеют и другое значение, характеризуя длящийся процесс действия, например: нерѣзыны 'быть впереди', 'идти, ехать впереди', џилезуса 'быть, находиться внизу или под чем-либо', џѣзусы 'быть видным', 'видеться', нянтѣди 'быть похожим', 'походить', хуаџкудя 'быть пьяным', 'пьянеть', хуоузуса 'быть позади', 'идти, ехать позади'. То или другое значение таких глаголов выясняется в контексте благодаря различной сочетаемости с другими членами предложения.

Примеры употребления: Сүрүдҗәгәличи тәнү" чүзү"тү" 'Даже зимой наши олени жирные'; Нена"мама ны четуа комсәтура"а 'Моя соседка очень завистливая'; Химтә"кәндытә дҗалызы дөсәри"ә соруа-гәтә 'Вечером день стал туманным от дождя'; Бикә бы" нөптөбү"ңы"тәты денитыты 'Речная вода еще прохладная, чтобы мыться'.

Особенно близки по значению к именам прилагательным частные формы качественных глаголов, например: чүзү"түб 'жирный', ләзуйчө 'медлительный', дөсәратуо 'туманный', 'пасмурный', 'мутный', денитытыә 'прохладный', 'холодный'.

Примеры употребления: Чүзү"түб" тә" тәймумбату" сүрүдҗәгәличи 'Жирные олени бывают даже зимой'; Ләзуйчө һанә"са сүаркититү коумумбату 'Медлительный человек отстаёт от своих товарищей'; Дөсәратуо дҗалытәны найбытә" мәу" нинды" һәзү" 'В туманный день дальних земель не видно' (букв.: дальние земли не видны); Куоцаңгутәну денитытыә бызә сиәрсымңхандым 'В жаркий день обычно пью холодную воду'; Комсәтәтуо ны нянту лүй комсәту 'Завистливая женщина завидует одежде подруги'.

Рассматриваемые глаголы служат основой для дальнейшего словопроизводства, например: ногумса 'стать близким', нәңхумса 'стать плохим', нялтәмсы 'стать радостным', һәтумсы 'стать видным', нягимси 'стать хорошим', сәңкумса 'стать тяжелым', тәңкумсы 'стать сильным', чүзүмсы 'стать жирным'. При помощи обычных словообразовательных формантов от них образуются и переходные формы: ногумтуса 'приблизить', нягимтиди 'улучшить', нәңхумтуса 'испортить', нялымтысы 'обрадовать', һәтумтысы 'сделать видным', сәңкумтуса 'утяжелить', тәңкумтысы 'усилить', чүзүмтүся 'сделать жирным' и др. (Нужно оговорить, что перевод этих и подобных им глаголов является условным. Вспомогательных слов типа 'быть', 'стать', 'сделать' они в своем построении не заключают).

В нганасанском языке некоторые переходные глаголы могут употребляться как непереходные без помощи словообразовательного форманта. Такие глаголы характеризуют как активное действие, переходящее на прямой объект, так и действие в его процессе вне связи с объектом. Например, глагол хозәтәса 'писать' в зависимости от значения выступает в предложении с различными пояснительными словами. Употребляясь в переходном значении, он сочетается прежде всего с прямым дополнением: Нөрбә"ку хотүрә хозәтәнду 'Девочка пишет письмо'. При непереходном же значении этого глагола он вступает в связь с определительными и обстоятельно-дополнительными словами: Матәнунту һомтүся нөрбә"ку нй-

гей" хозэтэнду 'Сидя в своем чуме, девочка прилежно (букв.: хорошо) пишет'.³¹ В своем втором употреблении глагол хозэтэса получает и значение 'учиться'. Ср. также: сему сочүрэндум 'шью шапку' и дялымэны сочүрэндум 'шью весь день'.

Лишь в отдельных случаях в нганасанском наблюдается морфологическое противопоставление глаголов, одни из которых обозначают длительное действие, направленное на объект, а другие - обобщенное значение действия, характеризуя определенное состояние или вид деятельности субъекта. Например: депту дизүтэнду 'стреляешь гуся' и тэне четуа нягэй" дизүтүрүң 'ты очень хорошо стреляешь'.

Ряд переходных глаголов может употребляться как с реальным объектом, выраженным именем в форме винительного или основного падежей, так и в тех случаях, когда действие распространяется на само действующее лицо. В первых сочетаниях глагол оформляется личными показателями субъектного или субъектно-объектного спряжения, во-втором - обычно показателями субъектно-безобъектного спряжения. Так, например, глагол нөптэдя в неопределенной форме обозначает и 'мысль', и 'мыслиться', различные значения которого находят опору в разном морфологическом оформлении его финитных форм:

---

³¹ Ср. иное положение в ненецком, отчасти в энецком языках. Так, в ненецком языке переходное действие и действие, характеризующее общий процесс, обычно получают различное суффиксальное выражение. Например: Не һацеки өн' падарм' падби 'Девочка пишет письмо'; глагол падбá(сь) 'писать' выражает длительное переходное действие. Ср.: Не һацеки падна 'Девочка пишет'; глагол паднá(сь) 'писать' передает обобщенный характер действия: 'Девочка занимается тем, что пишет'. Предложение с глаголом паднá(сь) может распространяться за счет различных пояснительных слов: Хэрта мякáнанда һандэ не һацеки хувэхэд нись паромб" падна 'Сидя в своем чуме, девочка с утра неторопливо пишет'. В предложении с этим глаголом невозможно только прямое дополнение. Характерно, что глагол паднá(сь) так же, как и нганасанский глагол хозэтэса в его непереходном значении, передает понятие 'учиться': Тетимдей классхана падна 'Он учится в четвертом классе'.

элыгаку нѹомэ хекутнэ бытэны нѹптэмэ 'Маленького своего сына в горячей воде мою'; Хекутнэ бытэны элыгаку нѹомэ нѹпти"эм 'В горячей воде маленького сына своего мою'; Дяла"чѹ хекутнэ бытэны нѹпти"инэ 'Ежедневно моюсь в горячей воде'.

Среди переходных глаголов нганасанского языка имеется особая группа глаголов, которая может быть названа глаголами вторичной переходности. По своему значению эти глаголы близки каузативно-побудительным глаголам. Они образуются обычно сочетанием форманта -ру/-лу с суффиксом переходности -пту (или его фонетическими вариантами). Например: хотэ-дя 'написать' → хотэ-ру-пту-дя 'заставить кого-либо написать'; конту-дя 'увезти' → конту-ру-пту-дя 'заставить кого-либо увезти'; качемэ-са 'увидеть' → качемэ-ру-пту-са 'заставить кого-либо увидеть'; тэлипти-си 'спросить' → тэлипти-ри-пти-си 'заставить кого-либо спросить'.

Будучи оформленными этим показателем, переходные по своему значению глаголы приобретают новый семантический оттенок.

Наибольший интерес представляет собой такой ряд глагольных образований, в котором от переходного глагола возможно производство переходных же глаголов, характеризующих различную направленность действия. Например: ѹэм-са 'съесть' → ѹэмэ-пту-са 'накормить' → ѹэм-лу-пту-са 'допустить, чтобы что-либо было съедено', 'заставить кого-либо съесть что-либо'.

В качестве исходных могут быть и переходные глаголы, являющиеся производными от непереходных. Например: куо-дя 'умереть' → ко-ту-дя 'убить' → ко-ту-ру-пту-дя 'заставить кого-либо убить', 'допустить, чтобы кто-либо был убит'; хин-си 'свариться' → хи-ри-ди 'сварить' → хи-ри-ри-пти-ди 'заставить кого-либо сварить'.

Вторичная переходность таких глаголов обуславливается и двойной суффиксацией, наложением на один переходный формант других.

Этим же путем значение каузативных или побудительных глаголов может быть сообщено и непосредственно непереходным глаголам, которые тем самым преобразуются в переходные. Например: хезыты-сы 'идти' → хезыты-лэ-пты-сы 'заставить, вынудить кого-либо идти'; нилы-ди 'жить' → нилы-пты-сы 'ожить' → нилы-пты-ры-пты-сы 'заставить кого-либо ожить', 'допустить, позволить, чтобы кто-либо ожил'.

Перевод на русский язык рассматриваемых глаголов с помощью слов 'заставить', 'допустить', 'позволить', 'сделать так, чтобы ...' и других носит условный, приблизительный характер. Зна-

чения, выраженные перечисленными словами, передаются в иганасанском посредством суффиксации. Существо значения таких глаголов заключается в выражении действия, совершаемого над логическим субъектом помимо его воли.

Примеры употребления: Сўартәту тәмту котуруптудя би"ә 'Велю своему другу убить оленя, он ушел'; Нҗнтутә хорәмту-качәмә-руптуса коптуа каули"изә 'Позволив парню увидеть свое лицо, де-вушка закрылась'; Тәтүмә колы коптуатәту хиририпти" 'Привезенную рыбу свою сестру сварить заставь'; Әмә дигә дязәтә качәмә-руптусузәмә 'Эту гору тебя увидеть заставляю'; Нҗонтәнә әмә тә котурупту" 'Заставь моего сына убить этого оленя'; Дязәтә нәтә-рупту"сутәмә 'Тебя найти заставляю'.

В приведенных выше и подобных им предложениях предмет, на который направлено действие, передается бессуффиксальной формой или формой винительного падежа, а лицо, вовлеченное в сферу действия этих глаголов, характеризуя идею адресата, выражается существительным в дательном-направительном падеже. Тем самым действие должно осуществиться не грамматическим субъектом, а лицом, побуждаемым к его совершению.

По своей семантике глаголы с суффиксом -ру/-лу являются переходными. В предложении они употребляются и в субъектных, и в субъектно-объектных формах. Основания для изменения по субъектному или субъектно-объектному спряжению у них те же, что и у остальных переходных глаголов.

Структура таких глагольных слов вполне прозрачна: у производных переходных глаголов - основа + формант, характеризующий побудительность действия, + суффикс переходности + показатель неопределенно-деепричастной формы (или личный формант); у производных переходных глаголов - основа + суффикс переходности + формант, характеризующий побудительность действия, + суффикс вторичной переходности + показатель неопределенно-деепричастной формы (или личный формант). В результате каждый из приведенных или подобных им глаголов состоит минимум из четырех-пяти морфем.

В речи эти сложные производные образования встречаются реже, чем просто переходные глаголы, и это вполне естественно. Благодаря особенности значения таких глаголов, потребность в их употреблении возникает лишь в определенном контексте.

При помощи суффикса -ра как от непереходных, так и от переходных глаголов образуются глаголы, характеризующие состояние субъекта. Например: хуаңку-дя 'быть пьяным', 'опьянеть' → хуаңку-ра-дя 'находиться в состоянии опьянения'; каула-са 'по-

крыться' → каулэ-ра-дя 'оказаться покрытым'; нокадя-са 'столкнуться' → нокадя-ра-дя 'оказаться столкнутым'; бэтэлэ-са 'повести' → бэтэлэ-ра-дя 'оказаться ведомым'; хикэпты-сы 'испугать' → хикэпты-ры-ди 'оказаться испуганным'.³²

Примеры употребления: Њуоэу каулэра"а чирүнді" 'Небо оказалось покрытым тучами'; Туйсүоде ны ъабутэту ъамэптура"а 'Приезжая женщина оказалась накормленной его сестрой'; Немынті бэ-тяде мьэзэ бэтэлэра"а ниньтэнди 'Аргиш, который водила мать, повел их дядя' (букв.: матери-их-двоих водимый аргиш оказался ведомым дядей-их-двоих); Мэкизэту ниньтэту нокадяра"а бызэ кунди 'Сзади брат столкнул его в воду' (букв.: сзади братом в воду столкнутым оказался-он), ср.: Банэ бызэ кунди нокадяса матэту чй"э 'Столкнув собаку в воду, он вошел в свой чум'; Хй дүздыерны тәне лүмерура"а ъүлязэнде 'В полночь оленей испугал волк' (букв.: олени-мои оказались испуганы волком).

Суффикс -ра переводит в разряд непереходных и глаголы вторичной переходности. Структура этих последних образований отличается от построения глаголов вторичной переходности: суффикс -ра не предшествует форманту, обозначающему переходность действия, а следует за ним. Например: ъам-са 'съесть' → ъамэ-пту-са 'накормить' → ъамэ-пту-ру-дя 'оказаться накормленным': Њэ-мэптурудя ъонди"эм 'Оказавшись накормленным, я вышел'.

Являясь непереходными, эти глаголы изменяются только по субъектному спряжению.

В близком значении употребляются и глаголы со сложным формантом -рухуаза, например:

Сатарэ камэрухуаза" деңгуйчены 'Песец оказался пойманным капканом'; Письмо хотэрухуаза" сүартэнэ 'Письмо оказалось написанным моим товарищем'; Бахи котурухуаза" такэ ъанэ"сандэ 'Дикий олень оказался убитым тем мужчиной'; Дүченинэ камэрухуазанэ ъүлязэнде 'Во сне я оказался пойманным волком'.

---

³² Такого же рода образования имеются и в ненецком языке. Например: ня"ма(сь) 'поймать, схватить' → ня"ма-ра(сь) 'оказаться пойманным, схваченным'; пэбта(сь) 'запутать' → пэбта-ра(сь) 'запутаться в чем-либо'; хада(сь) 'убить' → хадара(сь) 'оказаться убитым' и др. - Нохо яңгон' ня"марэй" 'Песец оказался пойманным в капкан'. Глаголы этого типа изменяются в ненецком по субъектно-безобъектному спряжению.

Посредством суффикса -ра от ряда глаголов образуются формы безличного значения, например:

Соруатэ хонтулэра"а ману" кадяде мау 'Дождем залило место около нашего чума'; Лилеті каулэра"а бикā кунсызур 'Илом затащило дно реки'; Биэтэ контура"а 'Ветром унесло'; Дўотэ каулэра"а саде 'Песком засыпало дорогу'.

К в о п р о с у о з а л о г е

Залог – одна из наиболее сложных грамматических категорий глагола. В нем находят грамматическое выражение различные реальные отношения между субъектом и действием, с одной стороны, между действием и прямым объектом – с другой. При этом каждая из залоговых форм обладает только ей свойственными синтаксическими связями. Поэтому изучение залоговых значений предполагает специальный анализ синтаксических построений.

И в общетеоретической литературе, и в грамматиках по отдельным языкам отсутствует единая точка зрения на категорию залога. Различие взглядов объясняется, по-видимому, в известной мере особенностями конкретного материала исследуемых языков: залоговые отношения и формально-грамматические средства их выражения в разных языках далеко не одинаковы. Определенную роль играет и различный подход к этому явлению, исходные теоретические позиции.

Так, например, в русском языке под залогом понимается «выражение в глагольной форме отношения действия к субъекту и объекту его (принимая во внимание и возможное отсутствие объекта».³³

Уточняя эту формулировку, В.З.Панфилов предлагает следующее определение: «... категория залога глагола характеризует то или иное соотношение подлежащего (грамматического субъекта) и дополнения (грамматического объекта) с субъектом и объектом действия, определяемое глаголом и приуроченное к его определенной форме. Таким образом, категория залога является сложной

---

³³ Современный русский язык. Морфология. М., 1952, с.333.

синтаксико-морфологической категорией, определяющей структуру самого предложения".³⁴

В самодийских языках вообще, а в нганасанском в особенности вопрос о категории залога остается недостаточно изученным, хотя и привлекал к себе внимание исследователей. Так, говоря об отсутствии в самодийских языках категории пассива, М.А.Кастрев указывал, что в северных диалектах этих языков имеются возвратные глаголы, оформляющиеся особыми окончаниями, и специально подчеркивал различие между переходными и непереходными глаголами, которые разграничиваются между собой не только по значению, но и по флексиям.³⁵

В специальной работе, посвященной одной из залоговых категорий в этих языках, Г.Н.Прокофьев выделял в ненецком, нганасанском и энецком языках три залоговые формы глагола (непереходный, переходный и возвратный), каждая из которых имеет свою парадигму спряжения.³⁶ К числу глаголов, образующих в ненецком языке только возвратные формы, он относил глаголы типа ямда(сь) 'перекочевать', вахълць 'заговорить', тэвӓ(сь) 'дойти' и др.

Однако критерии для выделения этих залоговых категорий и анализ их со стороны субъектно-объектных отношений, естественно, требовали дальнейшего изучения.

В этой связи интересно отметить, что в работе "Глагол" акад. И.И.Мещанинов при обосновании своих взглядов на категорию залога в общетеоретическом плане довольно широко привлекает материал ненецкого, отчасти селькупского языков. Считая, что для обозначения различных систем личных форм в этих языках термин "залог" вполне приемлем, И.И.Мещанинов указал на ряд характерных особенностей выражаемых в них субъектно-объектных отношений.³⁷

---

³⁴ П а н ф и л о в В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с.211-212.

³⁵ C a s t r é n М.А. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.

³⁶ П р о к о ф ъ е в Г.Н. К вопросу о переходном залоге в самоедских языках. - В кн.: Памяти В.Г.Богораза. М.-Л., 1937.

³⁷ М е щ а н и н о в И.И. Глагол. М.-Л., 1948. - В этой связи уместно привести его определение: "Залогом называется такое оформление глагола, при котором один и тот же глагол изменяется в своей форме в зависимости от своих отношений к двум главным членам предложения... Залоговое же изменение глагола

Сущность залога в самодийских языках органически связана с категорией переходности-непереходности. Переходность-непереходность действия является одной из характерных черт грамматического строя самодийских языков. На ее основе складываются и залоговые отношения. По нашему мнению, залоговыми являются в этих языках лишь те субъектно-объектные построения, которые грамматически выражены в структуре глагольной формы. Поэтому залоговая дифференциация значительно уже, чем деление глаголов на переходные и непереходные. «Различие категорий переходности-непереходности от категории залога заключается в том, что переходность-непереходность характеризует отношение действия к объекту, а залог — соотношение подлежащего и дополнения с субъектом и объектом действия».³⁸

Выделение залогов затрудняется во всех северносамодийских языках (в том числе и в нганасанском) наличием различных типов спряжения глаголов, отличающихся друг от друга по своему морфологическому построению. Как в ненецком и энецком языках, в нганасанском переходный глагол в зависимости от отношения действия к его субъекту и объекту спрягается по трем различным парадигмам, изменение по которым легко может быть принято за залоговое.

Наблюдаемые преобразования отношений между действием, его субъектом и объектом, находящие свое выражение в глагольной форме, при существующей степени изученности нганасанского языка дают основание выделить в нем следующие залоговые: основной (или залог внешнего объекта), средний (или залог внутреннего объекта), страдательный. Каждому из этих залогов соответствует и определенная структура предложения и определенные отношения между формами одного и того же глагола. Ср., например: Басу"си баби коза"а 'Охотник убил дикого оленя' (букв.: охотник дикого оленя убил-он); Басу"си баби чэмсузэмту" коза"ату 'Охотник убил

отражает изменение синтаксических связей в предложении. Оно зависит от тех изменяющихся отношений глагола к другим членам предложения, которые обуславливаются смыслом предложения" (Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, с.254-255).

³⁸ П а н ф и л о в В.З. О залоге глагола в нивхском языке. - В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И.Мещанинова. М.-Л., 1960, с.107.

вам на еду дикого оленя' (букв.: охотник дикого оленя на еду-вам убил-его-он); Басу"си хуаләтi" коза"изә 'Охотник убился о камни' (букв.: охотник о камни убился-он); Басу"си котумә хуаләтену 'Охотник убит камнем'.

Как видно из приведенных примеров, категория залога в нганасанском языке характеризуется не только семантическими, но и собственно глагольными признаками. При этом, будучи по природе активными, два первых залога противопоставляются третьему - пассивному.

Глаголы основного залога обозначают прямое переходное действие, направленное на внешний объект, находящийся вне субъекта, и имеющийся в данном предложении, либо отсутствующий в нем, но подсказываемый контекстом или ситуацией. В зависимости от отношения между прямым дополнением и сказуемым последнее может иметь формы субъектного или субъектно-объектного спряжения.

Таким образом, в пределах одного и того же залога объединяются как субъектные, так и субъектно-объектные отношения, из которых первые характеризуются показателями лица и числа субъекта, а вторые - лица и числа субъекта, числа объекта, находящими свое выражение в самой глагольной форме (подробнее см. выше, с. 189), например: Исимә накүрә копта"амту хутури"ә 'Мой дядя (старший брат отца или матери) запряг трех оленьих быков (букв.: запряг-он)' и Исимә накүрә копта"амту хутури"ичү 'Мой дядя трех оленьих быков запряг (букв.: запряг-их-многих-он)'.

В среднем залоге (или залоге внутреннего объекта) действие, исходящее от действующего лица, не выходит за его пределы и как бы замыкается в нем. В предложениях со сказуемым в этой залоговой форме прямое дополнение невозможно. Для таких конструкций характерно или совмещение субъекта и объекта в одном слове или полное устранение объекта. Глаголы в этом залоге изменяются только по субъектно-безобъектному спряжению.

Примеры употребления: Мерәгәй" деңхиди"инә 'Я быстро оделся' (ср.: Нербя"кумә мерәгәй" деңхиди"әмә 'Я быстро одела свою девочку'); Колытәны нәгәй" нилу"инү" 'Мы хорошо наелись рыбы (букв.: рыбой)'; Куодүму нүо муңку ни тамтүсүзә 'Мальчик поднялся на дерево'.

Различия в образовании личных форм глаголов указанных залогов см. в разделе «Категория лица и числа».

Рассмотренным выше залогам, - основному и среднему - обозначающим в той или иной мере активное действие, в нганасанском языке отчетливо противопоставляются построения с пассивным содержанием

ем. Сказуемое в них обычно выражается причастной формой с суффиксом -мә, служащей для констатации совершившегося действия. Грамматическое подлежащее является реальным объектом, который подвергается воздействию со стороны субъекта. В свою очередь логический субъект, если он передан в предложении отдельным словом, имеет форму дательно-направительного, местно-творительного, значительно реже родительного падежа.³⁹

Примеры употребления: Сатәрә деңгуйчени кәмәмә 'Песец пойман капканом'; Әмты сәму нумаңку коптуатә сочеләмә 'Эта шапка сшита молодой девушкой'; Тә" ниньнтәтә нөчиптымә" 'Олени распряжены твоим братом'; Бахи хоңкәбатәну котумә 'Дикий олень убит копьем'; Сүрүдя мәузу сүрүтәну кауләмә 'Зимой земля покрыта снегом'.

При закономерной повторяемости действия соответствующим образом изменяется форма глагольного сказуемого.

Примеры употребления: Сатәрә" деңгуйчини кәмүзүрүмүмбатандә" 'Песцы ловятся капканами'; Ня" лү" тә" кухугитә сочүрәрумумбатандә" 'Иганасанские одежды шьются из оленьих шкур'; Тә" нөчиптыгуйлиндытә" ниньнтәтә 'Олени распрягаются твоим братом'; Норудя бикау" бәры" бытумтырымьбятынде" 'Весной берега рек заливаются водой'; Сүрүдя мәузу кауләрумумбата" сүрүтә 'Зимой земля покрывается снегом'; Биәтә чамби" тәритынде" муңку" хай" 'Ветром ломаются вершины деревьев'.

Приведенные конструкции предложений возможны только с причастиями, образованными от переходных глаголов. В них активное по природе действие приобретает характер состояния, в связи с чем реальный производитель действия отодвигается на задний план или вовсе устраняется из поля зрения говорящего. Основное внимание сосредоточивается на состоянии объекта. Такие залоговые отношения, с нашей точки зрения, могут быть обозначены термином «страдательный залог».

---

³⁹ форма местно-творительного падежа наблюдается преимущественно в том случае, когда субъект представляет собой не реального производителя действия, а связан с выражением орудийности в широком смысле этого слова. Для обозначения материала употребляется, как и в других случаях, существительное в форме отложительного падежа.

Вопрос о выделении в том или ином языке грамматической категории вида принадлежит к числу наиболее спорных в современном языкознании. Спор идет о том, правомерно ли считать видовой любую грамматическую характеристику протекания действия, или следует ограничиться только противопоставлением глаголов по совершенности и несовершенности. Не вполне ясен и основной „водораздел“ видового деления глаголов: „В общем определении категории вида у исследователей русского языка не было разногласий и друг с другом и с западноевропейскими лингвистами, но до сих пор русским грамматикам не удалось найти то главное различие, которое рассекает русский глагол на две равные части: совершенный и несовершенный виды“.⁴⁰

Особенно большие затруднения наблюдаются в применении теории видов славянских языков к языкам других систем, в частности финно-угорским и самодийским. По мнению Б.А. Серебрянникова, „... тотальное распространение видовых показателей, обуславливающее возможность образования видовых пар глаголов, является главным критерием при определении наличия в том или ином языке грамматической категории вида“.⁴¹

Показатели, выражающие видовое значение, но не имеющие тотального распространения, называются им „видовыми классами“.⁴²

В инганасанском языке отсутствует четкое и последовательно проводимое противопоставление глаголов по признакам совершенного и несовершенного видов, столь характерное для славянских языков.⁴³ Вместе с тем в нем имеется определенный набор морфологи-

⁴⁰ В и н о г р а д о в В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947, с.493.

⁴¹ С е р е б р е н н и к о в Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, с.19.

⁴² Там же, с.24.

⁴³ В и н о г р а д о в В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове, с.477-577; Грамматика русского языка, т.1. М., 1952, с.426-455; Б о р о д и ч В.В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного видов в славянских языках. - „Вопросы языкознания“, 1953, № 6, с.68-86; И с а -

ческих средств, при помощи которых передаются различные способы протекания действия.⁴⁴ Система грамматических средств, сообщающая действию дополнительную качественную характеристику в отношении различного проявления продолжительности или кратковременности, обозначается термином формы видовой направленности.

Формы видовой направленности иганасанского языка связаны с семантикой глагольного действия производящей основы. Тем самым, являясь грамматической категорией, они смыкаются в известной мере с лексическими образованиями.

Значения видовой направленности передаются аффиксальным путем. При этом видовые суффиксы вставляются между основой глагола и словоизменятельными формантами. При помощи различных суффиксов видовой направленности глагольной основе сообщается новое содержание, имеющее в ряде случаев немаловажное значение при образовании определенных глагольных форм.

Как уже указывалось, к одной и той же производящей основе могут присоединяться разные, но не все суффиксы видовой направленности. Ограничение вносится лексическим содержанием глагольной основы, в первую очередь продолжительностью или кратковременностью обозначаемого ею действия. Так, например, от основы глагола чй-ди 'войти' образуется глагол несовершенного действия чй-тө-сы 'входить', но этот формант невозможен у глагола буо-дя 'говорить', заключающего значение несовершенности в своей основе. Напротив, к основе глагола буо-дя 'говорить' может быть присоединен суффикс, характеризующий начало действия - буо-гелса 'заговорить (начать говорить)', к основе же глагола чй-ди 'войти' этот формант присоединить нельзя.

ч е н к о А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. II. Братислава, 1960, с. 130-344.

⁴⁴ См. аналогичное положение в ряде других языков, например: А в р о р и н В.А. Грамматика нанайского языка. Т. II, М.-Л., 1961, с. 44-59; Б а с к а к о в Н.А. Каракалпакский язык. П, ч. I. М., 1952, с. 352-358; М е н о в щ и к о в Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. 2. Л., 1967, с. 37-54; С е р е б р е н н и к о в Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, с. 12-35; Ю л д а ш е в А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, с. 64-86.

Таким образом, значительное число глаголов нганасанского языка образует пары, члены которых противопоставляются друг другу по способу протекания действия. В конечном счете значительное большинство глаголов получает ту или иную характеристику видового значения, но не от каждой глагольной основы (в зависимости от ее семантики) может быть образован глагол любой видовой направленности.

Характеристика протекания действия, как заключенная в глагольной основе, так и сообщаемая глаголу посредством суффиксов видовой направленности, может отражаться на особенностях построения предложения, в частности на управлении той или иной падежной формой имени или формой послелога, например:

Тәһә эмә мәунтә барәли"ә 'Он начал ждать тебя в этом месте (букв. к этому месту)'; Тәһә эмә мәунтәһү барәту 'Он ждет тебя в этом месте'; Кочибүчену нәнсу"огәй турку кадя 'Через некоторое время они-двое остановились у озера (букв.: к озеру)'; Турку кадяһу кунтәгай" нәндитыгәй 'Они-двое долго стоят около озера'; Бәһүдүде нүо матә кунда"а 'Уставший ребенок заснул в чуме (букв.: к чуму)'; Бәһүдүде нүо матәһу кундуату 'Уставший ребенок спит в чуме'.

Эту особенность грамматического вида подчеркивал Б.А.Серебрянников: „Важнейшим условием наличия вида является возможность его выражения безотносительно ко времени (наличие видового показателя в формах инфинитива)".⁴⁵

В нганасанском языке отмечаются следующие наиболее употребительные формы видовой направленности: 1) несовершенство действия; 2) длительность действия; 3) обычность действия; 4) множественность действия; 5) начинательность действия; 6) становление действия.

Некоторые форманты видовой направленности нганасанского языка сближаются с соответствующими суффиксами финно-угорских языков, что свидетельствует о достаточно древнем их происхождении.

---

⁴⁵ С е р е б р е н н и к о в Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, с.27.

Несовершенство действия передается при помощи форманта -т- (с последующим гласным) и его фонетических вариантов, например: коу-са 'остаться' - коу-тэ-са 'оставаться'; чй-ди 'войти' - чй-тэ-сы 'входить'; нумэ-ди 'проснуться' - нумэ-нтэ-са 'просыпаться'; куо-дя 'умереть' - куо-тэ-са 'умирать'.

Суффикс -т- служит для выражения не только несовершенности, но также длительности переходного действия. И это вполне естественно. Передавая незаконченное, незавершенное действие, глагольные формы с указанным формантом характеризуют тем самым относительную длительность протекания действия, например: хуан-са 'положить' - хуан-тэ-дя 'класть'; камтэ-дя 'закоптить (шкура, камысы)' - камтэ-тэ-са 'коптить (шкура, камысы)'; дяңу"-са 'загрязнить' - дяңу"-тэ-са 'загрязнять'; дезя"-сы 'разрубить на куски (рыбу, мясо)' - дезя"-тэ-сы 'рубить на куски (рыбу, мясо)'; ми-си 'отдать' - ми-тэ-ди 'отдавать'; мэту-дя 'отрезать, разрезать' - мэту-тэ-са 'отрезать, разрезать'.

Это положение наиболее наглядно может быть показано на примере образования рассматриваемой формы от непереходных и переходных глаголов одного корня: хин-си 'свариться' - хин-тэ-ди 'вариться', хири-ди 'сварить' - хири-тэ-сы 'варить'; бэзуа-са 'вырасти' - бэзуа-тэ-са 'расти', 'вырастать', бэту-дя 'вырастить' - бэзу-тэ-са 'выращивать'.

В этом отношении иганасанский язык существенно отличается от ненецкого, в котором несовершенство действия непереходных глаголов и длительность действия глаголов переходных, как правило, четко разграничиваются при помощи различных формантов видового значения. Ср., например: пиоь 'свариться' - пи-нă(сь) 'вариться'; пире(сь) 'сварить' - пире-бă(сь) 'варить'; вадё(сь) 'вырасти' - вадё-дăнă(сь) 'расти', вада(сь) 'вырастить' - ва-да-бă(сь) 'выращивать'.

Присоединение суффикса -т- в определенных случаях (при соответствующем фонетическом строении основы) сопровождается изменением ее звукового состава, например: серэ-ди 'надеть' - серы-че-сы 'надевать'; сарэ-дя 'завязать' - сарү-че-са 'завязывать'; көмэ-дя 'поймать' - көмү-зү-ся 'ловить'; депту-дя 'рассказать' - депта-жа-са 'рассказывать'; хутурэ-са 'запрячь' - ху-зур-тэ-са 'запрягать'; дүгу-са 'заблудиться' - дүку"-тэ-са 'блуждать'; конту-дя 'увезти' - кондү"-тэ-са 'увозить'; сятн-ди 'кончить, окончить' - сязн-тэ-сы 'кончать, оканчивать'.

В ряде случаев единственным показателем этой формы является изменение звукового состава основы: хити́зи-си 'закоптить (рыбу, мясо)' - хити́зи-си-си 'коптить (рыбу, мясо)'; хельзы-сы 'помочь' - хельзы-сы-сы 'помогать'; коту-дя 'убить' - котэ-дя 'убивать'; кити́-ди 'разбудить' - китэ-ди 'будить'; џэтэ-дя 'найти' - џэзү-ся 'находить', и др.

Суффикс, характеризующий несовершенство действия, присоединяется не только к основе глагола, но и к некоторым другим формам видовой направленности, чаще всего к форме становления действия, например: дябакүм-ся 'стать красным' - дябакү-м-тэ-са 'становиться красным'; катэгим-си 'стать светлым', 'рассвети' - катэги-м-тэ-дя 'становиться светлым', 'рассветать'; коту-м-са 'начаться (о пурге)' - коту-м-тэ-са 'начинаться (о пурге)', и др.

По своему значению форма с суффиксом -т- характеризует непрерывность как непереходного, так и переходного действия. Глаголы с этим формантом употребляются также для выражения постоянного характера действия или состояния.

Формант, придающий глаголу значение несовершенности действия, идентичен показателю, который служит признаком неопределенного времени у глаголов как непроизводного, так и производного длящегося действия, например: нилы-ди 'жить' - нилы-ты-м 'живу' - нилы-мымбя-ты-м 'живу-обычно'; котэ-дя 'убивать', 'добывать' - котэ-мумба-са 'убивать, добывать-обычно' - котэ-мумба-ту-мэ 'убиваю-обычно, добываю-обычно', см. ниже, с.241.

Вполне вероятно, что тождество суффиксов свидетельствует об общих источниках возникновения обеих форм.

Примеры употребления: Дялызы чесэгимтэты 'Погода (букв.: день-его) становится холодной'; Ту хекэгэгэтэ хорэзу дябакүмтэту 'От жара огня лицо у него становится красным'; Кундуа"муогэтэту нумэнтэса динди"э төрэди буотуо 'Просыпаясь после сна, он услышал такой разговор'; Тэчу хузуртэса мэлытуту 'Запрягая оленей, бранится'; Кэнту"о џэмсу тарурса дезя"тэты 'Деля на части мерзлое мясо, его разрубает' (ср.: Кэнту"о џэмсу дезя"тэсы таруру 'Разрубая мерзлое мясо, делит на части'); Хозэтэса сязытэты, кадяту хозэпсанэмту хуантэту 'Писать оканчивает, около себя карандаш кладет' (ср.: Хозэтэса сязытэсы кадяту хозэпсанэмту хуану"о 'Писать оканчивая, рядом с собой он положил карандаш').

Форма длительного (дуративного) действия

Формант -гуй/-куй, придающий глагольной форме значение длительного действия, наблюдается преимущественно у производных переходных глаголов: џатум-ты-сы 'показать' - џатум-ты-гуй-си 'показывать'; нялым-ты-сы 'обрадовать' - нялым-ты-гуй-си 'радовать'; серы-пты-сы 'одеть' - серы-пты-гуй-си 'одевать'; бызы-пты-сы 'напоить' - бызы-пты-гуй-си 'поить'; џэмлу-пту-са 'скормить' - џэмлу-пту-гуй-ся 'скармливать'; џэмэ-пту-са 'накормить' - џэмэ-пту-гуй-ся 'кормить'; кунду-пту-са 'уложить спать' - кунду-пту-гуй-ся 'укладывать спать'; мўнтў-птў-си 'наполнить' - мўнтў-птў-гуй-си 'наполнять'; кэңды-пты-сы 'заморозить' - кэңды-пты-гуй-си 'замораживать'.

Переходные глаголы, имеющие в своей основе суффикс переходности, особо отграничиваются от непроизводных переходных глаголов. Очевидно, в сознании носителей языка наличие специальной суффиксальной морфемы воспринимается как средство наиболее полного противопоставления переходного действия непереходному.

Форма с суффиксом -гуй/-куй характеризует непрерывную длительность переходного действия, действие в процессе его совершения. В известных случаях несовершенство непереходного действия и длительность действия переходного в нганасанском языке противопоставляются друг другу при помощи специальных морфологических средств: џуом-тэ-са 'соединиться', 'жениться' - џуом-ту-гуй-ся 'соединять', 'женить', нэнсуа-тэ-са 'останавливаться' - нэнсу-пту-гуй-си 'останавливать'.

Примеры употребления: Нўонтэне лўчи серыптыгуйчим 'Ребенка одеваю (букв.: ребенку-моему одежды надеваю)'; Бэнудўодей тэне бызыптыгуйчиң 'Уставших оленей поишь'; Немызы нўомты кундупту-гуйся кэйңи"тў 'Его мать, укладывая спать своего ребенка, поет'; Нитэйчи мўнтўптўгуйси сўтэту бызэ 'Наполняя ведра, черпает воду'; Немыма туйсатэнуэ нялымтыгуйма 'Радую мать своим приездом'; Бантитў џэмлуптугуйся кэхи дўбэй"э 'Собакам на съедение (букв.: скармливая) он бросил куропатку'; Нямту тэлиптигуйси нэнсу"о 'Он остановился, спрашивая друга'; Бануне џэмэптугуйся џонди"эм 'Я вышел кормить собак'.

Обычность действия характеризуется суффиксами -мымбя, -хон (с их фонетическими вариантами),⁴⁶ например: басу-дя 'охотиться' - басу-мумба-са 'охотиться-обычно', котэ-дя 'убивать, добывать' - котэ-мумба-са 'убивать, добывать-обычно', нилы-ди 'жить' - нилы-мымбя-сы 'жить-обычно', хиди-си 'смеяться' - хиди-мимбя-сы 'смеяться-обычно', џатэ-дя 'ждать' - џатэ-мумба-са 'ждать-обычно', кундуа-са 'спать' - кундуа-мумба-са 'спать-обычно'.

Показатель обычности действия нередко присоединяется к другим формам видовой направленности, характеризующим различные аспекты несовершенности действия: хоймэгим-тэ-ди 'становиться темным' - хоймэгим-тэ-мымбя-сы 'становиться темным-обычно'; туопту-гуй-ся 'читать' - туопту-гуй-мумба-са 'читать-обычно'; џэ-му-р-са 'есть' - џэм-у-р-мумба-са 'есть-обычно'; ху-р-сы 'искать' - ху-р-мымбя-сы 'искать-обычно'; чй-"нии-р-са 'входить' - чй"нии-р-хан-сы 'входить-обычно'.

Глаголы с суффиксом обычного действия спрягаются так же, как и другие глаголы с соответствующим фонетическим строением основы, например: кетэмумбатуэ 'добываю-обычно', хидимимбятым 'смеюсь-обычно', куццуамумбату 'спит-обычно', џатэтэмуцхуанту-му 'ждем-обычно', џатэтэмуцхуантуру "ждете-обычно'.

Формант обычного действия присоединяется как к производным, так и к производным глагольным основам со значением совершающегося действия. Рассматриваемая форма применяется для выражения действия, имеющего постоянный, обычный характер, т.е. для выражения действия, обычно свойственного субъекту.

Примеры употребления: Шиньмэ хүйоти" дятэне ту"наурхуанту 'Мой старший брат часто приходит ко мне'; Эмэ кичезэтэну бызэ" дөнэмумбату" 'В этом месяце воды таит-обычно'; Сундайчүдя дяңу-ру" ниде џуо каулэмуцхонтазэ кэкутэны, дяла" баймэны тэңкэге бизэ биэмымбяты 'Осенью в тундре небо покрывается туманом, целыми днями дует сильный ветер'.

⁴⁶ У ряда глаголов рассматриваемая форма характеризуется сложным суффиксом, представляющим собой соединение обоих формантов. Например: хоцэтурмуцхуантуэ 'пишу-обычно', ту"наухуандум 'прихожу-обычно', џатэтэмуцхуанту 'ждет-обычно' и др.

Примечание. Приблизительно в том же значении общности действия, но с оттенком его периодической повторяемости употребляются образования с суффиксом -гаты/-каты, например:

Ииньзы кўзәтундсгәтә каныңкәтә басуди, һадиҙу коукәтә һонәнту матәтә 'Старший брат с утра на охоту ходил, младшая сестра в своем чуме одна (букв.: сама) оставалась'; Иимидимә һукәгәй" һимәнһитә дўрһингәтә 'Моя бабушка много раз о тебе рассказывала'; Күбтә һаңгутугәтә 'Все время кричит'; Кириба" дһәүәмсугәтә һусы"лығытәдә" 'Хлебы делаются из муки'; Сўрўгәтә дўанеңкәтынду" быҙа" 'Из снега обычно тает вода (букв.: тает воды)'.
форма множественного или многократного (фреквентативного) действия

форма множественного или многократного (фреквентативного) действия

Множественность, а также повторность действия характеризуется с помощью суффикса -р: кәрыгәли-дһә 'остановиться в пути' - кәрыгәли-р-ся 'останавливаться в пути', чўһнў-дһә 'понюхать' - чўһнў-р-ся 'нюхать'.

Добавление суффикса -р у ряда глаголов сопровождается изменением звукового состава основы, например: толы-дһә 'украсть' - тола-р-са 'красть'; тамтў-ся 'купить' - тамта-р-са 'покупать'; быты-дһә 'выпить воды' - бызы-р-сы 'пить воду'; туй-ся 'прийти' - ту-"һә-р-са 'приходить'; бў-дһә 'уйти' - бў-"һә-р-са 'уходить'; дў-са 'потерять' - дў-гу-р-са 'терять'; дўгу-са 'потеряться' - дўгу-"һә-р-са 'теряться'; дерам-сы 'попасть куда-либо, во что-либо' - дерым-һә-р-сы 'попадать куда-либо, во что-либо'; муан-са 'измучиться' - муан-ту-р-са 'мучиться'; һәм-са 'съесть' - һәм-у-р-са 'есть, съесть'; сынеруо-дһә 'подумать' - сынеры-р-сы 'думать'.

Глаголы с формантом -р¹⁷ выражают множественность действия во всех ее разновидностях. Посредством суффикса -р образуются контрастные пары: глаголы, обозначающие действие, произведенное однократно, и глаголы со значением повторяющегося действия или действия, неоднократно прекращающегося и вновь возобновляющегося.

---

¹⁷ По имеющимся в литературе данным, можно предполагать, что суффикс -р (*-r) восходит к прауральскому языку-основе.

В предложении глаголам со значением множественности действия нередко сопутствуют такие слова, как хўбті "часто", жукагэмэны 'много (букв.: помногу)', хелырну 'иногда' и др.

Множественность действия рассматриваемых глаголов нередко осложняется значением общности, например: ху-р-сы 'искать' - ху-р-мымбя-сы 'искать-обычно'; бызы-р-сы 'пить воду' - бызы-р-мымбя-сы 'воду пить-обычно'; чў"на-р-са 'доходить' - чў"нау-р-хон-са 'доходить-обычно'; бў"на-р-са 'уходить' - бў"нау-р-хон-са 'уходить-обычно'.

Примеры употребления: Тā" жу"озу"мэну маті ту"нарса курегуй банде" ту"о" 'Олени по одному к чумам приходя, все пришла'; Һамурса сятды чимичи тоиэнтэту 'Кончив есть, он зубы чистит'; Кунирэй мэрайне Һанаптайрса маңкэйи"бы 'Везде все забывая, я обеднел'; Кэхы" хўбтэ дерымныры" дядитіне 'Куропатки всегда попадают в мои силки'; Сынерырсы нэңсу"изэ 'Думая, он остановился'; Десымэ тамтарса ланкутану ичў 'Покупая, мой отец находится в магазине'; Десымэ сынерырсы тымийчити 'Отец, думая, молчит'; Тāне бызырсы нэңсу"индэ" 'Мои олени остановились пить воду'.

Помимо рассмотренных выше форм видовой направленности, выражающих различные аспекты несовершенности действия, имеются формы, характеризующие такие его стороны как начало, становление, неполноту.

Форма начинательного (инхоативного) действия

Начальная стадия действия или состояния выражается формантами -лэ (-лэ/-рэ), -кэ(-"кэ), в единичных случаях -мэ,¹⁸ например: дяңхи-сы 'блестеть' - дяңхи-лэ-сы 'заблестеть'; кэрбуди 'хотеть' - кэрбу-лэ-са 'захотеть'; дбрэ-дя 'плакать' - дбрэ-

---

¹⁸ В грамматическом очерке Г.Н.Прокофьева эта форма не была отмечена. В качестве форманта вида начинательного действия им указан суффикс -м (по нашему определению, показатель, характеризующий становление действия), см.: Прокофьев Г.Н. Аганасанский (тавгийский) диалект, с.71.

лэ-са 'заплакать'; мунсэ-дя 'кипеть' - мунсэ-лэ-са 'вскипеть'; дярэзы-сы 'болеть' - дярэзы-кэ-ди 'заболеть'; някизи-си 'брать' - някизи-кэ-ди 'начать брать'; китэ-дя 'будить' - китэ-"кэ-са 'начать будить'; буа"тэ-сы 'перешагивать' - буа"тэ-кэ-ди 'начать перешагивать'.

В определенных случаях присоединение форманта со значением начинательности действия сопровождается изменением звукового состава основы: хиди-си 'смеяться' - хиси-ле-си 'засмеяться', кэйци-си 'петь' - кэйцэ-лэ-са 'запеть', лаңур-ся 'кричать' - лаңэ-"кэ-са 'закричать'.

Форма начинательного действия образуется как от неприводных, так и от производных глагольных основ со значением длящегося действия. При этом форманты множественного и несовершенного действия утрачиваются, например: сәңү-р-са 'глядеть' - сәңү-ле-са 'поглядеть'; ху-р-сы 'искать' - ху-лэ-сы 'поискать, начать искать'; һаму-р-са 'есть' - һамэ-"кэ-са 'начать есть'; барэ-тэ-са 'ждать' - барэ-лэ-са 'начать ждать; подождать'; буа"-ты-р-ся 'шагать' - буа-мэ-сы 'шагнуть'.

При определенном фонетическом строении основы в этом случае наблюдается и чередование звуков: һаңгу-ту-са 'кричать' - һаңкэ-рэ-са 'закричать'.

Рассматриваемая форма обозначает начало действия, отвлеченное от первоначальной длительности производящей основы.

Для формы начинательного действия характерно употребление нескольких суффиксов с приблизительно одинаковым (или во всяком случае близким) видовым значением. Не исключена возможность, что между ними имеются какие-либо оттенки значения. Пока этого установить не удалось.

Примеры употребления: Тэйриэ соймү сойбули"э 'Послышался гул самолета'; Чайки"э 'Они начали пить чай'; Быты тунэряңгум-сы дяухыли"э 'Вода, успокоившись, заблестела'; Немыэ мәнэ китэ "кэса чүймэ някөли"э 'Мать, начав будить меня, дернула спальный мешок'; Ту нини һүзитуо нитэ мунсэлэса хорбали"э 'Висящий над огнем котел, вскипев, забурил'; Тай тону"са сыты кэйцэли"э ситэбы бэлы 'Погоняя оленей, он запел песню на мотив сказки (букв.: запел песню сказки)'; Мä хулэңың? 'Что ты начал искать?'

При помощи суффикса -м формируются производные глаголы, обозначающие изменения, происходящие с предметами, или приобретаемые ими тех качеств, свойств, которые характерны для производящей основы. Основное значение этих глаголов 'стать кем-, чем-либо, каким-либо'. Глаголы этого типа образуются как от предметных, так и от качественных именных основ, от основ количественных числительных, определительных местоимений, а также от глаголов качественного состояния, например: дирба 'иной' - дирба-м-са 'стать с инеем, заиндеветь'; нумаңку 'молодой' - нумаңку-м-са 'стать молодым'; чүзү-ся 'быть жирным' - чүзү-м-ся 'стать жирным'.

При определенном строении основы присоединение суффикса -м сопровождается фонетическим изменением ее состава, например: дялы 'день, свет' - дяла-м-са 'стать днем, стать светлым'; козу 'пурга' - коту-м-са 'стать пургой, запуржить'; бахи 'дикий олень' - баби-м-ся 'стать диким, одичать (об олене)'; катәгә 'светлый' - катәги-м-си 'стать светлым, рассветить'; нәмәгә 'прямой' - нәмәги-м-си 'стать прямым, выпрямиться'; хоймәгә 'темный' - хоймәги-м-си 'стать темным, потемнеть'; тасәгә 'горький' - тасәги-м-ся 'стать горьким'; чesәгә 'холодный' - чesәги-м-си 'стать холодным, похолодать'; хеңкә 'черный' - хеңги-м-си 'стать черным, почернеть'; ситі 'два' - сизи-м-си 'стать вдвоем'; чете 'четыре' - четі-м-си 'стать четвером'; һазу-сы 'быть видным' - һәту-м-сы 'стать видным, показаться'.⁴⁹

Присоединение форманта -м может сопровождаться добавлением звука, в отдельных случаях переходом монофтонга в дифтонг: дир 'жир' - дир-и-м-си 'стать жирным, засалиться'; мәңкә 'нужда, бедность' - мәңкә-й-м-ся 'стать бедным'; нагүр 'три' - накүр-ү-м-ся 'стать троим'; һукәгә 'многочисленный' - һукәгә-й-м-си

---

⁴⁹ Некоторые глаголы с тем же оформлением и значением отмечаются в ненецком языке: һадй(сь) 'быть видным' - һадимзэ 'стать видным', һайць 'быть жирным' - һаймзэ 'стать жирным' и др. Ср. в близком употреблении суффикс -мы коми-зырянского и удмуртского языков. В том же основном значении - переход из одного состояния в другое - суффикс *-ш употреблялся и в прауральском языке-основе.

'стать многочисленным!'; хунсэ 'иной' - хунсэ-й-ы-си 'стать иным, измениться'; бигай 'река' (2-я основа бикā) - бикау-м-са 'обла- зоваться - о реке' и др.

Практически форма со значением 'стать кем-, чем-либо, ка- ким-либо' может быть образована от любой именной основы, если только это допустимо по смыслу.

От глаголов, обозначающих становление действия, последова- тельно образуется форма со значением несовершенности, например: котум-са 'стать пургой' - коту-м-тэ-са 'становиться пургой', хекэги-м-си 'стать горячим' - хекэги-м-тэ-ди 'становиться горя- чим', нягим-си 'стать хорошим' - няги-м-тэ-ди 'становиться хо- рошим', џэту-сы 'стать видным' - џэту-м-тэ-сы 'становиться вид- ным', кочегалим-ся 'стать здоровым' - кочегали-м-тэ-са 'стано- виться здоровым'.

Рассмотренная форма характеризует постепенное нарастание действия, сопровождающееся известными качественными изменения- ми.

Примеры употребления: Немъзы нўоным"э, мэрүкэтэ туркудя няньсўли"э 'Мать ее гагарой стала, с берега в озеро скатилась' (нўоныэ 'гагара'); Бабимкўми 'Давай дикими оленями станем' (ба- хи 'дикий олень'); Ёуоузу котуму"о 'Началась пурга (букв.: небо- его пургой стало)' (козу 'пурга'); Ны нўорэ ани"имся нягими"э 'Дочь твоя, большой став, хорошая стала' (нягэ 'хороший'); Но- руо коу џэтум"э 'Показалось весеннее солнце' (џэтумсы 'пока- заться'); Ёуоузу хунсэйми"э 'Небо изменилось' (хунсэ 'иной'); Нб- руму нитэйми"э 'Медь стала котлом'; Баса кумауму"о 'Сталь ножа- ми стала'.

Глаголы становления действия нередко образуются от формы необладания, например: бахигалимся 'стать без дикого оленя' - бахи 'дикий олень'; џэмсугалимся 'остаться без еды' - џэмсу 'еда'; дўтўгалимся 'остаться без руки' - дўтў 'рука'; магэличе- калимся 'остаться ни с чем (букв.: остаться без что)' - ма 'что'.

При этом в ряде случаев глагол употребляется в переносном значении: кочегалимся 'стать здоровым (букв.: стать безболез- ненным)' - коче 'болезнь'; сеймыгалимся 'стать слепым (букв.: стать безглазым)' - сейми 'глаз'; џаукалимся 'стать немым (букв.: стать безротым)' - џау 'рот'; макалимся 'стать бездом- ным (букв.: стать бесчумным)' - ма" 'чум' и др.

Примеры употребления: Ёэмсугалимся басадў"ому" 'Оставшись без еды, мы пошли на охоту'; Дўтўгалимся џи"тэты џудиты 'Остав- чись без руки, он еще работает'; Магэличекалимся куо"ки"эм 'Ос-

тавшись без ничего, умираю'; Басурэмуму" бахигалимү"б 'Место нашей обычной охоты стало без дикого оленя'; Магәличекалимү"бу мәнә мантәнә 'Ты остался без ничего, как и я'; Магәличекалимү"-бм тәнә низәтә 'Я остался без ничего из-за тебя'; Иерә сеймигялими"ә, тәндә хуо цаукалимү"б 'Вначале он ослеп, после стал немым'.

Форма неполного действия

Глаголы, обозначающие исполноту действия, характеризуются суффиксом -пту/-пти: сакәлә-са 'укусить' - сакә-пту-са 'прикусить'; сурхобә-са 'нагнуться' - сурхо-пту-са 'пригнуться'; бя-рә-ди 'открыть' - бя-рә-пты-сы 'приоткрыть'; хельды-сы 'прибавить' - хель-пты-сы 'подбавить'; дөрә-дя 'плакать' - дөрә-пту-са 'поплакать, всплакнуть'; дилә-ди 'поднять' - дилә-пты-сы 'приподнять'.

Примеры употребления: Бау милитиә нәмсумту сакәпта"а 'Собака прикусила отданное ей мясо'; Маза ууа бя-рәптысы сәүүли"инә бәңд"иа 'Приоткрыв входное отверстие чума, я посмотрел наружу'; Юли"а сурхоптуса сәдемты качеми"ә 'Пригнувшись вниз, он увидел свою дорогу'; Хи́замту цонәй" хельптысы сярсыки"ә 'Еще подбавив в чашку, он стал пить'; Нюмә нимә"күрий дөрәпта"изә 'Ребенок мой немножко всплакнул'; Лүчи диләптысы нөбитү"б бәбә-ти" 'Приподняв парку, он сел на шкуру'; Нюмты цәмәптугуйся тә-птә дөрәкәту 'Подкармливая ребенка, она тоже плачет'.

Присоединение суффикса -пту/-пты сопровождается отпадением видовых и словообразовательных формантов.

Формант -пту/-пты (с его фонетическими вариантами) омонимичен суффиксу, при помощи которого от непереходных основ образуются переходные глаголы. Глаголы, имеющие в своей основе суффикс -пту/-пты, могут обозначать как переходное, так и исполное действие.

Примеры употребления: Немы колы кәңдыпты"ә 'Мясо заморозила рыбу'; Чесәгә туркуй цонә бикай кәңдыпты"ә 'Мороз подморозил озера и реки'; Турку бәрә чүдя нәнсупты"эми" тәйү" 'Дорожники до берега озера, мы остановили оленей'; Деру"туону" цәнә"санә буод-дя тәйү" нәнсупты"эми" 'Разговаривая с незнакомым человеком, мы приостановили оленей'.

Неполнота действия подчеркивается обычно при помощи слова нимә"кү 'немного'.

Как можно заключить из предшествующего изложения, различные суффиксы видовой направленности могут контаминироваться. В результате к одной и той же глагольной основе могут присоединяться несколько формантов видového значения, например:

туопту-са 'прочитать' - туопту-гуй-ся 'читать' (длительное действие) - туопту-гуй-мумба-са 'читать' (обычное действие);

хотэ-дя 'написать' - хозэ-тэ-са 'писать' (несовершенное действие) - хозэ-ту-р-са 'писать' (множественное действие) - хозэ-ту-р-мумхон-са 'писать' (обычное действие);

сакэлэ-са 'укусить' - сакү-тэ-са 'кусать' (несовершенное действие) - сакэ-пту-са 'прикусить' (неполное действие) - сакэ-пту-гуй-ся 'прикусывать' (длительное действие) - сакэ-пту-гуй-нар-са 'прикусывать много раз' (множественное действие) - сакэ-пту-гуй-мумба-са 'прикусывать обычно' (обычное действие) - сакэ-пту-гуй-мумба-нар-са 'прикусывать обычно много раз'.

Присоединяясь к одной и той же глагольной форме, каждый из показателей видовой направленности сохраняет присущее ему значение. В результате достигается большая возможность конкретизации особенностей протекания действия.

Невозможно сочетание в пределах одного глагольного слова показателей таких форм видовой направленности, которые по своему содержанию являются взаимоисключающими.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

Отыменные глаголы

Образование отыменных глаголов в нганасанском языке строится в основном по тем же моделям, что и в других самодийских языках, в частности в ченецком. Различается как суффиксальное образование отыменных глаголов, так и образование по способу конверсий. При этом бессуффиксальное преобразование именных основ в глагольные является в нганасанском языке довольно распространенным, например: коу 'ухо' - коу-ся 'метить уши (оленим)'; хиди 'смех' - хиди-си 'смеяться'; дяри 'боль' - дяри-си 'болеть'; үэзу 'вид' - үэзу-сы 'быть видным'; дёнку 'прорубь' - дёнку-дя 'прорубить лед'; муңку 'лес' - муңку-са 'приехать в лес'.

Основы и именных, и глагольных слов в этих построениях близки по своей структуре. Однако, как только они поступают в распоряжение грамматики, обнаруживается, что сходство между ними лишь внешнее. Присоединив к своей основе тот или иной грамматический формант, каждое из таких слов оказывается в своем парадигматическом ряду (именном или глагольном).

Так, например, от непроизводной основы муңку- путем прямого присоединения словоизменительных суффиксов без особых словообразовательных морфем образуются существительное и глагол: муңку-ті "в лес", муңку-тіні "в лесу", муңку-гита "из леса" - ср. муңку"-дуо-му" "мы приехали в лес", муңку"-дўо-ру" "вы приехали в лес", муңку"-сўтў-нў" "мы приедем в лес", муңку"-сўзў-тў" "вы приедете в лес", муңку"-на-нду" "приезжайте в лес" и т.д.

Подобные парадигматические ряды, характеризующие то или иное слово как определенную часть речи, являются особым способом различения словарных единиц, связанных тождеством основы. Тем самым они существенно отличаются от обычных парадигмы (как системы форм), не дифференцирующих слова по частям речи.

При таком морфологическом строении слова парадигма служит целям как словоизменения, так и словообразования, поскольку принадлежность к части речи определяется отнесением к парадигматическому ряду: при склонении непроизводная основа слова закрепляется как именная, при спряжении - приобретает значение глагольности. Этот способ словообразования принято называть соотношением по конверсии. Мысль о словообразовательной роли парадигмы, т.е. о словообразовании без посредства словообразовательных морфем, впервые выдвинутая А.И.Смирницким, бесспорно представляется весьма плодотворной не только для английского, но и для целого ряда других языков.⁵⁰

Таким образом, материально и семантически однородные именные и глагольные основы являются неоднородными в грамматическом плане: будучи цельнооформленным, каждое из этих слов выполняет в предложении различную синтаксическую функцию, которая и определяет в конечном счете его отнесение к той или иной части речи

---

⁵⁰ Смирницкий А.И. 1) Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. - "Иностранные языки в школе", 1953, № 5, с.21-32; 2) По поводу конверсии в английском языке. - "Иностранные языки в школе", 1951, № 3, с.12 и след.

В ряде случаев, однако, присоединение показателя неопределенной формы (т.е. переход имени в глагол) сопровождается определенными фонетическими изменениями основы, в том числе изменением количественной стороны гласного и заменой дифтонга монофтонгом, а в известных случаях, наоборот, - переходом монофтонга в дифтонг, например: лаңи 'пламя' - лаңы-ди 'гореть'; нилу 'жизнь' - нилы-ди 'жить'; хузар 'лямка' - хутура-са 'запрячь'; бахи 'дикий олень' - бахи-ся 'пахнуть мясом дикого оленя'; колы 'рыба' - колй-си 'пахнуть рыбой'; соруа 'дождь' - сору-дя 'идти (о дожде)'; һәңдуй, вторая основа һәнтү 'лодка' - һәнтәү-дя 'ехать на лодке'.

Глагольные основы, образованные путем конверсии, обычно являются непереходными. При дальнейшем словопроизводстве непосредственно к их основе (как неизменной, так и измененной) могут присоединяться показатели видовой направленности и форманты переходности, например:

лаңү 'крик' - лаңү-р-ся 'кричать'; сани 'игрушка' - сани-р-ся 'играть'; ситәбы 'сказка' - ситәбы-р-сы 'рассказывать сказки'; бы", вторая основа быза 'вода' - бызы-р-сы 'пить воду'; муңку "лес' - муңку"-тә-са 'ездить в лес'; кәмнә 'стая' - кәмна-нту-са 'лететь стаей'; контә 'кровавая жертва' - кондү"-тә-са 'приносить кровавую жертву'; лахо 'маскировочный щит для охоты на дикого оленя' - лахуа-тә-са 'идти охотиться на дикого оленя с маскировочным щитом'; дүрмы 'рассказ' - дүрмы-кә-ди 'рассказывать'; хейбы 'жара' - хейбы-ры-сы 'согреть'; сыр'соль' - сыру-пту-са 'посолить'; сәңкәгә 'тяжесть, вес' - сәңкә-пту-са 'свесить на весах'.

Как и в ряде других языков, в нганасанском глаголы, соотносящиеся с именами по способу конверсии, противопоставляются глаголам, образованным от имен посредством специальных словообразующих формантов, присоединяемых к основе имени. Такие форманты сообщают вновь образуемой основе иное лексическое содержание, например:

бакуну 'осетр' - бакуну-зу-са 'добывать осетров'; хельә 'часть, половина' - хель-зы-сы 'долить, дополнить, прибавить (букв.: дополовинить)', тә 'домашний олень' - та-нү-ся 'пахнуть оленьиной'; ним 'имя' - ним-ті-сы 'дать имя, наименовать'; колы 'рыба' - колы-зы-сы 'рыбачить'; дими 'клей' - дими-ле-сы 'за-клеить'.

С присоединением словообразовательных формантов, изменяющих значение производящей основы, словообразовательная роль парадигмы, естественно, отступает на второй план. При таком обра-

зовании каждая из основ, бесспорно, относится лишь к одному парадигматическому ряду: именная - к именному, глагольная - к глагольному.

Производящей основой отыменных глаголов являются не только существительные, но и прилагательные, числительные, например:

катәгә 'светлый' - катәгим-тә-дә 'светать', ср. казәр 'свет'; хоймәгә 'темный' - хоймәгим-си 'стемнеть, потемнеть'; нагүр 'три' - накүрү-мтү-дә 'утроить'; четә 'четыре' - четә-мты-сы 'учетверить'.

Следует отметить, что суффиксы, посредством которых образуются отыменные глаголы, в своем большинстве материально совпадают с внутрикатегориальными глагольными суффиксами переходности.

Для нганасанского языка характерно наличие основ, служащих в качестве корневой морфемы как для имен, так и для глаголов. При этом и существительные, обозначающие опредмеченное качество, и прилагательные образуются при помощи общего специального форманта, а глаголы - чаще бессуффиксальным путем:

сәүкә- - сәүкә-гә 'тяжесть' - сәүкү-са 'быть тяжелым'; чәсә- - чәсә-гә 'холод, стужа' - чәси-си 'быть холодным'; тәүкә- - тәүкә-гә 'сильный', 'богатырь' - тәүкә-ди 'быть сильным'; хәкә- - хәкә-гә 'жара' - хәкү-сы 'быть жарким, горячим'; тасә- - тасә-гә 'горький' - тасү-ся 'быть горьким'; дярә- - дярә-гә 'болезнь' - дярә-зы-сы 'болеть'.

Глаголы качественного состояния могут быть также образованы от основ прилагательных и определенных групп существительных с соответствующей семантикой, например:

нәүхә 'плохой' - нәүхү-дә 'быть плохим'; үзү 'вид' - үзү-сы 'быть видимым'; чү" 'сало' - чүзү"-ся 'быть жирным'; хылә 'страх' - хыләнди-си 'быть страшным'; бәлуа 'злой' - бәлуачү-са 'злиться'.

Ряд отыменных глаголов образован от количественных числительных, например: сизі"тәсы 'держат двух оленей' - ситі"два', четі"тәсы 'держат четырех оленей' - четә 'четыре', мәтүзү"тәдә 'держат шесть оленей' - мәтү" 'шесть'.

Примеры употребления: Тәүдә мәтүзү"тәкәндүм 'летом держу шесть [оленей]', ср. приблизительно в том же значении: Тәүдә мәтүзә тә хоңәйкәндүм; Мәтүзү"тәкәбү" тә" тәүкәммәбят" 'Если запрягать шесть, олени бывают сильные'; 'сеті"тәсы найбымәны басутуму" 'Держа четырех [оленей], далеко охотимся'.

Глаголы могут быть образованы от наречий и послелогов, например: нерә-ны 'вперед' - нерә-зы-сы 'быть, находиться впер-

ди, ехать, идти впереди'; хоу-ну 'позади' - хоу-жу-са 'быть, находиться позади, ехать, идти позади'; бэнтуну 'наверху' - бэнтуну-жа-са 'оказаться выше кого-, чего-либо'; ниле-ну 'под кем-, чем-либо' - ниле-жу-са 'быть под кем-, чем-либо, быть внизу'; нири 'вместе' - нири-ми-си 'ехать рядом'. Такие наречия и послелогии представляют по своему происхождению форму местно-творительного падежа имени, ср.: нерэ 'перед', 'передняя часть чего-либо', хоуде 'зад', 'задняя часть чего-либо', ниле 'низ', бэнтуну 'верхний'.

Употребление этих глаголов может быть показано на следующих примерах:

Десымэ хезытыты нерэжысы, мэнэ хезытытым хоужуса 'Отец идет впереди, а я - позади (букв. отец-мой, будучи впереди, идет, я иду, будучи позади)'; Иинимэ сѳарту нану торуаса бэнтунуадү"о 'Мой старший брат, борясь со своим другом, оказался наверху'; Сити хезытытыгэй ниримиси 'Они-двое идут рядом (букв. они-двое идут-они-двое, будучи рядом)'; Тэндэ коптуатэ ниримики"э 'Он поехал рядом с той девушкой (букв. той девушки-твоей рядом-поехал-он)'.
 Глаголы могут быть образованы и от наречий времени, в свою очередь происшедших от существительных, например: хй 'ночь' - хй-ндя 'ночью' - хи-ндя-жу-са 'бодрствовать ночью', 'полуночищать'; ср. глагол бā-дя 'бодрствовать (вообще, без указания времени)'; Норудя хиндязухонтуму" 'Весной мы бодрствуем по ночам'. Ср.: дялы 'день' - дялы-дя 'днем' - дялы-жысы 'проводить день (букв. дневничать)'; коундер (или дялы коундер) 'полдень' - коундер-э-жы-сы 'полдничать'.

По семантическим признакам выделяется ряд групп отыменных глаголов.

1) Глаголы, выражающие действие, производимое каким-либо орудием или предметом, например: хужар 'лямка' - хутурэ-са 'запрячь'; хōа 'палка' - хōсү-ди 'ударить палкой'; мөнүй 'кулак' - мәнэмэ-сā 'ударить кулаком'; күмā 'нож' - күмаупту-са 'применить нож'; кэри"э 'хорей' - кэри"итэ-дя 'пользоваться хореем'; деңгуй 'ловушка' - деңгуйче-сы 'пользоваться ловушкой'.

2) Глаголы, обозначающие передвижение при помощи того или другого предмета, например: кэнтэ 'нарта' - кэндү"тэ-са 'ехать на нарте'; үнсүзэ 'запряженная легковая нарта' - үнсүзү-ся 'ехать на легкой нарте'; нэндуй 'лодка' - нэнтэу-дя 'ехать на лодке'; черэ"си 'верховой олень' - черэ"сини"тэ-сы 'ехать верхом на олене'; дүндүа 'лошадь' - дүндүатэ-са 'ехать на лошади'; тутэ 'лыжа' - тузү"тэса 'идти на лыжах'.

3) Глаголы, передающие место назначения движения: муңку 'лес' - муңку"-са 'приехать в лес, перекочевать на зимовку'; тәңә 'лето' - тәңә"-са 'перекочевать на летнее стойбище'; лахо 'маскировочный щит для охоты на дикого оленя' - лахуатә-са 'идти охотиться на дикого оленя с маскировочным щитом'; колы 'рыба' - колыжа-сы 'ехать рыбачить'; хельә 'родня' - хельәжысы 'ездить к родне'; дям 'море' - дямү"тә-са 'лететь в теплые страны (за моря) - о птицах'.

4) Глаголы часто повторяющегося действия, характеризующие: а) род деятельности субъекта (охотиться на кого-либо, собирать что-либо, заниматься чем-либо и т.д.), суффикс -жу/-жы, например: һүляжә 'волк' - һүляжәжу-са 'охотиться на волков'; депту 'гусь' - дептужу-са 'охотиться на гусей, гусятничать'; кәхи 'куропатка' - кәхижы-сы 'охотиться на куропаток'; тунты 'лисица' - тунтыжы-сы 'охотиться на лисиц'; сатәрә 'песец' - сатәрәжу-са 'охотиться на песцов'; һута 'ягода' - һутажу-са 'собирать ягоды'; мурыңга 'морoshка' - мурыңгажу-са 'собирать морoshку'; һә 'шаман' - һәтәжә-сы 'шаманить';

б) потребление тех или иных продуктов питания (есть, пить что-либо); так, наряду с глаголами һәмса"са, һәмурса 'есть что-либо' имеются глаголы более узкого, конкретного содержания, например: һәмсу 'мясо' - һәмсайр-ся 'есть мясо'; дир 'жир' - дирый-си 'есть жир'; чирими 'икра' - чиримир-си 'есть икру'; дягәдә 'ягода' - дягәдәир-ся 'есть ягоды'; колы 'рыба' - колайр-ся 'есть рыбу'; бы" 'вода' - быты-ди 'выпить воды'; чай 'чай' - чайир-сы 'пить чай, чаевничать'.

5) Глаголы, обозначающие обладание свойством или качеством, свойственным лексическому содержанию производящей основы, например запахом:

һәмсу 'мясо' - һәмсү-ся 'пахнуть мясом'; колы 'рыба' - колы-си 'пахнуть рыбой'; депту 'гусь' - дептү-ся 'пахнуть гусятиной'; мурыңга 'морoshка' - мурыңгай-ся 'пахнуть морoshкой'; һута 'ягода' - һутаў-ся 'пахнуть ягодой'; һүтә 'трава' - һүтәў-ся 'пахнуть травой'; кириба 'хлеб' - кирибаў-ся 'пахнуть хлебом'; кинтә 'дым' - кинтәй-ся 'пахнуть дымом'; хихиә 'вареный' - хихи-ся 'пахнуть вареным'; бахижәй 'гриб' - бахижәй-ся 'пахнуть грибами'; тә 'домашний олень' - тәнү-ся 'пахнуть оленьиной'.

6) Глаголы, передающие различные действия или состояния в зависимости от значения производящей именной основы, например: козу 'пурга' - котумтә-са 'пуржить'; хәа " 'дрова' - хәй"тәсы 'колоть дрова'; сыр 'лед' - сыруй-ся 'ходить за льдом'; ним 'имя' - нимті"ли-си 'называться, именоваться'; дүрымы 'рассказ'

- дүрмүккө-ди 'рассказать'; буа 'шаг' - буамә-сы 'шагнуть'; мәнүкә 'нужда' - мәнүкә"тә-са 'нуждаться'; нүө 'ребенок' - нүөче-би" 'рожать'; кинтә 'дым' - кинтәзы-сы 'дымить'.

7) Глаголы, имеющие значение 'проводить какое-либо время', например: норуо 'весна' - норуозу-са 'проводить весну'; тәңә 'лето' - тәңәзу-са 'проводить лето'; сүрүб 'зима' - сүрүбзу-са 'проводить зиму'; бәү"тәса 'проводить' (ср. словосочетания: тәңә бәү"тәса 'проводить лето', сүрүб бәү"тәса 'проводить зиму').

8) Глаголы со значением 'играть во что-либо',⁵¹ например: нүөзаяй 'кукла' - нүөзаяйр-ся 'играть в куклы'; ма" (вторая основа маза-) 'чум' - матәзаяйр-ся 'играть в чум'; тә 'олень' - тәзаяйрся 'играть в олени'; кәнтә 'нарты' - кәнтәзаяйрся 'играть в нарты'; картә 'карты' - картәйрся 'играть в карты'; катәрий 'шашка' - катәрийрся 'играть в шашки' (также 'играть в шахматы').

От некоторых именных основ может быть образован ряд глаголов с различным значением, например:

колы 'рыба' - колызы-сы 'ловить рыбу', 'рыбачить', колызя-сы 'ехать рыбачить', колайрь-ся 'есть рыбу', колй-си 'пахнуть рыбой', колапту-са 'смешать с рыбой', колапту-са 'накормить рыбой', колам-са 'стать рыбой' и др.;

бы" (вторая основа бызә-) 'вода' - быты-ди 'выпить воды', бызыр-сы 'пить воду', бызырнжыты-ди 'хотеть пить', бызыпты-сы 'напоить водой', бытәлә-сы 'развести водой', бытум-сы 'разлиться (о водоеме)', бытумты-сы 'затопить водой', бытәбу-сы 'течь', 'протекать (об обуви, судне)' и др.;

ма" (вторая основа маза-) 'чум' - мазу"тә-са 'жить в чуме', матумун-са 'держат в качестве хозяйки чума', мазай-сы 'гостить не в своем стойбище', матүзү-ся 'гостить в том же стойбище', мазайсү"-ся 'получить в подарок', мазайсү"лүптү-дя 'подарить' (ср. мазайсүо 'подарок'), матәзаяйр-ся 'играть в чум', мазуйче-са 'ставить чум', матәлә-са 'приобрести запах чума', маталәрудя 'поставить чум над покойником' (ср. маталир 'чумок, который ставят на месте захоронения') и др.

---

⁵¹ Ср. глагол санірся 'играть в сочетаниях типа: нүочини санірся 'играть ногами (ходить легко, свободно)'; сиәдетәны санірся 'играть языком (болтать вздор)'.

Примеры употребления: Туркуру" бытумы"э 'Ваше озеро разлилось'; Норудя бигайму" бытумымояты 'Весной наша речка обычно разливается'; Бәрбә хйртә бытәли"э 'Хозяин развел спирт водой'; Мазаисы конь"би"нәмынту исүзә 'Гостить мне поехать - вернее будет'; Җадянтазуң коптуамту матумунту 'У младшего из них хозяйство ведет сестра (букв.: младший-из-них девушку-свою хозяйкой-чума-держит)'; Ны" мазуйчеса норбытунду" 'Женщины, ставя чум, суетятся'; Пербя"ку" матазыйрся бәндей кәри"әй нуния"а 'Девочки, играя в чум, собрали все хореи'.

Помимо общего значения 'говорить', средствами нганасанского языка выражаются и более частные, конкретные понятия: 'говорить на том или ином языке', 'говорить как', например: буо-дя 'говорить' - нядетә-дя 'говорить по-нганасански', лүб"ситә-дя 'говорить по-русски', асязәтә-дя 'говорить по-долгански', дүря"кәтә-дя 'говорить по-ненецки', сама"тутә-дя 'говорить на наречии маду', байзә-са 'говорить на наречии бай', җамуйчи-си 'говорить пискливым голосом', хыяр-сы 'говорить грубым голосом', хйри-тә-сы 'говорить резко'.

Примеры употребления: Лүб"ситәдя деру"са нядзә"ки"э 'Не умея говорить по-русски, он начал по-нганасански'; Десымә бәндей буозуй ченныты. Дүря"кина дүря"кәзәкәту, сама"тана сама"тузәкәту, байна байзәгәту 'Мой отец все языки знает. С ненцами говорит по-ненецки, с самату - на наречии маду, с баями - на наречии бай'; Җадямә мунунту җамуйчиси 'Мой младший брат говорит пискливым голосом'; Инызы хйритәки"э: «Тәга"а конь"!» 'Его дядя сказал резко: «Уходи отсюда!»'

Глаголы этого типа также происходят от именных основ: ни - самоназвание нганасанской народности - нядетәдя 'говорить по-нганасански', лүб"са 'русский' - лүб"ситәдя 'говорить по-русски', ася 'долганин' - асязәтәдя 'говорить по-долгански', дүря"кә 'енец' (от слова врак) - дүря"кәтәдя 'говорить по-ненецки', сама"ту 'енец племени маду' - сама"тутәдя 'говорить на наречии маду', бай 'енец племени бай' - байзәса 'говорить на наречии бай', җамуйси 'пискливый, пискливый' - җамуйчиси 'говорить пискливым голосом' и т.д.

Производные глаголы могут быть образованы и от основ заимствованных существительных, если они воспринимаются наравне со словами родного языка, например: чай - чай"кә-сы 'выпить чаю', чайыр-сы 'пить чай', чайнты-сы 'наполить чаем', чайптыгуй-си 'пить чаем', чайриҗентә-ди 'хотеть пить чай', чайлә-сы 'заварить чай'; сакыр 'сахар' - сакырупту-дя 'подсластить', сакыруптукуй-

-ся 'сластить', сакырум-ся 'стать с сахаром', сакырайр-ся 'есть сахар'; дягадэ 'ягода' - дягадэйр-ся 'есть ягоды', дягадэй-ся 'пахнуть ягодами', дягадэту-дя 'собирать ягоды'.

Основа значительного числа отыменных глаголов включает в себя логический объект, подвергающийся воздействию со стороны того или другого субъекта. Отсюда некоторая противоречивость данной категории слов, ее двойственная природа. В грамматическом плане - это в большей части обычные непереходные глаголы, изменяющиеся по субъектному спряжению, поскольку акцент в них делается не на предмет, а на само действие. Однако семантика большинства глаголов этого типа близка семантике переходных глаголов. Они характеризуются внутренней транзитивностью, поскольку, как правило, объект действия содержится в их основе. Поэтому приблизительно то же значение может быть передано другим путем: сочетанием глагола с объектом действия, каждый из которых выражен отдельным словом. При логическом выделении активно производящегося действия в нганасанском, как и в других языках, употребляются специальные глаголы с довольно широкой сочетаемостью: 'добывать', 'собирать', 'есть', 'пить', 'пахнуть', 'идти', 'ездить' и др. Ср., например: дептузуса и депту"дя басудя 'охотиться на гусей', сатэрэзуса и сатэри"дя басудя 'охотиться на песцов', нэмсайрся и нэмсу нэмса"са 'есть мясо', чайирсы и чай снэрссы 'пить чай', нутазуса и нузай нуңунтаса 'собирать ягоды', сыруйся и сырэ худисы 'ходить за льдом' и др. Ср. во фразовых примерах:

Эмэ тэңэ нйгэй" дептузусуому" 'Этим летом мы хорошо охотились на гусей (букв.: гусятили)' - Эмэ тэңэ нйгэй" басудюму" депту"дя 'Этим летом мы хорошо охотились на гусей'; Хбу"тандум - Коннитандым хбу"дя 'Иду за дровами'; Сытнү нэмсамтү" и Сытнү нэмсу нэмса"ту" 'Они едят мясо'; Тэңэдэ колызүгэтым 'Летом рыбачу'; Эмты бигайчену колыи кэмузүгэтым 'В этой реке рыб ловлю'.

Приведенные предложения не являются тождественными ни по своему содержанию, ни по своей структуре. Первые из них обозначают занятие субъекта. При этом действие и его объект, движение и его направление выражаются слитно, в рамках одного слова. Вторые предложения передают те же отношения раздельно, в силу чего глагол управляет именем в соответствующей падежной форме.

Отыменные глаголы спрягаются на общих основаниях: они изменяются по лицам, числам, временам, наклонениям, образуют различные формы видовой направленности при помощи тех же суффиксов, что и другие глаголы. Заключая в своей основе значение

прямого или косвенного объекта, орудия, направления действия и др., отыменные глаголы как норма не могут обозначать действия, переходящего на какой-либо объект. В силу этого, изменяясь по субъектному спряжению, они сближаются с непереходными глаголами типа кундуаса 'спать', кэйңи"ся 'петь', мунсэдя 'кипеть', хезытсын 'идти', 'ехать' и т.д. Лишь при помощи присоединения форманта, характеризующего переходность действия, отыменные глаголы приобретают транзитивность, например:

Нимтічиң нимті"тасы туйкэң 'Имена-им давать приходи!'; Бату хуазаңту мыңталасы дедимты неры"ли"э 'Неся свой мешочек, она пошла навстречу отцу'.

Примеры употребления отыменных глаголов: Мату нану ниньны немьпты"а хой хой"тэти 'Около его чума жена старшего брата колет дрова!'; Дяңуру" нидету четуамы хоймэгими"э 'В тундре совсем потемнело!'; Хүйтэ қаңгутугэту лаңгэтэса козу. Курэгунди котуму"о 'Постоянно кричит, требуя пургу. Наконец пурга началась!'; Козуту, таңкуңэйжа! 'Пурга, усилься!'; Маза кунсыэ мента кинтэймүмбату 'В чуме всегда пахнет дымом!'; Сундайчүдя депту" кэмнантуса тэйрмимбояты 'Осенью гуси летают обычно стаей!'; Норудя лахуатэса басубу" нягэ 'Весной хорошо охотиться на диких оленей с маскировочным щитом!'; Эмэ хүй кунину таңу"таңуму"? 'Где будем мы в этом году проводить лето?'

Глаголы обладания

Особую группу отыменных глаголов составляют в нганасанском языке глаголы обладания. Как показывает само название, глаголы этого типа включают в свою основу наименование того предмета, которым обладает субъект действия, например: сэму 'шапка' - сэма"тэса 'иметь шапку, находиться в шапке!'; сеймы 'глаз' - сеймы"тэсы 'иметь глаза, рассматривать!'; цуой 'нога' - цуо"тэса 'иметь ноги, трогать ногами!'; дүтү 'рука' - дүза"-тэса 'иметь руки, трогать руками!'; мирэ 'ступня ноги' - мирэй"тэса 'иметь ступни ног, наступать на что-либо, куда-либо!'; қаптэ 'волос' - қаптү"тэса 'иметь волосы!'; қаптэ 'рог' - қаптү"тэса 'иметь рога!'; тә 'олень' - тә"тэса 'иметь оленей!'; кәнтэ 'нарта' - кәндү"тэса 'иметь нарту!'; динтэ 'лук' - диндү"-тэса 'иметь лук!'.

Практически глаголы этого типа могут быть образованы от любой именной основы, если только это допустимо по смыслу. Производящей основой таких глаголов является форма родительного

падежа множественного числа. Включая в основу указание на объект обладания, по своему основному значению рассматриваемые глаголы в грамматическом плане являются непреходными. Исключением составляют глаголы, получившие и второе, производное значение: сеймы"тэсы 'иметь глаза', 'рассматривать'; дүзә"тэса 'иметь руки', 'трогать руками' и др.

К этой же группе относятся глаголы со значением 'быть с чем-либо': тубитізітади (тубитізи-тә-ди) 'быть с ружьем', күмау"тэса (күмау"-тә-са 'быть с ножом'), тобәкәй"тэса (тобәкәй"-тә-са) 'быть с топором' и др. Ср.: кондуйсянәй хонсы 'иметь оружие для убивания', күмә хонсы 'иметь нож', тобәкә хонсы 'иметь топор', дүзүй хонсы 'иметь руки', где аналогичное значение передается аналитическим путем.

Примеры употребления: Талуо десымә тубитізітадиәдә 'Вчера мой отец с ружьем был'; Күмау"тэса басуту 'С ножом охотится'; Тобәкәй"тэса хәуру 'С топором пошел по дрова'. Ср.: Күмә хонсы басуту 'Имея нож, охотится'; Десымә дүзүй хонсы мәрәй нусы"мым-баты 'Мой отец, имея руки, все делает'; Күмәгай ися тобәкә хонты 'Будучи без ножа, имеет топор'.

Глаголы необладания

По своему значению и употреблению глаголы необладания противостоят глаголам обладания. Образуются они при помощи суффиксальной морфемы - гали/-гяли (-кали/-кяли), характеризующей отсутствие чего-либо. Эта суффиксальная морфема вставляется между основой и показателем неопределенно-деепричастной формы. Количество глаголов необладания, как и глаголов обладания, очень велико, поскольку в качестве производящей основы может употребляться любое существительное, если только это не противоречит смыслу. Чаще всего, однако, глаголы рассматриваемого типа выступают в форме становления действия, например: коли 'рыба' - колыгалимся 'остаться без рыбы'; та 'олень' - тагалимся 'остаться без оленей'; һапта 'волос' - һаптагалимся 'остаться без волос'; һамта 'рог' - һамтагалимся 'остаться без рогов'; кәнтә 'нарта' - кәнтәгалимся 'остаться без нарты'; чай 'чай' - чайгалимся 'остаться без чая'.

Глаголы необладания нередко употребляются в переносном значении: сеймы 'глаз' - сеймыгалимся 'стать слепым (букв.: остаться без глаз)'; кору" 'дом' - кору"калимся 'стать бездом-

ным (букв.: остаться без дома)'; нэ 'рот' - нэ калимся 'стать немим (букв.: остаться без рта)'.
Примеры употребления: Кириба касудей чайзандың нэ унүнтәмуң-хуанду" чайгалимхитиң 'Хлебные корки собирают на чай, когда останутся без чая', Тагалимся колызыки"ә 'Оставшись без оленей, он стал рыбачить'; Кәнтәгалимся кәнтәзәмту мельзи"ә. 'Оставшись без нарты, сделал себе новую'; Быкялимся сүрү быза нэ мә"ки"ә" 'Оставшись без питьевой воды, стали пить снежную воду'. Исимә сеймигалимся малатәну нэ мтүтү 'Мой дед, ослепнув, сидит только в чуме'; нэ калимся дүжүтинүнтү боуту 'Став немим, разговаривает руками'; Тәнә нигәтә талакалимү"ә" 'Из-за тебя они стали несчастными'.

В значении 'быть без чего-либо' используются обычно аналитические образования - сочетание имени в форме неопределенности с вспомогательным глаголом ися 'быть', например: колягай ися 'быть без рыбы', тагай ися 'быть без оленей', нэ птәгай ися 'быть без волос', нэ мтәгай ися 'быть без рогов', кәнтәгай ися 'быть без нарты', чайгай ися 'быть без чая', бахигай ися 'быть без дикого оленя', дүтүгай ися 'быть без руки', нэ йкай ися 'быть без ноги', тубизи"кай ися 'быть без ружья'.

Примеры употребления: Тагай ися нэ ндисы басутум 'Не имея оленей, охочусь пешком'; Кәнтәгали ися муану"ом 'Без нарты замучился'; Нягә быкяли ися сүрү быза нэ мса"туму" 'Не имея хорошей воды, снежную воду пьем'; Хонәнтуму" нэ мсугали ися 'Нам голодно без мяса'.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ СПРЯЖЕНИЯ

По своему лексическому значению отрицательные формы соотносятся с утвердительными формами глаголов того же значения. Грамматическая характеристика тех и других в основном одинакова. Отрицательные глаголы изменяются по лицам, числам, временам, наклонениям, типам спряжения (т.е. образуют субъектные, субъектно-объектные и субъектно-безобъектные формы), принимают некоторые словообразовательные суффиксы. Различие наблюдается в построении отрицательных и утвердительных предложений и в оттенках модальности.

Большинство качественых наречий являются морфологически нечленимыми и не оформляются каким-либо общим им всем словообразовательным суффиксом. Однако имеется несколько групп качественных наречий, отчетливо выделяющихся по своему происхождению:

а) Качественные наречия, являющиеся в своем генезисе формой родительного падежа множественного числа имен прилагательных, например: нйгэй" 'хорошо' - нйгэ 'хороший'; магэй" 'крепко' - магэ 'крепкий'; намэгэй" 'прямо' - намэгэ 'прямой'; мерэгэй" 'быстро', 'скоро' - мерэгэ 'быстрый', 'скорый'; хекэгэй" 'тепло', 'жарко' - хекэгэ 'теплый', 'жаркий'.

б) Качественные наречия, восходящие к форме продольного падежа единственного числа имен прилагательных, реже существительных, например, нэухомэны 'плохо' - нэухо 'плохой'; комэгэманн 'остро' - комэгэ 'острый'; ани"ка"амэну 'сильно' - ани"ка 'большой'; эракэрамэны 'красиво' - эракэрэ 'красивый'; хелидемэны 'поровну' - хелые 'половина', 'часть'; нилемэну 'низко' - ниле 'низ'; нуодемэну 'вслед' - нуоде 'след'.

в) В значении качественных наречий используются неопределенная и условная формы деепричастий, например: чиминси 'второпях' - чиминхи" 'торопиться'; кэрбудя 'охотно' - кэрбубу" 'хотеть'; бэотаса 'устало' - бэотаса 'уставать', 'быть усталым';¹² хойсүся 'ярко' - хойсүся 'быть ярким'; берэби" 'через (по простествии)' - берэби" 'пройти мимо'; дөдэтуса 'мутно' - дөдэтуса 'быть мутным'; сэжукуса 'тяжело' - сэжукуса 'быть тяжелым'; денинтысы 'прохладно' - денинтысы 'быть прохладным'; тэжүкэди 'сильно' - тэжүкэди 'быть сильным'; сойбуса 'слышно' - сойбуса 'быть слышным' и др.

Этот разряд качественных наречий интенсивно пополняется путем адвербиализации деепричастных форм.

г) Качественные наречия со значением необладания, образованные от существительных суффиксом -гали/-кали, например: Дүтүгяли курси"э 'Он вернулся без руки'; Баңкали басубу" баха 'Без собаки охотиться плохо'; Нэндуйкали колый кэмүзү" лэзи"сиэ" 'Без лодки они не могли ловить рыбу'; Хурси"эм мазунэдя сатэрэкали 'Я вернулся домой без песка'; Тэ" быкяли лэзи"ти" нилы" 'Олени без воды жить не могут'; Ны соймүңкали дөрэту 'Женщина беззвучно плачет'.

---

¹² Ср. наречие бэнузаңкэ 'утомительно', образованное от той же корневой морфемы бэнудя 'устать'.

лисызэм ту" 'Нет, не приду'; Туо", нисызаң мунтэ" 'Нет, не будешь караулить'; Матэ чйди дятэна нинтыгэй сэүүркэличе" 'Войдя в чум, на меня даже не смотрят'; Коптуамтуу качемэса нинды" кумуңкэличе" 'Увидев свою дочь, ничего не говорят (букв.: что не говорят-даже)'.⁵³

Спряжение вспомогательного глагола по тому или иному типу определяется значением знаменательного глагола.

Кроме глагола нисы, употребляется также отрицательный вспомогательный глагол касадя, служащий для обозначения едва не совершившегося действия,⁵³ например:

Турку такэза сэй"хү"өрэ мэнэ касадюу дизу" 'Когда ты стрелял из-за озера, меня чуть не застрелил'; Бата"а тэ кадымэ-нунэ туйхү"өту касадюомэ дяне" 'Когда олень-бегун прошел мимо меня, я чуть не поймал его арканом'; Нундуймэ касадя дөчүмэ" нойкагэй" 'Лодка моя, чуть не перевернувшись, накренилась'.

Для утверждения с оттенком вопроса употребляются личные формы слова нуолы- со значением 'как не ... , как же не ...', представляющего, по-видимому, по своему происхождению глагол, например:

Кэндэмтэ нуолым мелизэ"? 'Как же не сделаю твою нарту?'; Нуолуң бүү", тэче каңкэ хутуруңдү" 'Как же не поедешь, твои олени уже запряжены'; Нуолы ту", туйсузэ исюо тэ" 'Как не придет, должен был прийти'; Нуолыны" ниптү" тэңэ бэймэны? 'Как же не отдохнем за целое лето?'; Нуолынды" нэнсу" канімэли", күзүхү" мериги"эй" бүү"сүтүнү" 'Как же не встанете рано, завтра быстро уедем'.

Из приведенных примеров нетрудно заметить, что особенность спряжения рудиментарного глагола нуолы- зависит от семантики основного глагола.

Отрицательные вспомогательные глаголы включают в свою основу ряд глагольных характеристик, например:

Эмлади хотүрэ нигэты туоптугу" 'Такую книгу он никогда не читал'; Сүрүдягэличи кэхь" мың нигэты" кой" 'Даже зимой куропатки нас не оставляют'; Чүзү"та"ай бабий каңкэгэличи нигэты котэ" 'Жирных диких оленей никогда он не убивал'; Мадя магэличе ниңуң хозэтэ" немнэтэдя? 'Почему ты ничего не пишешь матери?';

---

⁵³ Ср. в ненецком языке глагол хэця(сь) с тем же значением и употреблением.

Ниңнү деруде" өмө ситэбы? 'Не знаешь ли ты этой сказки?'; Әмә даялы дятәнә нисызәрн" ту"? 'Не придете ли вы ко мне сегодня?'; Төнә нисызәм хеллызы"? 'Не могу ли я тебе помочь?'; Мә низә амни ниңыры" нилы"? Мәузу четуа басуза"балә 'Отчего вы здесь не живете? Место очень промышленное'; Хоптүза"а сүрүтану тә" канкагәличи нисызә" чесәзы" 'В рыхлом снегу олени никогда не будут мерзнуть'.

Из всего сказанного нетрудно заключить, что в грамматическом строе нганасанского языка глагол играет исключительно важную роль и вполне отчетливо противопоставит другим частям речи по своим категориальным признакам. Вместе с тем не вызывает сомнения, что ряд глагольных форм имеет в нем именное происхождение. Особенно наглядно сказывается это в системе спряжения. Так, например, форма третьего лица субъектного спряжения явно сохраняет именную характер, присоединяя не личные, а числовые показатели. В субъектно-объектном спряжении все личные форманты для всех чисел предмета восходят в своем генезисе к лично-притяжательным. Нетрудно привести и ряд других свидетельств тесных связей в прошлом имени и глагола. Однако, когда речь идет о современном нганасанском языке, необходимо достаточно четко различать синхронный и диахронный аспекты исследования.

П Р И Ч А С Т И Е

Общие сведения. Как во многих других языках, в нганасанском причастие обладает и глагольными и именными признаками.

С глаголом причастие связано в первую очередь общностью основы, почему и служит для выражения процессуальности действия. При этом основа, от которой образовано причастие, может быть как неприменимой, так и характеризоваться любой степенью производности. В связи с этим выражаемые причастием значения служат для передачи различных оттенков протекания действия, прежде всего в таком его общем виде, как совершенность и несовершенность, конкретизируемые более частными проявлениями (длительностью, множественностью, обычностью, с одной стороны, на-

чинательность, становлением действия - с другой). Тем самым обуславливается тесная связь причастия с категорией видовой направленности, которая в свою очередь в ряде случаев сообщает глагольной форме и некоторые временные признаки. В основу причастия включаются также показатели переходности - непереходности действия и форманты некоторых наклонений. Как и глаголу, причастие присуща способность подчинять относящиеся к нему в предложении слова или по способу управления (требуя от имени определенной падежной формы), или по способу примыкания, в известном употреблении и путем согласования, например:

Сатаридя басуту 'Он охотится на песцов'; Сатаридя басуту 'Охотящийся на песцов'; Хотурэ хозэтату 'Он пишет письмо'; Хотурэ хозэтату 'Пишущий письмо'; Тымния нйгэй нилыты 'Сейчас он живет хорошо'; Тымния нйгэй нилыты 'Сейчас хорошо живущий'; Кунтага агэта ту'о 'Он приехал издалека'; Кунтага агэта туйсюде 'Приехавший издалека'; Нумаңку колызтыне¹ 'Молодой рыбак'; Нумаңку колызтыне 'Молодые рыбаки'; Наңхо тузүтату 'Плохой лыжник'; Намба тузүтату 'Плохие лыжники'.

Вместе с тем по ряду характерных признаков причастие сближается с категорией имени. Так, система склонения причастия полностью совпадает с системой именного словоизменения. Помимо основных падежных форм, причастие образует лично-притяжательные и лично-предназначительные формы. В предложении ему свойственно то же многообразие синтаксических функций, которое составляет отличительную особенность категории имени: оно служит для выражения подлежащего, определения, прямого и обстоятельного дополнения. В роли сказуемого причастие, как и имена нганасанского языка, изменяется по лицам и числам при помощи тех же формантов. С относящимся к нему качественным определением причастие согласуется по нормам, типичным для нганасанского синтаксиса, например:

Басуту басуту, хозэтату хозэтату 'Охотящиеся охотятся, учащиеся учатся'; Кундуату нйо магай кундуату 'Спящий ребенок спит крепко'; Кундуату нйо магай кундуату 'Спящие дети спят крепко'; Дүгугуому нэзи эрэ 'Потерявшегося нашего ты нашел'; Тэне каңкэ нягаң тачүгуйчюң 'Ты уже хороший оленевод'.

¹ Колызтыне 'рыбак', 'рыбачащий' - причастная форма от глагола колызсы 'рыбачить'.

Отличительная особенность согласуемого причастия в роли определения заключается в том, что оно может помещаться после определяемого слова, например:

Нойме бирямтымама сыты магай" сарү"ö чидетәнныты 'Мую ногу пораненную она крепко завязала своим рукавом'; Дүзүмту мөтүмөтү сарү"ö тугытәну 'Свою руку обрезанную она перевязала материей'; Кочибуүчену турку нимёны качеми"эм дептуй тәйриэй 'Через некоторое время я увидел над озером гусей летящих'; Тыбийкяку качеми"э муңку такәну кәхий һомтүтүбй 'Мальчик увидел за деревом куропаток садящих'.

Такого рода обособление причастного определения является особым синтактико-стилистическим приемом, используемым в целях акцентирования процессуального признака того или другого предмета, усиливает заключающийся в нем элемент предикативности. С помощью этого приема повествование приобретает большую живость, выразительность.

В сочетании с причастием существительное в форме родительного падежа может служить для обозначения действующего лица, не являющегося подлежащим предложения, например:

Немынтың нүо"лалудүоде мыэзә ирзиң нүо"ла"а 'Аргыш, который водила их мать (букв.: матерью-их водимый аргыш), повел их дедушка'; Десына мейсиәде" кәңдә" хүйтә мага" 'Нарты, сделанные моим отцом, всегда крепкие'.

Заключенная в причастии процессуальная характеристика указывает в первую очередь на совершенность или несовершенность передаваемого им процесса. С этим связана нейтральность причастия к временной форме глагола, например:

Тәниә тузү"тәтуо әмны нилыты 'Тот, идущий на лыжах, живет здесь'; Тәниә тузү"тәтуо әмны нилыдиә 'Тот, идущий на лыжах, жил здесь'; Тәниә тузү"тәтуо әмны нилы"сытә 'Тот, идущий на лыжах, будет жить здесь'.

В приведенных предложениях причастие тузү"тәтуо 'идущий на лыжах', не изменяя своего видового значения, сочетается с глаголом в трех временных формах (неопределенном, прошедшем и будущем времени).

Вместе с тем причастные формы передают различные аспекты протекания действия: нилытә 'живущий', нилыдиәде 'живший', нилымәтма"а 'еще не живший', 'тот, кто еще не жил'; нилысытә 'тот, кто должен жить'.

Причастие является нейтральным и по отношению к категории залога. Одна и та же причастная форма может иметь и активное, и

пассивное значение,² например: нөптәтуо 'моющий' и 'моющийся', хузуртәтуо 'запрягающий' и 'запрягаемый', кәмәдүоде 'поймавший' и 'пойманный', котудүоде 'убивший' и 'убитый'.

То или иное значение причастия выясняется в контексте.

Примеры употребления: Тәй хузуртәтуо ңәнә"са хузуртәтуомту тә нәкәрәптыку" ләзи"ті 'Оленей запрягающий человек не может успокоить запрягаемого им оленя'; Сатәрә кәмәдүоде бамә нйгәй" ңәмурңә 'Собака, поймавшая песца, пусть хорошо ест'; Кәмәдүоде-зу сатәрә бауғәту 'Пойманный им песец жирный'; Тәне хутурәсузә деснә куңдуату 'Отец, который должен запрячь моих оленей, спит'; Хутурәсузәмә тәмә ңы"тәты кәтуту 'Олень, которого я должен запрячь, еще пасется'; Тәчү хутурәмәзума"а куодүму чайры 'Еще не запрягший оленей мужчина пьет чай'; Хутурәмәзума"а тәче мазә такәну кәтуту" 'Твои еще не запряженные олени пасутся за чумом'.

Указанная особенность относится только к причастиям, образованным от переходных глаголов. Что касается причастий, произведенных от непереходных глаголов, то они всегда активны.

По морфологическому построению и связанному с ним значению в нганасанском языке выделяются причастия следующего типа: причастие с суффиксом -туо/-чүо, причастие с суффиксом -де, причастие с суффиксом -сута/-сузә, причастие с суффиксом -мәтума"а, причастие с суффиксом -мә.

Удельный вес каждой из указанных причастных форм в языке далеко не равноценен. Наиболее широким употреблением обладают первые две причастные формы, которые и передают основные причастные значения. Форма с суффиксом -мә возможна лишь при определенной структуре предложения. Что касается остальных двух причастных форм, то в силу своей семантики они употребляются довольно ограниченно. Тем не менее можно считать, что основные особенности, свойственные категории причастия в целом, характерны для всех причастных форм, хотя и не могут быть прослежены в равной степени по отношению к каждой из них.

---

² Исключение составляет причастная форма с суффиксом -ма. См. далее, с.270-272.

Отмечаемая в протоуральском языке залоговая и временная нерасчлененность причастий до сих пор сохраняет вполне отчетливые следы в нганасанском (см., например: С е р е б р е н н и - к о в Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964, с.181).

Значение форм причастия в иганасанском языке довольно широко. Особенно выделяется по широте своего значения причастие с формантом -туо/-чүо. Причастие обозначает не только процессуальный признак предмета, но и служит для названия лица по его профессии, по характеру производимого им действия; ряд социальных терминов также представляет собой причастные формы. Причастиями же выражаются и некоторые названия качеств. Целый ряд имен, обозначающих то или иное свойство, являются в современном иганасанском языке причастиями.

Причастие с суффиксом -туо/-чүо

Суффикс -туо/-чүо определенного временного значения причастия не придает. Причастные образования с этим формантом в зависимости от семантики глагола имеют различное процессуальное значение. У глаголов, характеризующих несовершенство действия, они обозначают действие, совершающееся в данный момент, а у глаголов со значением совершенности - недавно совершившееся действие, например:

дүгу"нар-са 'теряться, пропадать' - дүгу"нар-туо 'терявшийся, пропадающий'; дүгу-са 'потеряться, пропасть' - дүгу-туо 'потерявшийся, пропавший'; берийче-сы 'проходить, проезжать мимо' - берийче-тнэ 'проходящий, проезжающий мимо'; берэ-ди 'пройти, проехать мимо' - берэ-тнэ 'прошедший, проехавший мимо'; котэ-дя 'добывать' - котэ-туо 'добывающий'; коту-дя 'добыть' - коту-туо 'добывший'; чүзэлтэ-са 'иронизировать, предлагая другому то, чего нет' - чүзэлтэ-туо 'иронизирующий, предлагая другому то, чего нет'.

Как уже указывалось, эта форма причастия является наиболее употребительной. В значительном числе случаев она передает действие, совершающееся в данный момент, например:

ниль-ди 'жить' - ниль-тнэ 'живущий'; номтү-ся 'сидеть' - номтү-түо 'сидящий'; кундуа-са 'спать' - кундуа-туо 'спящий'; хозатэ-са 'учиться' - хозатэ-туо 'учащийся'; кэйни"-ся 'петь' - кэйни"-түб 'поющий'; колызы-сы 'рыбачить' - колызы-тнэ 'рыбачащий'; дярэзы-ся 'болеть' - дярэзы-тнэ 'болеющий'.

Причастия с формантом -туо/-чүо могут субстантивироваться, обозначая чаще всего имя деятеля, название по профессии, по существу человеку в данное время состояние, например:

басу-туо 'охотящийся и охотник' - глагол басу-дя 'охотиться'; кэтуптугуй-чюо 'пасущий и пастух' - глагол кэтуптугуй-си 'пастушить'; тузү"тэ-туо 'идущий на лыжах и лыжник' - глагол тузү"тэ-са 'идти на лыжах'; хелы"сий-че 'помогающий и помощник' - глагол хелы"сий-си 'помогать';³ дярэзы-тнэ 'болеющий и больной' - глагол дярэзы-си 'болеть'; мыэди-тнэ 'идущий пешком и пеший' - глагол мыэди-си 'идти пешком'.

Глаголы, от которых образуются причастия этого рода также обозначают ту или иную деятельность, постоянное занятие, определенное более или менее устойчивое состояние.

Другие из этих причастных форм могут приближаться по своему значению к прилагательным. Наблюдается это явление главным образом в отношении причастий от глаголов, выражающих по своей семантике качественное состояние:

тасү-түо 'горький' - тасү-ся 'быть горьким'; хеку-тнэ 'горячий' - хеку-си 'быть горячим'; нанды-тнэ 'похожий' - нанты-ди 'быть похожим'; хуаңку-туо 'пьяный' - хуаңку-дя 'быть пьяным'; сәңку-туо 'тяжелый' - сәңку-са 'быть тяжелым'; хойсү-түо 'ослепительно яркий' - хойсү-ся 'быть ослепительно ярким'.

От прилагательных того же корня причастия отличаются тем, что выражают непостоянный признак предмета, сохраняют оттенок процессуальности.

Близкими по значению и употреблению к рассматриваемой причастной форме являются слова с суффиксом -руо, также образуемые от глагольной основы, например:

---

³ Некоторые причастные формы получают указанное значение в сочетании с прямым дополнением, например: нэмсуй хиритэтнэ 'повар' (букв. 'еду варящий': нэмсуй - винительный падеж множественного числа от существительного нэмсу 'еда', хиритэтнэ - причастие от глагола хиритэсы 'варить'); уруба"кэй нөптэтуо 'прачка' (букв. 'рубашки моющая': уруба"кэй - винительный падеж множественного числа от заимствованного из русского языка существительного уруба"кэ 'рубашка', нөптэтуо - 'причастие от глагола нөптэдя 'мыть').

В отдельных случаях имеется, однако, возможность разграничить процессуальное и субстантивное значение причастной формы: колызйтнэ 'рыбак' - колызирэ 'рыбачащий'. См., например: Колызирэ куодүму матэту чүдя колызйтнэ качемы"э 'Рыбачащий мужчина, дойдя до своего чума, увидел рыбака'.

тола-руо 'тот, кто ворует', 'похититель' - глагол толы-ди 'украсть'; тамта-руо 'тот, кто покупает', 'покупатель' - глагол тамтү-ся 'купить'; лаңү-рүө 'тот, кто кричит', 'кричащий' - глагол лаңүр-ся 'кричать'; дөйба-руо 'сирота' - глагол дөйбам-са 'стать сиротой'; җанаптай-рүо 'забывчивый' - глагол җанаптамр-ся 'забывать'.

Рассмотренные причастия используются в некоторых новообразованиях, например: кэйңи"-түө коры 'патефон (букв.: поющий ящик)' - кэйңи"-ся 'петь'; тэйриэ җандуй 'самолет (букв.: летающая лодка)' - тэйрси 'летать'.

Примеры употребления: Буотуо" буоту", дөрәтуо" дөрәту", хидитиэ" хидити" 'Говорящие говорят, плачущие плачут, смеющиеся смеются'; Ману" кадяну ичүо турку җандуйчену бәү"суомә 'Находящееся около нашего чума озеро я переплыл на лодке'; Җуотәнү дяднетуо кадүө җәтүмү"ә 'На небе показалась сверкающая молния'; Дяйсүтүө хидитәнннты хисили"ә 'Он засмеялся звонким смехом'; Дядли казар хойсүтүө 'Дневной свет ослепительно ярок'. Корузу" бәрәнү качеми"әму" җазатуой маҗай 'На краю поселка мы увидели оседлые чумы'; Мнәдитыә җәнә"са кой"о үнсүзүтүөгәтә 'Пеший человек отстал от едущего на нарте'; Нийбытә лаңүрүө җәнә"санә динди"әм 'Я услышал кричащего вдали человека'; Җазатуо суодү - туогәтә нилыпсаты нендялмуо 'Оседлому живется легче, чем кочевнику (букв.: оседлого от кочующего жизнь-его простая)'; Тымни җазатуо" ня" җукәгимү"ө" 'Теперь стало много оседлых нганасанов'; Җазатуо ма" ани"ка имунҗуанту 'Оседлый чум большой бывает'.

Причастие с суффиксом -де

Суффиксом -де характеризуется причастие совершившегося действия. В отличие от других причастных формантов суффикс -де присоединяется не к основе глагола, а к показателю прошедшего времени, например:

хузуртә-са 'запрягать' - хузуртә-со-де 'запрягавший'; туйся 'прийти' - туй-сүо-де 'пришедший'; нилы-ди 'жить' - нилы-диә-де 'живший'; җомтү-ся 'сидеть' - җомтү-сүо-де 'сидевший'; җунүнтә-са 'собирать' - җунүнтә-суо-де 'собиравший'; барәтә-са 'ждать' - барәтә-суо-де 'ждавший'; кәнты-ди 'замерзнуть' - кәнты-диә-де 'замерзший'; куо-дя 'умереть' - куо-дүо-де 'умерший'; коту-дя 'убить' - коту-дүо-де 'убивший'.

Совершенство или несовершенство действия, выражена глагольной основой, не оказывает влияния на значение этой при-

частной формы, характеризующей всегда действие в прошлом, в силу чего ее можно обозначить как причастие прошедшего времени. Последовательность применения терминологии диктует целесообразность обозначать противопоставляющееся этой причастной форме причастие с суффиксом -туо/-чүо причастием неопределенного времени.

Примеры употребления: Сүрүбүзичү бахизайчичү нунүнтэсуоде тэри"каңгу туйма"а хяйтэ качеми"э 'На вершине лиственницы он увидел белочку, собиравшую на зиму грибы'; Туйсүоде бызыпты"эң 'Ты напоил пришедшего водой'; Баби котудүоде ниньмэ ниптүгүйчү 'Убивший дикого оленя брат отдыхает'; Такэ тэ сылы кэмэдүоде? 'Тот олень кем пойманный?'; Нерэптэ тэмэ десынэ хутурэсуоде 'Передовой олень, моим отцом запроженный'; Куодүоде нисизизэ нэнсу" 'Умерший не встанет'; Туйсүоде курадий дүрымый татубу? 'Приезжий какие новости привез?'; Нутазусуоде" туйхуату" 'Собиравшие ягоды возвращаются'; Качемэсуодемту баби нисызэ нелхозу" 'Дикого оленя, которого он увидел, не отпустит'.

Причастие с суффиксом -сутэ

Причастие с суффиксом -сутэ/-сузэ характеризует действие, которое, по мнению говорящего, должно кем-то совершиться, например: басу-дя 'охотиться' - басу-сутэ 'тот, кто должен охотиться'; һаза"-са 'осесть, перейти на оседлость' - һаза"-сутэ 'тот, кто должен перейти на оседлость'; колызя-сы 'ехать рыбачить' - колызя-сызэ 'тот, кто должен ехать рыбачить'; мазай-сы 'гостить' - мазай-сутэ 'тот, кто должен ехать гостить'; хозэтэ-са 'учиться' - хозэтэ-сузэ 'тот, кто должен учиться'.

Показатель данной причастной формы и по значению, и материально аналогичен форманту будущего времени.

Примеры употребления: Һаза"сутэ һэна"са хоазичү нунүнтэту 'Человек, который должен перейти на оседлость, собирает дрова'; Туйсүзэ мазайчү барэтуму" 'Идем гостя, который должен приехать'; Колызасызэ чайры бүтэса 'Тот, кто должен ехать рыбачить, пьет чай перед отъездом'; Хозэтэсузэ нүонэ суңкэзэ някэли"эм 'Ребенку, который должен учиться, я купил (букв.: взял) сумку'; Дялды ниснаде тореу" хиндя тореу"сутэ 'Не работавший днем должен работать ночью'.

Путем присоединения к форманту -сутэ суффикса -де этой форме придается значение ожидаемого, но по тем или иным причинам не выполненного действия, например:

Кэнтэмэ мелызэсызде үнэ"са дярэзгыт 'Человек, который должен был сделать мой нарту, болеет'; Туйсүзде нинымэ үнэй" дянку 'Брата, который должен был приехать, еще нет'.

Причастие с суффиксом -мэтума"а

Указанное причастие служит для обозначения действия, которое из-за тех или иных причин еще не совершилось или не совершается. В силу такого значения эта причастная форма имеет всегда отрицательный характер,⁴ например: туй-ся 'прийти' - туй-мэзума"а 'тот, кто еще не пришел, еще не пришедший'; нилы-ди 'жить' - нилы-мэтымы"а 'тот, кто еще не жил, еще не живший'; хезыты-сы 'идти' - хезыты-мэзымы"а 'тот, кто еще не шел, еще не шедший'.

Примеры употребления: Нинымэ үн"тэты басудя бумэтума"а 'Брат еще не уехал на охоту (букв.: охотиться еще не уехавший)'; Нүомэ хозэтэмэзума"а 'Ребенок мой еще не учится'; Мэнэ тәне хутурэмэ", сүарнэ тэ" хутурэмэзума"а 'Мои олени запряжены, а олени друга - нет (букв.: друга-моёго олени еще не запряженные)'; Мэнэ хүйтэ үэмэ"кэмэзума"ам 'Я не ел (букв.: все время не начинавший есть я)'; Маза"мазэ" үн"тэндюү суомэтума"а 'Соседняя бригада еще не перекочевала (букв.: еще не перекочевавшие-они)'

Причастия нганасанского языка подобно финитным формам глагола изменяются по типам спряжения.

Причастие с суффиксом -мэ

Причастия этого типа противопоставляются указанным выше причастным формам: они используются в пассивных по своему построению предложениях, в которых заменяют переходный по семантике глагол. И по структуре, и по значению такие предложения близки конструкциям страдательного залога: в них подчеркивается

---

⁴ Ср. причастную форму с аналогичным значением в ненецком языке: подер-мáдавэй 'тот, кто еще не запряг', 'еще не запряженный'; го-вáдавэй 'тот, кто еще не пришел', 'еще не пришедший'; иле-вáдавэй 'тот, кто еще не жил', 'еще не живший' и др.

пассивность субъекта, а активное по своей природе действие, будучи выражено причастием, приобретает констатирующий характер, характер состояния, например: диту-дя 'застрелить' - диту-мэ 'застреленный'; хири-ди 'сварить' - хиримэ 'сваренный'; хутуре-са 'запрячь' - хутуре-мэ 'запряженный'; нөчипты-сы 'распрячь' - нөчипты-мэ 'распряженный'; бяре-ди 'открыть, растворить' - бяре-мэ 'открытый, растворенный'; чй-ди 'скрыть' - чй-мэ 'скрытый'; дү-са 'потерять' - дү-мэ 'потерянный'.⁵

Причастия этого типа в ряде случаев приближаются по своему значению к прилагательным, в том числе и субстантивированным, например: коту-дя 'убить' - коту-мэ 'убитый'; хотэ-дя 'сделать пестрым, испещрить' - хотэ-мэ 'пестрый, узорчатый, разноцветный'; косэру-са 'высушить' - косэру-мэ 'сушеный'; сэрэры-сы 'быть плотным' - сэрэры-мэ 'плотный'; мунсэле-са 'вскипеть' - мунсэле-мэ 'кипяченный'.

В построениях с этим причастием грамматическое подлежащее в обычной для него форме становится смысловым объектом. Логический же субъект, оказывающий воздействие на объект, если он выражен в предложении отдельным словом, оформлен суффиксом одного из косвенных падежей. При этом для обозначения орудийности обычно употребляется местно-творительный падеж, для обозначения материала - отложительный.⁶

В соответствии со своими особенностями причастие с суффиксом -мэ образуется от основ только переходных глаголов.

Примеры употребления: Сатэре тубизитену котумэ 'Песец убит из ружья (букв.: ружьем)'; Ситэбы имидидэтуну дептумэ 'Сказка рассказана их бабушкой'; Тэ" кхугитэ сочелэмэ" дей" четуамы нйгэ" 'Нюки, шитые из оленьих шкур, очень хорошие'. Бахи тэн-сатэну немеме 'Дикий олень пойман маутом'; Күбгэте мейме" кен-де" мага" имунхуанду" 'Нарты, сделанные из березы, бывают крепкие'; Сырайку тугу"кэте мейме" хие" сүрүтэну ниснэ дэзу" 'Сделанный из белого материала совик не виден на снегу'.

---

⁵ Ср. причастную форму ненецкого языка с суффиксом -вы: хада(сь) 'убить' - хадавы 'убитый', падя(сь) 'написать' (букв.: 'испещрить') - падвы 'пестрый, в пятнах' и др.

⁶ Подробнее см.: Т е р е щ е н к о Н.М. Синтаксис самодийских языков, с.109-113.

При активном характере действия форма с суффиксом -мә последовательно заменяется формой с показателем -дә, например: коту-мә 'убитый' - коту-дјоде 'убивший'; сочелә-мә 'сшитый' - сочелә-суоде 'шивший'; бирымты-мә 'раненный' - бирымты-сыәде 'ранивший'; диту-мә 'застреленный' - диту-дјоде 'застреливший'.

Все слова, относящиеся к причастию, помещаются перед ним. Поэтому причастие может быть не только простым, но и развернутым, образуя дополнительный центр предложения, тем или иным способом связанный с основным центром, представленным глагольным сказуемым. На русский язык такие причастные конструкции переводятся или причастным оборотом, или придаточными предложениями, например:

Ту һандуйчену нагәтәну" бүтәтуо" һонәй" әмә хүбтәну туйсү-
жә" 'Уезжающие от нас на пароходе приедут еще в этом году'; Ма-
жә нану һонтада ијозјай санисүбде" нероя"ку" һахунә коптуа" 'Ве-
село игравшие в куклы около чума девочки - дочери моей старшей
сестры'; Накүрә малиә гәмту һы" таты нисәәде хутурә" сүарму" ма-
тәнунту чайры 'Наш друг, еще не запрягший своих трех пестрых
олений, пьет в своем чуме чай (букв.: трех пестрых олений-своих
еще не запрягший друг-наш в чуме-его чай-пьет)!'.

С У П И Н

Значение супина передается чаще всего посредством форманта -нагә, помещаемого между основой глагола и показателями лица-числа. Образование это может как предшествовать личной форме глагола, так и следовать за ней, например:

басу-дја 'охотиться' - басу-накә-нә кона"ам 'я пошел на охоту (букв.: охотиться-чтобы пошел-я)', басу-нагә-тә кона"аң 'ты пошел на охоту (букв.: охотиться-чтобы пошел-ты)', басу-нагә-ту кона"а 'он пошел на охоту (букв.: охотиться-чтобы пошел-он)';

тәлипти-си 'спросить' - ту"ом тәлипти-нзгә-нә 'я пришел, чтобы спросить (букв.: пришел-я спросить-чтобы)', ту"оң тәлипти-нзгә-тә 'ты пришел, чтобы спросить (букв.: пришел-ты спросить-чтобы)', ту"о тәлипти-нзгә-ту 'он пришел, чтобы спросить (букв.: пришел-он спросить-чтобы)' и т.д.

Личные показатели супина, как и условно-деепричастной формы, восходят к лично-притяжательным суффиксам для родительного падежа.

Слово в форме супина обозначает цель действия. Образуется супин от глаголов различных семантических групп (как переходных, так и непереходных, в том числе глаголов движения и отыменных глаголов). Суффикс супина может присоединяться и к производной, и к непроизводной глагольной основе, в частности, к основе, усложненной формантами видовой направленности и формантами переходности действия, например:

Хозэпсанэ някэли"э хотэнагэту 'Он взял карандаш, чтобы написать'; Хозэпсанэ някэли"э хозэ"кэнагэту 'Он взял карандаш, чтобы писать'; Нунди"эм макэтэ тәне хутурэнагэнэ 'Я вышел из чума, чтобы запрячь оленей'; Нунди"эм макэтэ тәне хузуртэнагэнэ 'Я вышел из чума, чтобы запрягать оленей'.

Однако наиболее употребительна форма супина, образованная от непроизводной глагольной основы.

Примеры употребления: Ны бэнді нунди"э хой хой"нагэты 'Женщина вышла наружу, чтобы нарубить дров'; Коу"ому" кэтушту-гуйчюогитэ колызынагэны" 'Мы не поехали с пастухами (букв.: остались от пастухов), чтобы рыбачить'; Букура күрүтэтуми колий кэмүзүнагэні 'Мы-двое вяжем сети, чтобы ловить рыбу'; Ті коны"-сытэри нера"а тэну" нйгэй" кэтузэзэй үэтэнагэті 'Вы-двое поедете вперед, чтобы найти хорошее пастбище для оленей'; Ту"ом тэна контунакэна 'Я приехал, чтобы увезти тебя'.

Д Е Е П Р И Ч А С Т И Е

Общие сведения. Термином „деепричастие“ объединяется в нгасанском языке многогранная как в смысловом, так и в синтаксическом отношении инфинитная категория глагола. Подобно причастиям деепричастие образуется и от непроизводных, и от производных глагольных основ посредством определенных формантов и обладает такими общеглагольными грамматическими признаками, как переходность, непереходность, формы видовой направленности и др. Деепричастие управляет тем же падежом имени, что и соответствующий глагол в финитных формах. Оно входит в состав некоторых наклонений, образуемых не только синтетическим, но и аналитическим способом (сослагательного, вопросительного наклонения в будущем времени), включаясь тем самым в парадигматический ряд глагола. По своему употреблению деепричастия в ряде отношений близки к наречиям, но в отличие от последних не ука-

зывают сами по себе ни на время, ни на место совершения действия — последние передаются чаще всего посредством наречных образований. Вместе с тем деепричастия обладают и некоторыми именными особенностями.

В противоположность наречиям и другим словам в обстоятельной функции деепричастие передает процессуальный признак. Обозначая второстепенное действие, как предшествующее по времени главному сказуемому, так и совпадающее с ним, деепричастие не изменяется по временам. Отношение его действия к моменту речи выражается посредством формы основного глагола.

В иганасанском языке выделяются две деепричастные формы: деепричастие, характеризуемое суффиксом *-са/-дя* (с его фонетическими вариантами), и деепричастие, маркированное суффиксом *-бү/-хү* (также с фонетическими вариантами).

Обе эти формы обозначают и добавочное зависимое действие, тем или иным образом связанное с главным, и наиболее общее представление о действии или состоянии. Тем самым они передают значения, близкие также и инфинитиву.

По нашим наблюдениям, деепричастный характер формы с суффиксом *-са/-дя* в сознании некоторых говорящих на иганасанском языке воспринимается более отчетливо, чем инфинитивный. В последнем случае несколько более охотно употребляется форма с суффиксом *-бү/-хү*. Ср. например:

ху^зуртэ-са 'запрягая' — хутурэ-бү" 'запрягать'; намтэтэ-ся 'шутя' — намтэтэ-бү" 'шутить'; нөптэ-дя 'моя' — нөптэ-бү" 'мыть'; дүгу-са 'заблудившись' — дүгу-хү" 'заблудиться'; мэту-дя 'отрезав' — мэту-бү" 'отрезать'; нэм-са 'сьев' — нэм-хү" 'съесть'; туй-ся 'придя' — туй-хү" 'прийти'; конь-ди 'уйдя' — конь-би" 'уйти'.

Форма с суффиксом *-са/-дя*

При присоединя формальных показателей лица, числа, времени, наклонения, эта форма является неизменяемой. Она стоит в стороне от словоизменительных процессов и потому обозначается термином «неопределенно-деепричастная форма». Неопределенно-деепричастная форма обладает исключительно широким функционированием. Обозначая в первую очередь временную характеристику действия, она приближается по своему значению к собственно деепричастию. При этом в зависимости от семантики глагольной основы

неопределенно-деепричастная форма может обозначать как предшествующее действие, так и действие, совпадающее по времени с действием сказуемого предложения, например:

Нима"кү һәмә"кәса конь"сыҙем 'Поев немного, пойду!'; Тәндә буозумту сятңи һомтәуту һиләҙә сәхүдүо букурә 'Ту речь окончив, из-под сидения на нарте он вытащил сеть!'; Тунды качемеса тәмуңку бәңгү"түбтәту лүңкүра"а 'Увидев ямсицу, мышка спряталась в свою нору!'; Нийбәтә хәҙытсы коптуа ани"ка хуалә һәтәдүо 'Идя далеко, девушка нашла большой камень!'; Тәи нөчиптысы сятңи матә чй"әгәй 'Кончив распрягать оленей, они-двое вошли в чум!'; Дирьхямтй бәтәса нясн" хәҙыттытгай сеймттй джзи"кү 'Веда теленка, еле идут куда глаза глядят!'

В ряде случаев через выражение добавочного зависимого действия обозначается качественная характеристика действия, передаваемого личной глагольной формой. При таком использовании неопределенная форма деепричастия близка по своему значению к наречиям, например:

Дәйбаруогәй нүогәй дөрадя кой"огәй ма"адетй 'Сироты-двое с плачем (букв.: плача) остались на чумовище!'; Тузү"тәтуо лаңүрся маҙә такаҙә һәтумы"ә 'Из-за чума с криком (букв.: крича) показался лыжник!'; Четуамы хймы ны һәккәри"ә 'Сильно испугавшись, женщина закричала!'; Нялымсы нүомә хисили"ә 'Обрадовавшись, мой ребенок засмеялся!'; Намтәтәса муну"о 'Он сказал шу-тя!'

Характерно, что ряд качественных наречий восходит в генезисе к неопределенно-деепричастной форме, например: кәрбүдә 'охотно' → 'хотеть', мнәдйсы 'пейком' → 'идти пейком', сәңкуса 'тяжело' → 'быть тяжелым', тымәйчйсы 'молча' → 'молчать', балуачүса 'сердито' → 'сердиться', сәрәрысы 'плотно' → 'быть плотным', дөсәрәса 'пасмурно', 'туманно' → 'быть пасмурным', 'туманным'.

При помощи формы с суффиксом -са/-да передается также представление о действии или состоянии в их наиболее общем виде, что сближает ее по употреблению и значению с инфинитивом, например:

Туоптугуйся канкә ченныты, хәҙәтәса ченныты 'Читать он уже умеет, писать умеет!'; Нәдетәдя деру"туо тыбйкяку ченнытытнэ-тыңды" 'По-иғанасански говорить не умеющий мальчик хочет выучиться!'; Козуту сумәнтәса хәҙытты 'Пурга стихает (букв.: стихать идет)!'

Этим же способом обозначается в ряде случаев целевая направленность действия – при таком употреблении форма с суффиксом -са/-дя заменяет супин, например:

Ңонсыгузэм бәңдi ниннiнэ тiй нiчиптыгуйси 'Выйду-ка я наружу распрячь оленей старшего брата'; Туйчү кәптуатундә ңонди"э макәтә хәазичү серитәси 'Когда огонь погас, она вышла из чума дров внести'; Мәнә сүариэ нану конь"ситәми хийндә колызысы 'Я с товарищем поедем ночью рыбачить'; Тәни нәнсу"инi" сеңкәди 'Мы остановились там переночевать'; Әмкәй инi"жугәй ту"огәй нирсы копуанәдә 'Эти старухи приехали свататься к моей дочери'.

В одном и том же предложении нередко наблюдаются две и больше деепричастных форм как с одноплановой, так и с разноплановой временной характеристикой действия. Особенно типично это явление для языка фольклора. При помощи деепричастных форм передаются часто значения, выраженные в ряде других языков (например, в русском) однородными сказуемыми. Отсюда сложность в соотношении деепричастных и собственно глагольных форм, например:

Дбрәдә сятиди нүогәй качеми"әгәй кадятi нәмбә сыру"балә дирхя 'Окончив плакать, дети увидели около себя плохого, покрытого льдом теленка'; Хбачү мындысы, матудя туйся, хбачү хуанса коптуа матәту чй"э 'Дрова неся, к чуму придя, дрова положив, девушка в чум вошла'; Матәту хбачү серыди, гүмту чиниди, баби" нүочү нинтәси сятиди ниньиты барәли"э 'Дрова в чум неся, огонь разведя, ноги диких оленей разделявать окончив, старшего брата ждать стала'.

Являясь по своему происхождению именной формой глагола, неопределенное деепричастие нередко выступает в предложении в качестве примычного определения, характеризуя назначение того или другого предмета, например:

Дептузуса ңандуй нүолай" бызә бәрәтәну нәндити 'Лодка, на которой промышляют гусей (букв.: гусей-промышлять лодка), стоит уже на берегу'; Хбурса бынымә найбәгә 'Веревка, с которой хожу за дровами (букв.: за дровами ходить веревка-моя), длинная'; Чайирсы китарә тә" 'Дай твою чайную чашку (букв.: чай-пить чашку-твою)'; Әмты дялы соудүся дялы 'Сегодня день подходящий для езды с аргишом (букв.: аргишить день)'; Талуо ңойбәуса дялы исю 'Вчера был рабочий день (букв.: работать день)'.

Во всех своих употреблениях неопределенно-деепричастная форма сохраняет то же управление, что и соответствующий глагол, например: кичезәдә сәңүрся 'смотреть на луну', нүдязәгәтә хылә-

дятади 'бояться волка (букв.: от волка)', ны хельзүсы 'помочь женщине (букв.: женщину)', деңгуйче дерымсы 'попасться в капкан', кинтегәте хеңгимси 'почернеть от дыма', куодүмугәте хийрәтәди 'стесняться мужчины (букв.: от мужчины)', чидегәте камәдя 'поймать за рукав', дүтүгәте сакәләса 'укусить за руку'.

Форма с суффиксом -бү/-хү"

Деепричастная форма с суффиксом -бү"/-хү" употребляется чаще всего в условном значении: туй-хү" 'если прийти' - туй-ся 'прийти', конь-би" 'если уйти' - конь-ди 'уйти', чены-би" 'если знать' - чены-ди 'знать', сынерыр-хи" 'если думать' - сынерыр-ся 'думать' и т.д.¹ В силу этого она обозначается термином «условно-деепричастная форма», так как связана с действием глагольного сказуемого не только временной последовательностью, но и условной зависимостью.

В отличие от неопределенно-деепричастной формы условно-деепричастная форма изменяется по лицам и числам лиц: туй-хү" 'если придти': туй-хү"-нә 'если приду-я', туй-хү"-тә 'если придешь-ты', туй-хү"-тү 'если придет-он', туй-хү"-ни 'если придем-мы-двое', туй-хү"-ті 'если придете-вы-двое', туй-хү"-ті 'если придут-они-двое', туй-хү"-нү" 'если придем-мы-многие', туй-хү"-тү" 'если придете-вы-многие', туй-хү"-түң 'если придут-они-многие'.²

В зависимости от контекста рассматриваемые формы могут обозначать не только условную, но и временную характеристику дей-

---

¹ Указанная особенность значения рассматриваемой формы деепричастия затрудняет ее использование в значении инфинитива. В связи с этим в качестве словарной мы принимаем форму с суффиксом -са/-дя.

² Аналогичные формы деепричастия имеются в ненецком языке, которые по мнению И.И.Мещанинова, "... можно было бы причислить к глагольным в качестве условного наклонения.." (М е щ а н и н о в И.И. Члены предложения и части речи, с.263). Такой трактовке препятствует, по нашему мнению, явно именной по своему происхождению характер рассматриваемых образований, следы которого отчетливо сохраняются и в настоящее время.

ствия, например: туй-хү"-не 'если приду-я', 'когда приду-я'; туй-хү"-та 'если придешь-ты', 'когда придешь-ты'; туй-хү"-тү 'если придет-он', 'когда придет-он' и т.д.

Как и неопределенно-деепричастная форма, условно-деепричастная форма при определенном построении предложения может передавать значение инфинитива, например:

Әмледи даянтаны үэнтәубү" багутәмену нйгә 'В такую погоду хорошо ездить по морю на лодке'; Муңку"дя хезытби" кунтәга"а 'До леса идти долго'; Матә чйби" мынту? 'Можно войти в чум?'; Тудя сәүлөбү" нәңхо? 'Разве плохо посмотреть на огонь?'; Әмни басубү" нинту" нәңхо, нильби" мынту 'Здесь охотиться неплохо, жить можно'.

Форманты, образующие личные формы условного деепричастия полностью совпадают с лично-притяжательными формантами родительного падежа. В этом можно видеть одно из доказательств именного происхождения и этой деепричастной формы.

Как безличная, так и личные формы условного деепричастия управляют теми же падежами имени, что и глаголы соответствующей семантики.

Примеры употребления условно-деепричастной формы: Мыңгү"-мүна тата"ам йийдытм. Кубү"не латүсянуне бәнде" коймыбя 'Я-то, кажется, в последних силах, если умру (или когда умру), вещи, приготовленные для погребения, все оставь со мной'; Кочибү-чену кунтәгуча, ногучи суодүбү" түң малү"б" 'Через некоторое время, когда близко ли, далеко ли они кочевали, остановились стойбищем'; Матәнунә ихү"не ниптүсүзүнә 'Когда буду дома, отдохну'; Тәни"ма буобү"тә дбраләсүзүнә 'Если будешь так говорить, заплачу'; Нәмбә тәмә котубү"не нйгә үамсузәнә 'Плохого оленя мне хорошо убить на мясо'; Нйбидя басудя бубү"тә мынту 'Тебе надо ехать далеко охотиться'; Кунн"ма нильби"не нйгә? 'Как мне лучше жить?'

Более отчетливо выраженные в деепричастиях (по сравнению с причастиями) глагольные признаки способствуют тому, что деепричастные формы обладают и большей степенью предикативности. Вместе с тем деепричастия не образуют личных предикативных форм, а выражаемое ими время действия соотносится с временем действия глагольного сказуемого. В результате деепричастия редко и с большими ограничениями выступают в роли сказуемого самостоятельного предложения.

Как и в ненецком языке, в иганасанском наблюдаются такие построения, когда выражаемое деепричастием действие или состояние не относится к подлежащему предложения, например:

Мнэжэ" нэнсуди нўоги тэлиптигуйчи" 'Когда аргиши остановились (букв.: аргиши остановившись), детей-двоих спрашивают'; Ңадейум Сая Банка басаруса хири"таки"э: «Конн"и Куобў"тў ма-тазэратанўнтў каулекори"» 'Когда младшего Сая Банка оповестили (букв.: младшего Сая Банка оповестив), он резко сказал: «Уходи! Если умрет, накройте ее домашней одеждой»'; Буюдя сятди сеймчи кэпту"о 'Когда кончил говорить (букв.: говорить кончив), глаза у него погасли'; Чайчи хириди коптуа мунунту: «Нэнсунниды", чайни" хи"э", җэмэ"какуму"». Тани"иа буюдя сятди та-гэптэ чўйкэте кўжў"э ку"эрекэрэ коптуа, тэңде хуону нэнсу"о ниннўу 'Чай сварив, девушка сказала: «Вставайте, чай сварился, поедим-ка». Когда окончила так говорить (букв.: так говорить окончив), с дальнего одеяла поднялась очень красивая девушка, после нее встал старший брат'.³

При образовании отрицательных форм деепричастный суффикс присоединяется к основе отрицательного глагола, в том числе к основе отрицательного вспомогательного глагола нисы, например:

Дерўхў"тэ ни" буо" 'Если не знаешь, не говори', ср.: Ченыби"тэ буо" 'Если знаешь, говори'; Колытэ дяңгуйхў" натэна някэ-лэ" 'Если у тебя нет рыбы, возьми у меня', ср.: Колытэ тэйхў" нанэ тэ" 'Если есть у тебя рыба, дай мне'; Ниби"тэ ту" җонэне туйсўзэм 'Если не придешь, я сам приду'; Коу ниби" хекэгымту"-ку" бэнтини чесити 'Когда не греет солнце, на улице холодно'; Ниби"тэ кунду" хуо җойбуорэ дяриситэ 'Если не уснешь, потом будет болеть голова'.

Обе деепричастные формы (как и причастия) могут распространяться за счет зависимых от них слов (падежных форм имени, послеложных сочетаний, наречий). Все относящиеся к деепричастной форме слова располагаются перед ней в соответствии с нормами иганасанского синтаксиса. В результате образуется довольно сложная конструкция, в которой деепричастие оказывается смысловым и структурным центром по отношению к зависящим от него членам, являясь в то же время подчиненным одному из членов основной части предложения,⁴ например:

³ Следует, однако, оговорить, что рассмотренные конструкции предложения являются преимущественно достоянием фольклора. В разговорной речи они малоупотребительны.

⁴ См.: Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков, с. 297-312.

Дяңуру" нини сатары"дя, ному"дя, кэхн"дя басудя басутоу" канамаңкурый матини имуңхуанду" 'Охотясь в тундре на песцов, на зайцев, на куропаток, охотники лишь недолго бываат в чумах!'; Мендяде кандэтэ сәңхоляңгә хорә малиә тәмту хузуртәса нинимә кәйңәзуту 'Запрягая своих пятерых пестромордых оленей в новую нарту, брат поет' (букв.: в новую нарту—свою пять пестромордых оленей—своих запрягая, старший брат—мой поет)!

НАРЕЧИЕ

Общие сведения. По своему категориальному общеграмматическому значению наречия служат для выражения тех или иных признаков действия и качества. По сравнению с другими частями речи, обозначающими сходные понятия, наречия имеют более абстрагированное, обобщенное лексическое значение, не обладающее вещественной конкретностью. Ср., например: Бигайкәтә колызтыә хезытыты 'От реки рыбак идет' и Тәнизә колызтыә хезытыты 'Оттуда рыбак идет'; Мазу" киндә" нуодя дилтәтындә" 'Дым чумов к небу поднимается' и Мазу" киндә" бәнду"уа дилтәтындә" 'Дым чумов вверх поднимается!

Иными словами, выступая в функции обстоятельственного дополнения, именные части речи не утрачивают свойственного им общеграмматического значения и не получают общеграмматического значения признака действия, характерного для наречий.

В состав наречий входят структурно и семантически неоднородные группы слов, способные передавать разнообразные признаки: место, время, условия, причины совершения действия и т.п.

В морфологическом отношении наречия также являются неоднородными: одни из них представляют собой неразложимые с точки зрения современного языка образования, другие восходят к словоизменительным формам существительных, прилагательных, числительных, местоимений. Ряд наречий связан по своему происхождению с деепричастиями.

В соответствии со своим значением наречия выражают в предложении прежде всего различные обстоятельства, определения при глаголе и при других наречиях. Выступают они в связи с глагольными словами (собственно глаголом, причастиями, деепричастиями, глагольными именами), именами, обозначающими качественный признак предмета, качественными наречиями, сочетаясь с ними по способу примыкания.

Подобно прилагательным качественные наречия не образуют степеней сравнения. В этих целях используются лишь качественные наречия степени (см. с.291).

У некоторых наречий пережиточно сохраняются лично-притяжательные формы, например: нерэны 'вперед': нерэнынэ 'впереди меня', нерэнынтэ 'впереди тебя', нерэнынты 'впереди него', нерэнынны" 'впереди нас-многих', нерэныннды" 'впереди вас-многих', нерэнынндың 'впереди их-многих' и т.д.; хуону 'позади': хуонуну" 'позади нас-многих', хуонунду" 'позади вас-многих', хуонундуң 'позади их-многих' и т.д.; комэну 'кроме': комэнэ 'кроме меня', комэнтэ 'кроме тебя', комэнту 'кроме него', комэну" 'кроме нас-многих', комэнту" 'кроме вас-многих', комэнтуң 'кроме их-многих' и т.д.; ңы"тэ: ңы"тэнэ 'еще я', ңы"тэтэ 'еще ты', ңы"тэты 'еще он', ңы"тэны" 'еще мы-многие', ңы"тэнды" 'еще вы-многие', ңы"тэндың 'еще они-многие' и т.д.¹

Примеры употребления: Хуонунтэ сиркэмэ мау 'Позади тебя яма'; Бэнтумэунтуң ненныкэ" дийкуту" 'Над ними кружатся комары'; Тэ чухоны ңы"тэнэ нумэ исюм 'В то время я был еще молод'; Мың комэну" тэнини сылыгэличе" дяңгуйсүо" 'Кроме нас, там никого не было' (букв.: никто-многие не имелась).

В разноструктурных языках специфические особенности группы слов, объединяемых термином «наречие», характеризуются различно. Так, например, рассматривая эту часть речи в русском языке, В.В.Виноградов писал: «Наречия – это грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, к категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них (например, к тем же наречиям) и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельного отношения».²

Материал финно-угорских языков дал основание Д.В.Бубриху выступить с иной оценкой данной грамматической категории: «Считать наречия неизменяемыми словами нет никаких оснований».

---

¹ Ср. аналогичное явление у послелогов, в результате которого они приобретают новое качество и переходят в разряд последождных местоимений (с.300). В современном тганасанском языке рассматриваемые формы наречий не выражают значения принадлежности.

² В и н о г р а д о в В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947, с.340.

Многие из наречий сохраняют остатки изменения по падежам. Бесспорно, это не настоящие падежные формы, ибо недостает той полноты противопоставлений, которая характерна для настоящих падежных форм. Однако близость к падежным формам несомненна, и не только по форме, но и по смыслу".³

Еще более определенно формулирует по существу ту же мысль, исходя из данных селькупского языка, Г.Н.Прокофьев: „Наречия, служащие в предложении обстоятельством дополнением и встречающиеся в большинстве случаев в четырех падежных формах (дат., местн., отл. и прод.), по существу являются дефектными именами, обладающими неполным склонением. Отнесение их к разряду наречий до известной степени является условным, поскольку эта группа наречий представляет собой некоторый переходный этап развития имени в наречие".⁴

В нганасанском языке, как и в ненецком, у ряда наречий наблюдаются реликты, по-видимому, более старых склоняемых форм, о чем подробнее будет сказано в дальнейшем изложении.

Семантическая широта категории наречия конкретизируется распределением наречий по разрядам, каждый из которых имеет свои особенности. В нганасанском языке отмечаются следующие разряды наречий: наречия места, наречия времени, качественные наречия.

Н а р е ч и я м е с т а

Наречия места обозначают пространственные признаки действия. Включаясь в синтаксическую группу сказуемого, они обобщенно указывают на место или направление действия, отличаясь этим от других слов в той же синтаксической функции (существительных, местоимений, причастий). Ряд наречий места пережиточно сохраняет застывшие формы всех местных падежей (направительного, местного, отложительного, продольного), например:

---

³ Б у б р и х Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949, с.88.

⁴ П р о к о ф ь е в Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935, с.45.

нера"а 'вперед (в место, находящееся впереди)', нерэны 'впереди (в месте, находящемся впереди), нерэзэ 'спереди (из места, находящегося впереди)', нерамэны 'впереди (по месту, находящемуся впереди)' - ср. существительное нерэ 'перед';

ху"уа 'назад, обратно (в место, находящееся сзади)', хуону 'позади (в месте, находящемся сзади)', хуозэ 'сзади (из места, находящегося сзади)', хуомэну 'позади (по месту, находящемуся сзади)' - ср. существительное хуоде 'зад', 'задняя часть чего-либо';

бэнду"уа 'вверх (в место, находящееся над чем-либо)', бэнтуну 'вверху, наверху (в месте, находящемся над чем-либо)', бэнтузэ 'сверху (из места, находящегося над чем-либо)', бэнтумэну 'вверху, поверху (по месту, находящемуся над чем-либо)' - ср. бэнтую 'верхний';

ңуля"а 'вниз (в место, находящееся под чем-либо)', ңулену 'внизу (в месте, находящемся под чем-либо)', ңулэзэ 'снизу (с места, находящегося под чем-либо)', ңулемэну 'внизу, понизу (по месту, находящемуся под чем-либо)' - ср. существительное ңуле 'низ';

бэнді 'наружу, на улицу (в место, находящееся за пределом дома)', бэнтіні 'снаружи, на улице (в месте, находящемся за пределом дома)', бэнтізэ 'снаружи, с улицы (с места, находящегося за пределом дома)', бэнтімэны 'по наружной стороне, по улице (по месту, находящемуся за пределом дома)' - ср. существительное бэнтіэ 'место, находящееся вне дома, улица';

кунтэга"адя 'далеко (в далекое место)', кунтэга"атэну 'далеко, вдалеке (в далеком месте)', кунтэга"агэтэ 'издалека (из далекого места)', кунтэга"амэну 'вдалеке (по далекому месту)' - ср. существительное кунтэгу 'даль' и прилагательное кунтэгуо 'далекий'. См., например, в предложении: Тэті ңэнэ"са кунтэгу-гэтэ ту"о 'Тот человек приехал издалека'.

Приведенные выше наречия восходят по своему происхождению к формам пространственных падежей существительных и прилагательных.

Некоторые наречия места произошли от существительных, обозначающих части тела. Например, существительное мэку 'спина' послужило для образования следующих наречных слов: мэки"иа 'назад', мэкині 'позади', мэкизэ 'сзади', мэкимэны 'позади', 'по задней стороне' (ср. с послелогом того же происхождения, с.304 и глаголом мэкизися 'быть позади').

Примеры употребления: Маки"иа конь" 'Иди назад'; Макини исюом 'Я позади был'; шакизе ўнсўзе ъэтумн"э 'Сзади упряжка показалаь'; Коптуамэ дбнда"лаку би"аж макимань 'Моя дочь тихонько прошла позади'.

Особо выделяется группа наречий места, связанная в своем генезисе с местоимениями, в первую очередь с указательными:

эмэ 'сюда (в эту сторону)', амны 'здесь (на этой стороне)', эмкэтэ 'отсюда (с этой стороны)', эмэны 'по этой стороне' - ср. указательное местоимение эмэ, амты 'этот, здесь находящийся';

таба"а 'туда (в ту сторону)', тамну 'там (на той стороне)', тапкэтэ 'оттуда (с той стороны)', тамэну 'по тому месту' - ср. корневую морфему ряда указательных местоимений: та-не 'тот (находящийся дальше)', та-кэ 'вон тот (на который указывают)', 'тот дальний' и др.;

куни"иа? 'куда?', кунину? 'где?', кунизе? 'откуда?', куниману? 'по какой стороне?' - ср. корневую морфему ряда вопросительных местоимений: ку-ради? 'какой? (по качеству или свойству)', ку-ниэ? 'который?' и др.⁵;

куни"иаряй, куниряй 'всюду (во все стороны)', кунирану 'повсюду (на всех сторонах)', куниразе 'отовсюду (со всех сторон)', кунирамэну 'повсюду (по всем сторонам)'.

Застывшие показатели рассмотренных наречных образований внешне совпадают с падежными формантами имен (см., например, наречие 'далеко'), причем у большинства наречий полная аналогия наблюдается только по отношению к морфеме -ману /-мэны. Остальные форманты наречий места отличаются от соответствующих именных падежных форм, и вычленимые в них омертвелые словоизменительные суффиксы в данном фонетическом облике отсутствуют в современной системе склонения. Ср. аналогичное явление в последующих образованиях.

По обозначаемому характеру движения или нахождения в каком-либо пункте застывшие форманты наречий близки грамматическим значениям, которые придаются именам при помощи пространст-

---

⁵ Ср. в ненецком языке: ху-'? 'куда?', ху-на? 'где?', ху-д? откуда? , ху-мна? по какому месту?

Так у вопросительных местоимений, у вопросительных наречий в нганасанском языке не выделилось употребление в специальном относительном значении.

венных падежей. Так, застывший суффикс *-ʒə* указывает направление от какого-либо пункта. Наречный формант *-ну/-ны* фиксирует статическое нахождение лица или предмета в каком-либо месте. Посредством суффикса *-ману/-маны* обозначается направление действия, преимущественно связанного с движением вдоль, в пределах, по тому или иному пространству. Однако направление действия в сторону какого-либо пункта в большинстве случаев не имеет соответствующего суффиксального выражения.⁶

Отличие наречных форм от падежных форм имен сказывается не только в их фонетическом облике. Если и допустить парадигматический характер формообразования наречий (как это по существу делается применительно к самодийским языкам некоторыми исследователями), то он во многом отличается от характера именного словоизменения. Отличия эти заключаются не только в ограниченности форм наречий по сравнению с падежными формами имен (наречия в иганасанском не изменяются по числам, не имеют лично-предназначительных форм, не сочетаются с количественными числительными), но и в функциональной узости значения. Немаловажную роль играет и значительно большая абстракция наречий места в сопоставлении с именами в соответствующих падежных формах. Помимо того, сама морфологическая членимость наречий далеко не идентична членимости слов других категорий: суффиксальные морфемы в составе наречного слова более или менее изолированы.⁷ Тем самым наличие в структуре ряда наречий места суффиксов пространственных падежей само по себе еще не свидетельствует о том, что эти наречия склоняются.

---

⁶ В грамматике М.А.Кастрена в этих формах последовательно указывается формант *-ŋ*, например: *tabaŋ* 'туда', *kuni'âŋ* 'куда?' *kuntaga'aŋ* 'далеко' (C a s t r é n М.А. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854, S. 594). В современном иганасанском языке этот формант не обнаруживается.

⁷ В морфологической членимости наречий и соотносимости в ряде случаев со словами, принадлежащими к другим частям речи, сказывается особенность их происхождения путем адвербиализации. Вместе с тем имеются некоторые наречия, не поддающиеся этимологизации.

Отсюда вытекает, что в современном нганасанском языке приведенные выше формы являются самостоятельными словами, а не входят в качестве членов в единую парадигму синтаксического словоизменения.

То же мнение высказано и И.И.Мещаниновым: «Яснее выделяются наречия, когда падежное изменение дает различные наречные же формы, соответствующие семантике обстоятельственного слова, причем сами падежные окончания получают иную форму, чем та, которая свойственна именам, ср. в нганасанском (тавгийском) диалекте: наречия в дат. падеже банди-н' - «наружу на улицу», местн. падеж банти-ну - «снаружи на улице», отложит. падеж банти-да - «снаружи с улицы», ср. те же падежи в именах дат. падеж турку-йа - «к озеру», местн. падеж турку-тану - «в озере», отложит. падеж турку-гата - «с озера»».⁸

Примеры употребления наречий места: Ниньнты куотундэ нэ-дейум банді чүндү"ки"э. Нинтуче кунтэгуо бэнтіза дүбэй"э нинь-ты матэзай лүй 'Когда старший умер, младший прыгнул наружу. Через недолгое время бросил снаружи домашнюю одежду брата'; Мың бүү"сүтүнү" кунтэга"ады 'Мы поедем далеко'; Эмэ" тузү"тэтуо" ту"о" кунтэга"агэтэ 'Эти лыжники пришли издалека'; Эмэ" баби" найбыза туйсүоде" няндыты" 'Эти дикие олени издалека пришли (букв.: пришедшие), кажется'.

Н а р е ч и я   в   р е м е н и

Наречия времени обобщенно передают временные признаки действия. Обобщенный характер выражаемых ими представлений отграничивает эти наречия от существительных и причастий, выполняющих ту же синтаксическую роль.

В предложении наречия времени могут помещаться как непосредственно перед подчиняющим словом, так и в самом начале предложения. Последняя позиция практически наблюдается чаще.

К наречиям времени относятся слова, связанные по своему происхождению с разрозненными формами существительных и числи-

---

⁸ М е щ а н и н о в И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, с.284. См. в нашем написании: банді, бэнтіні, бэнтіза; турку-да, турку-тану, турку-гэтэ.

тельных. Ряд наречий времени в современном языке не этимологизируется.

Наречиями времени являются следующие: каңғә? 'когда?', хүйтә, хүйті" 'часто', 'всегда', 'постоянно', хелыряны 'изредка', мерә 'скоро', ману 'раньше', 'давно', манурай 'давно', 'издавна', тәны 'тогда', тәсиәзә 'теперь', тымниа, тымниа 'сейчас', 'теперь', каңкәрай 'иногда', мана"кү 'только что', 'как только', каңкә 'уже', нерәзә 'сначала', хуону 'потом', 'после', канімәли" 'рано', литү 'поздно', кочибу́чену 'через некоторое время', нокуну 'скоро', хелырыаны 'изредка', 'иногда', әмә дялы 'сегодня', күзәхү" 'завтра', талуо, талу 'вчера', дяла"чү" 'ежедневно', ну"ойчену 'одновременно', тәбәзә 'с тех пор' и др.

Наречия хүйтә, хүйті" 'часто', 'всегда', 'постоянно' связаны по своему происхождению со словом хүй 'год' (в форме дательного-направительного падежа единственного числа - в первом случае, в форме того же падежа множественного числа - во втором). Наречие әмә дялы 'сегодня' является сочетанием указательного местоимения әмә 'этот' со словом дялы 'день' (букв.: 'этот день'). Наречия нерәзә 'сначала' и хуону 'потом', 'после' обозначают буквально: 'спереди' и 'позади'. Корневая морфема наречий тәны 'тогда' и тәсиәзә 'теперь' восходит, очевидно, к указательному местоимению тәндә 'тот'. Наречие нокуну 'скоро' имеет общую корневую морфему с глаголом нокуну-дя 'быть близким'.

В зависимости от контекста некоторые наречия могут выражать и пространственные и временные отношения: нерәзә 'спереди' и 'сначала': хуону 'позади' и 'после'; тәны 'тут, в этом месте' и 'тут, в это время'; кунтәга"а 'далеко' и 'долго'; нерә"а 'вперед' и 'впредь'. Примеры употребления: Десынә хуону немьмә хезытыты 'Позади отца едет мать'; Камүжүся сятыби"әни хуону чай"какуоми 'После того, как поймаем [олений] (букв.: ловить окончания после), будем пить чай'; Ситәбырә нерәзә депту" 'Сказку твою сначала расскажи'; Нерәзә баркузи"ә сатәрә 'Спереди выскочил псец'; Тәны муң нилыләсини" 'Тут мы зажили'; Тәны сыты буогәлсү" 'Тут он начал говорить'.

При помощи продольного падежа множественного числа существительных, обозначающих те или иные отрезки времени, образуются наречия, характеризующие периодическую повторяемость действия во времени, например: сира"мәну 'по зимам', тәңу"мәну 'по летам', дяла"мәну 'по дням', хй"мәну 'по ночам' и др.

Особенность наречия талуо, талу заключается в том, что оно служит для передачи противоположных по времени значений: 'вчера' и 'завтра'. Можно полагать, что при помощи этого слова выражается отрезок времени, противостоящий понятию 'сегодня' - неопределенная протяженность по времени,⁹ например: Мадя нихыри" ту" талу 'Почему вы не пришли вчера?'; Туйкәү дятәнә талу 'Приди ко мне завтра'. Уточнение значения, как и во всех подобных случаях, достигается в контексте.

Ряд наречий времени, связанных с существительными, обозначающими тот или иной временной отрезок, имеет суффикс -дя: дялы-дя 'днем' - дялы 'день', хйн-дя 'ночью' - хй 'ночь', нору-дя 'весной' - норуо 'весна', таңа-дя 'летом' - таңа 'лето', сүрү-дя 'зимой' - сүрүо 'зима' и др.

Суффикс, служащий для образования этих наречий, внешне совпадает с формантом дательного-направительного падежа, характеризующим направление к внешней стороне предмета (внешне-местное направление движения). Однако в рассматриваемых образованиях формант -дя передает не направление к какому-либо времени, а временной отрезок, в течение которого совершается то или иное действие, при этом основы наречия и имени существительного морфологически различаются, ср.: нору-дя 'весной' - норуо-дя 'к весне'; сүрү-дя 'зимой' - сүрүо-дя 'к зиме'; хйндя 'ночью' - хй-дя 'к ночи'; таңады 'летом' - таңады 'к лету'; сундайчүды 'осенью' - сундайчүнды 'к осени'; хымхи"э 'вечером' - хымхи"эды, хымтүды 'к вечеру'.

Иногда основы, а следовательно и целиком формы наречий и имен существительных совпадают, например: дялы-дя 'днем' - дялы-дя 'к дню'; күжату-дя 'утром' - күжату-дя 'к утру'.

В том, что в рассматриваемом случае выступают омонимичные форманты, легко убедиться, сравнив приведенные данные с материалами Г.Н.Прокофьева: в его записях наречный формант ɟа замыкался заднеязычным ɟ (ʃɪndɟ 'ночью'), в то время как показатель дательного-направительного падежа jā замыкающего согласного не имел (turkujā 'к озеру', kandaɟā 'к нарте').¹⁰ Отсюда не-

---

⁹ В записи Г.Н.Прокофьева значение этих форм дифференцировано: talu(ɟ) 'завтра', talua jaɟa 'вчера', см.: П р о к о ф ь е в Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект. М.-Л., 1937, с.70.

¹⁰ П р о к о ф ь е в Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект, с.62 и 70.

трудно заключить, что наблюдающаяся в настоящее время омонимия рассматриваемых формантов представляет собой явление вторичного порядка.

Одним из источников пополнения наречий времени являются разрозненные падежные формы числительных, например: ну"озу" 'однажды' (родительный падеж множественного числа количественного числительного ну"ой 'один'), ну"ойчену 'одновременно' (местный падеж единственного числа от того же числительного).

Примеры употребления наречий времени: Эме дялы канимели" кунда"ину" 'Сегодня мы рано легли спать'; Кочибүчену · кунтагу-чи, ногучи суодүбү"түң малү"ө 'Через некоторое время, когда далеко ли, близко ли они кочевали, он остановился стойбищем'; Тэне кангэ туйхуну макитигэ? Мана"кү эме дялы туйсүом 'Ты когда приехал от своих чумов? Только что сегодня приехал'; Эме хүй баби" канимели" туйсүо" 'В этом году быстро (т.е. рано) пришли дикие олени'; Сүрүда дяңуру" нини литү катагиметэту 'Зимой на севере светает поздно'.

К а ч е с т в е н н ы е   н а р е ч и я

Качественные наречия передают различные качественные признаки действия или состояния. Они составляют одну из наиболее многочисленных групп наречий. Сюда относятся, например, следующие наречия: корутэту 'просто так', бэлта 'только', магаличебү" 'совсем', нири 'совместно', 'рядом', тымниаряй 'сразу', хоникану 'следом', дөнтэга 'тихо', 'медленно', тэптэ 'тоже', 'также', тэти"лай 'только', бэнса 'целиком', нуарү"үа 'поперек', тэни"ма 'так', гораптуму" 'напрасно', нонэй" 'снова', 'опять', ну"ойчену 'вместе',¹¹ нонэ 'еще', ну"тэты 'все еще', лакаряй 'вдруг', минту 'как раз', нуолы 'конечно', 'в самом деле', суңгетэту 'навстречу', казичмалай 'зря', сетезай" 'нарочно', канаманку, канаманкуаряй 'недолго', 'ненадолго', нисы нусирэ" неподвижно', нерэптүку" 'впервые' и др.

---

¹¹ Наречие ну"ойчену 'вместе' восходит к форме местно-творительного падежа количественного числительного ну"ой 'один'.

Большинство качественных наречий являются морфологически нечленимыми и не оформляются каким-либо общим им всем словообразовательным суффиксом. Однако имеется несколько групп качественных наречий, отчетливо выделяющихся по своему происхождению:

а) Качественные наречия, являющиеся в своем генезисе формой родительного падежа множественного числа имен прилагательных, например: нйгэй" 'хорошо' - нйгэ 'хороший'; магэй" 'крепко' - магэ 'крепкий'; намегай" 'прямо' - намегэ 'прямой'; мерэгэй" 'быстро', 'скоро' - мерегэ 'быстрый', 'скорый'; хекэгэй" 'тепло', 'жарко' - хекэгэ 'теплый', 'жаркий'.

б) Качественные наречия, восходящие к форме продольного падежа единственного числа имен прилагательных, реже существительных, например, нэухомэны 'плохо' - нэухо 'плохой'; хомэгамэны 'остро' - хомэгэ 'острый'; ани"ка"амэну 'сильно' - ани"ка 'большой'; эракэрамэны 'красиво' - эракэрэ 'красивый'; хелидемэны 'поровну' - хелыэ 'половина', 'часть'; нилемэну 'низко' - ниле 'низ'; нуодемэну 'вслед' - нуоде 'след'.

в) В значении качественных наречий используются неопределенная и условная формы деепричастий, например: чиминси 'второпях' - чиминхи" 'торопиться'; кэрбуда 'охотно' - кэрбуоу" 'хотеть'; бэотаса 'устало' - бэотаса 'уставать', 'быть усталым';¹² хойсүся 'ярко' - хойсүся 'быть ярким'; берэби" 'через (по простетивки)' - берэби" 'пройти мимо'; дөдятуса 'мутно' - дөдятуса 'быть мутным'; сэңкуса 'тяжело' - сэңкуса 'быть тяжелым'; денинтысы 'прохладно' - денинтысы 'быть прохладным'; тэңкади 'сильно' - тэңкади 'быть сильным'; сойбуса 'слышно' - сойбуса 'быть слышимым' и др.

Этот разряд качественных наречий интенсивно пополняется путем адвербиализации деепричастных форм.

г) Качественные наречия со значением необладания, образованные от существительных суффиксом -гали/-кали, например: Ду-түгяли хурси"э 'Он вернулся без руки'; Баңкали басуоу" баха 'Без собаки охотиться плохо'; Нэндуйкали колий кемүзү" лэзи"сиэ" 'Без лодки они не могли ловить рыбу'; Хурси"эм мазунэдя сатэрэкали 'Я вернулся домой без песка'; Тэ" быкяли лэзи"ти" нилл" 'Олени без воды жить не могут'; Ны соймүңкали дөрэту 'Женщина беззвучно плачет'.

¹² Ср. наречие бэнузаңке 'утомительно', образованное от той же корневой морфемы бэнуда 'устать'.

Наречия на -гали/-кали сочетаются только с глагольными словами. В отличие от наречного употребления в роли приименного определения слова с суффиксом -гали/-кали выступают только в сочетании с причастием от глагола ися 'быть', например: тӓгяли 'без оленя' - тӓгяли ичӓо 'безоленный'; быкяли 'без воды' - быкяли ичӓо 'безводный'; дямӓгяли 'без голоса' - дямӓгяли ичӓо 'безголосый' и т.д.

Значение 'подобно', 'как кто-, что-либо' передается при помощи наречия мантэ: Бика"кӓ турку мантэ кона"а 'Речка стала как озеро'; Сӓурнэ мантэ кӓйңи"тӓм 'Пою, как мой друг'; Ңамай-хӓб мантэ чеситӓ 'Холодно, как в прошлом году'; Ниньзы колызырмы"э дедиты мантэ 'Его старший брат стал рыбаком, как и отец'.

В сочетании с именным сказуемым наречие мантэ оформляется показателями, связанными по происхождению с лично-притяжательными формантами, например: Мың тӓптэ тундядему" сыты мандӓту 'Мы такие же приезжие, как и он'; Тӓнэ тӓптэ җӓнэ"санӓу мың мантӓну" 'Ты такой же человек, как и мы'; Мӓнэ тӓптэ ченымты-гуйчиӓм тӓнэ мандӓтэ 'Я такой же ученик, как и ты'.

Примеры употребления качественных наречий: Тани"иа муну"о җабутудя, җонӓй" нинты ту" сыты хель"сысы 'Так сказал он своей невестке, больше (букв.: опять) не пришел ей помогать'; Мың хезытытымы" миӓдисы 'Мы идем пешком'; Тундяде кӓрбудя җӓмсу җӓму"о 'Приезжий охотно съел мясо'; Сизӓ дялы берӓби" нерӓтэ качемӓсузӓң дигӓ 'Через два дня (букв.: двух дней если пройти мимо) ты увидишь впереди гору'; Сыты тораптуму" барӓтуң, нисызӓ ту" 'Напрасно его ждешь, он не придет'; Бӓрбӓ хуонӓкану банту хезытыты 'За хозяином вслед идет собака'; Канамаңку ӓмны мазай-сӓзӓм 'Недолго буду здесь гостить'; Мӓгӓб качемӓса бау лакӓря-ряй логя"ли"э 'Что-то увидев, собака внезапно залаяла'; Сытың җы"тӓндың нинды" ту" 'Они все еще не пришли'.

Н а р е ч и я   с т е п е н и

Среди наречий выделяется небольшая группа, которую можно обозначить, как наречия степени: четуамы 'очень', 'совсем', 'чёресчур', 'слишком'; нясы"рий 'слабо', 'слегка', 'еле-еле', 'чуть-чуть'; нимӓ"кӓ 'немного'; нясы" 'едва'; нясычи 'кое-как'; магӓ-личебӓ" 'совсем', 'очень'; нинту" җукӓгӓ 'немного' и др.

Указывая на степень интенсивности действия или на степень проявления какого-либо качества, эти наречия сочетаются преимущественно с другими наречиями, прилагательными, глагольными

словами. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что для передачи приблизительно одинакового значения употребляются разные слова, и, наоборот, одно и то же слово выражает в ряде случаев различную семантику.

Примеры употребления: Нимэ"кү һәмэ"каса би"ж 'Поев немного, он ушел'; Нинимэ һадыгәтәнэ нимэ"кү хирәгә 'Мой старший брат немного выше младшего' (букв.: от младшего брата-моего немного высокий); Десыра четуамы байкаимү"ө 'Твой отец очень состарился'; Сыты четуамы дярәзүты 'Она сильно (букв.: очень) болеет'.

Н а р е ч и я   в о п р о с и т е л ь н ы е,
о т р и ц а т е л ь н ы е,   у с и л и т е л ь н ы е,
н е о п р е д е л е н н ы е

В составе наречий может быть отмечена особая группа наречных слов с вопросительным значением. Эти наречия являются одним из структурных элементов вопросительных предложений. Сюда относятся наречия: куни"иа? 'куда?', кунину? 'где?', куни-за? 'откуда?', кунимәнү? 'где (по какому месту)?', канҗә? 'когда?', куни"иа? 'как?' и некоторые другие.

Относительного значения слова эти в иганасанском языке не получили, как не получили относительного значения и вопросительные местоимения.

Вопросительные наречия с суффиксальной частицей -гәличе/-кәличе, вставляемой между основой и служебной морфемой, входят в состав отрицательных предложений и приобретают значение отрицательных наречий, например: кунигәличены 'нигде', куни"-иагәличи 'никак', канҗәгәличи 'никогда', кунигәличемәнү 'нигде (ни по какому месту)' и др.

При глаголах положительного значения рассматриваемые наречия имеют усилительное значение, однако, такое их употребление встречается редко.

Вопросительные наречия мәдя? 'почему?', маися? (или мӓ"ися?) 'зачем?' в силу особенности своей семантики ни отрицательных, ни утвердительных форм не имеют.

Примеры употребления: Куни"иагәличи нинты дӓтүрә" 'Он никуда не ходит'; Десыра кунигәличены даңку 'Твоего отца нигде нет'; Канҗәгәличи сыты ниңдым һезү" 'Никогда я его не видел'; Мӓгәтә һәнүңү? 'Отчего он удивился?'; Мӓдя лӓңкүрүңә"? 'Почему

они спрятались?'; *Иады џамсу ниџи џамсаде*? 'Почему ты не ешь мяса?'

При помощи суффикса -гүб/-күб, присоединенного к их основе, вопросительные наречия приобретают значение неопределенности: *каңгә?* 'когда?' - *каңкәгүб* 'когда-то, когда-нибудь'; *куни"ма?* 'куда?' - *куни"магүб* 'куда-то, куда-нибудь'; *кунину?* 'где?' - *кунигүбну* 'где-то', 'где-нибудь'; *куниза?* 'откуда?' - *кунигүбза* 'откуда-то, откуда-нибудь' и др.

Примеры употребления: *Каңкәгүб оу"сүтүне найбытә* 'Когда-нибудь поеду далеко!'; *Куни"магүб хезытытың* 'Куда-то ты идешь!'; *Кунигүбну хурьамә эмни ичү* 'Где-то здесь то, что я ишу!'; *Дялды куни"магүб оүгүне* 'Днем куда-нибудь уеду!'.

В качестве итога всего сказанного можно отметить основные специфические черты наречий: несомненная соотносительность в генетическом плане с именами; отличительный, свойственный только наречиям (и послелогам) набор морфем, синтаксическая неизменяемость наречий, лексическая самостоятельность, обуславливающая самостоятельность грамматическую.

Процесс перехода слов из других категорий в наречия происходит, по-видимому, в результате обособления какой-нибудь одной формы от общей системы словоизменения. Такая обособленная форма, постепенно утрачивая былые связи, синтаксически притягивается к глаголу и переходит в разряд наречий. Так, например, переход деепричастий в наречия обуславливается утратой соответствующего управления: употребляясь вне связи с относящимися к нему словами, такое деепричастие теряет связь с системой глагола.

Характерно, что процесс образования наречий из других категорий слов продолжается на наших глазах. Вместе с тем наречие вполне отчетливо обособляется от других частей речи, выступая в той же синтаксической функции.

Междометия составляют группу слов, отчетливо выделяющуюся из остального лексического состава по своим семантическим и грамматическим особенностям. По семантическим особенностям междометия отличаются и от знаменательных, и от служебных слов. Особенность междометий по сравнению со знаменательными словами заключается в том, что они не связаны с обозначением понятий. В то же время они не обозначают грамматических значений и не являются поэтому служебными словами. Назначение междометий — непосредственно выражать чувства, ощущения и волевые побуждения говорящего. По словам В.В.Виноградова, «междометия представляют собой выражения эмоций и волевых импульсов».¹

В составе предложения междометия синтаксически не связаны с другими словами и потому обладают известной самостоятельностью. Передавая ярко выраженные эмоциональные значения, междометия в определенном контексте или при определенной ситуации приобретают характер самостоятельного законченного высказывания.

Грамматическая особенность междометий состоит в том, что они не имеют форм синтаксического словоизменения, а также тех или иных словообразовательных форм.

В речи яркая модальность междометий находит интонационное выражение, при помощи которого уточняются оттенки их значения; при различной интонации одно и то же междометие может выражать не только разнообразные, но нередко и прямо противоположные чувства или ощущения.

Не входя в состав предложения в качестве одного из его членов, междометия в то же время придают всему высказыванию особую смысловую выразительность, эмоциональную окраску.

Междометия в нганасанском языке являются односложными, двусложными, лишь изредка трехсложными. Этимологическому анализу междометия, как правило, не поддаются и занимают изолированное положение в словарном составе нганасанского языка.

---

¹ В и н о г р а д о в В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947, с.745.

Ряд междометий имеет довольно широкий диапазон значений, на русский язык такие слова могут переводиться только описательно. Редупликация междометий является особым приемом усиления эмоционального эффекта.

Наиболее употребительны в иганасанском языке следующие междометия:

- ай-иа"! - выражает чувство удовольствия, удовлетворения;
- а̄й! - выражает неприятное ощущение;
- оу"! - передает удивление, восхищение, побуждение, недоумение;
- дбу! - выражает чувство боли или сильное волнение, душевное переживание;
- ойу"! - обозначает удивление с оттенком испуга;
- кажау"! - выражает недоумение, испуг, предостережение;
- чесей! - употребляется при выражении чувства холода, озноба;
- хей! - служит для передачи ощущения духоты, жары;
- тэ-тэ! - возглас удовлетворения, побуждения;
- хе"моу"! - выражает сильное удивление;
- эй! - передает чувство сожаления, раскаяния;
- ай ысаб̄ (эй ысаб̄)! характеризует чувство страха;
- тэй! - окрик на собаку и др.

К междометиям примыкают и различные звукоподражательные слова. Например: а"а"аула! - подражание крику утки; кудя"-кудя"! - подражание крику чайки; ка-ка-к̄а! - подражание крику гагары перед дождем; кукарли-кукарли! - подражание крику гагары в период тока; кабя"-бя"-бя"! - подражание крику куропатки; пря-пря-пря! - подражание крику черной чайки; лык-лык-лык! - подражание крику гусей; хур-хур! - подражание хорканью оленей; ау-ау! - подражание крику оленьего теленка; ых-ых! - подражание стуку, треску (например, стуку молотка, треску огня) и т.д.

Примеры употребления междометий: Оу чесатэ! Тагаличе" канды"танды" 'Ну и холод! Даже олени мерзнут!'; Оу", м̄а хуйцун? 'Ну, чего же ты хочешь?'; Оу", м̄адя кунтагай" кундуауу? 'Ой, почему так долго спишь?'; Ойу", десымэ канка ту"о! 'Ах, мой отец уже приехал!'; Кажу", сыты ни" козу"! 'Ой, его не убей!'; Хе"моу", нагэтэтэ мерэгаману џойбауту! 'О-о, он работает быстрее тебя!'; Тэ-тэ, коньгуми! 'Ага, ну-ка пойдём!'; Дбу, џойбуомэ дярит! 'Ой, у меня болит голова!'

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Общие сведения. Основное назначение служебных слов заключается, как известно, в выражении различных грамматических значений. В связи с этим грамматические значения служебных слов преобладают в них над лексическими. Этим путем осуществляется один из важнейших способов уточнения в речи грамматического значения знаменательных слов.

Служебные слова не имеют самостоятельного употребления и используются лишь в связи со знаменательными словами. В этих словосочетаниях одни из служебных слов сохраняют некоторые элементы первоначальной семантики, другие же находятся на грани перехода в аффиксы.

В своем генезисе служебные слова иганасанского языка восходят к полнозначным словам, причем в значительном числе случаев эта связь прослеживается еще вполне отчетливо. Подтверждением указанного пути развития служит то положение, что и в современном языке при определенных условиях функцию служебных выполняют некоторые знаменательные слова, обладающие самостоятельным значением, но утрачивающие при служебном использовании - в большей или меньшей мере - свою знаменательность. Так, известная часть полнозначных слов (существительных, местоимений, наречий) может употребляться в функции послелогов и союзов. Некоторые глагольные слова используются как вспомогательные глаголы. При этом в иганасанском языке имеется особая группа вспомогательных глаголов, в первую очередь с отрицательным значением.

Разные группы служебных слов иганасанского языка выполняют различную роль в образовании морфологической структуры знаменательных слов. Одни из них (послелого, отрицательные вспомогательные глаголы) входят в состав аналитических образований, свойственных знаменательным словам, другие (самостоятельные частицы, союзы) полностью оказываются вне структуры знаменательных слов, третьи (суффиксальные частицы), выступая в чисто грамматическом значении, приближаются по существу к морфемам.

В соответствии с выполняемым ими грамматическим назначением служебные слова иганасанского языка подразделяются на послелого, союзы и частицы. Ни союзы, ни частицы исследованию по существу еще не подвергались. Так, например, в соответствующем разделе грамматики М.А.Кастреном не указано ни одного слова, ко-

торое употреблялось бы в нганасанском языке в союзном значении. Недостаточно были освещены в литературе и послелогои.

ПОСЛЕЛОГИ

По сравнению с другими служебными словами послелогои получили в нганасанском языке наиболее широкое развитие. При посредстве послелога передается подчинительная зависимость входящего с ним в одно словосочетание знаменательного слова к другим словам в предложении. Послелог находится в постпозиции по отношению к знаменательному слову. Связанное с ним полнозначное слово занимает первое место в словосочетании и имеет показатель родительного падежа как в бесприятательной, так и в лично-притяжательной формах; послелог оформлен суффиксом одного из локативных падежей (направительного, местного, отложительного, продолжного). Таким образом, показатель отношения знаменательного слова к тому слову, от которого оно зависит, включается в форму послелога, и послелог оказывается носителем грамматического значения, знаменательное же слово служит для передачи лексического значения.

Послелогои служат в первую очередь для детализации пространственных, отчасти временных отношений. При этом каждый послелог выражает определенную, только ему свойственную в зависимости от лексического содержания, конкретную семантику, почему и обладает меньшей степенью грамматикализации по сравнению с падежными суффиксами. Значения, выражаемые падежными формами в более абстрактном и обобщенном виде, получают при помощи послелогов конкретизацию. Тем самым послеложные сочетания своими разнообразными смысловыми оттенками обогащают и расширяют значения падежных форм. Ср., например:

Тāлай" матәну куодүму цомтүтү 'В чуме богачей-оленево-дов мужчина сидит'; Тāлай" мазә нини дема"ку цомтүтү 'В чуме богачей-оленево-дов (букв.: богачей-оленево-дов чума на территории) птица сидит'; Тāлай" мазә нāну ны цомтүтү 'Около чума богачей-оленево-дов женщина сидит'; Тāлай" мазә кунсыны цу"ой нүс цомтүтү 'В чуме богачей-оленево-дов (букв.: богачей-оленево-дов чума внутри) один ребенок сидит'; Тāлай" мазә такәну бац цомтүтү 'В чумом богачей-оленево-дов (букв.: богачей-оленево-дов чума посре-ди) собака сидит' и т.д.

Послелого не достигли той степени формализации, которая характерна для предлогов: „Высшая степень формальности предлога обнаруживается в том, что он перестает чувствоваться как отдельное слово”.¹

Осуществляемое послелогоми назначение в речи принято сопоставлять с функцией предлогов. „По своей синтаксической функции, — пишет акад. И. И. Мещанинов, — предлог в точности соответствует послелогу. И тот и другой служат показателями синтаксических отношений. Основное различие между предлогами и послелогоми заключается в том, что последние проявляют большую тенденцию к формальному объединению с именем, чем первые. Это находит свое объяснение в чисто внешних особенностях языкового строя. В большинстве языков определители локализируются перед определяемым словом. Поэтому между именем и его послелогом, занимающим постпозиционное по отношению к нему положение, не могло оказаться определения. При предлогах же, наоборот, оно, занимая препозиционное положение, попадает между именем и предлогом, в связи с чем последний оказывается оторванным от имени при появлении его определений и обращается в подвижной префикс. Поэтому предлог занимает более самостоятельную позицию, чем послелог, который иногда до такой степени сближается с именем, что в свою очередь превращается в падежное окончание”.²

Сказанное вполне соответствует особенностям рассматриваемой нами группы слов в иганасанском языке. Сочетаясь с неизменяемой формой имени, послелог является средством выражения синтаксических отношений, поскольку показатель падежа включается в его форму. При этом сочетание имени и послелога неразрывно между собой связано: между ними не может быть вставлено какое-либо слово. Любое определение оказывается в положении перед знаменательным словом, например: корузэ такэну 'позади дома', ани"ка корузэ такэну 'позади большого дома', ани"ка хуалэ корузэ такэну 'позади большого каменного дома', десьнэ ани"ка хуалэ корузэ такэну 'позади большого каменного дома моего отца', манэ десьнэ ани"ка хуалэ корузэ такэну 'позади большого каменного дома моего отца (букв.: я отца-моего большого каменного дома позади)'.

---

¹ В и н о г р а д о в В. В. Теория и практика русской лексикографии. — „Вопросы языкознания”, 1956, № 5, с. 84.

² М е щ а н и н о в И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, с. 298.

Разумеется, аналогия между предложениями и послелогоми является очень условной. Обстоятельства, послужившие для образования этих служебных слов различны и, бесспорно, связаны с особенностями синтаксической структуры языков того или другого типа. В иганасанском они определяются особенностями сочетания слов, свойственного языкам агглютинативного строя.

Стабильное положение послелогов по отношению к уточняемому ими существительному имеет существенное значение для сложения и закрепления структуры языков определенного морфологического типа: «Послелогои способствуют сохранению агглютинативного строя языков во многих отношениях. ...послелогои с течением времени могут превратиться в падежные суффиксы, обеспечивая тем самым постоянное воспроизводство агглютинативных прилеп, чего, например, не наблюдалось в истории индоевропейских языков, где предлоги иногда способствовали не укреплению флективного строя языков, а разрушению его и превращению в строй аналитический».³

Наиболее употребительными в иганасанском языке являются следующие послелогои:

нӣ 'на кого-, что-либо', нӣни 'на ком-, чем-либо', нӣтэ (нӣзэ) 'с кого-, чего-либо', нӣмэ̄ны 'по кому-, чему-либо' - ср.: нӣде 'поверхность';

на 'к кому-, чему-либо', 'по направлению', нану 'у', 'около кого-, чего-либо', натэ 'от кого-, чего-либо', намэ̄ну 'по внешней стороне кого-, чего-либо', 'мимо кого-, чего-либо';

нӣле 'под кого-, что-либо', нӣлену 'под кем-, чем-либо', нӣлезэ 'из-под кого-, чего-либо', нӣлемэ̄ну 'понизу кого-, чего-либо' - ср. нӣле 'низ';

кунди 'в', 'внутри', кунсыны 'внутри', кунсызэ 'изнутри', кунсымэ̄ны 'по внутренней части чего-либо' - ср.: кунсыэ̄ 'внутренность';

тагэ 'за кого-, что-либо', 'позади кого-, чего-либо' (на вопрос: куда?), такэ̄ну 'за кем-, чем-либо', 'позади кого-, чего-либо' (на вопрос: где?), такэ̄зэ 'из-за кого-, чего-либо' (на вопрос: откуда?), такэ̄мэ̄ну 'позади кого-, чего-либо' (на вопрос: по какому месту?).

---

³ С е р е б р е н н и к о в Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. - В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965, с.17.

Отдельные послелогои, например послелог чўба, употребляются и в пространственном, и во временном значении, например: ману" чўба 'до нашего чума', муңку" чўба 'до леса', тана чўба 'до моего оленя', норуо чўба 'до весны', хиңдяде чўба 'до ночи' и др.⁴ То же относится к послелогам тага, такэну и др.

Некоторые из послелогов служат для выражения и косвенно-дополнительных значений. Так, например, послелог низа в определенном контексте обозначает 'из-за, по причине кого-, чего-либо', послелог ниманы - 'о ком-, чем-либо', послелог нану - 'с кем-либо'. Например: Идиті ниманы нягэй" буоту" 'О его дяде хорошо говорят'; ср.: Меу ниманы тондита 'По земле метет поземка'.

Вместе с тем имеются послелогои, специальное назначение которых выражать такие понятия, как замещение, присутствие, исключение, цель, причину и пр., например: бабэза 'вместо, взамен кого-, чего-либо', нузуны 'при ком-, чем-либо', дязи"кү 'для', 'ради кого-, чего-либо'. Однако и здесь прослеживается связь со значениями пространственного характера. Так, например, послелог дязи"кү обозначает также 'перед кем-, чем-либо', 'напротив кого-, чего-либо', хотя в этом последнем употреблении он встречается в настоящее время реже, чем в первом.

Таким образом, для послелогов характерен тот же путь развития от конкретного к более отвлеченному, что и для падежных форм: сначала наблюдается переход от пространственного значения к временному, а затем - к другим обстоятельственно-дополнительным значениям.

В сочетании с лично-притяжательными суффиксами послелогои выступают в предложении как знаменательные слова и переходят в разряд послеложных местоимений: нуленунэ 'подо мной', нуленунтэ 'под тобой', нуленунту 'под ним', нуленуні 'под нами-двумя', нуленунді 'под вами-двумя', нуленунді 'под ними-двумя', нуленуну" 'под нами-многими', нуленунду" 'под вами-многими', нуленундуң 'под ними-многими'; бабэтана 'вместо меня', бабэтатэ 'вместо

---

⁴ М.А.Кастрен возводит этот послелог к существительному *tifi* 'время', 'случай', 'возможность' и приводит следующие его формы: *tibaŋ* Dat., *tifane* Loc., *tifagata* Abl., см.: С а с т - р é н М.А. Grammatik der samojedischen Sprachen, S.583. Существование этих слов современные нганасаны не подтверждают.

тебя', бэбэтэту 'вместо него' и т.д. (ср. лично-притяжательные формы дательного-направительного падежа от существительного бэбэ 'постель': бэбэтэнэ 'на мою постель', бэбэтэтэ 'на твою постель', бэбэтэту 'на его постель' и т.д.); дязи"күна 'для меня', дязи"күтэ 'для тебя', дязи"күту 'для него' и т.д.

В данных образованиях лично-притяжательные суффиксы не передают значения принадлежности, но характеризуют грамматическое лицо местоимений, ср.: Тэнэ бэбэтэтэ мың кона"аму" 'Мы пошли вместо тебя'; Мың бэбэтэну" сылыгэliche нисызе конь" 'Вместо нас никто не пойдет'; Сытың бэбэтэндуң торэуту" дедичиң 'Вместо них работают их родители'; Сыты низэту тамакалимү"ө 'Из-за нее он стал несчастным'; Мың низэну" тэндэ мантэ кона"а 'Из-за нас так получилось'.

Примеры употребления послелогов и послеложных местоимений: Ани"ка кэймүңиле дерьмысытамы" 'Мы попадем под большую дождевую тучу'; Бикә кунсымэныңэндуичену бүү"сүтинэ 'По реке на лодке поеду'; Ману" дязи"кү хирэгэ лянсэ бэзуатэту 'Напротив нашего чума растет высокий кустарник'; Әмә мәу чүбә хезүтыби" кунтэга"а 'До этого места ехать долго'; Норуо чүбәңы"таты кунтэга"а 'До весны еще далеко'; Тың низэту" эмны лэзи"тим нилы" 'Из-за вас здесь жить не могу'; Сүармә дятэнэ нинты сәңүрэ" 'Мой друг на меня не смотрит'; Мәнә дязи"күна эмты кәнтэ, сыті дязи"күті такэ кәнтэ 'Для меня эта нарта, для них-двоих - вон та'; Сеймынә дязи"кү ма"ңэтумы"э 'Спереди (букв.: глаза-моего перед) чум показался'.

Особенность структуры послелога составляет дуплановость выражаемых им отношений: корневая часть указывает на положение в пространстве или во времени, а аффиксальная выражает значение соответствующего падежного форманта - направление куда-либо, нахождение где-либо, удаление от чего-либо, перемещение по чему-либо и др.

Как и рассмотренные ранее наречия места, послелоги являются морфологически членимыми, однако обнаруживаемые в их составе суффиксальные морфемы имеют материальные отличия от соответствующих падежных показателей именных частей речи. В послелогах, обозначающих местонахождение и начальный пункт движения (т.е. в формах, соответствующих местному и отложительному падежам имени), выделяются усеченные, по сравнению с падежными, форманты (в первом случае -ны/-ну при показателе местного падежа -таны/-тэну, во втором - -тә/-зә при показателе отложительного падежа -гәтә). Только суффиксальная часть послелогов, характеризующ-

щих движение вдоль чего-либо, материально совпадает с суффиксом продольного падежа имени существительного -мэны/-мэну.

В послелогах, указывающих направление, конечный пункт движения (соответствующих дательному-направительному падежу имени), для современного нганасанского языка суффиксальная часть отсутствует (равна нулю). Интересно, что в записях А.М.Кастрена в этих формах везде отмечается заднеязычный η (конечный звук η в нганасанском соответствует назализированному гортанному смычному в ненецком), например: $ni\eta$, $pa\eta$. В настоящее время замыкавший эту форму звук η утрачен. Фонетическое разрушение прикрывавшей ранее данную форму суффиксальной морфемы вплоть до ее полного исчезновения отмечено уже в материалах Г.Н.Прокофьева.⁵ Аналогичным образом утрачен формант родительного падежа - η (см. выше, с. 77). Заслуживает внимания в данной связи вывод Т.Микола о том, что основным критерием при разграничении (в формальном отношении, - Н.Т.) послелогов и имен является окончание латива -' $\sim n$ у послелогов при - $n' \sim d' \sim t'$ у существительных.⁶ Однако при этом формант -' (назализированный гортанный смычный) у послелогов, с нашей точки зрения, неправомерно отождествляется им с суффиксом генитива. Если искать источник этого форманта, то скорее послеложный суффикс -' связан по своему происхождению с показателем - η , замыкавшим ранее формы послелогов и наречий нганасанского языка, но впоследствии утраченным.⁷

Что касается так называемых усеченных форм, отличающихся от показателей существительных в местно-творительном и отложительном падежах, то формы послелогов, как и аналогичных наречий места, представляют собой, по-видимому, остатки более древней системы словоизменения.

Не только формальные отличия, но также и сам факт неполноты парадигмы наглядно показывают, что в случае с послелогоми нет обычного склонения, а каждая из этих форм представляет со-

---

⁵ Прокофьев Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект, с.70.

⁶ Mikola T. Die alten Postpositionen des Nenzischen (Jurak-samojedischen). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1975, S. 209.

⁷ См. также: К ю н н а п А. [рец. на кн.:] Т.Микола. Die alten Postpositionen... - "Советское финно-угроведение", 1976, № I, с.66.

бой самостоятельный послелог. Как указывал акад. И.И.Мещанинов, «Здесь мы имеем склоняемое оформление послелога, но не склонение самого послелога. Склоняется полноценное имя, так как изменение его по падежам выявляет его синтаксическое значение в предложении. Служебная же частица, к числу которой относятся и предлог и послелог, сама оказывается передатчиком тех синтаксических отношений, которые выступают между словами предложения, а потому выполняет ту же функцию, какую несет склонение. Следовательно, сам послелог, так же как и предлог, склоняться не может".⁸

Сочетание имени с послелогом строится по той же модели, что и сочетание двух знаменательных слов, из которых первое является определением по принадлежности, а второе — определяемым. В отличие от определительных словосочетаний, в которых главным словом является второй компонент, а первый выражает зависимый признак, в послеложных конструкциях главное слово представляет первый их компонент, а второй выполняет служебную роль. Тем не менее представляется вполне вероятным, что в генезисе сочетание имя + послелог восходит к сочетанию определение + определяемое; имя, рассматриваемое сейчас как послелог, было определяемым, а предшествующее ему слово — определением по принадлежности, то есть, например, предложение Коруза кунсны сеймы хеңкэ коптуа сочүрөндү 'Черноглазая девушка шьет в доме' буквально значило: 'Дома внутри черноглазая девушка шьет'.⁹ В пользу данного предположения говорит тот факт, что многие слова, на основе которых образовались послелоги, сохраняются в языке в качестве знаменательных слов, ср.: кунсныэ 'внутренность чего-л.' и серия послелогов со значениями 'внутри', 'изнутри' и т.д., нуле 'низ' и серия послелогов 'под чем-либо', 'из-под чего-либо' и т.д., см. выше, с.299; ср. еще: дүтнэ 'промежуток', нерэ 'передняя часть чего-либо', хуоде 'задняя часть чего-либо' и др. и серии после-

---

⁸ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, с.300.

⁹ Явление это типично для целого ряда языков, в частности для остальных самодийских, см. об этом например: Терещенко Н.М. К вопросу о происхождении послелогов (на материале ненецкого языка). — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР». 1958, № 11, с.62-76.

логов дутныи, дүтызэ, дүтыманы; нераны, неразэ, нераманы; хуону, хуоҗэ, хуоманы и т.д. Полнозначным характером данных слов объясняется также существование однокоренных с ними наречий и глаголов, например: җилезуса 'быть под кем-, чем-либо', неразысы 'быть впереди', хуоҗуса 'быть позади', дүтызысы 'быть, находится в промежутке' и некоторые другие. (Заметим, однако, что по сравнению с ненецким и энецким эти глаголы являются менее употребительными).

Генетическая связь послеложных сочетаний с сочетаниями определения и определяемого наглядно подтверждается тем положением, что в служебной роли и в современном языке употребляется ряд имен, при ином употреблении полностью сохраняющих свою знаменательность (служебное использование знаменательных слов). Особенно характерно это для существительных, обозначающих части тела, например:

Корузэ кайгэтэ баҗ баркуҗи¹⁰а 'Со стороны дома (букв.: дома с боку) собака выскочила'; Дитумэ җаңуоде туржу сэтэ сохү"ö 'Застреленная утка упала в самую середину озера (букв.: озера в сердце)'; Та" би"жиндэ" дяңуру" сэ нйде 'Олени ушли в тундру (букв.: тундры в сердце)'. Слово хорэ 'лицо' в подобном употреблении получает значение 'левая сторона чего-либо', а слово мэку 'спина' – 'правая сторона чего-либо'. Например: Сэде хорэ нині бигаи ичү 'По левой стороне дороги (букв.: дороги лица сверху) находится река'; Мэгу нині корузэ" җазуты" 'С правой стороны (букв. спины сверху) видны дома'.¹⁰

Не подлежит сомнению, что не каждое имя в позиции определяемого может послужить основой для образования послелога. Такой переход наблюдается только у имен определенной семантики (прежде всего у имен, характеризующих пространственную и временную ориентацию), которые в соответствующих падежных формах приобретают широкую сочетаемость. Употребляясь преимущественно

---

¹⁰ Сходное явление наблюдается и в других самодийских языках. Так, например, в ненецком в качестве уточнителя пространственных отношений нередко употребляются такие слова, как: җэва 'голова', маха 'спина', сей 'сердце', җэсо' (җэсон-) 'сустав' и некоторые другие, например: Тир" җэрманда сейн' мүселъяд" 'Облака тронулись к самому северу' (букв.: севера-его к сердцу кочевать-начали).

для выражения обстоятельственного дополнения и более ограничено для характеристики других членов предложения, такие слова постепенно как бы вычлениются из системы словоизменения. Частое использование во вспомогательной функции при расширении употребления в разных контекстах способствует с течением времени стиранию предметного значения и превращению ранее лексически полноценных слов в служебные.

Отчетливая генетическая близость послелогов к именам иногда служит основанием для трактовки послелогов как „имен с неполным склонением“.

Как ни велика, однако, исконная связь между рассматриваемыми группами слов, в современном иганасанском (как и в других самодийских языках) имеются вполне достаточные основания для выделения послелогов в особый разряд образований со служебной функцией. Свидетельством этого является не только отсутствие прямого отношения к живой системе словоизменения и словообразования, в результате чего послелогом представляют собой застывшие падежные формы. Основным признаком, формирующим категорию послелога, является усиление обобщенно-грамматического значения слова, сопровождающееся затушевыванием, а иногда и полной утратой первоначальной семантики.

Именно в силу затушевывания, а порой и полной утраты знаменательности и усиления формальной стороны слово, перешедшее в разряд послелогов, становится выразителем синтаксических отношений имени, которое с ним связано, к другим словам в предложении.

В развитии этого явления наблюдается известная тенденция к переходу некоторых послеложных образований в падежные форманты. Характерно в этом отношении не только постепенное превращение послелога в показатель дательно-направительного падежа с внешне-местным направлением движения, см. выше, с.84. Использование послелогов в функции падежных суффиксов, прослеживается в формах двойственного числа. Как было показано в соответствующем разделе (см. на с.72), пространственные падежи двойственного числа формируются не при помощи падежных суффиксов, а сочетанием с послелогом, которые уточняют пространственные или временные отношения связанных с ними слов.

Помимо несомненной генетической связи послелогов с именами наблюдается также связь послелогов с наречиями. И те и другие имеют одинаковые суффиксальные морфемы, отличные от падежных формантов имен. Однотипность морфологической структуры наречий

и послелогов особенно ярко проявляется в тех случаях, когда в зависимости от контекста одно и то же слово может употребляться и в значении послелога, и в значении наречия, например: Дедитэ нерэны нану" ту"о 'Он пришел к нам впереди твоего отца!'; Десырэ нерэны хезытыты 'Твой отец идет впереди!'.
Указанная близость этих различных грамматических категорий основывается на их общем происхождении. Подобно послелогам наречия выделались из имен в результате закрепления за ними определенных синтаксических функций.

Таким образом, в нганасанском, как и в других самодийских языках, отмечаются три основных грамматических способа выражения пространственных и временных отношений: 1) с помощью наречий; 2) посредством падежного форманта; 3) сочетанием имени с послелогом.

Каждый из этих различных способов выражения пространственных и временных отношений имеет свои отличительные особенности. Значение и употребление послелогов объясняются ярко выраженной спецификой этой группы слов, занимающей особое положение в языке. Выступая в служебной функции, послелоги в отличие от наречий не могут использоваться для выражения членов предложения. В то же время в отличие от падежных формантов, которые относятся целиком к области морфологии, послелоги входят в словарный состав языка и представляют собой словарные единицы.

В качестве итога закономерным представляется вывод об историческом пути развития в нганасанском языке категории послелога от самостоятельного знаменательного слова через постепенное ограничение его лексического значения и усиление формальной стороны к служебному, а при дальнейшей утрате самостоятельности

- и к суффиксальной морфеме.

С О Ю З Ы И С О Ю З Н Ы Е С Л О В А

Союзы и союзные слова как средство обозначения различного рода связей между отдельными полнозначными словами, словосочетаниями и предложениями для нганасанского языка нехарактерны и встречаются в нем крайне редко. Зависит это, очевидно, от особенностей грамматической структуры данного языка, от типичных для него способов выражения синтаксических связей между членами предложения, от свойственных ему типов построения предложений. Так, особые способы подчинительной связи в нганасанском языке

не отмечаются. Сочинительная связь носит преимущественно бессознательный характер и выражается в устной речи при помощи интонации, выполняющей в этих случаях исключительно важную роль.

Примеры употребления: Тāтiнi тәни"иә мыңхи" кунтәгә"а, тәй-риәтәны мериги"әй" 'На оленях ехать туда долго, на самолете быстро'; Нйгә нйгәй" һойбауту, Мәру һонәй" нйгәй" һойбауту 'Нягә работает хорошо, Мәру работает еще лучше'; Сүрүдә дянуртiнi дялы" четуа кә"ликү", тәңдәягүбә коузу нимыңханды" хоҗә" 'Зимой на севере дни очень короткие, зато летом (букв.: летом-то) солнце не заходит'; Мәнә коптуане туйсүзә", тәнә коптуамтә конду"сузәм 'Мои дочери придут, а твою дочь я отвезу (букв.: мои дочери придут, твою дочь отвезу-я)'; Мәнә мындым, тәнә коусузәң 'Я иду, ты останешься'.

Для целей союзной связи служит одинаковое оформление сказуемого разных частей предложения или содержащихся в его структуре однородных членов. Тем самым основная роль отводится морфологическим и интонационным способам, при которых тип связи выявляется в содержании и построении предложения, например:

Химтәки"ә, бәнтiнi хоймәгими"ә 'Свечерело, на улице (букв.: снаружи) стемнело'; Муодитү" хели"миә" маунтә сохобу"түң, кәй-һи"ся тәукәндытә" һуа нйде, сыңә нйде, котузә нйде, һармүзә нйде. 'Ветвей обломки на землю падают, с песней (букв.: напевая) разлетаются на юг, на север, на запад, на восток'¹¹; Нялукәтәтә байка"а дөрәңәләтү, хидиңәләтә 'От радости старик то плачет, то смеется (букв.: плачет, смеется)'; Ниньгәличемә, һахугәличемә дяңку 'Нет у меня ни брата, ни сестры (букв.: старший-даже-брат-мой, старшая-даже-сестра-моя отсутствует)'; Каңкә нинды" сойбуту" һәнә"сану" буомукәличә", тә" чүрагәличә", бану" лога"мыкәличә" 'Уже не слышно ни говора людей, ни хорканья оленей, ни лая собак (букв.: уже не слышны людей говоры-даже, оленей хор-

---

¹¹ Названия сторон света строятся у нганасанов на основании вполне конкретных понятий, отражая их наблюдения за явлениями природы и жизненный уклад: һуа нйде 'на юг (букв.: в сторону двери) - входное отверстие чума обращено на южную сторону), сыңә нйде 'на север (букв.: в сторону против входа)', котузә нйде 'на запад (букв.: в сторону пурги)', һармүзә нйде 'на восток (букв.: в сторону восточного ветра)'. Ср.: муңку" нйде 'на юг (букв.: в сторону леса)', багузә нйде 'на север (букв.: в сторону моря)', нячиниә 'на запад (букв.: вверх)', һилия"а 'на восток (букв.: вниз)'.

канья-даже, собак лай-даже)'; Кэку такэжэ нисэ" нэзу" макэличе", туркугэличе, сэдегэличе 'За туманом не было видно ни чумов, ни озера, ни дороги (букв.: чумы-даже, озеро-даже, дорога-даже)'.

Обогащающее влияние русского языка на нганасанский до последнего времени сказывалось преимущественно в области лексики и не затрагивало основ его грамматического строя. При этом воспринимались знаменательные слова главным образом общественно-политического и бытового характера. Заимствования так называемой периферийной лексики, в том числе служебных слов, в частности союзов, не прослеживается.

Очень мало используются в этом отношении и собственные лексические средства нганасанского языка. В нем нет так называемых "первообразных" союзов. В качестве наиболее распространенного союзного слова выступает послелог нану 'около', употребляемый для выражения совместности. Для характеристики соединительной связи двух лиц или предметов используется наречие нунэ 'еще', например:

Нухунэ нану ту"ом 'Я пришел с моей старшей сестрой'; Нербя"ку дедиты нану горадэда конь"сытэ 'Девочка со своим отцом поедет в город'; Дязэти нюому нунэ тэры"ка тэза"ам 'Я принес вам-двоим зайца и белку (букв.: зайца, еще белку)'; Мэнэ нунэ сыты кандэтэну мынтыми 'Я и он едем на нарте (букв.: я, еще он на нарте едем)'; Тэнэ коза"аң депту нунэ нуңуоде 'Ты убил гуся и утку'.

В приведенных примерах употребление союзного слова нунэ не является обязательным, поскольку характер связи однородных членов ясно следует из содержания предложения. В четвертом предложении оно указывается и формой сказуемого: формант первого лица двойственного числа свидетельствует о совместном действии двух лиц (мынты-ми 'едем-мы-двое').

Содержание этих высказываний без нарушения смысла может быть передано и бессоюзным способом: Дязэти нюому, тэры"ка тэза"ам 'Я принес вам-двоим зайца, белку'; Мэнэ, сыты кандэтэну мынтыми 'Я, он едем на нарте'; Тэнэ коза"аң депту, нуңуоде 'Ты убил гуся, утку'.

Сохранение у слова нунэ и в функции соединительного союза наречного значения не позволяет говорить о существовании здесь слов-омонимов.

В значении союза 'и' выступает иногда и наречие тэптэ 'тоже', например:

Төнэ тэптэ туйкэң дятэнэ мажайся 'Приходи и ты ко мне в гости'; Сиги"а сүармэ үзү"э, мэнэ тэптэ үзү"сутэ 'Великан нашел моего товарища и меня найдет'; Шэнэ тэптэ кэтуптугуйсүзэм 'И я буду пасти'; Сүармэ тэптэ мэнэ мантэнэ баби коза"а 'Товарищ, как и я, убил дикого оленя'.

В противительном употреблении встречается наречие тэти"лай 'только', например:

Някэлэ" кэнтэмэ, тэти"лай нинту" четуа магэ 'Возьми мою нарту, но она не очень крепкая'; Мурыңга" нягэ", тэти"лай үң"-тэндүү бэзуаматума"а 'Хорошая морошка, но еще незрелая'.

В значении противительного союза наблюдается иногда также частица тэ" (ср.: указательное местоимение тэти 'тот', 'та', 'то'; сокращенная форма тэ). Используется она преимущественно в сложных предложениях при сказуемом в сослагательном наклонении, например:

Кундуахуазэм, тэ" козуту тэңгаты 'Спал бы я, да пурга сильная'; Туйхуазэм, тэ" тэне дяңгу" 'Приехал бы, но оленей у меня нет'; Баса"хуазэм, тэ" баби" үң"тэндүү дяңгу" 'Пошел бы я на охоту, но диких оленей еще нет'.

При перечислении в отрицательном значении может использоваться отрицательный вспомогательный глагол нисы, например:

Нинту" сүрү, нинту" соруа, деру"тумэ 'Не то снег, не то дождь, не пойму'; Тэйриэ нинту" кэхы, нинту" үаңуоде, мануна исянэмту деру"тумэ 'Летит (букв.: летящее) не то куропатка, не то утка, что оно из себя представляет, не знаю'.

Происхождение приведенных выше служебных слов еще вполне очевидно: они не только восходят в своем большинстве к наречиям, вспомогательному отрицательному глаголу, но и не утратили с ними связи. Их служебный характер обуславливается назначением использоваться в речи для передачи соединительных, противительных, разделительных отношений между отдельными словами, реке предложениями, т.е. функций, свойственных именно союзам. Однако такое употребление не является для указанных слов основным и носит более или менее случайный характер. Приведенное выше союзное соединение наблюдается в речи представителей молодого поколения, которые лучше владеют русским языком. У людей более старшего возраста такого рода явление почти не встречается.

Отсутствии подчинительной союзной связи между предложениями в ряде случаев восполняется в иганасанском широком употреблении деепричастий, уточняющих условия и время действия. Например:

Няйбыта контудя, т̄ач̄ӯн̄ котудя мазугундя д̄брадя хурси"э"
'Когда отвезли далеко (речь идет о погребении), когда убили оле-
ней, плача, возвратились домой'; К̄айц̄ух̄ӯ"т̄ӯ туйс̄ӯж̄аму" матудя
'Если он будет петь, мы придем к его чуму'; ꞑ̄атаз̄ан̄э̄нтыби"та
ꞑ̄он̄э̄нта кабяча серы", ꞑ̄он̄э̄нта х̄о̄зин̄ӯ" чентыры". Б̄андей чентыры-
би"та мы̄н̄ туйк̄аму" 'Если хочешь шаманить, сам внеси свою шаман-
скую одежду, сам приготовь нам дрова. Когда все приправишь, мы
придем'.

Как нетрудно заключить из всего сказанного, в нганасанском языке прочно сохраняются исконные синтаксические средства выражения синтаксической связи. В этом отношении сколько-нибудь существенных изменений в нем со времен Ш.А.Кастрена не произошло. Весьма вероятно, что при наличии у нганасанов письменности, союзы и союзные слова получили бы в их языке несколько большее развитие, как это отмечается, например, в языке ненцев. Законы письменной речи нередко вызывают известное усложнение приемов, являющихся достаточными при устном общении.¹² В существующих же условиях на материале нганасанского языка отчетливо прослеживается общая закономерность развития данной группы служебных слов: „Образование союзов теснейшими узлами связано со структурой предложения. В тех языках, в которых слабо развита или вообще отсутствует конструкция сложноподчиненного предложения и в которых связь между однородными членами предложения выражается расстановкой слов, союзы получили весьма слабую почву для своего применения. Появление их и развитие зависят не от лексической стороны языка, а от синтаксической”.¹³

По существу на эту же особенность языкового строя обратил внимание еще А.М.Пешковский: „Чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот, чем сильнее интонационное выраже-

---

¹² См.: Терещенко Н.М. Союзы и союзные слова. — В кн.: Материалы и исследования по языку ненцев, М.—Л., 1956, с.131—181.

¹³ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи, с.315.

ние, тем слабее может быть грамматическое (тоже вплоть до полного исчезновения)".¹⁴

Ч А С Т И Ц Ы

Сообщая отдельным словам, словосочетаниям и предложениям дополнительные оттенки значения, частицы служат в первую очередь для выражения модальности. Как и другие служебные слова, частицы не могут выполнять роль самостоятельных членов предложения, но в отличие от послелогов и союзов они выражают не отношения между словами, а характеризуют субъективную оценку высказываемому со стороны говорящего.

Категория модальности является одной из основных языковых категорий, но средства ее выражения различны и зависят от особенностей строя того или другого языка.

Характеризуя категорию вводных (или модальных) слов, И.И. Мещанинов указывал: „Это - те слова, которые в известной своей части выступают в вводных членах предложения и потому не входят в синтаксические отношения с отдельными словами предложения, а относятся ко всему высказыванию целиком".¹⁵

Как и в других самодийских языках, отношение содержания речи к действительности характеризуется в иганасанском языке прежде всего грамматическими формами наклонения (изъявительного, повелительного, побудительного, желательного, предположительного и др.). Посредством личных форм глагольного сказуемого речи сообщаются различные оттенки: желательность, повелительность, побудительность, долженствование, обозначается реальность и нереальность действия, возможность или невозможность его совершения.¹⁶ Каждое из наклонений обозначает различную степень достоверности, воспринимаемую со стороны говорящего.

---

¹⁴ П е ш к о в с к и й А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. 1930, с.98.

¹⁵ М е щ а н и н о в И.И. Члены предложения и части речи, с.286.

¹⁶ Рассмотрение категории наклонения в качестве одного из способов выражения модальных значений характерно, например, для О.Есперсена (Е с п е р с е н О. Философия грамматики. М., 1958, с.363).

Однако только этим путем невозможно передать все многообразие модальных отношений и их оттенков. Для передачи отношения говорящего к содержанию высказывания используется широко разветвленная система частиц. При этом различаются самостоятельные частицы, выраженные отдельными словами (частицы-слова), и суффиксальные частицы, слитые с тем знаменательным словом, к которому они относятся (частицы-суффиксы).

Самостоятельные частицы, не входя непосредственно в синтаксическую структуру предложения, как бы дополняют и расширяют основное содержание мысли, сообщают ему новые подробности. морфологическими признаками частиц-слов являются их неизменяемость и цельнооформленность. В своем большинстве частицы выражают грамматические значения слов, относящихся к разным частям речи.

По значению частицы-слова иганасанского языка подразделяются на несколько разрядов. Наиболее употребительны из них модальные частицы, с помощью которых обозначается различная степень достоверности высказывания. Так, при помощи частицы *нэнді"эй* предложению сообщается оттенок предположительности, например:

Әмә тәһәдә бика бәрәтәну нэнді"эй нилы"сызәң 'Этим летом будешь жить, по-видимому, на берегу реки'; *Нинурә нэнді"эй тубитизитәдиәдә* 'Твой старший брат, наверное, с ружьем был'; *Әмә даялы нэнді"эй нукәгәй колың кәми"әру* 'Сегодня вы, по-видимому, много рыбы поймали'; *Нэнді"эй мың нокуну муңку"дя коны"дя коны"сытәмы* 'Наверное, мы скоро в лес поедем'.

Несколько больший оттенок предположительности придается посредством частицы *минтәгәны*, например:

Минтәгәны маза"дя би"эйзә 'Может быть, он уехал в гости'; *Минтәгәны сыты тәтә әку* 'Может быть, он тот'; *Минтәгәны сытың суо"сызә* 'Может быть, они перекочуют'; *Десымә минтәгәны корузу"дя бӯ"сүзү" әку* 'Мой отец, может быть, поедет в поселок'.

Возможность осуществления какого-либо действия подчеркивается частицей *мынту* в сочетании с условно-деепричастной формой основного глагола, например:

Дяльдя туйхү"тә мынту 'Днем тебе прийти можно'; *Тымыня тәни"иа бӯбӯ"нә мынту* 'Теперь мне туда пойти можно'; *Әмны сыты бараләбӯ"тә мынту* 'Здесь тебе его подождать можно'.

Предположительность действия с оттенком большей уверенности выражается и частицей *әку* в сочетании с личной формой глагола, например:

Сүрүөзү кунтага"а исүзэ эку 'Зима, наверное, будет долгая'; Мнадысы хезытысызэм эку 'Возможно, пойду пешком'; Така тунды дйза"аре эку 'Вот ту лисицу ты застрелил, может'.

К глаголу няндыты 'быть похожим' восходит частица няндыты 'кажется',¹⁷ например:

Тэтэ, ниптүкэйни, бэна"аң няндыты 'Ладно, отдохнем, ты устал, кажется'; Маэайчү ченытыэмэ няндыты 'Гостя знаю, кажется'; Эмты хба мага няндыты 'Это дерево крепкое, кажется'.

Помимо модальных в иганасанском языке выделяются утвердительные и отрицательные частицы-слова, например:

Частица ы"н используется для усиления утвердительного смысла высказывания: Ы"н, тэнини нилы"сызэм бэндэ тэңэ 'Да, я буду там жить все лето'; Ы"н, тэни"ма мунунтэңдуну 'Да, так ты должен сказать'; Ы"н, күзэхү" баса"сузэм 'Да, завтра буду охотиться'.

Для выражения согласия, допущения употребляется частица тэ (тэтэ): Тэ, туйкэңу сиэи дэлы бэухү" 'Ладно, приходи через два дня (букв.: по прошествии двух дней)'; Тэтэ, някэлэ" эмты куху 'Ладно, возьми эту шкуру'; Тэ, бүэиңу куниэ хучиэтэ мэунтэ 'Ладно, уезжай, куда хочешь (в желаемое-твое место-твое)'

Частица дяңку 'нет' употребляется в отрицательном значении. При ее помощи усиливается отрицание, заключенное в отрицательных формах глагола: Дяңку, үөнэй" нинты ту" 'Нет, он больше не пришел'; Дяңку, ниндым кундуа" 'Нет, не сплю-я'; Дяңку, нинтырэ дйзу" 'Нет, ты не застрелил'; Дяңку, туйсытэмэ ни" барэ" 'Нет, не жди моего приезда'.

Для подчеркивания несогласия продолжать какое-либо действие или разговор употребляется частица бэлта¹⁸: Бэлта, үөмурса сязы"эм 'Все, я кончил есть'; Бэлта, хозэтэса сязы"эңу 'Все, ты кончил учиться'.

Это же слово может выступать в ограничительном значении: Бэлта хозэтэңдуну, бэлта туоптугуйчүңу 'Ты только пишешь, только читаешь'; Магэличе деру"са бэлта сиэдэрымтэ сани"мумбатуңу 'Ни-

---

¹⁷ См. в самостоятельном употреблении: Тэтирэ ниннэ тэ няндыты 'Он (букв.: тот-твой) похож на оленя моего брата'; Нүөмэ имидимти няндыты 'Мой ребенок похож на свою бабушку'.

¹⁸ Слово бэлта служит обычной концовкой повествования. Им часто заканчиваются произведения устного народного творчества. Например: Тэсиэзэ бэндэ" нягэй" нилыли"э" ну"ойчену. Бэлта. 'Теперь все хорошо зажили вместе. Конец'.

чего не зная, ты только зря болтаешь (букв.: языком-только играешь)'.

Частица бәнсә (множественное число бәнде") имеет значение 'сплошь', 'исключительно'. Она передает полный охват какого-либо предмета или признака, когда для другого предмета или признака не остается места: Тундяде" бәнде" дерәму" исҗо" 'Приехавшие сплошь незнакомые были'; Әмн" мазу" тәй бәндей деру" тәне 'Не знаю всех оленей этих чумов'; Сарутундә бәнсә маузу не тыбы"а 'Во время дождя вся земля мокрая'.

Частица бәнсә связана с определительным местоимением бәнсә 'весь' (множественное число бәнде" 'все') и с соответствующим качественным наречием.

Довольно многообразно представлены в нганасанском языке суффиксальные частицы. Эти служебные компоненты языка приобретают известную значимость, лишь присоединяясь к оформленному слову. Как правило, частицы-суффиксы сочетаются с грамматическими формами всех частей речи. В предложении они прибавляются к тем словам, с которыми наиболее тесно связаны в смысловом отношении. Суффиксальные частицы вставляются между основой слова и словоизменительным формантом, образуя с ним единое лексическое целое и сообщая ему различные дополнительные значения: усилительное, утвердительное, ограничительное, уподобительное, выделительное и др. Некоторые частицы-суффиксы служат для выражения модальных отношений: возможность совершения какого-либо действия, неожиданность его и др. В качестве примера наиболее распространенных суффиксальных частиц можно привести следующие:

Частица -гәличе/-кәличе сообщает слову усилительное значение, реже она же приобретает характер уступительности, например:

Әмә маунтәну тәмуңкукәличе" нинды" нилы" 'В этом месте не живут даже мыши'; Нагүркәличе сәтәрә биңимә нинты козу" 'Даже трех песцов мой зять не добыл'; Мәнә димтәгәличемә дяңку 'У меня лука даже нет'; Мыңкәличенә ни" козу" 'Меня хоть не убей'; Тәнә-тә" нисы һәмдугәличе" 'Тебя-то не едят даже'; Байка"а нинты һәмуңантугәличе" 'Старик даже есть не хочет'.

Частица -гүмү/-күмү служит для передачи утвердительного значения: Мыңгү"мүнә хотүрә төзә"ам 'И-ведь принес письмо'; Мыңгү"мүни" сөрүсә нилыгумы" 'Давайте жить дружно (букв.: мы-многие-ведь дружно жить-давайте-мы-многие)'; Макүмү, нинту" хирәмы 'Чум-ведь, не сопка'; Бигаикүмү бытумы"ә тантәгә 'Река-ведь разлилась широко'; Әмти тәгүмү тәнә тәрә тә" 'Ведь этот олень - твой олень'.

Приблизительно в том же значении употребляется суффиксальная частица -тә",¹⁹ например:

Матә-тә" ту"ому" 'В чум ведь мы приехали!; Иерәнны" бигай-тә", нинту бика"кү 'Впереди нас река ведь, не речка!; Кола-нукәгә"-тә", мәди нүмнүнсуңуң? 'Рыбы у тебя много ведь, почему скупишься?'; Сүрү-тә" нокуну соху"ки"ә 'Снег ведь скоро сойдет!; Такә хирамы хирәгә-тә" 'Вон та сопка высокая ведь!; Тәтi сатәрә исүб-тә" 'Это песец был ведь!; Сорули"ә-тә" 'Дождь начался ведь!; Мың мәуму" кунтәга"а-тә" 'Наша земля далеко ведь!; Әрәкәрәману хозәтәйдуң-тә" 'Красиво пишешь ведь!.

Суффиксальная частица -ра/-ла (с ее фонетическими вариантами) характеризует ограниченность какого-либо предмета, качества, действия, почему и переводится на русский язык с помощью слов 'только!', 'лишь!',²⁰ например:

Мың мәунтануну" туркура", бигайля" 'В нашей местности только озера, только реки!; Биәрәа сойбуту, коңхура" хоси"тыры" мәрудя 'Только ветер шумит, только волны ударятся о берег!; Сундайчүнде дяңуртәну кула"ара" лаңүрү" 'В осенней тундре только вороны кричат!; Иылианә, тылиатә эмә ченантыми 'Я только, ты только это знаем!; Ситiриә тунды басутуо коза"а 'Двух только лисиц охотник добыл!; Динтәрыатәну контәйне баби" 'Только луком убитые дикие олени!.

В целях подчеркивания какого-либо предмета, качества, действия и пр. употребляется суффиксальная частица -гүо/-күо, например:

---

¹⁹ Суффиксальная частица -тә" занимает срединное положение между частицей-словом и частицей-суффиксом: она не представляет собой обособленной лексической единицы, но и не слилась еще окончательно с тем словом, к которому относится, почему и обозначается через дефис.

²⁰ Ограничительная форма используется и для образного описания, например: была мәу 'совсем мокрая земля (букв.: вода-только земля)!; сеймыры колы 'мелкая рыба (букв.: глаза-только рыба)', ср.: в ненецком сэври 'сельдь (букв.: глаза-только)!'. См. также в прямом употреблении: Тәнә четуа мәчү"оң - хорәтә-нунтә сеймыры" нәнә нүңкәра 'Ты очень похудел, на лице - только глаза, только нос!.

Хирэгэгүб хирэгэ, никазы танэ"лику 'Высокий-то он высокий, а силы у него немного'; Эмты сатэрэкүб үэнді"эй анидя"а сорт исүзэ 'Этот псец-то, наверное, будет высокого сорта'; Мунугүбдя мунунту 'Сказать-то он сказал'; Туйкүбдя ту"о, тэ м̄а торугу тэйңу? 'Прийти-то он пришел, да что от него пользы?'; Кунтэга"агүб кунтэга"а 'Далеко-то далеко'.

Иная по морфологическому составу суффиксальная частица употребляется в том же значении с личными местоимениями, например:

Сысиэты нйгэ, тынсиэтэ бахяң 'Он-то хороший, ты-то плохой'; Минсиэвэ конь"сызэм, тынсиэтэ коусузэң 'Я-то пойду, а ты-то останешься'; Минсиэны" тэндэ ниде ченнытмы" 'Мы-то об этом знаем'.

Имеется еще один способ усиления значения - при помощи частицы эхы: Тың эхы м̄адя тымйичиңыры? 'Вы-то почему молчите?'; Сытың эхы кумунсузэ"? 'Они-то что скажут?'

Как указывалось, суффиксальные частицы выполняют и выделительную функцию: при их помощи из двух или нескольких лиц или предметов выделяется по каким-либо признакам одно лицо или один предмет, например:

Ниньптэдүм каңкэ дөтүрү басудя 'Старший из двоих уже на охоту ходит'; Ниньптэзың нйгэ кэтуптуси исүзэ 'Старший из многих хорошим пастухом будет'; Нямядүм турку кадя коу"о 'Один из двух (букв.: другой-из-двух) около озера остался'; Нү"ойчүң дяңуру"дя би"эйзэ 'Один из многих в тундру пошел'.

При помощи суффиксальной частицы -хуазу характеризуется некоторая неожиданность действия, например:

Тэрэди ихуазуң 'Ты такой оказывается'; Коля аукумэ үәмхуазуту 'Рыбу мой ручной олень съел оказывается'; Эмны кундуахуатуру" 'Здесь спите оказывается'; Тэптэ туйхуазуң 'Ты тоже пришел оказывается'; Такэ куодүму туйсүоде ихуазу 'Тот мужчина приезжий оказывается'; Мазуну" кунтэга"а" ихуазу" 'Наши чумы далеко оказывается'.

Частица -хуазу присоединяется к основе глагола перед формантами лица и числа.

В системе языка частицы играют немаловажную роль и потому неслучайно относятся к числу существенных средств языкового общения.

В иганасанском языке некоторые слова, выступающие в значении частиц, в ином контексте могут выражать самостоятельное значение и употребляться в качестве полновесных лексических единиц. Например, слово бэлта обозначает 'только' и употребляется

обычно в качестве концовки повествования, в особенности фольклорных произведений, означая завершение сюжетной линии. Слово бэ́нсэ является одним из определительных местоимений и в этом использовании изменяется по числам (единственное число бэ́нсэ, двойственное число бэ́нсэгэй, множественное число бэ́нде") и по падежам. Слово дя́нку представляет собой форму третьего лица единственного числа неопределенного времени отрицательного глагола дя́нгуя 'не иметься', 'отсутствовать'. В значении усиленной частицы-слова встречается наречие цо́нэй" (цонэ) 'еще', 'опять': Цо́нэ гэнэ гэ́нини ису́зэц 'И ты там будешь'; Цо́нэ мэ́нэ эмэ маунта́ну ниль"сы́зэм 'И я буду жить в этом месте'.²¹ Частица мы́нту, выражающая возможность совершения какого-либо действия, связана по происхождению с качественным наречием мы́нту 'как раз' и т.д.

В то же время ряд других частиц употребляется только в служебной функции, и связь со знаменательными словами, послужившими для их возникновения, в современном языке утрачена. Представляется вероятным, что развитие служебных слов, в частности частиц, идет именно в этом направлении. Особенно наглядно утрата связи с знаменательными словами прослеживается на значительном числе суффиксальных частиц. Характерно в этом отношении использование частицы гэ", занимающей как бы переходное положение от самостоятельных частиц (частиц-слов) к суффиксальным.

Таким образом, как и другие служебные слова, частицы могут сохранять, но могут и не сохранять признаки происхождения от знаменательных слов. Субъективное восприятие в этом отношении различно: „Многие частицы в той или иной мере приближаются к полновесным словам, и их отнесение к числу частиц может оспариваться (как может оспариваться и их отнесение к числу полновесных слов)".²²

В соответствии с определенным порядком следования морфем в слове суффиксальные частицы предшествуют числовым, падежным, личным, лично-притяжательным и другим формантам. В этом сказывается, по-видимому, связь суффиксальных частиц со словообразо-

---

²¹ Ср. употребление слова цонэ в значении соединительного союза.

²² Б у б р и х Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949, с.194.

вательными формантами. В ряде случаев трудно провести более или менее четкую грань между этими элементами слов, по своему значению и употреблению довольно близко стоящими друг к другу.

Исключение и в этом отношении составляет частица -та", занимающая всегда последнее место в ряду морфем (см. приведенные выше примеры).

Детальное изучение рассматриваемой группы слов на нганасанском языковом материале представляет, с нашей точки зрения, известный интерес, поскольку в способах выражения приблизительно одинаковых значений прослеживается ряд довольно существенных отличий между нганасанским и другими языками.

При описании морфологии малоизученного языка весьма существенным представляется охват всех его грамматических классов. Вполне естественно, что в разные периоды изучения глубина и широта такого охвата неизбежно являются различными. Дальнейшее исследование всегда предполагает уточнение и расширение высказанных ранее положений и выводов, вплоть до частичного пересмотра принятой в свое время классификации, не говоря уже об отнесении к тому или иному классу обнаруженных в результате анализа форм, о более полном и точном выявлении их значения. Не только на самых ранних, но и на последующих этапах приходится ставить вопросы, окончательное решение которых не гарантируется должным образом состоянием изученности языка в данный момент. Автор выражает надежду, что его труд послужит для дальнейшего углубленного изучения, в результате которого станет возможным выяснение ряда оставшихся еще не вполне ясными положений. Если изложенные им наблюдения будут способствовать более полному и всестороннему изучению описываемого языка, он будет считать цель своей работы достигнутой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Введение</u>		3
	Численность и расселение нганасанов	3
	О названиях и самоназваниях нганасанов	3
	О происхождении нганасанов и других самодийских народов	4
	Из истории изучения нганасанского языка	11
	Место нганасанского среди других самодийских языков	14
<u>Фонетика</u>		26
	Состав гласных фонем	27
	Монофтонги	27
	Дифтонги	30
	Состав согласных фонем	32
	Шумные согласные	33
	Сонанты	37
	Фонетическая структура слова и слога	39
	Ударение	41
	Чередования звуков	42
	Изменения звуков в составе слова	47
<u>Морфология</u>		50
	О морфологической структуре слова	50
	О частях речи	52
	Имя существительное	57
	Общие сведения	57
	Имена собственные и нарицательные	57
	О типах и классах основ	60
	Словоизменение существительных	62
	Категория числа	62
	Единственное число	64
	Множественное число	65
	Двойственное число	67
	Категория падежа	69
	Основное (беспритяжательное) склонение	71
	Значения падежей	73
	Именительный падеж	73
	Родительный падеж	76
	Винительный падеж	80
	Дательно-направительный падеж	82

Местно-творительный падеж	87
Отложительный падеж	89
Продольный падеж	91
Конструкция падежного характера назначительно- превратительного значения	93
Категория личной принадлежности (посессивность)	94
Категория личного предназначения (дезидератив)	102
Словообразование существительных	107
Имя прилагательное	116
Общие сведения	116
Качественные имена прилагательные	117
Непроизводные формы	117
Производные формы	118
Синтаксические формы прилагательного	121
Формы усиления и ослабления качества	124
Конструкции со значением сравнения	132
Относительные прилагательные	133
Выражение признака по принадлежности	147
Имя числительное	148
Общие сведения	148
Количественные числительные	149
Порядковые числительные	157
Местоимение	160
Общие сведения	160
Личные местоимения	161
Лично-определятельные местоимения	168
Определятельные, указательные, вопросительные, неопределенные, отрицательные местоимения	169
Предикативные формы имен	175
Глагол	176
Общие сведения	176
Категория наклонения	181
Изъявительное наклонение	182
Категории лица и числа	183
Субъектное спряжение	185
Субъектно-объектное спряжение	189
Субъектно-безобъектное спряжение	193
Категория времени	196
Неопределенное время	198
Прошедшее время	200
Будущее время	201
Вопросительное наклонение	210

Повелительное наклонение	212
Побудительное наклонение	216
Сослагательное наклонение	217
Желательное наклонение	218
Форма неочевидного действия	219
Форма аудитива	220
Переходные и непереходные глаголы	222
К вопросу о залоге	230
Формы видовой направленности	235
Форма несовершенности действия	238
Форма длительного действия	240
Форма обычного действия	241
Форма множественного или многократного дейст- вия	242
Форма начинательного действия	243
Форма становления действия	245
Форма неполного действия	247
Словообразование глагола	248
Отыменные глаголы	248
Глаголы обладания	257
Глаголы необладания	258
Отрицательные формы спряжения	259
Причастие	262
Общие сведения	262
Причастие с суффиксом -туо/-чүо	266
Причастие с суффиксом -де	268
Причастие с суффиксом -сутә	269
Причастие с суффиксом -мәтума"а	270
Причастие с суффиксом -мә	270
Супин	272
Деепричастие	273
Общие сведения	273
Форма с суффиксом -са/-дя	274
Форма с суффиксом -бү/-хү"	277
Наречие	280
Общие сведения	280
Наречия места	282
Наречия времени	286
Качественные наречия	289
Наречия степени	291
Наречия вопросительные, отрицательные, усиитель- ные, неопределенные	292

Междометия	294
Служебные слова	296
Общие сведения	296
Послелогн	297
Союзы и союзные слова	306
Частицы	311

Наталья Митрофановна Терещенко
НГАНАСАНСКИЙ ЯЗЫК

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства И.В.Кормушин
Художник В.П.Сысалов
Технический редактор Н.Ф.Виноградова
Корректоры Р.Г.Гершинская, А.И.Кац, Г.А.Мошкина и
Г.В.Семерикова

ИБ № 8400

Подписано к печати 26.02.79. М-05634. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Печ.л. 20 1/4 = 20.25
усл.печ.л. Уч.-изд.л. 19.21. Тираж 750. Изд. № 6832. Тип.зак.73.
№ 73. Цена 3 р. 20 к.

Издательство „Наука“, Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства „Наука“
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12